Алексей Ремизов

КУКХА

РОЗАНОВЫ ПИСЬМА

Алексей Михайлович Ремизов.
1922.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

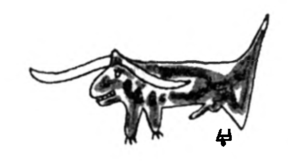
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Алексей Ремизов

КУКХА

РОЗАНОВЫ ПИСЬМА

Издание подготовила
Е. Р. ОБАТНИНА

Санкт-Петербург
«Наука»
2011

УДК 82
ББК 83.3 (2 Рос=Рус)6
Р31

Серия основана академиком С. И. Вавиловым

Ответственный редактор

А. В. ЛАВРОВ

ISBN 978-5-02-038255-8

В. В. Розанову

Это я вам, Василий Васильевич, эту Кукху —

Все, что возможно пока, записал лунной крещенской ночью. А «Завитушку» потом — ее здесь уж на Lessingstrasse. (Где-нибудь, верно, сам Лессинг жил неподалеку — вот места-то какие!)

Есть у меня две карикатуры на вас: одна из «Сатирикона», другая из газеты какой-то. Я бы приложил их сюда, да не знаю уж: нехорошо, говорят.

А по мне: ведь лучший портрет тот, где карикатурно, а значит, не безразлично.

В одном японском журнале поместили карикатуру на меня вместо портрета и без всякой оговорки. И ничего получилось: чудно, а все-таки живой, не то что в паспорте фотографическая карточка (Lichtbild — по-немецки).

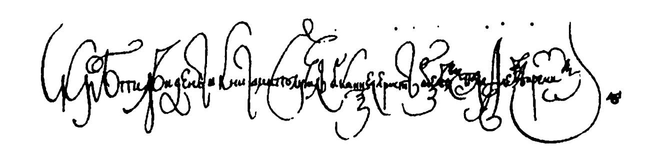
У меня, Василий Васильевич, желтый паспорт! — за «Табак» мне, должно быть, такое.

Судьба-то, как ни прячься, а настигнет.

Ну, прощайте!

Помяните когда там, в надзвездье-то, Алексея и Серафиму: жить очень трудно нам на любимой-то земле — и придумать не знаю что и не сообразишься; одна надежда — чудесным образом.

8. 6. 23.
Берлин.

Читатель, не посетуй, что, взявшись представить Розанова через его письма к нам, рассказываю и о себе, о нашем житье-бытье.

Иначе не могу: нельзя говорить о птице, не поминая леса и поля, и о рыбе, не говоря о море, речке или пруде.

Человек измеряется в высоту и ширину. А есть и еще мера — рост боковой. Об этом часто. Но без этого Розанов — не Розанов.

О Розанове все можно говорить —

> «он уж не знает страха смутиться перед людьми».

И надо: Розанов один — сам по себе — на своей воле.

Хочется мне сохранить память о нем. А наша память житейская, семейная, — нет в ней ни философии, ни психологии, ни точных математических наук.

Время действия: 1905—1911 г. И, как заключение, 1917 г. От революции до революции.

Пятилетие — 1912—1916 — очень важное для Розанова: болезнь Варвары Димитриевны. В эти годы я почти перестал выходить на люди, и видались мы редко, но дружба наша сохранилась до последнего дня.

КОЛОНИЯ

В январе 1905 г. с нас было снято запрещение Москвы и Петербурга и в феврале мы переехали из Киева в Петербург.

Прямо на место в редакцию «Вопросов Жизни» в Саперный переулок: я — заведовать хозяйством.

Нам дали две комнаты в редакции с освещением и отоплением и 40 руб. жалования.

В редакции, кроме нас, поселились Чулковы — Георгий Иванович и Надежда Григорьевна. Г. И. Чулков — секретарь редакции.

Хозяин наш, издатель «В. Ж.», — Д. Е. Жуковский, замечательный человек, философ, микробиолог, обуянный двумя страстями: купить имение и жениться, впоследствии и женившийся на поэтессе А. К. Герцык.

Год 1905 я ничего не писал, отдавшись своему званию завхоза или домового, как тогда это называлось.

Чай подавался самый китайский, самый душистый и сколько хочешь, и гонорар писателям,

как и по типографским счетам, выплачивался моментально в день выхода книги, и лист был не теперешний мародёрский — сорокатысячный! — а в 30 000 букв, и корректура посылалась аккуратно и точно, как в немецких издательствах, в двух экземплярах с оригиналом, и барышни — конторщицы не жаловались, и типографщик А. П. Монтвид и брошюровщик Н. К. Константинов были довольны, и мальчики — Матвей и Тимофей, по-современному курьеры, бегали по редакции и в лавочку, как на коньках, и было легко и весело.

Пострадал И. А. Давыдов, автор «Так что же такое, черт возьми, экономический материализм?» — в его рецензии на книгу Рожкова везде было напечатано не Рожков, а Розиков.

Почему-то подумали, что это я тут что-то.

А ей-Богу ж, в рукописи «Ж» показалось наборщикам за «ЗИ».

Г. Н. Штильман, писавший «внутреннее обозрение», благороднейший человек, заступался за меня. Да и И. А. Давыдов, по Вологодской нашей памяти, скоро пересердился.

Всякий день с 8 часов утра и до позднего вечера ходил я по хозяйству в счетах, расчетах и разговорах, да и так, где меня совсем не требовалось, с писателями, которые ждали Чулкова по делам редакции.

* * *

В первый весенний день, когда с моря дыхнуло теплом и по всему Петербургу закапало с крыш, в час, когда расходиться, я вышел зачем-то на чулковскую половину в редакцию и вдруг услышал необыкновенное оживление в прихожей: кто-то, целая ватага вломилась — ряженые? — или что-нибудь диковинное?

И сразу же смех и голоса.

Я выскочил посмотреть.

Час был сумеречный, но электричество еще не зажигали, и я разобрал только:

в крылатке (конечно не в крылатке!),
с проседью рыжий, очки, а нос,
как картофель.

А вокруг — и откуда набралось? — все, кто был в редакции, и конторщицы и совсем случайные, зашедшие по делу.

Он что-то говорил быстро и руками трогал.

И все смеялись.

— Розанов! да это ж Розанов Василий Васильевич! И я подошел и совсем так, ничего над собой такого не выделывая.

— Ро́зинов — Ро́зинов! — знакомился В. В.

И продолжал разговаривать с необыкновенным сочувствием, спрашивал о самых таких вещах личных. И видно было и чувствовалось, как

принимал к сердцу — совсем не безразлично, совсем не для слова.

— Ро́зинов — Ро́зинов! — знакомился В. В., выговаривая Рози, не Роза, в противовес семинарскому крепкому Розанов.

И сейчас же с незнакомым начинал самое, как в долголетнее знакомство, о самом, о чем обыкновенно считается просто неприличным спрашивать.

Я это и потом заметил, что Розанов подходит прямо к человеку — к тебе, прямо смотрит на тебя, и никогда не замечая глаз, а только или грудь, или «нижний этаж», или руку, принимает в тебе всего тебя до — — канатика.

И это страшно располагало отвечать также прямо и доверчиво безо всяких, это отбрасывало всякие перегородки, всякие условности, изобретенные людьми злыми или очутившимися в злом подозрительном мире.

Розанову было до тебя дело.

А ведь это такое — ведь, никому ни до кого нет дела!

О Розанове разнеслось по дому.

И сейчас же появился Н. А. Бердяев — Бердяевы жили под редакцией.

А тут подъехал с Мытнинской набережной и сам Д. Е. Жуковский.

Впрочем, «сам» испокон веков у петербургских швейцаров считался П. Е. Щеголев, куда бы он ни заходил по делу или для развлечения.

В «В. Ж.» лежали на складе Розановское «О понимании» и «Семейный вопрос».

О них и зашел Розанов наведаться.

И с этого дня редкое воскресенье, чтобы не были мы у Розановых на Шпалерной, и не было недели, чтобы не заходил Розанов к нам в «Колонию».

* * *

Многоуважаемая
Серафима Павловна!

Посылаю Вам письмо к Петерсу; простите, что опоздал, знаю, но страшно был занят. Поклон всей Вашей колонии и всю ее жду в воскресенье. Поклон и от жены.

Ваш В. Розанов.

Прием у него ежедневно от 1—2 часов, кроме среды и воскресенья; следовательно нужно просить или в эти часы, или (я думаю) утром до 9-ти часов; в 9 он уезжает. Я написал ему подробно о Вас и лучше всего Вы с моим письмом пошлите ему свою визитную карточку: он выйдет и назначит час, когда приедет.

1905.

МЕДАЛЬОН

Многоуважаемая
Серафима Павловна!

К сожалению, у меня нет просимых Вами книг, а где достать их — я тоже не знаю.

Ваш искренно В. Розанов.

1905.

* * *

Жизнь человека красна не одним только пьянством.

Но это не всякий дурак понимает.

В Германии есть старый обычай на Рождество дарить книги. И нет тут дома, где бы не было книги. Правда, «хозяйки» держат их в шкапу в коридоре.

У В. В. Розанова было много книг и хорошие книги.

И старые редкие издания.

И первопечатные (инкунабулы) в белых свиных переплетах.

И любил он рассказывать, как эти все драгоценности к нему попали —

еще тогда в Москве на Сухаревке покупались на последние.

Книга и Розанов —

заушники его очков зацепились за корешки, корешки приросли к полкам.

В воскресенье какой-нибудь гость дотошный, смотришь, уж ходит по стенкам — стирает носом пыль с полок.

Старых книг заветных В. В. не давал, а новые брали — их было всегда много, неразрезанные. В. В. этих книг не читал. Но всегда внимательно слушал, если рассказывали. И даже писал: как-то, наслушавшись об Арцыбашевском Санине, в статье «семейной» упомянул о новом писателе Санине, написавшем роман «В лугах».

* * *

Был у нас В. В. в «Колонии».

Народу всегда много бывало.

А когда народ, ни с кем не успеешь толком слова сказать: все слито и цепко, гул и всегда роняют. Уж перед самой дверью В. В. подошел к С. П. И вдруг увидел у нее старинный медальон.

— Что это у вас в медальоне?

С. П. отвела его в сторону.

— голова львова, сера, космата, с огненной пастью в поле блакитном.

И раскрыла золотые хрупкие створки:

там карточка и волосы.

В. В. смотрел близко — такой у него был вид в ту минуту, как будто старинные монеты и Египет перед ним вдруг.

И с тех пор: придет, бывало, в редакцию и к нам в комнату нашу непременно заглянет без всех.

И с тех пор давал С. П. все книги, и заветные.

— Когда вы мне показали медальон, так я вас сразу полюбил. Какое доверие: отвела в сторону и показала!

И это он не раз поминал и потом.

НА БЛОКНОТЕ

1905.

18. 9. узнаем вдруг, что наш дом стоит на кладбище. Вышли посмотреть; а у самой двери могила вырыта. Мы бежать: кресты — памятники — кресты. И опять в дом вернулись. Заглянули в окно — а напротив огромный крест кипарисовый.

19. 9. чуть брезжит. Лягушка квакает. Из соседней комнаты? Откудова?

ква-ква — —

20. 9. едем лесом. Вязко. Мой возок провалился в трясину. И я по шейку в воде. Карабкаюсь.

21. 9. «33 белых попа», — такое есть общество. Собираются иногда в редакции. И вот во время собрания батюшка один вышел в коридор. Просит: «покажите географию!» Я его до уборной проводил и, когда он щелкнул, тут и я его тихонечко защелкнул.

И колотился ли несчастный, я не слыхал, да и никто не слышал. И только под утро и то случайно — «по расстройству» — освободил его Г. И. Чулков. Это случилось как раз под 1 апреля. Я рассказал А. В. Карташеву и Вяч. Иванову. Я не называл имени, просто сказал: «батюшку какого-то», а через неделю слышу уж рассказывают о священнике Иване Павлиновиче, запертом в уборной на ночь.

И вот только сегодня, через шесть месяцев, раскрыта, наконец, моя мистификация о этом мифическом Иване Павлиновиче, которого я, конечно, никуда не запирал.

Среды у Вяч. Иванова.

Из новых: М. О. Гершензон и Эрн. Гершензон, оказывается, пишет стихи! А Эрн какой-то весь просвечивающийся и очень белокож. Про П. Е. Щеголева я сказал какой-то незнакомой даме, что это и есть знаменитый Демчинский: предсказывает погоду. А П. Е., как известно, все, что хотите: и плавать умеет и на велосипеде учился, а насчет погоды нет, не может, но та-то, уверовала! Наблюдал за их разговором.

Были еще Мережковские: они только что из Константинопольского путешествия. Но турецкого в них ничего не заметно, как в Зинаиде Николаевне, равно и в

Дмитрии Сергеевиче. З. Н. мне дала письмо В. В. Розанова: прошлое воскресенье они были у нас, и З. Н. подарила мне красную феску, расшитую золотом, очень красивая, только маловата, а В. В. обиделся, почему она не ему?

* * *

Любезная, дорогая или
как хотите Зина!

Я с таким удовольствием читал «Тварь» и даже вот-вот готов был написать длинный комментарий! а Вы привезли феску не на ту голову. Голова эта — путаная, с психологией маленькой мыши на большом сыре, которая боится быть пойманною: а перед Вами был «добрый старый турок, чтущий Аллаха», и зачитывающийся восточной и западной (в стихах) Шехерезадою.

Поблагодарите Митю за милые-милые три письма. Я пред ним очень виноват.

В. Розанов.

* * *

22. 9. Был В. В. Розанов.

Рассказывал: когда он первый раз это сделал — ему было 12 лет, гимназистом, а

ей, хозяйке, за 40 — так на другой день с утра он песни пел.

— Сижу и пою.

А так В. В. никогда не поет и никакого голосу.

Для памяти:

1) учитель Полетаев с видением соблазняющих его собак (расск. В. В.);

2) видение в психиатр. больнице: полна палата коров — коровы лежат на койках, задрав хвосты (расск. А. П. Зонова);

3) лавка Комарова и доктор Доминик Доминикович Кучковский (из воспоминаний В. В.);

4) между исповедью и причастием пал со скотиною! А это из Исповедальника (Чин исповедания), где есть и о падении с мравием, и о проч. из монастырской практики.

23. 9. Куплено: зеленый диван у А. С. Волжского за 10 рублей в рассрочку. Диван с просидкой.

24. 9. Был в «Нашей Жизни». Познакомился с В. В. Водовозовым, о котором много слышал хорошего от Шестова, — он точно паутиной обмотан. И еще с Н. П. Ашешовым: на нем жилетка вроде как на Философове.

спички делаются из электричества,
селедки ловятся солеными.

25. 9. Были у Мережковских. З. Н. подарила мне лягушку об одной лапке.

Потом у Розанова.

Познакомился с П. П. Перцовым.

«В цветущих женщинах, — сказал В. В., — в их цвете выливается вся страсть, в сереньких же все внутри».

И тихонько из Опытов:

«летом после обеда прилег на диван в халате, замечтался, и села сюда муха и стала ходить, не согнал — ходит и ходит — —»

Л. Б. на это заметил:

— Кажется, полагается (он говорит в нос) две мухи?

Это для моей повести «О табаке».

26. 9. У Г. И. Чулкова в редакции В. Ж. (Редакция переехала на 7 Рождественскую, а мы отдельно теперь на 5-ой.)

Читал Осип Дымов. Он изумительно представляет и особенно А. Л. Волынского.

Познакомился с С. Л. Рафаловичем: его стихи в «Содружестве»; а похож он на принца Орлеанского. Был еще Леонид Семенов — этот, как олень.

27. 9. Сегодня Д. Е. Жуковский предупредил меня, что «В. Ж.» возможно и не будут на будущий год. А может, это и лучше — для меня: ведь я же за эти месяцы, кроме этих несчастных листочков, ничего!

28. 9. У Вяч. Иванова занимались спиритизмом. О. Дымов — играл в медиума. А я по плутовской части: и скрёб, как кошка, и стучал, как черт. Очень страшно.

Потом: кто как пишет?

В. В. Розанов сказал: когда он в ударе и исписанные листы так само собой не просохшие и отбрасываются, у него это торчит, как гвоздь.

— И ни один наборщик не разберет! — заметил О. Дымов.

30. 9. Умер проф. С. Н. Трубецкой.

1. 10. На Покров был у нас Ф. К. Сологуб, Чулков и В. Е. Ермилов из Москвы, чтец Чехова. Читал. А позже пришел В. В. Розанов.

«В минуту совокупления, — сказал В. В., — зверь становится человеком».

— А человек? Ангелом? Или уж — —?

— Человек — Богом.

Трагический случай: молодой человек, студент, кончил самоубийством из-за любви.

В. В.:

«Женщина влюбленному в нее, хотя бы и не любила его, а не должна отказывать!»

И был большой спор с С. П.

— Ты благородная, но не добрая, а я неблагородный, но добрый! — сказал В. В. ей.

2. 10. Хоронили Трубецкого. Несли на Николаевский вокзал. Демонстрация.

Вечером ездили к Ф. К. Сологубу на В. О. в училище, где он инспектором.

Ивановы, Сюннерберг, Чулков, Кондратьев, Зоргенфрей и, конечно, Василий Иванович (Коренев).

Я писал в альбомы передоновщину: брежу «Мелким бесом».

А когда возвращались домой, какая чудесная была ночь, тихий снег.

Прохохотал всю дорогу: такое выдумывается, не дай Бог!

3. 10. Была у нас Зинаида Николаевна и Т. Н. У З. Н. бывают минуты неподдельно детские. Как хорошо она выговаривает в сказке: «ам!» Играла на рояли. Мережковские собираются за границу.

5. 10. У Вяч. Иванова. Познакомился со Скитальцем и Юшкевичем. Какие они огромные! У Скитальца — голос-гусли, а у Юшкевича — хорошие глаза.

8. 10. Не забыть под Андрея погадать.

Одна, гадая, спросила у прохожего:

— Имя?

— Засравитяк.

Вот какое! Не нашел лучшего? Обиделась. А вышла замуж, и что же вы думаете, муж — ничего, одна беда, с животом мучается. Под Андрея гаданье самое верное.

10. 10. Приходил Н. А. Бердяев. И до чего он жизнерадостный. И в Вологде всегда с ним было весело.

Пошли к Мережковским. А от Мережковских к Розанову стаей по-шестовски.

(Это Шестов завел такое: если уж куда идти, так с дружиною.)

В. В. рассказывал за чаем заграничный случай: о преимуществе русского человека.

Были они все за границей — и Варвара Димитриевна и все дети — Таня, Вера, Варя, Надя, Вася, и Александра Михайловна падчерица. И случился такой грех:

захотелось В. В. в одно место, а как спросить и не знает. А Александра Михайловна отказывается, говорит, ей неловко. Да терпеть уже нет возможности, он под себя и сделал. Господи Ты, мой Бог, в отеле, брать белье отказались, хоть сам мой! А главное-то так стали смотреть все, что пришлось Розановым переехать.

А когда то же самое случилось и в Петербурге: не удержался и обложился, — с каким сочувствием отнеслись дома, прислуга. Сколько сердечности и внимательности.

Ведь это ж несчастье с человеком!

— И нет этой черствости.

11. 10. У Чулкова.

Новые:

Н. К. Рёрих — знает всю доисторическую историю, 200 000 лет смотрят через его каменные глаза.

Проф. Е. В. Аничков, автор «Весенней и обрядовой песни», ученик Веселовского: где кончается Рёрих, там начинается Аничков.

Тэффи, сестра Лохвицкой, и Л. Е. Габрилович.

А из старых: С. Л. Рафалович и два молчальника — Блок и Н. П. Ге, внук художника.

12. 10. Первый раз видел желтый туман.

Желтый туман. На просыревшем асфальте зеленый листочек герани.

Какой-то очумел в желтом тумане, грозил на всю улицу:

— Сукин сын, прохвост, обормот, раз я сказал — верх совершенства!

Вечером приходил к нам П. Е. Щеголев и В. В. Перемиловский.

«Всероссийская забастовка железнодорожных рабочих».

13. 10. Среда у Вяч. Иванова. Коновод Аничков. И бесчисленное количество новых. Разговор о событиях. Еще бы!

14. 10. ½ 8-го погасло электричество. На улице жуть и темь. Что-то будет завтра? Заколачивают магазины. Кухарки разносят «чудовищные слухи».

16. 10. У Розанова. Познакомился с Григорием Петровым. Ну и волос же у человека — кокос!

В. В. все сокрушается, вспоминая Шестова: помириться не может, что Шестов пьет.

А было так: приехал Шестов, повел я его к Розанову, и Бердяев, конечно (ходили стаями!).

А накануне пришепнул я Розанову, что обязательно надо вина:

«потому что Шестов без вина не может».

Вино было. Бутылка красного стояла перед Шестовым.

И мы с Бердяевым все выпили. А у В. В. осталось: без вина Шестов не может!

И вот в разговорах с гостями, вспоминая, все сокрушается.

— Ум беспросветный, все понимает и —

— И помимо всего вредно для умственных способностей! — сочувствуют гости.

17. 10. Все еще темь.

18. 10. Манифест о свободах.

19. 10. У Вяч. Иванова.

Новые: два старца — В. С. Миролюбов («Журнал для Всех») и И. И. Ясинский («Беседа»). Это будут повыше Юшкевича со Скитальцем! И Арцыбашев. Есть сходство с В. В. Водовозовым.

Все еще при керосиновой лампе.

«Завтра обещают пустить электричество», — так сказал Войтинский.

А В. В. Розанов вчерашний день в баню ходил!

20. 10. Приходили к нам Мережковские. Трогательно, когда они друг с другом речь ведут. Бесподобно представляет их В. Ф. Нувель.

В Калише 18 октября на радостях по случаю манифеста качали при криках «да здравствует свобода!» — губернатора, полицеймейстера и... охранников.

Тема:

«Как мы с Чулковым добивались конституции».

21. 10. У Бердяевых: Мережковские, Аскольдов, Карташев и Чулков. Рассказывал один из участников: когда у Казанского Собора запели «Вечную память», такое было чувство — подставил бы спину под нагайку и чтобы хлестали.

Видение: огромная иголка, ушки — от земли до месяца, и надо в эти ушки канат вдеть.

23. 10. У Мережковских.

Напуганы.

Из газет: Случайно подслушанный разговор по телефону: «Приходите в трактир Парамонова, спрашивайте дворника с

рыжей бородой, по 50 копеек на человека бить жидов и интеллигентов».

25. 10. Улица Жабокриковка, а другая Ткачовка.

Когда я слышу о событиях — о митингах и шествиях, мне приходит на ум маркиз де Сад.

И у нас было бы ему что посмотреть:

«одной барышне убитой вбили в низ живота кол» (Томск).

«зажгли дом с демонстрантами: те, кто поспел, — на крышу, а крыша рухнула». (Там же.)

«грудных детей убивали и потом разрывали на части; взрослых сбрасывали с 3—4 этажа».

«женщинам распарывали животы и набивали в них перья» (Одесса).

А в Иваново-Вознесенске рабочего сварили в котле.

27. 10. Квасовар Корытов.

Купец Лобов.

Экспроприатор Мишка Дутый.

29. 10. Накануне были разосланы письма, получилось и в редакции «В. Ж.». В ночь ожидался погром.

По этому случаю собрались у Бердяевых и до рассвета дулись в короли.

Тема:

«Как мы с Бердяевым предотвратили погром».

30. 10. У Мережковских. Впервые знакомятся с «запрещенной» революционной литературой.

А я как-то устал и особенно от разговоров. И у меня такое чувство: просто ушел бы в лес!

31. 10. У Розановых.

Проще всего привести к Розанову еврея. Спросишь по телефону, назовешь — никогда не откажет: какое-то особенное пристрастие и любопытство к евреям.

И весь вечер проговорит. И уж, конечно, ни с кем не спутает. А то бывает так: ходит к нему человек каждое воскресенье и каждый раз В. В. с ним знакомится:

— Розанов.

Я говорю:

— Да ведь он и прошлый раз был и позапрошлый!

— Я не виноват, что на всех похож.

В. В. тоже засел за Дебагория-Мокриевича. И на митинги ходит. Очень ему все нравится: «много влюбленных!»

1. 11. Настоящая зима.

У Мережковских. Познакомился с Андреевским: он, мне кажется, и лето и зиму пледом ноги кутает, а курит сигары.

Д. С. тоже курит сигары — после обеда.

Философов подтрунивает — это все насчет революционной литературы, как Мережковские открывают Америки. А мне вспоминается из детских лет: гимназист агитирует среди курсисток:

— Кеннан-Ренан, что такое нравственность?

2. 11. Электричество погасло — и опять зажглось.

3. 11. Электричество погасло — и не зажглось.

«Вопр. Жизни» окончательно ликвидируются.

4. 11. «Не трудись Господи! ведь я недостоин, чтобы Ты вошел под мой кров» (Лук. 7, 6).

15. 11. Всякий день приносит новость и не проходит дня без события. Это и хорошо и нехорошо. Хорошо — интересно; нехорошо — дело не делается, все отвлекает.

Приехал из Вологды А. Маделунг — это наша живая Вологодская память. Не дождался один Каляев!

17. 11. Читаю записки Л. А. Волькенштейн.

Теперь о Шлиссельбуржцах много разговору.

Щедрин (арест. 81 г.) вообразил, что половина головы у него пропала. Оставшуюся половину с одним глазом надо во что бы то ни стало спасти. А спасти можно, если не давать смотреть на нее. Он приделал себе шпоры, голубиные перья. И держался гордо, свысока. Шесть лет не выходил из камеры. А когда отворяли у него форточку, кричал: свежий воздух стал для него невыносим.

* * *

О ту пору создан был Комитет помощи заключенным шлиссельбуржцам. Собирали посылки. Кто что хотел. Д. С. Мережковский дал свои сочинения. Зинаида Николаевна — духи. В. В. Розанов «Легенду о Великом Инквизиторе» с надписью. Надпись по тем временам показалась нецензурной, и листок из книги вырезали.

(В скобки ставлю зачеркнутое.)

* * *

Что самое дорогое в Вас, дорогие Шлиссельбургские узники? Не планы ваши, не расчеты, не программа борьбы, которую выполните вы или не выполните — это зависит от истории: но то, что у ж е е с т ь н а л и ц о, что достигнуто и факт: ваше братство между собой.

Везде люди ссорятся, ненавидят, завидуют; везде нации, веры. Но когда я вижу русских людей в простых рубахах, в рабочих блузах, косоворотках, с умным задумчивым лицом мыслящего человека, — я думаю: вот в ком умер «жид» и «русский», где нет рабов и господ, нет мусульманина и православного, нет бедного и богатого, нет дворянина и крестьянина, — но единое «всероссийское товарищество». И когда я это вижу, то моих 50 лет как не бывало: я чувствую себя молодым, почти мальчиком, хочется играть, хочется читать ваши прокламации. Знаете ли, вы вернули молодость человечеству. И это уже не мечта, это факт, «налицо». Переводя это психологическое наблюдение на (по) §§ политической программы, я сказал бы: во многих местах есть республика, в Аргентине, Соединенных Штатах, Швейцарии, Франции: но нигде нет республиканцев. Ибо респуб-

лика — это братство, и без него ей не для чего быть. У нас же под снегами России, в Москве и Вильне, Одессе, Нижнем, Варшаве — зародились подлинные республиканцы, — «живая (матер) протоплазма», из коей (слагается) вырастает республиканский организм. Я верю: вы уже скоро выйдете из тюрем. И тогда пронесите это товарищество с края до края света: ибо в этом новом русском братстве, без претензий, без фраз, без усилий, без самоприневоливания, природном и невольном — целое, если хотите, «светопреставление»: это — новая культура, новая цивилизация, это — «Царство Божие на земле».

В. Розанов.

1906.

* * *

20. 11. Затевается журнал «Факелы». Соединение декадентов с «Знанием». Это все Г. И. Чулков мудрует. («Как мы с Чулковым добивались конституции».) Поладил ли, не знаю. Говорил, что с той и с другой стороны должны быть сделаны уступки. Я, кажется, в числе жертвы с декадентской.

Приехал Мейерхольд. «Факелы» соединяются и с Мейерхольдом. Стало быть, и журнал и театр «Факелы».

Почто-телеграфная забастовка.

«Вопросы Жизни» кончаются.

Д. Е. Жуковский обещал подарить мне стол клеенчатый и стеклянный шкап.

В редакцию переезжает А. В. Тыркова.

25. 11. Ходил к Парамонову наниматься. Нет, дело не выйдет. Не гожусь я на службу. Завтра с письмом Д. В. Философова в «Государственный Контроль».

В Контроле когда-то служил и Розанов. Невесело вспоминает:

«Едешь, бывало, на конке наверху. А Вл. С. Соловьев в коляске катит. Нет, вы этого никогда не поймете, никогда, никогда!»

27. 11. Конечно, зря.

Звонил Философов: начальник на меня обиделся и за разговор, а главное за папиросу.

«Так вы на службу смотрите, как на средство к существованию?»

«Да».

«А нам нужны чиновники».

29. 11. Вчера собрание «Факелов». Меня приняли.

И новые:

К. А. Сомов и Е. Е. Лансере, — оба говорят по-петербургски.

30. 11. Собрание «Золотого Руна»: С. А. Соколов-Кречетов («Гриф»), Тароватый («Искусство») — это главные. А проч. — Блок, Сологуб, Мережковский, Кондратьев, Дымов и Бакст. Издатель же Н. П. Рябушинский, но его не было.

3. 12. У Мережковских. Познакомился с Андреем Белым. Очарован. Безгрешный и чистый, — белый.

4. 12. Именины Варвары Димитриевны Розановой.

— Сыт, пьян и нос в табаке! — вот как полагается.

Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову. А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н. А. Бердяевым. Бердяев ничего, только кашлянул, а Андрей Белый от неожиданности финик проглотил.

* * *

И всегда именины В. Д. справлялись весело.

Много бывало гостей, и знакомые и незнакомые. Бывали Мережковские, Бердяевы, Ивановы, Тернавцев, Коноплянцев, П. П. Перцов, Е. П. Иванов, Б. А. Зак и с ним Д. А. Лутохин, Егоров из «Нового Времени» и батюшки.

Бывало, что именинные гости собирались не вечером, а с утра после обедни прямо к пирогу. И так за полночь: и обедали и отдыхали и чай пили и еще раз чай пили и ужинали.

Обыкновенно на именинах, когда полагалось, чтобы все честь честью «по-семейному», подымались самые непоказанные разговоры. Начинал, конечно, сам В. В. Розанов.

* * *

Ждем.

Серафиму Павловну и Алексея Михайловича без слонов, без зверей и без мифов, без «табаку» и вина 4 декабря в тихую обитель Б. Казачий д. 4 кв. 12

— вечером —

Смиренный иеромонах Василий.

1908.

К письму: «вечером» — в рамочке, сделанной пером. «Табак» — это моя повесть «Что есть табак». В. В. Розанов любил ее.

«Слоны» — это «обладающие сверх божеской меры».

* * *

5. 12. Познакомился с М. Г. Сущинским. Героический человек, дважды бежал из Сибири. Теперь по амнистии приехал из Парижа. Истории его сказочные. Пришел он к С. П., а ее не было дома. И весь вечер просидели мы на «волжском» зеленом диване за разбойными рассказами.

7. 12. У Вяч. Иванова: Андрей Белый, Блок, Габрилович, Сюннерберг, П. В. Безобразов. А. Белый изумительно читает стихи. Он не говорит, а поет — до самых до высоких нот:

пришел, пришел издалека
скиталец из Женевы...

(Должно быть, это про А. Г. Барладеана! — моя догадка.)

8. 12. Третья всеобщая забастовка.

Электричество погасло.

Приходил Е. Г. Лундберг: ходит он, как птица. Так птицей прошел весь юг

России от Каспийского моря до Черного и все Балканские государства, вдоль и поперек.

Приключения его самые невероятные.

Только присутствие духа и находчивость спасали его от верной гибели.

9. 12. Приходил Б. В. Савинков — пальто на нем замечательное. Дал 25 руб. «на бедность».

12. 12. В Москве четвертый день баррикады.

17. 12. Кончилось.

1906.

3. 1. У Вяч. Иванова. Познакомился с Горьким. Какой умный и сердечный человек! Разговор о новом театре «вообще».

18. 1. Приехал Брюсов.

19. 1. У Сомова на Екатерингофском с Брюсовым. Сомов подарил мне обложки нот с тончайшим шрифтом, а С. П. — узоры для вышивания бисером.

27. 4. Открытие Государственной Думы.

* * *

На бланке для поступления в кадетскую партию: «Ознакомившись с программой и уставом Конституционно-Демократической партии (п. Народной Свободы), я прошу включить меня в число ее членов. Фамилия. Имя. Отчество. Адрес. И т. д.» На обороте адрес секретаря Рождественского Комитета К.-д. партии А. П. Федорова. В примечании: «просят обозначить, чем именно желают быть полезным партии: привлечением новых членов, распространением программ и т. д.».

* * *

Дорогому Алексею Михайловичу и Серафиме Павловне Ремизовой с просьбой подумать, решиться и подписаться —

В. Розанов.

См. на обороте.

Подпишитесь и пошлите прилагаемое: 1 к. марка.

1906.

ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ

В. В. Розанов был старейшим кавалером обезьяньей великой и вольной палаты.

Обезьянья палата возникала в 1908 году, когда я писал «Трагедию о Иуде принце искариотском»: обезьяний царь Асыка, действующий в трагедии, награждает обезьяньими знаками.

А сама мысль об обезьяньем знаке вышла из игры.

Проездом в Петербург каждую осень мы останавливались в Москве. Из писателей в Москве об эту пору встретить кого было не так просто, все разъезжались по всяким Малаховкам. И я играл с своей маленькой племянницей, Ляляшкой (Елена Сергеевна Ремизова).

Надо было чего-нибудь особенное придумывать.

Она приставала ко мне сделать ей такое, чего ни у кого нет.

Вот тут-то я и сделал ей обезьяний знак «для ношения тайно».

Этот знак она, конечно, потеряла, и на следующую осень пришлось новый делать, а для пу-

щего бережения знак висел на стене на видном месте — и никто не мог догадаться, что это означает: висит, а неизвестно что, а Ляляшка помалкивает.

После постановки «Иуды» знаками были награждены Ф. Ф. Коммиссаржевский, Зонов и Сахновский. Понемногу вырабатывалась и «конституция» обезвелволпала — главным советчиком был обезьяний «кодификатор» проф. уголовного права М. М. Исаев и археолог И. А. Рязановский — князья обезьяньи.

И когда я сказал В. В. Розанову, что он награждается обезьяньим знаком и возводится в старейшие кавалеры обезвелволпала, Розанов сразу ничего не понял, ошеломился, а потом спросил:

— А кто еще старейший там у тебя в палатке?

В. В. сказал не в «палате», а в «палатке», как говорила и Ляляшка.

— Гершензон старейший, Шестов...

Я хотел было еще сказать, что и Иванов-Разумник, Лундберг и Балтрушайтис, но побоялся сразу вводить во все обезьяньи тайны:

«обезвелволпал есть общество тайное!»

Гершензон и Шестов произвели огромное впечатление.

— Старейший кавалер, — соображал что-то В. В., — и никогда ни выше, ни ниже?

— Никогда. Так и останетесь старейшим навечно.

— Это мы вроде как митрофорные попы? — обрадовался В. В., — согласен! Стало быть, я старейший кавалер.

— И великий фаллофор обезвелволпала.

— А Шестова сделаем, это по его части, винодаром!

* * *

В конце лета 15 года как-то встретились мы в «Лукоморье».

Я сказал В. В., что С. П. нездорова. И мы поехали вместе к нам на Таврическую.

В. В. был чего-то очень взбудоражен.

В трамвае, не обращая внимания на соседей, он ругательски ругал «войну»:

— ослы, дураки, негодяи...

Такое пересыпалось и имянно и вообще.

Чтобы немного утихомирить, я перевел разговор на обезьяню палату.

Я рассказал ему о семи князьях обезьяньих и о «мощах обезьяньих», которые представлены в лице И. А. Рязановского, и о П. Е. Щеголеве, старейшем князе, и о гимне обезьяньем...

— Да, я хотел похлопотать за одного человека — так поросенок.

— Кто такой?

— Руманов, — и вдруг В. В. как-то по-настоящему, по-просительскому наклонился, — нельзя ли ему хоть медаль какую?

Я объяснил В. В., что вообще-то все это зависит от канцелярии, а в канцелярии взяточничество самое зверское: надо подать прошение и при этом обезьяний хабар, но что Руманову, ввиду его книжных заслуг, можно и так дать.

Так в обезьяньем разговоре и прошла дорога.

Но что особенно умилило В. В., это когда я сказал, что на Москве князем обезьяньим сидит Аркадий Павлович Зонов.

— Аркадий Павлович! — В. В. даже привстал, — удивительно! удачно! сверх божеской меры!

* * *

В 1906 году, после долгого пропада появился в Петербурге А. П. Зонов.

Давнишнее знакомство и верная дружба связывала нас с Зоновым. Я познакомился с ним, когда он и Мейерхольд учились в Филармонии. Я был выслан в Пензу и тайком приехал в Москву — приютил меня Зонов и Мейерхольд. Мейерхольд — пензенский. На лето он приехал в Пензу и с ним Зонов. Играли в Народном Театре. Народный Театр был центром рабочих собраний. Меня выслали в Устьсысольск. Из Устьсысольска мне удалось пробраться в Вологду. А. А. Богданов (Малиновский) выдал мне свидетельство о болезни, и губернатор Князев оставил меня в Вологде «под присмотром П. Е. Щеголева и Б. В. Савинкова». И в Вологду

приезжал ко мне и Мейерхольд и Зонов. А когда кончилась ссылка, я поехал в Херсон и поступил в театр к Мейерхольду. Там же был и Зонов. Из Херсона театр перекочевал в Тифлис, но я уж не служил больше.

А теперь Мейерхольд затеял Студию в Москве. Готовилась к постановке «Смерть Тентажиля» в моем переводе, проверенном Брюсовым и Балтрушайтисом.

По делам этой Студии Зонов и приехал в Петербург. Ну, как было не показать его Розанову после всех наших египетских разговоров!

* * *

Хочется мне все-таки взглянуть на 7-вершкового. В Индии не бывал, надо хоть в плечах посмотреть слонов. Я думаю, особое выражение физиономии: «владею и достигнул меры отпущенного человеку». По-моему, наиприятнейшая мера 5 вершков: если на столе отмерять и вдуматься, то я думаю, это Божеская мера. Таким жена не наиграется, не налюбуется. Большая мера уже может испугать, смутить, а меньшая не оставит глубокого впечатления. Поэтому, может, я к Вам зайду около 12-ти (ночи) или около 10 сегодня или завтра. Пусть благочестие Серафимы Павловны не смутится поздним

приходом и я заранее прошу извинения в позднем посещении.

Ваш В. Р.

1906.

* * *

Свидание состоялось.

В нашей теснющей столовой, служившей и местом убежища странникам, на «волжском» с просидкой диване провели мы втроем: я, В. В. и Зонов — много ночных часов, запершись на ключ.

В. В. говорил тихо, почти шепотом: вещи все ведь были деликатные — божественные! — скажешь не так, и можешь принизить и огрубить вещь.

В. В. раскладывал и прикидывал на столе всякие меры.

Зонов отвечал, как на исповеди, и кратко и загадочно по-зоновски.

А я около — каюсь! — поджигал бесом, «творя мечты» и распаляя во-ображение.

Но что особенно поразило В. В., это признание Зонова о степени его неутомимости.

— Учитель Полетаев рассказывал, — вспоминалось что-то В. В., — Доминик Доминикович...

Нет, ни учитель Полетаев, ни Доминик Доминикович такого не знали.

В. В. размечтался. Ему уж мерещилось: у нас, где-нибудь на Фонтанке, такой институт, где будут собраны «слоны» со всей России, со всего мира для разведения крепкого и сильного потомства.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Дорогая Серафима Павловна!

Пожалуйста приходите поскорее мерить кофту.

Ваш искренно В. Розанов.

1906.

* * *

Дорогая Серафима Павловна!

Анна Павловна Философова переслала нам письмо Ветвеницкой, из которого Вы усмотрите, что Вам непременно надо лично с ней познакомиться: иначе ведь та не будет знать, какое место для Вас есть подходящее? Ведь заочно ни на какую должность принять нельзя, (ее) ведь могут просить за глухую, слепую, безногую, истеричную, эпилептичку. А когда люди увидят, что просит цветущая женщина с разумом и образованием, непременно дадут место и даже будут Вас ис-

кать для места. Напр. попроситесь в (дол) Библиотеку или в надзирательницы для курсов. Идите же, идите, идите, дорогая!!!

Алексею Михайловичу поклон. А какой скромный и прекрасный Ваш Аркадий Павлович! Вот и судите «по анекдотам», не взглянув на действительность!!

Ваш В. Розанов.

1906.

* * *

С 5 Рождественской мы переехали на Кавалергардскую в достраивающийся дом Пундика «просушивать стены».

«Вопросы Жизни» кончились — кончилось печатание моего «Пруда» — кончилось и мое «домовство».

У Парамонова ничего не вышло.

В Контроле тоже.

Ходил еще с письмом А. В. Тырковой на Стремянную — тут и могло бы выйти: ехать в Персию на полгода! — да по-персидски-то я — это П. Е. Щеголев может.

А о издании книг нечего было и думать.

Лев Шестов, у которого было пять читателей и шестой только наклевывался, влияния никакого не имел; Е. Г. Лундберг — его самого нигде не печатали: В. В. Розанов — —

За меня была Варвара Димитриевна Розанова, она пять раз прочитала «Пруд»:

— Ничего не понимаю.

Чуть не со слезами говорила она, желая мне добра и только добра.

— Там, Варечка, такое написано, ничего не разберешь: там про хоботы больше! — В. В. подмигивал, толкая под столом меня ногою.

— Про какие про хоботы?

И у С. П. с местом тоже ничего не выходило.

Розановы одно время жили в большой нужде, и они все это понимали, — это когда В. В. в Контроле служил: семья большая, дети, доктору нечего было заплатить и с дворником постоянные недоразумения.

«Перед праздником, — с горечью вспоминала В. Д., — прибегает девочка дворника; если не заплатите за квартиру, дров не принесем! а у нас нет ничего, Вася в Контроле служил».

Розановы принимали самое горячее участие во всех наших мелочах житейских. Была у них дешевая портниха, надо было на зиму теплое, а у С. П. ничего не было. Затеяли ей кофту шить.

Перед Рождеством зашла С. П. к Розановым.

— Вы поедете, — спросил В. В., — к родным...?

— У нас денег нет.

— А сколько же надо?

— Рублей 50.

— Варечка, Варечка, дай 75!

Засуетился В. В. — он всегда суетился, когда что-нибудь такое трудное и надо скорее решить. С. П. хотела сказать, что как же это так —

— Не смей, не смей говорить ничего! — В. В. не дал слова сказать.

А В. Д. заплакала.

Это большое было личное горе и безвыходное, — и это соединялось с нашим неустройством.

Однажды уж было, — это когда я с театром не поехал и жили мы на Молдаванке в Одессе, потом в Киеве на Зверинце, вот тогда до переезда в Петербург...

Я писал, а С. П. по урокам ходила. Мне до сих пор стыдно вспомнить. Эти мои писания, ей-Богу же, не стоят того труда ее, и при каких условиях!

И теперь С. П. в гимназии достала уроки — «в образцовой»!

А я писал.

Я писал после «Пруда» и «Часов» — «Посолонь».

Раз встречаю на Николаевском вокзале Леонида Семенова, он в то время из эсеров толстовцем сделался.

— Ну что, — говорит, — вы все еще козявками занимаетесь? — и посмотрел на меня с жалостью.

Я это понимал, и в ту минуту еще больше.

И это как пьянице скажут так —

Но что поделаешь, я не мог отказаться и не писать.

Контрольный начальник прав: как нельзя «служить» между делом, так и «писать».

А писать и молиться одно и то же.

Я в церкви раз увидел, как молилась одна женщина, и вдруг понял: ведь я тоже молюсь, ей-Богу, ну совсем как эта женщина, когда пишу —

«отложив попечение».

Розанов это понял.

Да, когда он в Контроле служил, этого он забыть не мог —

И это понимание Розанова еще теснее связало нас.

Теплота в сердце, тревога за человека, а отсюда внимательность к людям — это редкий дар человеку.

И этот дар был у Розанова.

* * *

Достоуважаемые Зверюшки!

Приезжайте: чудный сад! Можете ночевать вдвоем. Гамак. Отличное масло и молоко. Ягоды. Приятное общество. Симпатичнейшие дети.

Ваши Варв. и Вас. Розановы.
Гатчина.
Александровская ул., д. 23.

1906.

* * *

Дорогой Алексей Михайлович! Что Вы мне пишете, как Архиерею в Консисторию: «Глубокоуважаемый!» Разве мы не социал-демократы и не «товарищи»!

Варя очень хочет Вас видеть. Каждый день вспоминает и ждет. Приезжайте —

Гатчина, Александровская ул., д. 23; 20 минут ходу от вокзала. Уху из налимов (живых) любите? Будет! И все будет — только приезжайте. Оба! Ночевать — сколько угодно. Свинье *** напишу. Правда, забылся. Получили ли мою брошюру? Верно — нет: на сей случай шлю следующий экземпляр. Не будьте суровы и мрачны. Пусть Серафима Павловна не

мрачничает. У Вас еще жизнь долгая и, по дарам — счастливая. Я Пирожкову недавно говорю: «Его (Ремизова) только никто не понял: — это потерянный бриллиант, и всякий будет счастлив, кто его поднимет: ум, спокойствие, археология + style moderne!» Отвечает: «Вот расширится дело». Ах, дорогой, как хотелось бы Вам помочь: ведь и у меня, как у Варвары Дмитриевны болит по Вас сердце, но от бессилья я ругаюсь.

!! приезжайте !!

1906.

* * *

«Образцовая» гимназия, где учила С. П., оказалась просто мошеннической.

Путаная история, в которой принимал участие и В. В., кончилась, и как всегда в таких случаях:

тебя же обманут и тебя же обвинят.

«Просушив стены» у Пундика, перебрались мы в комнату на Загородный, а потом в М. Казачий переулок.

А Розановы переехали со Шпалерной в Б. Казачий по соседству.

Опять по письму Д. В. Философова я ходил в «Гос. Контроль» и на этот раз ничего не вышло.

Р. В. Иванов-Разумник, с которым познакомились о ту пору, достал нам работу: сверять Белинского. Но эта работа скоро кончилась.

Ходили по объявлениям.

И все неудачно.

Случилась в Петербурге перепись автомобилей и собак —

*

Дорогой Алексей Михайлович!

Я думал, что Вы виделись с Гриневич: бывши у нас, она сказала, что у неё есть работа по составлению образцового и руководственного каталога, с объяснениями и наставлениями, по детскому чтению. И что помощь ей в этом составлении может оплачиваться ежемесячным жалованием. Так как это интереснее и литературнее переписи собак, да и вообще дело привлекательное и полезное, то я уверен, Вы его возьмете. Покажите-ка Вы ей образец своего 1) почерка, 2) ума и 3) расторопности, сиречь запросите ее, когда можете ее застать дома — и я уверен (как и уверял уже ее), что она почувствует к Вам вкус. Сама же она — баба умная и летучая — не в смысле мази, а в смысле птицы.

Ваш В. Р.

Серафиме Павловне поклон.

Адрес Веры Степановны Гриневич:

Басков пер. д. 38 кв. 8. А то и так можете прямо часов около 10 утра или 8 дня.

1906.

НУМИЗМАТИКА

Новый год наступил.

Луна залила наше окно таким половодьем — в комнате так ясно, что не только деньги считать можно, а и делать.

Я так и сделал.

Я сделал обезьяную монету — львовую:

> Löwen — 1 квадрил — lion
> аз обезцарь асыка собственнохвостно
> упказ А. Бах-рах.

И все это тончайшей комариной ножкой, как нарезано, от царя Асыки до Бахраха упказа.

Такой монеты, Василий Васильевич, и в вашей чудесной коллекции не было.

И скажу, нигде нет на этом свете.

Вот бы был вам подарок на именины!

Именины ваши, между прочим, теперь не на Василия, а на Геляриуса, я же на Луку угодил и вроде как из Алексея в Луку обратился.

И куда это вся ваша коллекция девалась — все ваши серебряные, бронзовые и золотые любимцы? Кто на них нынче смотрит, кто трогает?

А теперь я, пожалуй, навострясь на всякой усиной мелочи, я мог бы вам очень точно воспроизвести и самую завитушчатую кривопись и самый замысловатый образ.

А то все собирались, а так и не двинулось дело.

Как и с книгой «О любви».

Вы помните эту нашу затею: собрать и иллюстрировать всю мудрую науку, какую у нас на Руси в старые времена няньки да мамки хорошо знали, да невест перед венцом учили, ну и женихов тоже.

Как-то так с годами и забылось, и сами «старейшины» — ни Сомов, ни Бакст, ни Нувель не вспоминали уж за эти годы.

А одному куда мне было!

А главное, надо сурьёзно. Я понимаю, даже благоговейно.

Ей-Богу ж, Василий Васильевич, я не так уж озоровал, как вы думали и часто сердились, и чувствую, что такая книга могла бы быть существеннейшей и необходимой в каждой новобрачной семье.

Да, именины-то ваши на Геляриуса — 14-го!

* * *

Спасибо, добрый Алексей Михайлович, за внимание к моей дряхлости и слабоумию. Никогда не забывайте быть доб-

рым: умирать легче будет!! Р а с п о л о ж е н н о с т ь без вывертов «любви к ближнему» — самый дорогой товар на этом и том свете.

А знаете, как всякое семя требует vulv'ы, так всякий талант требует «сферы», которая приблизительно и подобно vulv'ы, «талантливое употребление себя» похоже и даже есть то же самое, что совокупление, каковое любит вся талантливая тварь Божия. Посему возлюбленный мой «охальник» (хотел написать «похабник» — да испугался) — не сделать ли нам кое-чего изумительного, кое-чего не вдруг, но помаленьку и полегоньку насчет в самом деле копирования монет? Некоторых, которые не допускают по темноте рисунка фотографирования? «Гм... гм...» Во всяком случае — можно подумать. Безе, безе, безе —

Розанов.

1906.

СЕАНСЫ

А если подойти к окну, если заглянуть —

там — снег,
все в снегу, на крыше даже свисает —

«Самый холодный у нас месяц, самые сильные морозы. Все покрыто снегом. Глухарь и тетерев держатся в лесных чащах, там же рябчики и белая куропатка. Серая куропатка большими стаями, медведи в берлогах, у волка и кабана течка...»

Представляю, что испытывает М. М. Пришвин!

Нет, это луна, как снег, а снегу тут нет, снег там в России.

Я это из календаря о волках и снеге — у меня есть и русский календарь с Герценом —

вставай проклятьем заклейменный...

Вторую зиму в Германии — второе Рождество.

Под Рождество в кирку ходили. Народу, как на Пасху. Две елки зажжены в церкви. Пение

под орган слушали и проповедь — каждое слово, как вырублено, отчетливо. А в домах елки, видно в окнах, огоньки поблескивают. Такое, как у нас на Пасху, ну, все, конечно, по-немецки:

o, du fröhliche,
o, du selige,
gnadenbringende
Weihnachtszeit!

И Пришвин, поди, не спит, и ему в окно ма́нит — от снега луна еще ярче и льется свет в окно беспокойный.

А он от луны еще звернее, зарос, как леший, — почетный косарь! — а в штанах два репья колючих еще с лета, как купался.

Вынул бережно свое старое охотничье ружье — поработало на веку! — подул, погладил.

Завтра еще не звонят к ранней у Большого Вознесенья, постучит сосед Лидин, берлинская трубка пыхнет в мороз и пошли —

«Все покрыто снегом. Глухарь и тетерев держатся в лесных чащах, там же рябчики и белая куропатка. Серая куропатка большими стаями, медведи в берлогах, у волка...»

Из всех, ведь, писателей современников — теперь уж можно говорить о нас, как об истории — у Пришвина необычайный глаз, ухо и нос на лес и зверя, и никто так живо — теперь уж можно говорить о нас и не для рекламы и не в обиду — никто так чувствительно не сказал сло-

ва о лесе, о поле, о звере: запах слышно, воздух —

вот он какой, ваш ученик Пришвин!

А знаете, Василий Васильевич, как нынче хорошо писать стали молодые, те, что за нами — вы их никого не встречали, они начали только в революцию — это какая-то Коляда в русской литературе, Weihnachtszeit —

* * *

За все мои литературные годы, а они как-то вихрем пронеслись между революциями 1905—1917, из встреч и разговоров я заметил сочлененность именную — парность имен: когда одно произносишь, другое уж на языке, как водород и кислород, как Анаксимен и Анаксимандр —

Горький — Леонид Андреев,
Блок — Андрей Белый,
Ленин — Троцкий,
Розанов — Шестов,
Гиппиус — Мережковский,
Мережковский — Минский,
Бунин — Куприн,
Эренбург — Вишняк,
Зайцев — Муратов,
Гоц — Зензинов,
Зензинов — Фондаминский,
Бальмонт — Брюсов,
Мартов — Дан,

Булгаков — Бердяев,
Бердяев — Франк,
Аверченко — Тэффи,
Шкловский — Якобсон,
Пуни — Богуславская,
Рафалович — Габрилович,
Барладеан — Тер-Погосьян,
Бахрах — Лурье,
Соломон — Каплун.
— — — — — — — — —

А когда я о Пришвине подумаю, лезет в голову Коноплянцев, тоже ученик ваш.

Оказывается, в Ельце в гимназии у вас учились — и Пришвин и Коноплянцев.

* * *

Жили мы по соседству: Розанов в Б. Казачьем переулке, мы — в М. Казачьем; нас разделяли Егоровские бани.

В. В. бывал у нас чуть ли не каждый день.

И всякий раз тайно.

Дома он говорил, что идет в «Новое Время».

Дома он, надо и не надо, говорил, что он на меня сердится и у нас не бывает.

Варвара Димитриевна очень огорчалась. И не раз днем заходила к нам, стараясь что-то объяснить, чтобы я не сердился на Васю.

У нас была тесная квартира, но и в такой не сразу могли устроиться: драпировки нашлись,

карнизов не было. Варвара Димитриевна прислала «золотые» карнизы и помогала вешать.

Эти карнизы мы перевозили потом с квартиры на квартиру и берегли их, как память, и только зимой 19-го года пришлось расстаться — на плиту пошли!

Тесно у нас было, а всегда народ.

И это испокон веков.

Одно я заметил: в трудные минуты все куда-то пропадали вдруг, и мы оставались вдвоем.

И еще заметил: у нас бывали всегда «начинающие» или такие, у которых не ладилось в жизни, но когда выходили в люди и устраивались, опять понемногу-понемногу и пропадали.

На их место приходили другие — народ не переводился.

В Казачьем появился Н. С. Гумилев и некоторое время «до Абиссинии» находился «в рабстве» — в работе: бегал в лавочку за лимоном, бумагой, спичками.

Ему это очень нравилось и впоследствии, по его признанию, он в своем цехе и студии проводил эту систему — беспощадно.

О ту же пору Яков Годин привел А. Н. Толстого. Толстой был с бородой и так хорошо смеялся, сколько лет прошло, а я долго потом, вспоминая, слышал этот смех — —

Пришвин с Коноплянцевым, М. А. Кузмин с С. С. Позняковым, Гр. П. Новицкий, автор «Необузданные скверны», потом Вас. Вас. Ка-

менский, В. Хлебников, с которым слова разбирали.

Это все писатели, а также и не-писателей много перебывало.

Сидели до поздней ночи.

Часто я от гостей уходил в свою комнату и садился заниматься.

И самый поздний звонок полуночный — Василий Васильевич!

* * *

Как-то пришел В. В. необычно в сумерки. Я занимался. Серафимы Павловны не было дома. Ее ждала одна знакомая барышня.

— И я подожду, — сказал В. В., — а ты иди, занимайся.

Барышня интересовалась Розановым. И я пошел в свою комнату: пускай поговорят!

Я задумал тогда «Илью Пророка» — Громовника и сидел над всякими книгами, — работа большая. И не заметил, как время прошло. Сорвался на звонок — Серафима Павловна вернулась!

А В. В. уже уходит.

* * *

Посылаю вырезку, руководствуясь правилом: «лучше поздно, чем никогда» —

Поклон С. П. — —

Не буду приходить к Вам на сеансы. Все это моя распущенность, которую нужно воздерживать. Потом бывает на душе нехорошо. Само по себе я ничто в этой области не осуждаю: ни легкое «нравится», ни тяжелое «залез под подол». Но все хорошо в своей обстановке: и вот этого-то у меня и нет. Этот легкий полуобман, лукавство, черствость души — ах, как все это производит «душевный насморк». Девушка мне нравится очень. Не как другие. В ней — большое содержание. «Внутренне — дум». Молчалива — это очень хорошо. Человек, а не барышня. А впрочем, верно сделается барышнею же, или попадет в больницу, или застрелится. Впрочем, не застрелится, а утопится. Выстрел — это слишком громко, и может испугать мечтательную душу.

Ну, и кроме души, меня взволновала эта волнующаяся под трауром ночь. Какие у нее груди? Очень интересно! А «прочее»? Еще интереснее. Как уже давно никто, она мне не давала покоя в воображении, и я все мысленно продолжал разговор с ней, начатый и неоконченный. В тот день у меня был порыв все сказать ей и о всем спросить у нее. Мы летели точно в вечности. Точно не только не было кругом лю-

дей, но они и не рождались, даже не могли бы родиться. Вечное одиночество. Т. е. уединение. Было хорошо. Страшно свободно, страшно и мудро.

Мне бы хотелось, чтобы она к о е - ч т о узнала (об э) из этого письма. Мне было бы больно, если б она считала меня пошлым. Еще больнее; если бы подумала, что я воспользовался минутою.

Я думаю, что это была именно «минута», «случай», когда все стало страшно свободно. И совсем неожиданно для меня. Ведь я в общем скучный. Меланхолический. А то была «аристократическая» минута. Ведь что такое крылья? Большая свобода. Что такое ангелы? Те, кто свободнее человека. А Бога уж «ничто не ограничивает» — «будемте, яко бози» не значит ли только: «будемте свободны»... к а к х о ч е т с я и к а к в о о б р а ж а е т с я.

Ну, довольно философии. Если барышня не застрелится, она будет очень долго и очень скучно жить. То чего ей хочется кушать — она не смеет, а чего ей даст мир — то для нее не будет скусно. При таком расположении мировых карт лучше — застрелиться.

Ну, прощай волк и паук. Не сердись на меня. Я нынче в меланхолии.

Розанов.

Точное изображение барышни:
? — и близко локоть да не укусишь.
? — то же

!! и я там был, по усам текло, в рот не капнуло!!
25. X. 1907.

*

А барышня и не застрелилась и не утопилась. Барышня вскоре вышла замуж. И жила с мужем хорошо и ладно.

И хоть ничего особенного такого не произошло на «сеансе», но и «кое-что» я не мог тогда передать из письма.

Потом, конечно, все сгладилось и помирилось.

* * *

Пора было вставлять окна.

А как это лучше, мы не знали.

С. П. пошла к Розановым спросить Варвару Димитриевну.

Все были дома: время завтракать.

В. В., услыхав голос С. П., как был в халате, выскочил в прихожую.

— Я по делу к Варваре Димитриевне.

— Варвара Димитриевна нездорова, у нее голова болит, нельзя к Варваре Димитриевне!

— Вася, что ты, перестань! — вступилась В. Д.

— Нет, нет, Варвара Димитриевна не может! — не унимался Розанов и, улучив у себя же минуту, шепнул С. П.: — не говори ничего про вчерашнее! — да опять.

— Варвара Димитриевна, — крикнула уж С. П., — я хочу спросить, как вставлять рамы?

В. В. уверился — а ведь надо же было вообразить такое, будто пришла С. П. не для чего другого, как только, чтобы В. Д. рассказать про «сеансы», надо же такое придумать! — и вдруг замолчав, убежал переодеваться.

За завтраком все шло мирно.

В. Д. рассказала, как надо вставлять окна — где купить вату и замазку, и сколько на четыре окна замазки и как стаканчики поставить с кислотой, чтобы окно не морозилось.

От окон разговор перешел к стирке и постирушке: стирка — это крупное белье, а постирушка — это платки, салфетки, так мелочь всякая среди недели стирается не прачкой, а прислугой.

С. П. читала стихи Бальмонта:

есть поцелуи, как сны свободные...

В. В. был вообще в хорошем расположении: и уверился — и это самое главное! — да и кушанье было по вкусу.

Стихи ему, видно, очень понравились.

Зорко глядя из-под очков и нет-нет подмигивая, сучил он правой ногой.

А когда С. П. кончила, он «как полагается», «как нужно» в таких случаях, не глядя, сказал:

— Ну, что это за стихи: всё о поцелуях!

— Да, — вспомнила С. П., — мы познакомились с Пришвиным: оказывается, ваш ученик, он рассказывал, что в гимназии вас козлом называли.

— Как ты смеешь так говорить! Я с тобой не желаю разговаривать!

И опять как в прихожей тогда.

— Вася, перестань, — вступилась В. Д., — мало ли что в гимназии! Разве можно сердиться!

Завтрак кончился, сидели так.

В. В. все еще сердился.

— Ну, давай помиримся! — и через стол протянул руку.

— Конечно, Василий Васильевич, ведь не я же вас козлом назвала!

— Как, противный мальчишка, опять! — и руку отдернул.

* * *

Не провокация? Не заговор? Не динамит? Приду — конспиративнейше — или пятницу, но вернее субботу между 2½—4 дня.

Vale.

В. Р.

23 сентября 1909.

РОССИЯ

А как это хорошо, что так и остались вы в России.

И я знаю, представься вам случай — нет, вы никогда бы не покинули Россию.

А ведь Розанов не только философ «превыше самого Ничше!» Розанов — сотрудник «Нового Времени».

И понятно, какой шкурный мог быть бы соблазн уехать из России.

Ведь, кто же его знает, мало ли какие могли бы быть недоразумения.

Русскому человеку никогда, может быть, так не было необходимо, как в эти вот годы (1917—21) быть в России.

Теперь то, да не то —

Да, много было тягчайшего — и от дури и от дикости, ведь мудровать мог кто угодно! — ведь революция, это не игра, это только в книжках легко читается!

А много было, чего в мир и тишину и в благоденствие, просто немыслимо, это порыв — это напряжение до крайности.

И в беде — великое человеческое сердце —

человек к человеку,
лицом к лицу.

А может, и так, говорю вашим словом, поменьше надо обвинять (и жизнь и людей) и терпеливо нести свой крест — нести бремя своей судьбы.

Ведь неспроста, в самом деле, и мык жизни и радость жизни!

В мир пришла тяжелая доля — тягчайшая для бедноты.

Конечно, всякому хочется, как полегче и поудобнее устроиться — всякий ищет легкой жизни — чудак! такой больше нет на всем свете.

На всем свете не легкая доля.

И если не зароют в себе «братское сердце», а я верю — и в самую жесточайшую борьбу я видел и чувствовал на себе и в себе — человек с умом и пытливостью победит и самую грозную, горькую невзгоду, устроит свою жизнь на земле по своей воле, без подсиживания, хитрости и злорадства.

И семена нового человеко-отношения брошены были как раз в жесточайшую расправу человека над человеком в эти годы страды — в России.

И именно, потому-то — потому-то и надо было быть в России.

А кому не пришлось — кто попал в веретено, закрутило и выбросило, или кто по малодушию утёк или спасая свою жизнь или спасая добро, что успел захватить, или по недугу, — сколько таких несчастных в чужих землях мучается!

Да, как это хорошо, что до последней минуты Вы остались в России в страде смертельной со всеми, со всей беднотой, и с «убогими».

* * *

Мы, Василий Васильевич, бесправные тут.

Я это тогда еще почувствовал, как из Ямбурга в Нарву попал, на самой границе, когда с нашим красноармейцем мы, русские, простились, а те свой гимн запели.

И уж молчок — ни зыкнуть, ни управы искать.

А в карантине сидя, на каторожном-то положении, стало мне совсем ясно, а когда из карантина на волю выпустили, не только что ясно, а несомненно.

Эх, Василий Васильевич, только обезьянья палата (обезьянья палатка!) уничтожила всякие границы, заставы, пропуски и визы — иди куда хочешь, живи, как знаешь. И как она безгранична, палатка-то, границ не имеет, так и значения, увы! никакого в ограниченном мире.

С правами, где хочешь, может быть только богатый —

только богатый.

Розанов, когда хотел сказать кому самое обидное, он говорил тому человеку:

«Будете богатым!»

Вы понимаете, Василий Васильевич, тут ужасная несправедливость — кит, которого ничем не сдвинешь.

Ну, а если нет ничего, все-таки на своей-то земле как-никак — «стихия», стены, родная речь...

Очень люди ожесточились, тесно стало, земля перекраивается. И уж кто уцепился, так зубами и держится и ты там хоть пропадай.

Я понимаю —

И не то страшно, что, вот, например, с квартиры тебя выгнали, потому, что ты не валютчик и платить много не можешь, а то страшно, что в сущности-то никому до этого дела нет, — всяк за себя.

Надо помирать, а лучше умереть, тогда, может, и схватятся, а пока еще на задних ногах ходишь, как сказал как-то Пришвин, и как бы там ни жаловался — вот я вам все жалуюсь! — все равно, всяк за себя!

— — — — — — — — — — — — — — —

Я, Василий Васильевич, на улице тут громко слово боюсь сказать по-русски — бывали досадные недоразумения! — ну и не хочешь, чтобы путаница вышла.

У них у самих бедовая!

И такая есть здесь бедность, ну как у нас, забыть невозможно, так в глазах: все вижу — —

А что я сейчас подумал: если бы вовремя отправили Блока сюда в санаторию, ну куда-нибудь в Наухейм, — теперь сюда много ездят с разрешения и М. О. Гершензон где-то тут лечится! — возможно, и поправили бы сердце, а главное, вдалеке-то успокоилось бы сердце и поправился бы и, я не сомневаюсь, поехал бы домой.

Дом — Россия.

Эта несчастная политика все перекрутила и перепутала. И ведь было такое время — теперь оно, кажется, проходит! — когда здешние про нас, оставшихся в страде — в России, говорили: «продались большевикам!» и это я читал собственными глазами, а у нас, бывало, чуть что, и «продался международному капиталу!».

Какое надо иметь злое воображение и какие пустяки хранить в душе!

А Россия — —

Я Вам лучше из письма прочитаю:

*

«— — начать с того, что нас ели в течение трех лет насекомые всех родов, пришлось впасть в страшную нищету, в Москве, по дороге из Саратовской в Черниговскую, когда не доезжая до Москвы у нас

уже не было хлеба, я по дороге в Третьяковку просила милостыню. В течение года у меня было одно платье, это то, в котором я венчалась. В течение года у меня не было ни одной рубашки и около двух лет я не видела мыла (никакого). Но как это ни странно, я очень мужественно все перенесла: была здорова, сильна и даже весела.

«— — я ведь тоже болела тифом и была стриженная, теперь у меня волосы больше четверти.

«— — Ильюша вот уже скоро 3 недели, как уехал в Петербург, я уже получила от него письмо; он пишет, это второе, но первого я не получала: я его отправила учиться, Н. В. взяла его к себе с тем, чтобы он подготовился и поступил в гимназию. Он очень мало знает, знаний у него за эти 4 года не прибавилось, т. к. я занималась многим, но не учением детей, я много рисовала и зарабатывала им на хлеб и молоко и др. продукты, я даже стала много лучше рисовать. Последние 1½ года много читала.

«Кира очень талантливый мальчик, он хорошо, очень хорошо рисует, мальчик с большой инициативой. Данечка очень веселый и очень любит мамочку, а Васенька очень нервный и желчный и все у него бы-

вает запоем, сегодня он писал запоем, он еще только начинает учиться грамоте.

«Дети (кроме Ильюши) в приюте, им плохо, приходится почти все жалование тратить на прикормку. Одеваюсь я очень бедно: теперь у меня 2 рубахи и 3 ситцевых платья. Если бы ты могла мне прислать на голову платок соответствующий моему возрасту и из белья, если что-либо тебе не так нужно.

15. 12. 22.

*

Да ведь это же Россия —

Россия без рубашки, простоволосая, в единственном уцелевшем венчальном платье —

Россия, мать, просившая милостыню —

Россия, у которой подросли дети — которых сберегла она за эту страду в годы повального мора и голода до людоедства.

Да, да, я ничего не понимаю ни в ваших государственных мудростях, ни в вашей политике, и не могу судить и не сужу, но я чувствую: забыто самое главное или перепутано что-то, только не так — — нет, нет, не так с этой кругосветной политикой, с границами, блокадами, пропусками, визами — —

А вот и еще, это из Саратовской:

*

«а не могу ли я вам чем-нибудь помочь? Как в Германии дело с хлебом? Я могу прислать муки, даже белой и пшена. Хлеба у нас много, урожай хороший был».

2. 11. 22

* * *

А помните, Василий Васильевич, как однажды, в отчаянии С. П. (беспросветно стало — это личное!) решилась уехать за границу.

Это, конечно, минута такая была, а в действительности просто не на что было бы нам и уехать.

Да слово-то было сказано.

— — — — — — — — — — — — — — — —

— Как? без России!

*

Дорогая и милая

Серафима Павловна!

Мне как-то очень грустно сделалось при вести, что Вы уезжаете за границу, неизвестно — на сколько времени. Грустно и больно. Так я привык к «моей крикухе», ведь «крикуха»-то эта была такая «славная» и словно «своя», так я привык к

Вам. И что-то грустное с Вами, чего я точно не знаю. Все это ушибло будто меня, и мне непременно захотелось приехать к Вам и сказать что-нибудь, чего может быть сказать не сумею. Словом, назначьте мне день и час и я к Вам приеду. Пожалуйста! Ведь Вы совсем стали нам родная, хоть последнее время и не видел Вас. Вы без хитрости и прямая, и честная и умная: дары не из частых. И не мелкая, не ничтожная. Тоже не часто!

Ну целую горячо Ваши милые руки. Право, как жаль, как жаль!

Ваш горячо преданный и любящий

В. Розанов.

Б. Казачий, д. 4, кв. 12.

Прийти я могу и вечером, от 10-ти вечера, и днем от 3—6-ти.

1909.

ОПАЛ

А. М.

Не сегодня ли условленное у Бенуа собрание для лицезрения опала? Если да, то поедемте вместе. Тогда зайдите. Так как Вы не пишете, то скажите и разъясните посланному.

В. Розанов.

Я думаю выехать часов в 9?

*

Ал. Мих.

Вообразите, сейчас по телефону пригласили меня на ужин — проводы св. Петрова и невозможно отказаться. Я собирался хоть на 1 час поехать к Бенуа, но уж очень измотаешься: такие расстояния, да и «засидишься» там, «опоздаешь» здесь и вообще чепуха. Поклонитесь им и извинитесь за мое отсутствие.

В. Розанов

С. П. поклон и рукопожатие.

1908.

* * *

Дождик который день по-осеннему.

А когда поехали от Бенуа, не надо было и верха подымать — луна и звезды.

Лицезрение сомовского «Опала», наконец, состоялось.

В. В. был в необыкновенной игре.

И «Опал» и обещание Сомова непременно показать восковой слепок с некоторых вещей Потемкина-Таврического: эти «вещи» я уже видел и разжигал любопытство В. В.

— Свернувшись лежат, как змей розовый.

— По указу самой Екатерины.

— В особом футляре в Эрмитаже.

В игре и в откровенные минуты В. В. говорил «ты», а себя называл Василием.

Но «Опал» расположил к еще большей простоте и безо всяких.

— Не Василий Васильевич, а Балда Балдович. Так я должен был называть В. В.

Разговорчивый, В. В. чередовал разговорами — С. С. Боткин, Бакст, Сомов, Бенуа, Добужинский —

Комната двигалась и все быстрей и быстрей.

Смехом В. Ф. Нувель нырял по углам.

И вот, нахохотавшись и набалдевшись, ехали молча.

Луна выжимала тесную сырую Гороховую; полунощные прохожие поблескивали, и лужи.

Черная и глухая Фонтанка серебрилась рыбными садками.

Осенью после дождей ночью, как и весною — эта мокрота́, хлюп, сырой воздух, какая-то влажность сквозь звезды.

Трубы Бельгийского завода там — упирались в звезды.

Вылезли в Б. Казачьем переулке.

В. В. пошел меня провожать: через дорогу и мы.

Посередине улицы против Егоровских бань остановились — огромными лупами наставились на нас банные окна.

И вдруг, налегке уж, В. В. заговорил.

Я никогда больше не слыхал такого, не видал его таким.

И сам бы он не мог повторить: не досказывая и перебивая себя, взахлеб.

Как рукопись, в которой слились все буквы —

Розановская.

Уж баня пропала — ни лун, ни луп. И соседнее темное. И только наш край верх залился.

— Так ты все это когда-нибудь и напиши!

«Написать?»

Я сказал:

— Тут надо как-то одним —

— Так ты одним словом, понимаешь?

— — — — — — — — — — — — — — — —

* * *

и теперь — сегодня удивительный день, прямо весна! — сейчас, в жесточайших днях, когда дни не идут, а рвутся с мясом, когда человек плечо к плечу прет на человека — еда поедом! — ополоумели вы, что ли? — когда на земле стало тесно, бедно, безрадостно — жалобы всё глушат и мера мира не радость, а как-нибудь! — несчастная тупая скотина с черствой коркой вместо сердца и камнем вместо хлеба, с таким узким полем около своего носа, таким маленьким миром, не протянувшая никому руки вот — никогда не улыбнувшаяся ни на что, несчастная, ведь нет несчастнее нечеловека в человеке, которому весь мир и враг — одно! и какая скука! сейчас, сию минуту, вдохнув весенний воздух и вырвавшись из этой нечеловеко-человеческой застрявы, продираюсь через годы — а всего-то 15 лет! 15 лет? — через революцию, где год за сто лет, и через войну — бесконечную! —

ночь, бани,
луны — лупы,
лужи,
влажность сквозь звезды —
— Василий Васильевич!

влажность сквозьзвездья, живая влага, Фалесова hugron, мировая «улива», начало и происхождение вещей, движущаяся, живая, огненная, остервенелая, высь скори, высь быстри, высь бега, жгучая, льнущая —

я скажу —
на обезьяньем языке словом — одним
словом:
кук — ха —
кук — ха!

кукха, проникающая мир сквозь звезды, устой подзвездья, сама живая жизнь, живчик, семя, выросшее и в букашку и в козявку — 3½ миллиона в Лондонском музее всяких разных козявок, смотрите! — и в человека с беспокойной, как сама кукха, мыслью от Фалеса до —

кукха, проникающая в кукху,
самопознающая!
кукха, вырывающаяся из себя —
хочу знать само!
кукха, где все —
одно сердце,
одна жизнь,
букашки, козявки, таракашки,
слоны,
медведи,
коровы,
люди —
вырастающая человеком
в самочеловека —
в пирамиду
В. В.
Розан-
ов.

УБОГИЕ

Серафима Павловна всегда считалась «ученицей» Д. Д. Бурлюка.

С Бурлюками знакомство у нас старинное: мы жили с ними под одним кровом, и с Людмилой Д. Бурлюк-Кузнецовой у С. П. многолетняя дружба.

Я же как-то не подходил ни к кому и рисовал под всех и одно время, в шутку, конечно, называл себя учеником Судейкина.

И я и С. П., оба мы рисовать не учились.

И разница была в том, что надо было большое упорство, чтобы приневолить рисовать С. П., а меня и неволить нечего: рисовать мне, что горе-рыбаку рыбу удить, рисовать это моя страсть.

В детстве первые мои опыты: мелом себе на ладонь, а с ладони на спину прохожим.

Отсюда все и пошло.

Конечно, Судейкин тут ни при чем.

И скорее всего ученик я Кандинского, и это я понял уже тут в Берлине после лекции Ив. Пуни.

Занимался я «Бесовским действом»: читал всякие источники и русские и немецкие.

И пришло мне в голову переписать для В. В. Розанова из Киево-Печерского Патерика житие Моисея Угрина — замечательную историю любви.

Помню, М. А. Кузмин восхищался этой повестью.

Переписывал я ее старательно с завитками и усиками.

И когда все было готово, и, не знаю как, задел я чернильницу, чернила на рукопись, я рукопись отдернул — чернила и разбрызгались.

И вот из этих-то пятен, стрел, серпов и волн вышел рисунок: черти с Бабой-Ягой неслись, за ними нежить, нечисть — взвив и взвихрь бесячий.

Помню, в канун рожденья Варвары Димитриевны были мы у Мережковских — Мережковские после революции за границу уезжали — были и Розановы.

И вот ровно в полночь я поздравил В. Д. со днем рожденья, а В. В. — подарок: житие Моисея Угрина с бесами.

* * *

Милый Алеша!

Прости за «Убогаго» (в папке): ведь это те «убогие» Киево-Ростова, что сродни «Табаку» — — —

Не без тайного предчувствия я хранил сей лист: срисуй мне на (ново) белую бумагу комбинацию левой стороны и этой: т. е. «мухи», «мурья», «ведьма».

Я издаю: «Когда начальство ушло» (т. е. статьи в революцию написанные). Последний отдел будет 1907—1910 (т. е. годы) и там одно слово на листе:

УВЫ.

На следующем листе:

Что же случилось?

И на третьем — твой божественный рисунок.

И больше ничего, обложка.

Но это в абсолютном секрете и даже от Sim'ы. Sime поклон до пояса или лучше сказать... Не сердись на Василия Беспутного.

В. Розанов.

1910.

*

Милая Серафима Павловна!

«Мудрый Змий» передал мне, что Вас обидело мое письмо к нему, — (и он напрасно показал его Вам). Приношу Вам мое извинение: не хотел Вас огорчить. Он и передал мне мотив Вашего огорчения, очень верный.

Нельзя открывать, называть громко то, что должно быть в тайне и молчании. Но Алексей Михайлович верно понял мой мотив, не имевший злого намерения. Обоих вас я очень люблю.

Ваш В. Розанов.

1910.

* * *

Книга вышла.

Развернул: — и увы! — что же случилось? — и рисунок.

Но это совсем не то, и только зная, можно еще представить, — ничего моего.

Оказывается, «настоящий художник» поправил!

И вышло: Баба-Яга скачет на помеле, а за ней черти с хвостами, рогами, ну, как всегда рисуют, а бесячьего-то взвива, взвихря — чертей-то нет.

Все излицовано и совсем безлично.

А это тоже, как открыть, что должно быть «в тайне и молчании» — и обеззвучить, обескрасить, обескровить.

Розанов это хорошо знал.

И много об этом разговору бывало.

А вот, как и тут «настоящий художник» с моим диким рисунком — —

— Почему заборное слово отвратительно?

— Почему матерная ругань груба?

— Почему уличное приставание неловко и даже больно?

— Почему открытое прикосновение неприятно?

— Почему откровенная обнаженность пугало?

Ну, скажем, матерная, как и всякая ругань, просто как слово — самородно выбившееся, ведь это цельная стопа — стопа-ступ слов, а по звучности, звончей оплеухи, та́к — прекрасна.

И все прекрасно в своей звезде.

Розанов это очень хорошо понимал.

ЯЗВА

В Казачьем переулке в соседстве с Розановыми начало в делах моих книжных было как будто ладно.

Наступил 1909 г. и все кувырнулось.

Простудился — воспаление легких. (Лечил Н. Ф. Чигаев.)

А выздоровел, написал повесть «Неуёмный бубен», прочитал в «Аполлоне», — не приняли.

Трудно мне было выбиваться в «писатели».

И хоть других уж навастривал (А. Н. Толстого, М. М. Пришвина), а самому приходилось околачиваться в «Скетинг-ринге», во «Всемирной Панораме», да и то стараниями А. И. Котылева, действовавшего в выколачивании авансов не только убеждением, но, как узнал я потом, и мордобоем.

Дело тут не в славе, которую никогда не искал, и не в честолюбии, которого по рождению лишен, дело тут — дела житейские.

И как на грех А. А. Измайлов из побуждений самых высоких, оберегая литературную честь, написал про меня в вечерней Биржовке —

Когда-то в детстве в любительском спектакле в пьесе «Плагиат» играл я плагиатора, и такое совпадение очень меня развеселило.

Я в каком-то прошении — давно уж пишу прошения! даже подписался «плагиатор» и фамилию.

Да в житейском-то деле оказалось не до шуток: в одну туркнулся редакцию и с солидной рекомендацией (К. И. Чуковский написал) — дело верное, а отказали, в другую пошел — там обещан был аванс 15 р., говорят, впредь до выяснения невозможно.

Пришвин, известный тогда, как географ, своими книгами «В стране непуганых птиц» и «За волшебным колобком» (Изд. А. Девриена), только что выступивший «Гуськом» в Аполлоне, писал также в «Русских Ведомостях» и был на счету «уважаемых», Пришвин, как эксперт — большая медаль из Географического Общества, действительный член — этнограф, географ, космограф! — пошел по редакциям с разъяснениями. И его выслушивали — сотрудник «Русских Ведомостей»! — соглашались, обещали напечатать опровержение, но когда он, взлохмаченный, уходил, опускали, не читая, его автограф на память — в корзинку.

А тут еще схватило живот, думал так — бывало недели одним сыром питались! — ан, дело совсем не до сыру: язва желудка.

И потянулись дни, недели, месяцы, год — —

Книгу бы издать, чтобы как-нибудь, — ведь со спиртовым компрессом дни и ночи, черничный кисель! — написал я во все издательства, какие только знал в Москве и Петербурге.

И до чего все-таки благородно — ответили: от Мусагета (через Андрея Белого) до Сытина (через Руманова) и от Сытина до Вольфа: все отказали.

Помню, Р. В. Иванов-Разумник 3 рубля дал — зелененькую, никогда не забуду.

Это как тогда Розанов —

Тоже никогда не забыть нам.

Был у нас полный дом, редкий вечер, чтобы гостей не было, а тут —

Это беда распугивает.

Но самое тяжкое не язва, а то, что обузой — ведь какое надо терпение и не тому, кто страждет, а кто неотлучно, как ночной огонек в непроходимой ночи; самое тяжкое — совесть жизни такой.

Писали в московских газетах, не помню, не то в «Русском Листке», не то в «Раннем Утре», чтобы «вычеркнуть меня из писателей» — чудаки! да у меня тогда и претензии этой ну нисколечко не было — какой я там писатель!

* * *

Редкий день не вспоминаю я милого Алексея Михайловича, — прикованного к своей комнате-темнице, — и его «язву в желудке»... Но болезнь эта, я всех расспрашивал, — упорна, но не опасна. Крепитесь! Желаю Вам не страдать...

Жму руку и Вам и Серафиме Павловне.

Не у вас ли Алексей Толстой?

Тогда верните: н у ж н а.

В. Р.

1910.

ЗЕЛЕНЫЕ БЕРЕЗКИ

На жгучем ляписе (прижигания язвы) и обволакивающей овсянке (единственное питание), дважды выйдя на волю — к Аничкову в новгородские Ждани и к Р. В. Иванову-Разумнику на необитаемый остров Вандрок (Аландские острова), написал я «Крестовые сестры».

И к осени мы переехали с Казачьего на Таврическую в достраивающийся дом Хренова «просушивать стены».

С «Крестовых сестер» стал я поправляться. И опять у нас грём и стук — народу труба.

Но этим дело не кончилось.

От просушки ли стен или еще от чего, а просушка только видимое звено, захворал я опять — воспаление легких. (Лечил С. М. Поггенполь.)

И выздоровел.

Но еще впереди за многое предстояло мне ответить или еще многое принять и телом и душой, а для чего, не знаю.

*

И вовсе не по несуразности или от дури забирались у нас на вокзал за два часа до отхода поезда даже и тогда, когда ввели нумерованные места и плацкарты.

А все это от неуверенности и недоверия.

Здесь, за границей этого раньше не знали — до войны, сейчас другое дело, и нет ничего удивительного, если и тут спозаранку и загодя никогда не мешает.

Так же и с почтой.

Перед Пасхой я задумал нарисовать В. В. карточку поздравительную — с яйцами, все, как полагается.

И в Великую среду вместе с дальними письмами опустил и городское поздравительное.

И, как оказалось, перестарался.

Яйца пришли к В. В. в Великий четверг.

* * *

Среда-Четверг Страстной Седмицы.

Воистину Зеленые березки...

Поздравляю дорогих Алексея Михайловича и Серафиму Павловну с Троицыным Днем!!!

В. Р.

1911.

На визитной карточке:

Василий Васильевич Розанов

Спб. «Новое Время», Москва «Русское Слово»

Спб. Звенигородская, д. 18 кв. 23.

* * *

В. В. Розанов по прежним годам знал, что когда лето приходит, начинаются у нас мытарства — куда деваться?

А познакомились мы о ту пору с Бородаевскими: Валерьян Валерьянович (поэт) и Маргарита Андреевна. И Розанов был с ними в дружбе. Вот к ним-то в Курскую губ. Розанов и предлагал ехать.

А нам дорога была — в Париж.

*

Très chéris Алексей

Серафима!!

1) Прочтите внимательно письмо Бородаевского.

2) Конечно — согласитесь на его предложение.

3) Не позже среды уведомите меня о решении вашем

4) и, приложив обратно его письмо (и адрес) —

чтобы я мог ему сказать, конечно
д а!

Хотелось бы вас повидать.

Ваш В. Розанов.

Звенигородская ул. д. 18 кв. 23.

1911.

ЗАВИТУШКА

Сергей хорош...

Русский человек должен говорить на двух языках:

на языке русском — языке Пушкина
и по-матерному.

В. В. Розанов говорил на русском языке.

С присюком — но не по природе, а по возрасту.

Матерную же речь, как и сквернословие, не употреблял, почитая за великий грех и преступление.

— И это такой же грех, — говорил он, — как всуе поминать имя Божие!

П. Е. Щеголев дал мне фотографические снимки с рукописи Кирши Данилова — те места, которые в печатном издании точками обозначены.

Днем зашел В. В.

Жили мы на Песках на 5-ой Рождественской. «Вопросы Жизни» закрылись и я был свободный. После холодной зимы — не столько

зимы, сколько квартиры, в которой, по уверению старшего дворника, можно было без рубашки ходить! — с весной я ожил и понемногу писал.

В. В. был по соседству в Басковом переулке у Анны Павловны Философовой с визитом.

Он был праздничный такой, нарядный.

С. П. не было дома.

Я предложил ему кофею. Но кофей остыл, а В. В. любил горячий.

О кофее мы и разговорились —

> что нужно горячий, а холодного и даром не надо.

— Ну, почитай что-нибудь.

Я прочитал крохотное начало из «Посолони» о монашке, который принес мне веточку — этот полусон-полуявь мою, от которой на сердце горел огонек.

— А ты про зверка еще!

Так называл В. В. «Калечину-Малечину», тоже из «Посолони».

Тут мне в глаза бросились снимки с рукописи.

— Давайте я вам лучше почитаю из Кирши Данилова. И стал читать, что точками-то обозначено —

Сергей хорош...

Конечно, я не мог читать так, как проговорил бы это какой-нибудь сказитель, Рябинин. Я по-

нимаю, такое надо так — скороговоркой, надо — плясать словами.

В. В. очень не понравилось.

— Вот серость-то наша русская: наср... и пёр...! Как это все гадко. Только про это. Да еще — ... в рот! И больше ничего.

Успокоился же В. В. на рукописи:

какой замысловатый почерк, какая цветистость.

— Вот и подите!

Х. (Хобот)

Поздно вечером, как всегда, зашел к нам В. В. Розанов.

Это было зимою в М. Казачьем переулке, где жили мы соседями.

Я завел такой обычай «страха холерного», чтобы всякий, кто приходил к нам, сперва мыл руки, а потом здоровался. И одно время в моей комнате стоял таз и кувшин с водою.

В. В. вымыл руки, поздоровался и сел в уголку к столу под змею — такая страшная игрушка черная белым горошком, впоследствии я подарил ее людоедам из Новой Зеландии, представлявшим в Пассаже всякие дикие пляски.

Посидели молча, покурили.

На столе лежало письмо, из Киева от Льва Шестова.

— Шестов приезжает! — сказал я, — будем ходить стаей по Петербургу. В конке он за всех билеты возьмет, такой у него обычай. Пойдем к Филиппову пирожки есть с грибами. Потом к Доминику — —

— До добра это не доведет, — сказал В. В.

И умилительно вздохнул:

— Давай х. (хоботы) рисовать.

— Ничего не выйдет, Василий Васильевич. Не умею.

— Ну, вот еще не умею! А ты попробуй.

— Да я, Василий Васильевич —

Тут мне вспомнился вдруг Сапунов, его чудные цветы, они особенно тогда были у всех в примете.

— Я, Василий Васильевич, вроде как Сапунов, только лепесток могу.

— Так ты лепесток и нарисуй — такой самый.

Взяли мы по листу бумаги, карандаш — и за рисованье.

У меня как будто что-то выходить стало похожее.

— Дай посмотреть! — нетерпеливо сказал В. В.

У самого у него ничего не выходило — я заглянул — крючок какой-то да шарики.

— Так х. (хоботишко)! — сказал я, — это не настоящий.

И вдруг — ничего не понимаю — В. В. покраснел —

— Как... как ты смеешь так говорить! Ну, разве это не свинство сиволапое? — и передразнил: — х. (хоботишко)! Да разве можно произносить такое имя?

— А как же?

В. В. поднялся и вдохновенно и благоговейно, точно возглас какой, произнес имя первое — причинное и корневое:

— Х. (хобот).

— — — — — — — — — — — — — — —

— Повтори.

Я повторил — — и пропал.

— Ведь это только русские люди!— горячился В. В., — наше исконное свинство. Все огадить, охаять, оплевать —

И я уж молчком продолжал рисовать. Но не из природы анатомической, а из чувства воображения.

Успокоился же В. В. на рисунке:

> верно, что-нибудь египетское у меня вышло — невообразимое.

— Чудесно! — сказал В. В., — это настоящее!

И простив мне мое русское произношение — мое невольное охуление вещей божественных, рисунок взял с собой на память.

Извините, с яицами

В Пензе у бабушки Ивановой на Николу зимнего в именины ее внука такой бывал пирог именинный — за два с лишним ссыльных года переменил я в Пензе тринадцать комнат, а нигде такого пирога не пробовал.

Старухи Тяпкины, уж по этой-то части, кажется, первые, ну, а против бабушки Ивановой —

— Ирина Васильевна мастер!

И это не я говорю — мне что понимать! — говорит это Сергей Семенович Расадов, самый знаменитый и первейший актер-трагик не только в Пензе, а и во всей великой хлебной округе, для которого, кажется, на Клещевской и Алиповской мельнице сама мука мололась, сама крупчатка.

— Капуста любит сметану, а масла не спрашивает! — скажет так бабушка Иванова и все вот так, попробуй, узнай секрет.

У бабушки Ивановой на пироге был С. С. Расадов. Был и я — увы, это последний мой пирог:

> у бабушки случилось несчастье, летом пропали серебряные ложки, и я был обвинен в пропаже этих ложек и уж ход к пирогу мне был закрыт.

За пирогом первый гость Расадов.

Ему и слово: похваливая пирог и умеючи его подъедая — всякое по-своему естся! разъевшись, рассказывал он всякие кулинарные происшествия за свое долголетнее странствие по театрам.

Рассказал и о каком-то батюшке, который, потчуя гостей, говаривал:

«Пирог, извините, с яицами».

* * *

В самом начале нашего знакомства, еще на Шпалерной, я рассказал В. В. Розанову о бабушке Ивановой, о Расадове — а хорошая фамилия! — о пироге и об этом «извините».

И помню, это его страшно поразило.

— И до чего это верно, — повторял он, — так и вижу.

И на всю жизнь это ему осталось.

Бывало, в воскресенье придет к Розановым какой-нибудь батюшка и начинается разговор за чаем. И конечно, высоким слогом. А В. В. меня ногой под столом, шепчет:

— Извините, с яицами!

А сам покраснеет — губы кусает, чтобы не рассмеяться.

Все батюшки делились у В. В. на Чернышевских-Добролюбовых и на таких — «с яицами».

И «с яицами» ему были ближе.

— Проще и без лукавства.

ПОП ИВАН

В Москве на Воронцовом поле в нашей приходской церкви у Ильи Пророка было два священника:

> старший — Димитрий Иванович Языков протоиерей, ученый, благочинный и сын у него знаменитый московский доктор: и младший — просто поп Иван, ни отчества, ни фамилии.

Языков — Кустодиеву рисовать: борода белая, в усах с зеленью, золотые очки. В проповедях про Льва Толстого и всегда Анна Каренина, как живая. А служил истово — всякое слово слышно. И с особенным распевом в возгласах — в возгласе на всенощной:

«Приидите поклонимся...»

и уж Сахаровские мальчишки такую паузу выдержат, дух захватит —

«Благослови душе моя, Господа...»

А в Великую субботу на «Погребении» сам читал над Плащаницей «Иезекиелево чтение». И тоже все нараспев особенно —

> так в старину знаменную, когда знаменный распев — а идет он от буйвищ и жальников, от Корины и Усеня! — гремел и перекатывался в сорока-сороках московских, читали так.

И все боялись Языкова пуще огня.

Сурово смотрит из-под очков, не улыбнется.

И, должно быть, ни разу в жизни не улыбнулся, а только служил, обличал, блюл устав церковный.

Исповедовались у него только именитые прихожане, такие, как Найденовы, Прохоровы.

У попа же Ивана, хоть и борода — вся рожа заросла, но ниже кадыка не идет и какая-то черно-серая, немытая, пуко́м. И служил поп Иван говорком — ничего не разберешь; самое простое, «Богородицу» и «Отче» не разобрать. Проповедей же не говорил — «потому что не мог», но главное — выпивал:

> поп Иван спьяну плясать любил и где попало, у кабака ли, в ограде ль ильинской, ему все равно, и скачет и пляшет и —

Дьякон тоже был пьющий, запойный.

И как схватятся вместе служить — и смех и грех.

От благочинного старались скрыть. Да как убережешься, когда это у всех на глазах, да и человек на ябеду падок — писали доносы.

И ходили оба: и поп Иван и дьякон под великой грозой —

«погонят в заштат!»

У попа Ивана все исповедались — все простые прихожане. Да и чистая публика скорее пошла бы к нему на исповедь, да только что неудобно.

И вот допился поп Иван — зимой было — простудился и помер.

Был я на похоронах.

Будни, а народу столько, как в Ильин день, когда крестный ход из Кремля в Ильинскую церковь ходит.

И все жалели попа Ивана.

«Такого батюшку больше не нажить!» — говорили.

* * *

Когда я рассказал В. В. о попе Иване для примера:

> куда с ним? — ни его к Чернышевскому,
> ни под «яицы»!

— Это уж блаженные, — сказал В. В., — самое наше, народное.

И это было ему тоже близко.

Только без пьянства; сам он не пил.

— Да, великое это дело — блаженные!

И часто поминал он и не раз писал о священнике Устьинском, подлинно блаженном — в войну поминавшем Вильгельма на проскомидии.

— Ну, а что же ты о серебряных ложках: у бабушки пропали!

— А-а! про это я рассказ написал.

До пояса

У нас в Казачьем переулке.

Вечером за самоваром В. В. Розанов.

Разговор любовный. О чем — из головы вон. Запомнился конец.

— Вот Варвару Димитриевну я никогда не обманывал, это единственный человек.

— Как же так: вот вы к нам пришли, а В. Д. говорите, в «Новое Время» ходите, — это же обман.

— Ну вот еще! Я считаю себя до пояса свободным, а от пояса вниз верен В. Д.

— Бедная Варвара Димитриевна, как мало ей принадлежит.

— Ты ничего не понимаешь: очень много принадлежит.

— А у вас ж был роман с гувернанткой!

— Ну, так что? Я только с грудями делал, больше ничего.

За спиной

На вечере у Ариадны Владимировны Тырковой перед ее отъездом в провинцию читать лекции или, как сказал В. В. Розанов, «баб подымать», было много гостей.

Все важные государственные люди и политики: Шингарев, Родичев, Жилкин, Адрианов, Д. Д. Протопопов, Струве.

Был и В. В. Розанов.

В. В. шушукался по углам.

Политические разговоры его совсем не интересовали, его занимало другое. Слушая политического деятеля, в самую решительную минуту его рассказа он тихонечко спрашивал:

может ли он «сноситься» или не может?

А. В. добрый человек — поставила бутылку красного.

Я соблазнял В. В.

Но его никак не возьмешь.

Я же наоборот, вино принимаю и пьяниц люблю, разве что укоризненных и обидчивых... впрочем, нет, всех.

Но вина никто не пил.

Все ведь трезвенники. И такие виноборы, как Адриаша (С. А. Адрианов), который даже духу переносить его не мог, предпочитая всему пиво или просто «очищенную».

Я занимался путаницей.

Я показал В. В. на Жилкина, рекомендуя его как Д. Д. Протопопова, а Протопопова показал за И. В. Жилкина.

И В. В. трогал разбойничьи мускулы Жилкина, хваля Протопопова. И хвалил думскую речь Жилкина Протопопову.

Г. В. Вильямс случайно все разъяснил.

Но уж было поздно.

— У тебя одни дурачества на уме, все путаешь! — рассердился было на меня В. В.

Я не оправдывался.

А сели ужинать и В. В. помирился — помирила икра.

Я сказал, как М. А. Кузмин верно определил одну даму, ее восторженно-говорливую суетливость с низкою талией, будто когда за столом она —

— Она икру мечет.

И хотя этой дамы тут не было, В. В. нет-нет да подталкивал меня ногой, подмигивая:

— Икру мечет!

Очень ему это понравилось.

* * *

За полночь возвращались втроем на извозчике.

Я на коленях у В. В.

В. В. с одной нашей знакомой.

Дождь. С поднятого верха каплет. И фартук мокрый.

Я долго не мог устроиться. Все ёрзал:

не давлю ли костяшками?
удобно ли?

Но и к дождю и к сиденью привыкнул.
Так и ехали.

— — — — — — — — — — — — — — —

— Дай пососать палец!

И только от шин по мокрому торцу шлюп. И встречный плёв колес.

— Дай пососать палец!

— Я очень брезгливая.

— А разве я поганый?

— Да, нет...

— Дай мне мизинец!

— — — — — — — — — — — — — — —

— Не добрая ты. Ну чего тебе стоит!

ЭРОТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

В воскресенье я пошел один к В. В. Розанову.

С. П. была у Бердяевых и собиралась вместе с Л. Ю. Бердяевой попозже.

Ни Н. П. Ге, ни Е. П. Иванова не было. А обыкновенно в воскресенье они являлись первыми.

А может, и были и ушли:

В. Д. — на крестинах,
Александры Михайловны тоже нет,
а В. В. болен.

В халате, с завязанным горлом — вата лезла и к ушам и к носу — самое что ни на есть жалкое и зяблое, а говорил — едва-едва.

Сидел гость — стрютский, такие появлялись иногда у Розановых, в застегнутом сюртуке, приглаженный, а в выражениях самых почтительнейших.

Видно было, что с первых же слов он надоел В. В.

Я отошел в противоположный конец к полкам и стал перебирать книги.

И вот во время рассказа о какой-то земельной реформе — говорил гость — в прихожей звонок:

Серафима Павловна и Лидия Юдифовна.

— А Варвара Димитриевна на крестинах! — сказал В. В., и мне показалось, куда чище, чем отвечал надоевшему гостю.

Горло у него действительно болело, но не в такой степени.

Я заметил, что и С. П. и Л. Ю. стоят в нерещительности и не садятся и не уходят.

Да и неудобно сразу уходить, но и оставаться тоже... У обеих по красной гвоздике.

— А откуда у вас цветы и почему одинаковые? В. В. сказал это совсем уж чисто.

— Мы поступили в одно общество, — ответила С. П. и живо и твердо.

— В какое?

— В эротическое.

— — — — — — — — — — — — — — — —

— Мы собственно и приехали, как делегатки, просить вас быть почетным членом за ваши большие заслуги в этой области.

— Перестань глупости говорить, я хочу действительным.

И это уж сказал В. В. так, как будто у него никакого и горла не болело.

И вдруг сжался, как пойманный, — и вата еще больше полезла, точно хотела прикрыть все лицо и с очками:

этот гость скучнейший, который почтительнейше слушал!

В. В. засуетился, шаря по столу.

— Знаете, замечательное заседание Государственной Думы, речь Жилкина! — и, сунув гостю «Новое Время», повел его в столовую, — прочитайте, замечательное!

А вернулся один и уж совсем другой: к черту всякие заседания, и горло — наплевать!

— Ну, рассказывайте, рассказывайте!

— Там три отделения: мужское, женское и смешанное.

— Я в женское.

— Мы не можем. Вы там сами скажете.

— Ну, едемте! едемте!

И В. В. сорвал с шеи повязку.

Лидия Юдифовна и Серафима Павловна пошли в прихожую одеваться.

Я и еще раз однажды увижу В. В. таким —

на любительском спектакле на представлении «Ночных плясок» Ф. К. Сологуба в зале Павловой, когда я поведу его за кулисы, где в тесноте кулисной он может быть подлинно, как «бози», т. е. делать все, как хочется и как воображается.

В. В. все делал с неимоверной быстротой: сбросил халат, нашарил воротничок, галстук, манжеты — он ничего не видел, ничего не замечал, все забыл и обо мне и о скучнейшем госте, почтительнейше читавшем в столовой уже читанную (конечно!) газету.

Он весь красный, губы вздрагивали, руки махались, словно на лове.

Ну, вот и готово.

Подмигнул кому-то и выскочил в прихожую.

— Василий Васильевич, — слышу, — мы вас обманули: никакого общества нет. Мы нарочно, пошутили.

— А так вот как!

— — — — — — — — — — — — — — —

— За это я вас должен поцеловать.

Они к двери —

и он за ними.

Они по лестнице вниз — Розановы жили на самом на верху — нет, он догонит!

На площадке:

— Ну, давай поцелую.

Увернулись и дальше —

и он за ними.

И опять:

— Давай поцелую!

С. П. перегнулась к лифту —

а там будто В. Д. поднимается:
вернулась!

— Варвара Димитриевна! — сказала она крепко, как зазвенела, — мы вас не застали.

И вдруг В. В., ну это мгновенно, ну, как мыш, пысь —

И только слышно, как там, на самом на верху, дверью хлопнул.

И опять горло и голосу нету и скорей халат и лечь бы уж —

Ки — Ки

Странные вещи творятся в мире: дан человеку язык, ну что бы всем говорить по-одинаковому, а нет, хуже того — одни и те же слова, но на предметы совсем разные.

И это вовсе не анекдоты из жизни греческой королевской семьи, это — истинная трагедия человечества.

По-русски, скажем, кит — рыба-кит, который пророка Иону проглотил, а по-немецки — замазка (der Kitt).

По-русски гибель — «гибель надежды», по-немецки — фронтон (der Giebel).

По-русски мост, а по-немецки — брюки (die Brücke).

Про это всякий знает, кто попал в Берлин — Берлин есть город стомостый! — и на Варшав-

ских брюках (Warschauer Brücke) по подземной дороге пересадка.

«Брюки» — это еще туда-сюда и теперь едва ли кого смутит, разве что Ю. И. Айхенвальда, и никакими «невыразимыми» и «продолжениями» нет нужды заменять. Но бывает, что слово неприличное, а для вещи ходовой. И вот изволь произносить во всеуслышание, как ни в чем не бывало:

> наше русское «три» — 1, 2, 3 — по-английски «three!»

А кроме того еще всякие заковырки!

И их надо все усвоить в языке иностранном, чтобы на смех тебя не подняли.

Есть по-немецки глагол «gehen» — ходить, идти.

Помню, в самом начале, когда еще только вывески разбирать стал — иду по улице и вывески все по слогам складываю, а что говорят, все сливается или слышится совсем неподходящее, на лекции Штейнера напр. слышалось одно слово: «мейерхольд!». И вот выхожу раз из подземной дороги на Leipzigerplatz, а навстречу знакомый немец, здоровается:

— Wie geht es Ihnen?

— Nach Zimmerstrasse! — отвечаю.

А тот чего-то засмеялся: чего?

После уж я сообразил, что надо было поблагодарить по крайней мере или ответить:

— Добиваюсь права жительства (Aufenthaltsbewilligung) или ищу комнату.

Ведь это все равно, как спросили б:

— Как поживаешь?

А я бы ответил:

— Яблоко.

* * *

В. В. Розанов и писал и много рассказывал о своих «итальянских впечатлениях» — П. П. Муратов, слушайте! — заграничные словесные недоразумения.

Но самое ужасное было с ним во французском отеле ночью.

Ночью схватило у него живот —

«так припёрло, невмоготу!»

Ну, кое-как оделся и в коридор.

И благополучно достиг желаемого места.

— А когда опорожнился, тут-то и началось сущее мытарство. Выхожу, темно. Поискал кнопку электричество зажечь, нету. Иду по коридору, шарю. Бросил уж кнопку, хоть бы комнату-то нашу найти! В одну дверь туркнусь, а оттуда: «ки-ки?» В другую — «ки-ки?» Только и слышно из всех углов. «Je suis, — говорю, — je suis!»

ЛЕГЕНДА

М. А. Кузмин написал музыку —

хождение Богородицы по мукам.

Сам он и играл на рояли и пел.

Год 1907-ой прошел под знаком этой песни.

Легенда «Хождения» — из Византии не русская, а как пришла в Россию и как полюбилась, стала русской, самой своей, самой исконной —

за великое милосердие великого сердца — за «непрощаемый грех», который прощается.

Там на Западе Дантово здание сверху и донизу — от ада до рая — раз и навсегда и этот «грех непрощаемый»,

а тут на Востоке это Хождение —

Богородица ходит по аду во все тьмы, огни и морозы и не хочет возвращаться в рай — хочет мучиться с грешниками во тьме, во огне, в морозе.

По апокрифу Богородица призывает все силы небесные, пророков и апостолов и праведников и просит Бога помиловать грешников. И отпускает Бог грешников — дает им отдых от Великого четверга до святыя Пятидесятницы.

Но это еще не все.

Продолжаю апокриф —

> может ли великое сердце успокоиться сроком? но и справедливость — кара грешникам за безобразие — не может длить срок до беспредельности (bis auf weiteres).

И кончается тем, что Богородица отказывается от райского блаженства, уходит из рая и идет мучиться с грешниками — в ад — на землю —

* * *

Я рассказал В. В. Розанову о этой замечательной легенде.

И о Кузмине, какой это удивительный человек: и стихи пишет и музыкант и поет и Бог знает что —

> Кузмин тогда ходил с бородой — чернющая! — в вишневой бархатной поддёвке, а дома у сестры своей Варвары Алексеевны Ауслендер появлялся в парчовой золотой рубахе навыпуск, глаза и без того — у Сомова хорошо это нарисовано! — ско-

сится, ну, конь! а тут еще карандашом слегка, и так смотрит, не то сам фараон Ту-танк-хамен, не то с костра из скитов заволжских, и очень душился розой — от него, как от иконы в праздник.

Я подзадорил В. В.: и Кузмина повидать и пение его послушать —

хождение Богородицы по мукам.

А все что-то мешало, все откладывалось. Прошел год и другой —

уж Кузмин давно снял вишневую волшебную поддёвку, подстригся и не видали его больше в золотой парчовой рубахе навыпуск; были у него редкие книги старопечатные (Пролог) и рукописные, и знаменные крюки (ноты) — все спустил, все продал, и голос не тот, в «Бродячей собаке» скричал.

Но все равно.

В первое же знакомство у Розановых Кузмин играл на рояли и пел.

В. В., зорко присматриваясь к нему — «легенда!» — слушал единственную легенду, в которой все существо наше, вера русская и такая — другая, не Дантова —

хождение Богородицы по мукам.

— Хорошо, как птичка в лесу!

БЛУДОБОРЕЦ

По весне, как всем известно, в Зоологическом саду зверь на звере сидит — слон на слоне, гиппопотам на гиппопотаме, жираф на жирафе, и всякая птица старается, чтобы потом яиц как можно больше накласть, хоть про яйца и нет пока думы.

И так целый день.

И только под вечер угомонятся и дрыхнут по клеткам, свернув натрудившийся хвост: в этих делах хвост — все.

Я заметил, чем крупнее зверь, тем он осмотрительнее, мелкий же — глупый, без всякого разбору и сил не рассчитывает.

П. Н. Потапов ходил по весне в Зоологический сад для поднимания, как сам он выражался, потенциальной энергии.

Странный он человек! И зачем ему это поднимание, когда и без того вечная его и одна жалоба на обуревание мыслей зоологических.

Вообще П. Н. Потапов странный человек.

Помню, во время войны, уж в конце, когда стало все трудно добывать и всякие кооперативы

пооткрывались, принес он как-то красного вина и особых гигиенических печений для С. П. по случаю болезни. Мне досталось так с наперсток — не пил ничего! — а ему остальное. Так бутылку и прикончили во здравие. И что же вы думаете, на другой день получаю счет —

> П. Н. просит уплатить ему за вино и печенье.

Ну, разве не странный?

По счету я заплатил.

А уж в революцию перед отъездом из Петербурга принес он мне воротнички, тоже «в дар». А я уж боюсь, не беру. Воротнички № 47, мне ни к чему, а покупать на запас «для подмазки» денег нет. Долго не решался, а все-таки взял: в дар ведь! И уж наверняка получил бы счет и большущий, да спас меня его экстренный отъезд.

П. Н. Потапов искони называл себя не Петром Николаевичем, а ласкательно-уничижительно — Петюнькой и не сообразно со своей зоологической конструкцией — воротничок № 47 — а в лад и стать с кротостью своего духа и тони голоса.

Служил П. Н. в банке.

Днем в банке, вечером карты. А после карт частенько куда-нибудь так с компанией.

П. Н. не пил, чтобы напиваться, как другие.

П. Н. по его собственному признанию был большой «ловитель» женщин.

Так время и проходило: служба, карты и т. д.

И вот в один прекрасный день захотелось П. Н. «чистой жизни».

А как стал разбираться и искать замутнения своей жизни:

> карты? — нет, в картах дурного ничего не было; ресторан с музыкой? — тоже.

П. Н., как уж сказано, большой был ловитель женщин, — вот оно где!

Еще в реальном училище П. Н. пристрастился к книге и теперь, когда захотел чистой жизни, снова взялся за книгу: в книге он искал себе указания, как достичь этой чистой жизни —

> и сделаться праведником.

Читал он Творения св. отцов.

Читал Бердяева, Мережковского, Гершензона.

Бердяев, Мережковский и Гершензон наводили его на соблазнительные мысли, равно и Франк.

Книги же Шестова отвлекали.

А как и отчего, понять он никак не мог.

У Шестова, я это давно заметил, всегда был читатель какой-то несуразный, нескладный, «бессчастный», какие-то искалеченные, или сумасшедшие психиаторы. Одно-единственное исключение — Семен Владимирович Лурье.

И ничего нет удивительного, если в их число записался и П. Н. Потапов.

Больше же всех полюбился ему Розанов:

— Как раз этого места касается!

Но чем усидчивее он читал книги, тем больше стали приходить всякие нехорошие «нечистые» мысли — и уж ни Творения св. отцов, ни Шестов, ни Розанов не помогали.

Все соблазняло.

Все сосредоточилось на этом месте.

Он как-то уж сам, незаметно для себя, превратился в это место.

— И уж сам не знаю, — говорил П. Н., стервенея, — куда себя девать!

Пробовал он ходить по всяким старцам — с легкой руки Распутина о ту пору развелось их в Петербурге видимо-невидимо — но то ли старцы его не понимали, либо он не понимал старцев, а скорее он не понимал старцев, и все советы их ни к чему были.

Доктор, известный в Петербурге под именем Симбада, из психиаторов, и тоже большой «ловитель» и читатель Шестова, когда я рассказал ему историю П. Н., страшно развеселился.

— Чудак! Присылайте ко мне, поправлю: банка вазелину и пускай полегоньку втирает ежедневно. Как рукой! — сам смеется.

А П. Н. испугался:

— Это вроде как само собою.

Нет, он на это не согласен.

Ему надо прямое и верное средство, чтобы вести чистую жизнь и сделаться праведником.

— А впоследствии, — мечтал П. Н., — причислят к лику святых, и мощи.

Вспомнил я, как еще в училище над одним трунили: носил он мешочек с канфорой.

«Притом же, — думаю, — и слово это немецкое: Kampf, kämpfen, Kämpfer, что означает боец, борец. К блудоборцу очень подходит».

Я и говорю:

— Петр Николаевич, сшейте вы мешочек. Накласть канфоры и подвязать так — и носите себе тихо и смирно. Помогает.

П. Н. послушал.

Конечно, советчик в таких делах я плохой. Да, конечно, дело ясное, — не так, совсем наоборот. Но уж молчу.

А Петр-то Николаевич уверовал в мое канфорное слово и, хоть пуще мучился — и книга не читалась и сна не знал уж, и все теснит и давит (воротничок № 47!), а мысли нечистые, как бесы — но мешочек, как «водрузил» себе, так и не снимал и только что в бане, а то и день и ночь носит.

Думал я послать его к Гребенщикову — книгочий! — да раздумался, не стоит Якова Петровича в такое дело путать. И решил: пускай-ка в Комаровку пройдет к князю обезьяньему Рязановскому.

— И. А. Рязановский, — сказал я, — археолог, великий князь обезьяний, носит электрический пояс. Ему и книги в руки. Ступайте.

И все бы хорошо вышло — «великий князь! носит электрический пояс!» — да уж и не знаю, к чему это мне пришло в голову: наказал я называть Рязановского не иначе, как «ваше превосходительство».

И все дело испортил.

И. А. Рязановский, до возведения в князья обезьяньи, был и судьей и следователем и при губернаторе состоял, но как-то так случалось, за поперечность верно и самоволье, в наградах и чинах его обходили, и за всю свою долгую службу имел он один-единственный орден, а чин самый маленький.

Ну, а как П. Н. вошел к нему в его тесное Комаровское древлехранилище, да как стал к каждому слову прибавлять «ваше превосходительство», князя-то и смутил.

Великий князь спутался: тычется, шарит по столу — разбирал какую-то старинную затейливую тайнопись! — понять-то уж ничего не может, про какой мешочек и причем канфора.

После сам мне рассказывал.

А уж П. Н. — глаза на лоб.

— Хожу и не знаю, куда себя девать!

Да, вот она, чистая-то жизнь!

А не только чистоты никакой, хуже того — хуже, чем было, когда после карт, после рестора-

на ехал он с компанией куда-нибудь «оканчивать», как сам выражался.

И решил я, как последнее, поведу-ка Петюньку к В. В. Розанову.

А потом думаю, нет, пускай без меня — — дело вернее, а от меня — письмо.

И написал рекомендацию.

Все, как есть, и о бесах и о мешочке для праведной жизни и о Шестове, помянул и преподобного Макария, о котором сказано в житии —

«досязаше ему даже до пят»

и как преподобный этим беса устрашил.

* * *

П. Н. сходил в баню, вымылся, вырядился, пригладился — П. Н. носил прическу «бабочкой» — не как-нибудь чтобы, а женихом явиться к В. В. за напутствием.

Накануне он зашел показаться.

У нас были гости: б. старообрядческий регент Ив. Плат. Пономарьков и писатель В. Н. Гордин. Спорили друг с дружкой о философии долго и путано, потом пели хором под аккомпанемент Пономарькова —

Был у Христа младенца сад.

П. Н. пел тенорком и я заметил, что от полноты чувств забирал он чересчур высоко, а выводил особенно нежно и чувствительно.

А что было у Розанова, я не знаю.

— — — — — — — — — — — — — — —

Я знаю, П. Н. твердо решил во всем открыться.

И я ждал с нетерпением, что будет.

* * *

Только через неделю появился у нас П. Н.

Он чего-то все улыбался. Веселый:

> вчера он после долгого перерыва играл в карты, выиграл, поехали в ресторан ужинать...

— А мешочек?

Мешочек на нем, бессменно.

По-прежнему он хочет чистой жизни, чтобы сделаться праведником.

И это одно другому не мешает:

> иногда, ну, раз в неделю, он будет играть в карты...

П. Н., рассказывая, все улыбался.

— Ну, а что же Василий Васильевич?

От В. В. он в восторге.

— Внимательнейший человек, вы себе представить не можете. И как разговаривал!

В этот вечер был у нас, кроме П. Н. еще И. А. Рязановский.

Мне что-то нужно было непременно кончить — переписать рассказ или завитушку, не помню. А когда переписываешь, тут-то и приходит всегда соблазн переделать все сызнова.

С. П. не было дома.

И гости до чаю уселись в сторонке «не мешать».

Краем уха я все-таки слышал: отдельные слова, спутки слов, узелки слов, усики.

Говорил И. А. Рязановский —

> тут все: и иконография и агиография, палеография и историческая география, Ур, Шарпурла, Египет, Китай, китайская революция — любимая тема! — революции за много веков до нашей эры, китайские... потом несколько раз: электричество — пояс электрический!

Тут заговорил П. Н.

И слышу и не слушаю:

— — канфора, канфора, Розанов — —

— — а ты залупи, чего! дурак! А я говорю: Василий Васильевич...

И опять голос Рязановского —

> у него кишка вылезает, и как раз в самые неподходящие минуты и по преимуществу в дамском обществе, должно быть, для

равновесия; и уж он не может спокойно сидеть, а встает —

— — встает для равновесия...

* * *

Уж и не знаю, сколько прошло, захожу я как-то в книжный магазин «Нового Времени». И вижу В. В. Розанов: книги рассматривает.

Поздоровались, ну, то да сё.

Вытащил он из груды большущий том, перелистывает: исследование какое-то по церковной истории с гравюрами.

— Ну, и глупый же этот твой Потемкин.

— Какой Потемкин?

— Да вот что с мешком-то.

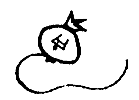
— Потапов!

— Такой редкий дар!

И вдруг В. В. от смеха покраснел весь и зажевал губами:

— — мешок-то! ну, и дурак! Это ты его, что ли?

— Ну, вот еще! Это от философии.

СНЫ

На нашем зеленом «волжском» диване я нашел такое местечко, если лечь после обеда и угодить в эту лощинку, непременно сон увидишь.

Всякий день я нарочно ложился, а потом записывал.

Вот какая тетрадка!

Понемногу я стал постигать сонную «несообразицу» — стройную по-своему и со своей несообразной последовательностью.

Только надо было ничем не смущаться и наловчиться, как оно привиделось, так и рассказывать до «дура» и «бестолочи» — матери и отца всего сущего.

Случалось, в воскресенье у Розановых за самоваром, а то и так около Шервудского Пушкина рассказывал я эти сны, как сказку.

Навострившись на снах, я заметил, что некоторые сказки есть просто-напросто сны, в которых только не говорится, что «снилось».

Сны я рассказывал всякие.

После уж здесь, встретившись с музыкантом Б. А. Заком — он, тогда еще мальчик, бывал у

Розановых по воскресеньям — узнал я, будто эти сказки мои — сны были очень страшные.

А я не помню.

И тетрадь пропала — продана с аукциона с другими нашими вещами (чемодан и корзинка) в Кёнигсберге после войны за 500 м., как вещь подозрительная по порче.

Я помню, как однажды В. В., а это было после двух фельетонов В. П. Буренина в «Н. В.» о моем «Пруде», сказал, наслушавшись этих моих снов:

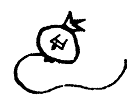
— Виктор Петрович меня спрашивает: «давно ли ваш Ремизов сидит в сумасшедшем доме?» А ты такое вот напишешь. Это все твой «Табак». И никто ничего не поймет.

— А Шестову, — сказал я, — сны по душе.

— Шестов! — В. В. всегда необыкновенно почтительно отзывался, — ум беспросветный!

И по вере в легенду мою добавил по обыкновению с сокрушением:

— И до чего доводит вино!

УГОЛО́К

По русскому обычаю самые настоящие разговоры начинались в прихожей.

Много было слов сказано над калошами.

— Если бы зайцы не были трусливы, они все бы погибли! — сказал В. В. Розанов уж одетый после многократного «прощайте».

— А человек?

У человека — «как полагается»:

> «как полагается», «как принято» человечье — трусь зайцева.

Но этого тогда не сказано было.

А как раз это-то и имелось в виду.

* * *

Человеку «по своей воле» и это «как полагается» — вот уж подлинная чернота — чернила орешковые — самая черная.

Но как зайцу без труси, так и человеку без «так полагается» (а это ведь «закон»!) не выбороть жизни.

— В глазах черно! — В. В. приходил издерганный, захлебывающийся.

И начинались разговоры.

И из всего ясно было, что это «как полагается» давило тяжестью на плечи, а сбросить не было сил и вот —

— В глазах черно.

* * *

У В. В. был такой уголок — там в черноте своей он мог скрыться, — церковь.

Не знаю, ходят ли в церковь от восторга, чтобы сказать о своем счастье и удаче. В беде ходят — с просьбой. Еще ходят «как полагается» — «пуговицы чистить».

А то, что В. В. рассказывал, тут совсем другое: тут нет никакой молитвы, никакой просьбы, а так —

— Станешь незаметно...

Однажды я зашел в церковь до всенощной. Служили панихиду, потом молебен.

Служил батюшка, такой — Розановский, «извините, с яицами» — говорком, ничего не поймешь.

И все шло «как полагается».

Но когда после евангелия за возгласом —

— — — — — — — — — — — — — — —

мирликийского чудотворца
и всех святых помилует —

батюшка поцеловал евангелие и дал приложиться — какая-то женщина и дети с ней — я почувствовал необыкновенное умиротворение в этом «мирликийского чудотворца», мир и тишину, и понял, чего такое Розанов — «станешь незаметно», когда «в глазах черно».

ПОСЛЕДНЕЕ

Дорогой А. М.!

Д-р А. И. Карпинский сказал мне по телефону, что неудобно посылать самому больному Клюеву подробный диагноз его тяжелой болезни, и попросил позволения послать мне. Я вам посылаю.

Отчего с матерью Серафимой не заглянете к нам.

Теперь и монашка Вера у нас гостит.

Приходи, брате Алексей.

В. Розанов.

1917 г.

* * *

И опять на Шпалерной. Только не в том доме, где когда-то «семейно» и шумно (качалка с Бердяевым, финик Андрея Белого) праздновались именины Варвары Димитриевны.

У Розанова было что-то такое, как это назвать? Над головой — бурный ли приток мыслей, бурно движущийся? И когда он, подложив

ногу под ногу и, суча свободной, говорил, это виделось — чувствовалось, точно текло что-то ото лба выше—выше над волосами, и опять и опять, и он как-то краснел весь.

А теперь этой бурности не было, устоялось, — движение равномерно, и совсем белые волосы.

И еще —

Помню, однажды в прихожей — это в Казачьем — В. В. показал мне на целый птичник мелких детских калош и подмигнул —

подмига и улыбки, от которой очки потели, тоже не было.

Как отворила Варвара Димитриевна двери, как мы вошли, как ждали В. В. — он отдыхал — было что-то торжественное —

торжественное,
прощальное,
прощенное,
последнее свидание.

А ели яичницу — поминальную.

ЛУНА СВЕТИТ

— — — — — — — — — — — — — — —

на мне это не та, ту, золотом расшитую, я тогда же надел и не на эти свои вихры, а на ковылевую.

«Тебе, — говорю, — медведюшка прислал. Будешь беречь?»

И эта тоже красная с кисточкой, вот! — кисточка-то видите? — ночной колпак, по-немецки Schlafmütze, это немецкое, В. А. Залкинд из Цербста привез — конкректор обезвелволпала, градусник привинчивал, бензин в зажигалку наливает — механик! — редчайшей доброты человек.

Я, Василий Васильевич, каждое теперь доброе слово берегу — хорошие есть люди на свете.

Вон и он то же говорит. Это мой советчик тут, Огневик — Feuermännchen — заботится о тепле и свете! — сам к нам пришел, за печкой жил: стали чистить и нашли. Мы с ним и коротаем ночь —

лу-унную!

А в колпаке сижу, потому что голову мыл.

У нас такой дом, чуть не всякую неделю уборная портится, с трубами что-то, и как поправят, все жильцы ванну сейчас же.

Мы тут уж больше года — все на Церковной (Kirchstrasse) в приходе св. Луизы. Первое время, бывало, заблудишься и вдруг глядь, а шпиль эвон — св. Луиза! — выведет к дому.

А теперь погнали — —

Да, Василий Васильевич, насчет книжек — книжек-то ваших до сих пор не издают.

И достать очень трудно. У Веры Васильевны три, а больше не знаю.

И в России достать нелегко.

Шкловский страсть как буянит.

А у нас все ваши книжки были, все с надписями. И все пришлось продать — всю библиотеку продали.

Думали, приедем за границу — на первое время будет: передохнуть. Очень я был болен. Вот на лечение, как это все делают приезжающие, в санаторию куда-нибудь. А ничего не вышло. Так и до сих пор. Уехали-то мы в августе, а деньги получились на следующий год в июле, поздновато: до июля-то сколько всего было, время-то упущено.

И знай, что так выйдет, лучше б было книжникам раздать.

Уж вы не сердитесь! Я это понимаю; со мной тоже — Блок, как за границу задумал (перед

смертью), тоже книги стал продавать, слышу, «Посолонь» продал с автографом.

А Апокалипсис ваш у великого книжника на бережении, вернемся в Россию — память.

А помните, Василий Васильевич, как-то вы сказали, еще в Гатчине, на даче, помню, что рассказов писать вы никак бы не могли.

— Просто не умею!

А вот Шкловский книжку написал «Розанов» и там как раз наоборот: если кто за последнее время написал беллетристическое, так это Розанов — «Уединенное», «Опавшие листья» — ведь это целый роман, новая форма!

— Скажи, пожалуйста.

— С чем вас и поздравляю.

Шкловский это такой, у него — нога: идет и, кажется, такие сапожищи — один мой ученик красноармеец-политрук жаловался, выдали сапоги 3 пуда американские! — у Шкловского нога 3 пуда, может разделать, что хочешь.

И вот доказал, а вы горевали.

— Не умею, не умею.

Не умели вы рассказов писать, как это пишется, и слава Богу!

Конечно, пока ходят железные дороги и существуют станции, рассказы будут писать — потребность в «духовной пище».

Ну, а такому, что для вас казалось верх недосягаемым —

«в купе, развалясь на диване и т. д.»

такому песенка, кажется, у нас в России спета, разве что для американцев.

Новая форма!

На меня, Василий Васильевич, такое остервенение находит: будь у меня в эти минуты власть, заставил бы всех естествознанием заниматься, ну хоть бабочек по заборам собирай или червяков сортируй.

Скучища невероятная!

И скажу, ничего не потеряли, что «книгу рассказов» так и не разрезали.

Ей-Богу ж, ну какая разница: «В лугах» или «На заборе» или еще как — ?

Удивительная бесцветность и безъяичность.

— — — — — — — — — — — — — — —

А что, Василий Васильевич, теперь вы поняли, что никакой папироски там и не надо?

Я лежал однажды при смерти — это как раз в канун октябрьской революции — и все забыл: и папиросы и что тоже «рассказы» пишу, одно я помнил и мучился, что кашлем моим извожу и надрываю душу тому, кто неотлучно при мне, а если бы этот другой исчез, я мучился бы, что надрывал и изводил, и больше ничего.

А что если вообще ничего больше? Темная точка беспамятства — и это есть вечность — ?

Или сначала темная точка, а потом —

Ну как пробуждение — и ничего подобного нашему: и то, да не то, где самое «хочу» по-другому и разное по месту жительства в вечности.

А как там насчет сроков в этой вашей — что слышно в вечности?

Или так спрошу вас —

У Гауфа — помните сказки Гауфа? — у Гауфа Агасфер притащился из Китая сюда и вот недалеко от нас, в Тиргартене, у него любопытная встреча. Само собой он озабочен сроком — ведь таскаться из страны в страну, это — ! И после рассказа о житье-бытье единственный его вопрос —

— Скажите, Василий Васильевич, который теперь час у вас там в вечности?

— Вечер?

— Нет еще?

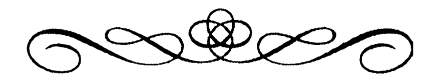
* * *

У Троицы-Сергия под Москвой лежит В. В. Розанов, скончавший срок своей жизни — странствия по земле со Шпалерной на Б. Казачий, с Казачьего на Звенигородскую — и опять на Шпалерную —

23. 1. 1919 г.
в возрасте 63 лет.
1856—1919.

«Кукха», как и «ахру» —
слово обезьянье, на обезьяньем языке:
ахру — огонь, кукха — влага

ДОПОЛНЕНИЯ

РЕЦЕНЗИИ

1

Б. КАМЕНЕЦКИЙ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ.

Распахнулось второе «Окно» — появился второй, разнообразно содержательный выпуск этого трехмесячника. ⟨...⟩ Как всегда, с красивой затейливостью, словом узорным и причудливым, слогом каллиграфическим, пишет Ремизов. «Розанова письма» называется его вклад в «Окно». Хочется сказать о них, что самые письма неинтересны, а интересны иногда и для иных только словесные обрамления, в какие вставляет их наш автор. То, что он повествует о себе, о других писателях, о своих встречах и впечатлениях, занимательно — спору нет. Но возникает все же сомнение, надо ли всю эту интимность выставлять на всеобщее зрелище, или по-старинному, — позорище? Все более и более укореняется в наши дни это неприятное нововведение — литератору

рассказывать о своих личных знакомых, подчас к литературе никакого отношения не имеющих. Может быть, парадоксально прозвучит мое мнение: писать надо для тех, кто не читает. Это значит, другими словами: нужно иметь в виду такого читателя, теоретического и далеко⟨го⟩, который от литературы хочет больше, чем литература, который хочет от нее жизни, для которого книга не имеет самодовлеющего значения, а только представляет собою к этой жизни временный мост. Такому читателю не интересны литературные кружки и специфическая накипь литературного ремесла; такому читателю лишь единое — на потребу: nur ewige und ernste Dinge[1]. Между тем, не вечным и не серьезным занимается в данном случае Ремизов. Если бы не проникшие в его повествование отдельные отзвуки той трагической серьезности, какою отличается наша година, то, на фоне последней, даже кощунственное впечатление производили бы те пустяки и вздор, которым тешит себя и кое-кого другого наш талантливый стилист, те игрушки, те словесные балясы, которые он точит с таким ненужным искусством. Он пишет для писателей, — а уж наверное писать надо для читателей. Знакомым с его знакомыми будет любопытно прочесть его воспоминания, — а остальным? Наконец, то, что он сообщает о Розанове, об его эротике и даже об его физиологии, выходит за пределы всякого приличия и пристойности. Он, например, в самом бук-

вальном смысле слова рассказывает о грязном белье Розанова... Можно по-всякому относиться к последнему как к писателю; но, несомненно то, что он оставил по себе репутацию исключительной моральной неопрятности. Теперь Ремизов, своими сообщениями, своими пошлостями, не только подтверждает и усиливает эту древнюю славу, но и, кроме моральной неопрятности своего друга, рисует еще и физическую, так отвращение к образу Розанову возникает полное. Биография имеет свои права, но она не должна ими злоупотреблять. Иначе это очень вредит интересам как ее героя, так и самого биографа 〈...〉

2

ЭРГ.
АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. КУКХА. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА.
Изд-во З. И. Гржебина. 1923. (125 стр.)

У книжки прекрасный формат. Синяя с золотым тиснением обложка. Бумага чуть ли не верже. Шрифты разнообразные. Набор искуснейший. Ну прямо в руках держать книжку и то удовольствие.

А как начнешь читать — полное недоумение. Что такое? Не понять. Письма Розанова коротенькие, ничего не говорящие, больше — записочки: «приходите чай пить». И только. Зато о себе, о Ремизове — очень много. И было бы, может, небезынтересно. Да все — с вывертом, со скучнейшим фокусом «обезьяньего царя Асыки».

Но это еще полбеды. Для «изюминки» Кукхи автор прибег к «эротике»! От эдакой «эроти-

ки» — делается совсем тошно! Вот, напр., рассказ, как мэтр российской словесности А. М. Ремизов и В. В. Розанов «вдохновенно и благоговейно» рисовали «х...(хоботы)» и как у Розанова не выходило, а у Ремизова — прекрасно! Или рассказ о том, что у некоего Зонова — «выше божеской меры» и т. п.

Дело, конечно, не в темах. Темы могут быть разные. А в отношении к теме. Тот же В. В. Розанов никогда не был порнографичен, а касался всего. Это для него было бы — мелко. Ремизовские же размазывания нельзя иначе квалифицировать как порнографией. Но несмотря и на «изюминку», книга Ремизова скучна, «выше божеской меры». Единственно для кого она может представить интерес, — для психопатолога. Если изд-во Гржебина издало ее с такой целью — оно поступило вполне правильно.

3

Д. ЛУТОХИН.
А. РЕМИЗОВ. КУКХА. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА.
Изд-во З. И. Гржебина (Берлин). 1923. (128 стр.)

Ремизов, написавший эту книгу, и Розанов, о котором она написана, — большие мастера письма, искусники великие: они преодолевают «словесность», дают сконцентрированную, обостренную, но подлинную *жизнь*.

Удивительные воспоминания написал Ремизов. Кукха, это слово такое «на обезьяньем языке», означает влагу. В несколько иной, менее полной редакции «Розановы письма» напечатаны были в тяжеловесном «Окне» (II книга). Теперь Гржебин издал их отдельно маленьким, изящным, артистически изданным томиком.

Розанов лежит у Троицы-Сергия под Москвой, Вы с ним на земле уже не встретитесь, про-

чтете Ремизова — и узнаете Василия Васильевича, да еще в самое нутро его заглянете. И то, что вы узнаете о нем и, попутно, об авторе «Кукхи», заставит вас нежно полюбить обоих.

У воспоминаний есть фон: литературная Россия, Россия вообще того времени, которого они касаются: 1905—1911 гг.

Как много говорит, например, запись 25 октября 1905 г.: «Когда я слышу о событиях — о митингах и шествиях, мне приходит на ум маркиз де Сад. — И у нас было, что посмотреть: „одной барышне убитой вбили в низ живота кол" (Томск); „зажгли дом с демонстрантами: те, кто поспел — на крышу, а крыша рухнула" (там же „грудных детей убивали и потом разрывали на части; взрослых сбрасывали с 3—4 этажа"); „женщинам распарывали животы и набивали в них перья" (Одесса) — „А в Иваново-Вознесенске рабочего сварили в котле"»...

Это — между прочим, а главное, конечно, Кукха... и Х. («хобот»), слово, которое В. В. возглашал «вдохновенно и благоговейно»...

4

Б. ШЛЁЦЕР. АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА.

К какому роду литературному относится эта книжонка — не знаю; но знаю, что давно уже у нас не появлялось произведения, столь волнующего, трогательного и прекрасного.

Тут и розановские письма, скорее записочки, и отрывочные воспоминания Ремизова об авторе «Уединенного», и заметки о жизни в Петербурге и Берлине, описание снов, размышления, анекдоты. Нет порядка, нет плана, как будто, и все свалено в одну кучу, серьезное и шутливое, умилительное и легкомысленное, значительное и нелепое...

Кое-кто при мне оскорбился: до чего пала русская литература? Копаются в личной жизни, рассказывают неприличные анекдоты, считают грязное белье! Неужели все это нам интересно и нужно знать?

Нет, конечно, рассуждая откровенно. Прием этот очень опасен, и нужно надеяться, что пример Ремизова не вызовет подражания (впрочем, первые образцы такой манеры показали нам уже Андрей Белый и Зинаида Гиппиус)[1]. Но Ремизову самому позволено так именно писать.

Из этих мелких подробностей, комичных часто, наивных, как будто не нужных иногда, почти оскорбительных, из этих записок — «Многоуважаемая Серафима Павловна. К сожалению, у меня нет просимых вами книг, а где достать их — я не знаю. Ваш искренно В. Розанов», — из этих «рискованных» анекдотов как-то вырастает образ Розанова; и не одного только Розанова, а и Ремизова, и близких им. Ощущается самый ритм их жизни, запах ее, теплота.

Человеческая книга! В том именно особая, волнующая прелесть ее, что в ней дышит человек. — Искусство ли это, особенно изощренное, ибо вовсе незаметное? Гениальная ли интуиция? Вероятно, и то и другое.

«Розанову, пишет Ремизов, было до тебя дело. А ведь это такое — ведь, никому ни до кого нет дела». И дальше о Розанове: «и сейчас же с незнакомым начинал самое, как в долголетнее знакомство, о самом, о чем обыкновенно считается просто неприличным спрашивать. Я это и потом заметил, что Розанов подходит прямо к человеку — к тебе, прямо посмотрит на тебя, и никогда не замечая глаз, а только или грудь, или

„нижний этаж", или руку, принимает в тебе всего тебя»...

Вот так именно и подошел к Розанову сам Ремизов и принял его всего, включая и то в нем, «о чем обыкновенно считается неприлично спрашивать»...

Подобная «широта» не от доброты вовсе, или всепрощения, или гуманного чувства; нет здесь и того своеобразного морального оптимизма, который в каждом человеке усматривает положительную сущность. Скорее я назвал бы обоих, и Розанова, и Ремизова — имморалистами[2], если бы слово это, в применении к Ремизову в особенности, не представлялось слишком рассудочным и грузным. Но, действительно, ни тот, ни другой не подходят к человеку, к явлениям жизни с моральной точки зрения. Та нежность, та чуткость, с которыми Ремизов говорит в воспоминаниях своих о том или другом из своих друзей и знакомых, ни в каком отношении не находится к моральным или умственным качествам этих людей.

И Розанова самого Ремизов не идеализирует нисколько (наоборот, принижает, скажут, вероятно); об уме Розанова, о нравственных качествах его не сказано ничего. Внимание Ремизова, чуткая любовь направлены на иное, на то, что за умом и за волей. Какими-то тончайшими щупальцами он проникает в ту смутную область, где физиология сливается с психологией, в самую живую, теплую сердцевину личности, «по ту сто-

рону» всяких оценок и рассуждений: здесь область таинственных притяжений и отталкиваний, иррациональных симпатий, любви.

Но к чему эти «рискованные» анекдоты и «неприличные» слова? Кое-что, действительно, звучит несколько резко и способно задеть вкус; но в этой эротике столько наивности, теплоты и какого-то уюта, так просто все сказано домашними словами, столько игры здесь, вместе с тем и живого трепета, что чувствуешь — хорошо это и нужно; как пишет Ремизов: «И все прекрасно в своей звезде. Розанов это хорошо понимает».

Конечно, все зависит от того, как сказать, а сказано, действительно, бесподобно, по-ремизовски. Иногда словесные хитросплетения Ремизова утомляют и раздражают своей запутанной, перегруженной орнаментацией; но в «Кукхе» нет вычуры: короткие фразы то бегут, спотыкаются, то медленно ползут, заплетаясь; всегда напряженные, насыщенные, точно горячая кровь в них переливается, пульсирует. И слова все очень обыкновенные; речь простецкая, но меткость в ней и сила единственная.

5

САША ЧЕРНЫЙ. ПЕРЕДОНОВЩИНА.

Читатель в эмиграции расслоился на две неравные группы. Одна — поменьше — может покупать книги, даже в «роскошных» переплетах, но предпочитает книгам кинематограф и эмигрантские кабаки кабардинско-боярского стиля. Другая — огромная — тяги к книге не утеряла, но по причинам горько-прозаическим должна была сделать выбор между книгой и обедом. Победил, увы, обед.

К последней группе принадлежу и я. Поэтому в эстетическом образовании моем был крупный пробел: не читал «Кукхы» Алексея Ремизова. В библиотеке ее не оказалось, а 25 франков даже и для «Кукхы» — цена невыносимая.

Знакомый книжник, к счастью, снабдил меня на день этим сокровищем, — вот о книге этой я — читатель — хочу сказать несколько кратких слов.

* * *

Почему «Кукха»? В подзаголовке автор с обычным для него вывертом слов снисходительно пояснил: «Розановы письма». А в конце книги приложил и расшифровку:

«„Кукха", как и „Ахру" — слово обезьянье, на обезьяньем языке: ахру — огонь, кукха — влага».

Но так как книгу писала не обезьяна, да и я сам — читатель, на хвосте вниз головой раскачиваться не хочу, то «Кукху» эту самую расшифровывал проще и ближе к делу: обложечный, шаманский крик, плакатная «тарабумбия» — глаза не разбегаются по витрине, сразу схватывают короткий словесный визг и выкатываются на лоб. Все, что нужно.

Заглавие — символ, любовно выбранное имя, а вовсе не пустая подробность. Можете ли вы прекрасное звучание слов «Дворянское гнездо», «Отец Сергий» подменить каким-нибудь «Ки-ка-пу» или «Шурум-бурум». Попробуйте!

* * *

Но дальше. На стр. 47 А. Ремизов невзначай дает благоуханное определение творческому слову: «писать и молиться одно и то же». Вот как он пишет-молится на страницах, посвященных близкому человеку и большому писателю В. В. Розанову:

— «21.9. „33 белых попа", — такое есть общество.

Собираются иногда в редакции. И вот во время собрания батюшка один вышел в коридор. Просит: „Покажите, пожалуйста, географию". Я его до уборной проводил, а когда он щелкнул, тут я его тихонечко защелкнул. И колотился ли несчастный, я не слыхал, да и никто не слышал. И только под утро и то случайно — „по расстройству" — освободил его Г. И. Чулков» (стр. 19).

— «22.9. Был В. В. Розанов. Рассказывал: когда он первый раз это сделал — ему было 12 лет, гимназистом, а ей, хозяйке, за 40 — так на другой день с утра он песни пел» (стр. 21).

— «23.9. Куплено: зеленый диван у А. С. Волжского за 10 рублей в рассрочку. Диван с просидкой» (стр. 22).

— «25.9. Были у Мережковских. З. Н. подарила мне лягушку об одной лапке».

И через несколько страниц: бережно сохраненный для потомства рассказ о друге-писателе, записанный с его слов:

«В. В. рассказывал за чаем заграничный случай: о преимуществе русского человека. Были они все за границей — и Варвара Дмитриевна, и ее все дети — Таня, Вера, Варя, Надя, Вася, и Александра Михайловна — падчерица. И случился такой грех: захотелось В. В. в одно место, а как спросить, и не знает. А Александра Михайловна

отказывается, говорит, ей неловко. Да терпеть нет возможности, он под себя и сделал. Господи Ты, мой Бог, в отеле брать белье отказались, хоть сам мой! А главное-то, так стали смотреть все, что пришлось Розановым переехать».

«А когда то же самое случилось в Петербурге: не удержался и обложился, — с каким сочувствием отнеслись дома, прислуга. Сколько сердечности и внимательности» (стр. 25).

Уж, подлинно, хоть бы у той же прислуги поучился А. Ремизов «сердечности и внимательности». Та уж, наверно, запачканное белье В. В. Розанова на улицу не выволакивала! А вот он не убоялся и даже всех сродников-свидетелей с добросовестностью уездной салопницы перечислил.

* * *

И так через всю «Кукху»... Изумительные афоризмы: «селедки ловятся солеными», «спички делаются из электричества», «где кончается Рерих», «там начинается Аничков». Драгоценные биографические подробности:

«А В. В. Розанов вчерашний день в баню ходил!»

«В. В. Розанов был старейшим кавалером обезьяньей великой и вольной палаты».

Интимные письма Розанова с такими подробностями, после опубликования которых бед-

ный покойник, должно быть, не раз в гробу содрогался:

«Ну и кроме души меня вдохновляла эта волнующаяся под трауром ночь. Какие у нее груди? Очень интересно. А „прочее"? Еще интереснее» (стр. 59).

Зачем же? Если собственного такта не хватило, то ведь сам Розанов в одном из писем подчеркивает: «Нельзя *открывать*, называть *громко* то, что должно быть в тайне и молчании» (стр. 78). Чего яснее.

Но больше всего о себе, об Алексее Ремизове. О своем ночном колпаке с красной кисточкой, о своих книга́х и книжечках, о том, что он, Ремизов, тончайшей комариной ножкой «сделал обезьянью монету — львовую:

Lowen-квадриль-Ііюп

аз обезцарь асыка собственнохвостно подписав упказ А. Бах-рах» (стр. 51).

И вскользь трогательная неожиданная жалоба в пространство:

«Мы, Василий Васильевич, бесправные тут. Я это тогда еще почувствовал, как из Ямбурга в Нарву попал, на самой границе, когда с нашим красноармейцем мы, русские, простились, а те свой гимн и запели. И уж молчок — ни зыкнуть, ни управы искать» (стр. 66).

Ну, что ж... «Тут», т. е. в Европе, где мы свободно читаем, пишем и дышим, мы беспра́вны, а «там» — могли и зыкать, и управу искать? И вот

почему-то вместе с Ремизовым все же сидим «тут», а не «там»? Почему бы, в самом деле? Впрочем, полагаю, что «Кукха» могла бы появиться и там. Ее бы и сам Брюсов пальцем не тронул.

* * *

Вывод? Он неотразимо ясен, если, не придавая цены высокой лирической формуле «писать и молиться одно и то же» (хороши молитвы!), мы обратимся к той же «Кукхе» и на странице 24 прочтем неосторожно вкравшуюся запись:

«Я писал в альбомы передоновщину; брежу мелким бесом».

Вкусы бывают разные, но уж лучше бы передоновщина эта в альбомах и оставалась!

Как же так?.. Как сочетать Ремизова, влюбленного в слово поэта, прочтите хоть страничку его: «Божья пчелка» («Иллюстрированная Россия», № 5), с Ремизовым, отплясывающим с языком под мышкой на могиле друга-писателя передоновский канкан? Игра природы? Не знаю.

Знаю только, что изредка пишет он человеческой правой рукой, — и тогда чудесно, а чаще обезьяньей левой лапой («обезлевлап») — и тогда отвратительно до тошноты. А ведь нетрудно бы понять, что стиль этот, даже не стиль, а стилишко, с типографско-ухищренной разбивочкой строк, со словесными загогулинами и всяким не-

пристойным уродством, давно пора бы бросить. Надоел и никого не омолаживает. Литература не обезьянья палата, а уж если так хочется почудить, то можно запереть комнату на ключ, обмазаться гуммиарабиком, вываляться в пуху и показывать себе самому в надкаминном зеркале язык. Зачем же это проделывать публично?

Ведь еще старик Державин в «рассужденье о лирической поэзии»[1] сказал: «бессмыслица и слух раздирающая музыка стыдят и унижают лиру». Столь же определенно выразился он об отсутствии вкуса: «без его печати, как без клейма досмотрщика, никакие искусственные произведения бессмертия не достигают».

* * *

Заключение. Помните «мальчика для сечения», о котором рассказывает Марк Твен в «Принце и нищем»? Нашалит ли принц, плохо приготовит ли уроки, — за все отвечала спина мальчика, специально для этой цели нанятого.

Амплуа этого мальчика в последние перед войной годы занимала «девочка для сечения» — г-жа Вербицкая. Иногда — Нагродская. Иногда — Чарская. Почему-то все дамы. Впрочем, был и мальчик: Брешко-Брешковский[2]. Литературная пробирная палата занималась совершенно бесплодным разоблачением лопуха и негодовани-

ем, что лопух розовым маслом не пахнет. На всем остальном (за редким исключением) — табу. Принцы обезьяньей крови могли себе позволить все, что угодно: калечить язык, вурдалачить, непристойничать... «Комитет взаимных одолжений» (выражение А. А. Яблоновского[3]) все покрывал литаврами дружеских рецензий и круговой порукой. Даже маститые ископаемые из толстых журналов не всегда решались назвать черное — черным и корявое — корявым, боясь не угнаться за литературной левизной.

И уж, казалось бы, применительно к искусству старую латинскую поговорку давно бы следовало прочитать наоборот: «quod liced bovi, non licet Jovi»*. Ибо, что же с быка спрашивать? Юпитеру же действительно не пристало с головой под мышкой бежать.

Традиция эта ненарушимо сохранена и в эмиграции. Вакансию «мальчика для сечения» занял, кажется, Игорь Северянин[4]. Слава Богу, раскусили...

Все прочее забронировано коротким словом «имя», да пропиской в том или ином литературном дружеском участке. «Комитет взаимных одолжений» работает вовсю.

Но что мне, читателю, «имя», если я должен наплевать на последнее, что у меня осталось, —

---

* Что положено быку, не положено Юпитеру (лат.). — Примеч. автора.

русский язык, — сидеть и содрогаться над таким вот словесным чертополохом:

«ночь, бани,
луны — лупы,
лужи,
влажность сквозь звезды —
— Василий Васильевич!

влажность сквозьзвездья, живая влага, Фалесова hurgon**, мировая «улива», начало и происхождение вещей, движущаяся, живая, огненная, остервенелая, высь скори, высь быстри, высь бега, жгучая, льнущая —

— я скажу —
на обезьяньем языке словом —
одним словом:
кук-ха —»

(«Кук-ха», стр. 75)

А я скажу на человеческом языке: одним словом — стыд-но!

** Вода, жидкость (*греч.*). — Примеч. автора.

6

Ю. ИВАСК.
А. М. РЕМИЗОВ. КУКХА. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА.
Изд-во Серебряный век. 1978.

Писем В. В. Розанова А. М.Ремизову в этой книге сравнительно мало, но зато много замечательных ремизовских комментариев. Одна из главных тем Розанова — эротика: нечто священное, вызывающее благоговение. Но интересовали его и подвальные этажи эротики — самое подполье пола! По-видимому, именно об этом он любил болтать с Ремизовым, и не у себя на дому, потому что строгая жена — Варвара Дмитриевна — не допустила бы таких вольных разговоров, а в квартире Ремизовых, куда Василий Васильевич любил заходить вечерком. Там хозяин и гость что-то рисовали, перешептывались, хохотали. Эти дружеские враки забавляли Розанова.

Ремизов вспоминает, как в 1903 г.[1] он основал свой фантастический обезьяний орден вели-

кой и вольной палаты и Розанов стал первым старейшим его кавалером. Кто только не был пожалован этим знаком отличия. Из ныне здравствующих к ордену принадлежит Р. Б. Гуль, Андрей Седых, я[2] ... м. б., еще кто-нибудь.

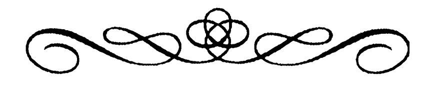
Розанов в *Кукхе* убедительно живой, преимущественно в литературном и семейном быту.

В. В. любил говорить с евреями. «Спросишь его по телефону, — вспоминает Ремизов, — назовешь (еврея) — никогда не откажет: какое-то было у него особенное пристрастие и любопытство к евреям», давно пора кончить с обвинениями Розанова в антисемитизме и в антихристианстве, хотя он постоянно ругал евреев и священников. Да, он отталкивался от них, иногда резко, грубо, но и влекся к ним. Ремизов постоянно жаловался на свою бедность и Розанов тоже казался ему бедным и ненавистником богатых. Но В. В. сам писал, что около 1910 г. у него 35 тысяч рублей на банковском счету и в *Новом времени* А. С. Суворина он зарабатывал 10—12 тысяч рублей в год. Вопреки Ремизову, Розанов был уже признан при жизни как публицист, а символисты, напр. Мережковские, титуловали его гением[3]. Слава его растет и в наши дни, даже в Сов. Союзе. В 3-м номере журнала *Контекст* были изданы письма Горького к Розанову с подробными комментариями, с изложением основных мыслей Розанова[4], но все-таки, его книги выдаются в сов. библиотеках только с особого разрешения.

Тем не менее в Москве пишется о нем монументальный труд. За последние два года были изданы 3 английские книги о Розанове. «Кирпич» избранных сочинений — переводы князя Никиты Романова с комментариями Роберта Пэйна и моими[5]. Монография Анны Л. Крон[6], Спенсера Робертса[7]. Наконец, его изданные рукописи, присылаемые из Финляндии, печатаются в *Новом журнале* и *Вестнике РХД*[8].

У меня хранятся книги трех дочерей В. В. — Татьяны, Веры, Надежды (воспоминания, записки).

Ремизовской *Кукхе* повезло. В Ученых записках Иерусалимского университета (Славика Хиеросолимитана, т. 1, 1977 г.) находим основательный — поистине классический — разбор этой книги Л. С. Флейшманом. Вот что он пишет: Кукха «с жанровой точки зрения вписывается в традицию контаминирования „эпистолы и разговоров в загробном царстве", т. е. поэтических посланий, обращенных к „некроадресатам"... На этом фоне *Кукха*, построенная, как письмо к Розанову в „надзвездье", отличается рядом особенностей ⟨...⟩ форма эта связана с „домашним" отбором и описанием „событий", литературная тема эпизодична...»[9]. Так что РОЗАНОВИАНА, как и близкая ей ЛЕОНТИЕВИАНА (посвященная К. Н. Леонтьеву)[10], продолжает расти и вызывает широкую дискуссию об этих двух ересиархах русской литературы.

ПИСЬМА В. В. РОЗАНОВА (1905—1917)

1

⟨190⟩5 ⟨г.⟩

Любезная, дорогая или как хотите Зина!

Я с таким удовольствием читал «Тварь» и даже вот-вот готов был написать длинный комментарий: а Вы привезли феску не на ту голову. Голова эта — путаная, с психологией маленькой мыши на большом сыре, которая боится быть пойманною, а перед Вами был «добрый старый турок, чтущий Аллаха», и зачитывающийся восточной — западной (в стихах) Шехерезадою. Поблагодарите Митю за милые-милые три письма. Я перед ним оч⟨ень⟩ виноват.

В. Розанов.

2

⟨III 1905⟩

Многоуважаемая Серафима Павловна!

Посылаю Вам письмо к Петерсу; простите, что опоздал, знаю, но страшно б⟨ыл⟩ занят. Поклон всей Вашей колонии и всю ее жду в воскресенье. Поклон от жены. Ваш В. Розанов.

Прием у него *ежедневно* от 1—2 часов, *кроме среды и воскресенья*; след⟨овательно⟩ нужно просить или в эти часы, или (я думаю) утром до 9-ти часов; в 9 он уезжает.

Я написал ему подробно о Вас и лучше всего Вы с моим письмом пошлите ему свою визитн⟨ую⟩ карточку: он выйдет и назначит час, когда приедет.

3

⟨1905⟩

Многоуважаемая Серафима Павловна!

К сожалению, у меня нет просимых Вами книг, а где достать их — я тоже не знаю.

Ваш искренно В. Розанов.

4

⟨1906⟩

Что́ самое дорогое в Вас, дорогие Шлиссельбургские узники? Не планы Ваши, не расчеты, не программа борьбы, которую выполните вы или не выполните — это зависит от истории: но то, что *уже есть налицо*, что достигнуто и факт: ваше братство между собою. Везде люди ссорятся, ненавидят, завидуют; везде — нации, веры. Но когда я вижу русских людей в красных рубахах, рабочих блузах, косоворотках, с умным задумчивым лицом мыслящего человека, — я думаю: вот в ком умер «жид» и «русский», где нет рабов и господ, нет мусульманина и православного, нет бедного и богатого, дворянина и крестьянина, — но единое «всероссийское товарищество». И когда я это вижу, то моих 50 лет как не бывало: я чувствую себя молодым, почти мальчиком, хочется играть, хочется читать ваши прокламации. Знаете ли, вы вернули молодость человечеству. И это уже не мечта, это факт, «налицо». Переводя это психологическое наблюдение на §§ политической программы, я сказал бы: во многих местах есть республика, в Аргентине, Соединенных Штатах, Швейцарии, Франции: но нигде нет республиканцев. Ибо республика — это братство, и без него ей не для чего быть. У нас же, под снегами России, в Москве и Вильне, Одессе, Нижнем, Варшаве — зародились под-

линные республиканцы, — «живая протоплазма», из коей вырастает республиканский организм. *Я* верю: вы уже скоро выйдете из тюрем. И тогда пронесете это товарищество с края до края света: ибо в этом новом русском братстве, без претензий, без фраз, без усилий, без самоприневоливания, природном и невольном — целое, если хотите, «свето-преставление»: это — новая культура, новая цивилизация, это — «Царство Божие на Земле». В. Розанов

5

⟨1906⟩

Подпишитесь и пошлите
прилагаемое: 1 к⟨опеечная⟩ марка.

Спасибо, добрый Алексей Михайлович, за внимание к моей дряхлости и слабоумию. Никогда не забывайте быть добрым: умирать легче будет!! *Расположенность* без вывертов «любви к ближнему» — самый дорогой товар на этом и том свете.

А знаете: как всякое семя требует vulv'ы, так всякий талант требует «сферы», которая приблизительно и подобно vulv'ы, а «талантливое употребление себя» похоже и даже есть то же самое что совокупление, каковое любит вся талантливая тварь Божия. Посему возлюбленный мой

«охальник» (хотел написать «похабник» — да испугался) — не сделать ли нам кое-чего изумительного, кое-чего не вдруг, но помаленьку и полегоньку на счет в самом деле копирования монет? Некоторых, которые не допускают по темноте рисунка фотографирования? «Гм... гм...» Во всяком случае — можно подумать. Безе, безе, безе —

Розанов.

5а—5в

Дорогому Алексею Михайловичу и Серафиме Павловне Ремизовой с просьбой подумать, решиться и подписаться — В. Розанов.

См⟨отри⟩ на обороте.

6

⟨1906⟩

Достоуважаемые Зверюшки!

Приезжайте: чудный сад! Можете ночевать вдвоем. Гамак. Отличное масло и молоко. Ягоды. Приятное общество. Симпатичнейшие дети.

Ваши Варв. и Вас. Розановы.

Гатчина
Александровская ул., д. 23.

7

〈1906〉

Дорогой Алексей Михайлович! Что Вы мне пишете как Архиерею в Консисторию: «Глубокоуважаемый». Разве мы не социал-демократы и не «товарищи»?!

Варя *очень хочет* Вас видеть. Каждый день вспоминает и ждет. Приезжайте — *Гатчина. Александровская ул., д. 23*; 20 минут ходу от вокзала. Уху из налимов (живых) любите? Будет! И все будет — только приезжайте. Оба! Ночевать — сколько угодно.

Свинье Петрову напишу. Правда забылся.

Получили ли мою брошюру? Верно — нет: на сей случай шлю следующий экземпляр.

Не будьте суровы и мрачны. Пусть Сер〈афима〉 Пав〈ловна〉 не мрачничает. У Вас еще жизнь долгая и, по дарам — счастливая. Я Пирожкову недавно говорю: «Его (Ремизова) только никто не понял: это — потерянный бриллиант, и всяк будет счастлив, кто его подымет: ум, спокойствие, вкус, археология + style moderne». Отвечает: «Вот расширится дело». Ах, дорогой: как хотелось бы Вам помочь: ведь и у меня и Варв〈ары〉 Дм〈итриевны〉 болит по Вас сердце, но *от бессилия* — я ругаюсь.

!! ПРИЕЗЖАЙТЕ !!

8

⟨1906⟩

Дорогой Алексей Михайлович!

Я думал, что уже Вы виделись с Гриневич: бывши у нас, она сказала, что у нее есть работа по составлению образцового и руководственного каталога, с объяснениями и наставлениями, по детскому чтению. И что помощь ей в этом составлении может оплачиваться ежемесячным жалованием. Так как это интереснее и литературнее переписи собак, да и вообще дело привлекательное и полезное, то, я уверен — Вы его возьмете. Покажите-ка Вы ей образец своего 1) почерка, 2) ума и 3) расторопности, сиречь запросите ее, когда можете ее застать дома — и я уверен (как и уверял уже ее), что она почувствует к Вам вкус. Сама она баба умная и летучая — не в смысле мази, а в смысле птицы.

Ваш В. Р.

Сер⟨афиме⟩ Пав⟨лов⟩не поклон.

Адрес Веры Степановны Гриневич:

Басков пер. д. 38 кв. 8.

А то и так идите прямо часов около 10 утра или 5 дня.

9

⟨1906⟩

Хочется мне все-таки взглянуть на 7-вершкового. В Индии не бывал, надо хоть в плечах посмотреть слонов. Я думаю, особое выражение физиономии: «владею и достигнул меры отпущенного человеку». По-моему наиприятнейшая мера 5 вершков: если на столе отмерять, и вдуматься, то я думаю это божеская мера. Таким жена не наиграется, не налюбуется. Большая мера уже может испугать, смутить, а меньшая не оставит глубокого впечатления. Поэтому может я к Вам зайду около 12-ти (ночи) или около 10 сегодня или завтра. Пусть благочестие Сер⟨афимы⟩ П⟨авлов⟩ны не смутится поздним приходом и я заранее прошу извинения в позднем посещении. Ваш В. Р.

10

⟨1906⟩

Дорогая Серафима Павловна!

Анна Павл⟨овна⟩ Философова переслала нам письмо Ветвеницкой, из которого Вы усмотрите, что Вам *непременно* надо лично с нею познакомиться: иначе ведь та не будет знать, *какое* место для Вас есть подходящее? Ведь *заочно* ни

на какую должность принять нельзя: ведь могут просить за глухую, слепую, безногую, истеричную, эпилептичку. А когда люди увидят, что просит цветущая ⟨одно или несколько сл. густо замарано⟩ женщина с разумом и образованием, ⟨два сл. густо замарано⟩ — непременно дадут место и даже будут Вас искать для места. Напр⟨имер⟩ попроситесь в Библиотеку или в надзирательницы для курсов. Идите же, идите, идите, дорогая!!!

Алек⟨сею⟩ Мих⟨айловичу⟩ поклон. А какой скромный и прекрасный Ваш Аркад⟨ий⟩ Пав⟨лович⟩? Вот и судите «по анекдотам», не взглянув на действительность!!

Ваш В. Розанов.

11

⟨1906⟩

Дорогая Серафима Павловна!

Пожалуйста, приходите поскорее мерить кофту.

Ваш искренно В. Розанов.

⟨12⟩

25 X 1907

Посылаю вырезку, руководствуясь
правилом: «лучше поздно,
чем никогда» — — —
Поклон С⟨ерафиме⟩ П⟨авловне⟩ — — —
— —

Не буду приходить к Вам на сеансы. Все это моя распущенность, которую надо воздерживать. Потом бывает на душе не хорошо. *Само по себе* я ничто в этой области не осуждаю: ни легкое «нравится», ни тяжелое «залез под подол». Но все хорошо в своей обстановке: и вот этого-то у меня и нет. Этот легкий полуобман, лукавство, черствость души — ах, как все это производит «душевный насморк».

Девушка мне нравится очень.

Не как другие. В ней — большое содержание. «Внутренне — дум». Молчалива — это очень хорошо. Человек, а не барышня.

А впрочем верно сделается барышнею же, или попадет в больницу, или застрелится. Впрочем, не застрелится, а утопится. Выстрел — это слишком громко, и может испугать мечтательную душу.

Ну и кроме души меня взволновала эта волнующаяся под трауром ночь. Какие у нее груди? Очень интересно!

А «прочее»? Еще интереснее. Как уже давно никто, она мне не давала покоя в воображении, и я все мысленно продолжал разговор с нею, начатый и неоконченный. В тот же день у меня б⟨ыл⟩ порыв сказать ей и о всем спросить у нее. Мы летели точно в вечности. Точно не только не было кругом людей, но они и не рождались, даже не могли родиться. Вечное одиночество. Т⟨о⟩ е⟨сть⟩ уединение. Было хорошо. Страшно свободно и страшно мудро.

Мне бы хотелось, чтобы она кое-что узнала ⟨обо э. — зчркн.⟩ из этого письма. Мне было бы больно, если бы она ⟨счит. — зчркн.⟩ считала меня пошлым. Еще больнее, если бы подумала, что я воспользовался минутою.

Я думаю, что это была именно «минута», «случай», когда вдруг все стало страшно свободно. И совсем неожиданно для меня. Ведь я в общем скучный. Меланхолический. А то была «аристократическая» минута. Ведь что такое крылья? Большая свобода. Что такое ангелы? Те, кто свободнее человека. А Бога уже «ничто не ограничивает».

— «будемте яко бози» не значит ли только: «будемте свободны»... *как хочется и как воображается.*

Ну, довольно философии. Если барышня не застрелится и не утопится, она будет очень долго и очень скучно жить. То, чего ей хочется кушать — она не смеет, а чего ей дает мир — то

для нее не будет скусно. При таком расположении «мировых карт» лучшее — застрелиться.

Ну, прощай волк и паук. Не сердись на меня. Я нынче в меланхолии.

Розанов

Точное изображение барышни: ⟨рисунок⟩

? ?

и близко то же

локоть, да не

укусишь

... «и я там был,
по усам текло
в рот не капнуло⟨»⟩
!!

13

⟨1908⟩

А. М.!

Не ***сегодня*** ли условленное у Бенуа собрание для лицезрения *ОПАЛА*? Если *да*, то поедемте вместе. Тогда зайдите. Так как Вы не пишете, то *скажите и разъясните* посланному. В. Розанов

Я думаю выехать часов в 9?

14

⟨1908⟩

Ал. Мих.! Вообразите, сейчас по телефону пригласили меня на ужин-проводы св⟨ященика⟩ Петрова, и невозможно отказаться. Я собирался хоть на 1 час поехать к Бенуа, но уж очень измотаешься: такие расстояния, да и «засидишься» там, «опоздаешь» здесь, и вообще чепуха. Поклонитесь им и извинитесь за мое отсутствие. Ваш В. Розанов.

С⟨ерафиме⟩ П⟨авловне⟩ поклон и рукопожатие.

15

⟨1908⟩

Ждем.
Серафиму Павловну и Алексея Михайловича
без слонов, без зверей и миθов,
без «табаку» и вина
4 декабря в тихую обитель Б. Казачий д. 4 кв. 12
— *вечером* —

Смиренный иеромонах
Василий.

16

⟨1909⟩

Дорогая и милая Серафима Павловна!

Мне как-то очень грустно сделалось при вести, что Вы уезжаете заграницу, неизвестно — насколько времени. Грустно и больно. Так я привык к «моей крикухе», ведь «крикуха»-то эта была такая «славная» и точно «своя», так я привык к Вам. И что-то грустное с Вами, чего я точно не знаю. Все это *ушибло* будто меня, и мне непременно захотелось приехать к Вам и сказать что-нибудь, чего может быть сказать не сумею. Словом, назначьте мне день и час и я к Вам приеду. Пожалуйста!

Ведь Вы совсем стали нам родная, хоть последнее время и не видел Вас. Вы без хитрости и прямая, и честная и умная: дары не из частых. И не мелкая, не ничтожная. Тоже — не часто! Ну, целую горячо Ваши милые руки. Право, как жаль, как жаль! Ваш горячо преданный и любящий

В. Розанов.

Бол⟨ьшой⟩ Казачий, д. 4, кв. 12.

Прийти я могу и вечером, от *10-ти* вечера, и днем от 3 до 6-ти.

17

⟨24 сент. 1909⟩

Не провокация? Не заговор? Не динамит? Приду — конспиративнейше — или пятницу, но вернее субботу между 2½—4 часами дня.

Vale В. Р.

18

⟨1910⟩

Милый Алеша! Прости за «Убогого» (в папке): ведь это «убогие» Киева-Ростова, что сродни «Табаку» — — — не без тайного предчувствия я хранил сей лист: срисуй мне на *белую бумагу* комбинацию левой стороны и этой: т⟨о⟩ е⟨сть⟩ «мухи», «мурья», «ведьма» etc. etc. Я издаю: «Когда начальство ушло» (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ статьи, в революцию написанные). Последний отдел будет 1907—1910 (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ годы) и там одно слово на листе:

УВЫ.

На следующем листе: ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ?

И на третьем — твой Божественный рисунок.

И больше — ничего, обложка. Но это — в абсолютном секрете и даже от Simы. Sime поклон до пояса или лучше сказать до п. Не сердись на Василия Беспутного. В. Розанов.

19

⟨1910⟩

Милая Серафима Павловна!

«Мудрый Змий!» передал мне, что Вас обидело мое письмо *к нему*. Приношу Вам мое извинение: не хотел Вас огорчить. Он и передал мне мотив Вашего огорчения, очень верный. Нельзя *открывать*, называть *громко то*, что должно быть в тайне и молчании. Но Алекс⟨ей⟩ Мих⟨айлович⟩ верно понял мой мотив, не имевший злого намерения. Обоих вас я очень люблю. Ваш В. Розанов.

20

⟨1911⟩

Среда-Четверг Страстной Седмицы.

Воистину зеленые березки...

Поздравляю дорогих Ал⟨ексея⟩ Мих⟨айловича⟩ и Сер⟨афиму⟩ Пав⟨ловну⟩ с Троицыным Днем!!!

В. Р.

21

⟨1910⟩

Редкий день не вспоминаю я милого Алексея Михайловича, — прикованного к своей комнате-темнице, — и его «язву в желудке»... Но болезнь эта, я всех расспрашивал, — упорна, но не опасна. Крепитесь! Желаю Вам не страдать... Жму руку и Вам и Серафиме Павловне.

Не у вас ли Алексей Толстой?

Тогда верните: *нужна.*

В. Р.

22

⟨1910?⟩

Très chéris Алексей
Серафима!!

1) Прочтите *внимательно* письмо Бородаевского.

2) Конечно — согласитесь на его предложение.

3) *Не позже* среды уведомьте меня о решении Вашем

4) и, приложив обратно его письмо (и адрес) —

чтобы я мог ему сказать, конечно

да!

Хотелось бы вас повидать. Ваш В. Розанов.
Звенигородская, д. 18, кв. 23.

23

⟨1917⟩

Дорогой А. М.!

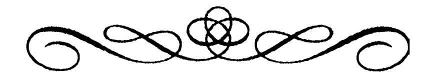
Д-р А. И. К⟨арпинск⟩ий сказал мне по телефону, что неудобно посылать самому больному Клюеву подробный диагноз его тяжелой болезни и попросил позволения послать мне. Я Вам посылаю.

Отчего с матерью Серафимой не заглянете к нам. Теперь и монашка Вера у нас гостит.

Приходи, брате Алексей.

В. Розанов.

ПИСЬМА РЕМИЗОВЫХ К РОЗАНОВЫМ (1905—1918)

1

〈февраль—март 1905 г.〉[1]

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Письмо Ваше застигло нас в ту самую минуту, когда прощались с доктором, и Серафима Павловна сияла от радости, а я уж думал о том, как бы поскорее Пасха пришла и Наташу-Бубочку[2] маленькую в деревню на лето отвезти[3]. Больно там молоко вкусное. Доктор сказал, что ребеночек на редкость, только выносить гулять следует, да купать не всякий день. А просыпалась по ночам, потому что насморк в дороге схватила. Впрочем, теперь носиком не сопит и сейчас вот тихонечко байбаиньки-спит.

Приходите когда-нибудь днем к нам[4]. Покажем Вам Наташу. Как она улыбается — четыре зубка светятся, и пальчиками перебирает, а тельце мякенькое — мякенько, как возьмешь и оторваться не хочется.

Д. В. Философов влюбился, женихом теперь называется и Наташа тоже к нему цапается.

Простите, Василий Васильевич, что пишу много, так хочется о Наташе поговорить, а редко встречаю, кто бы детей любил[5].

За письмо спасибо Вам. Мы его сохраним. Все под Богом ходим.

А. Ремизов

Кланяемся Варваре Димитриевне.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Большое, большое Вам спасибо за письмо; столько радости оно нам доставило — главное — вот Вы — такой человек, а Вам и к нам сочувствие есть, редко так приходится встречать. Непременно к вам придем, больно хочется и с Вами обо всем можно совсем прямо говорить.

Большой поклон Варваре Дмитриевне.

С. Ремизова

Был у нас д-р Иогихес[6].

2

⟨декабрь 1905 г. ⟩[1]

Многоуважаемая и дорогая Варвара Димитриевна!

Если можно, помогите. Дайте на время 75 р. Будем отдавать по частям, по мере получения от Д. Е. Жуковского, который мне должен 200 р.

Не просил бы Вас так сразу, но какое-то непреодолимое желание ехать к Наташе толкает.

Думал получить эту сумму сегодня у Д. Е. Ж., но он сейчас не может. А жил несколько дней с одной мечтой поехать. Уж представлял себе, как подъедем, как в дом войдем, как, когда Наташа попривыкнет, на руки ее возьму и на ушко пошепчу.

Все, все так ясно представляю, будто уж съездил не раз. Прятаться Наташа будет, за очки ручонками цапать. Я ее никогда не видал, как она на ножках ходит, не слыхал, как говорит. Вижу ее и слышу, хоть и видел и слышал только как ползает и пищит. Что-то толкает непременно увидеть, а там по приезде начать поиски за работой и местом. Работа и место, но в душе что-то сохранится, будет бегать и говорить-говорить единственный образ светлый-пресветлый с беленькими волосками.

Кланяюсь Василю Васильевичу.

А. Ремизов

3

31 генваря 1906 года[1].

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Посылаю Вам гранки Ваших статей, которые хранились в архиве «Нового Пути» а перешли после «Вопросам Жизни»[2]. Прилагаю карточку Ф. Штука: «Друзья»[3].

Варваре Димитриевне кланяюсь и желаю скорейшего выздоровления.

Два Ваших воскресенья пропустили[4]: одно по случаю приезда Брюсова[5], другое — у Сологуба рассказ Сологуба читался[6].

Алексей Ремизов

4

Глубокоуважаемый Василий Васильевич![1]

Виноват я перед Вами страшно: взялся воспроизвести монету, и не сумел.

Всеми манерами подступал, — но точного отпечатка не получилось. С печатями другое дело: они мне даются[2].

Возвращаю Вашу книгу французскую[3], статью из «Нового Времени»[4].

Посылаю описание казни Шмидта[5] и расследование дела Спиридоновой[6].

Варваре Димитриевне кланяюсь.

А. Ремизов

16 марта 1906 года.

5

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Посылаю письмо на редакцию[1], не знаю Вашего дачного адреса[2].

У меня к Вам просьба, напишите этому попу Петрову[3], чтобы он вернул мне переданные ему С⟨ерафимой⟩ П⟨авловной⟩ рукописи Тышки[4].

Писать лично ему — не имеет смысла, он не пожелает ответить.

А мне хочется разделаться с этим господином, пускай себе головы другим заворачивает.

С. П. очень расстроена. Кланяется вам и Варваре Димитриевне, и я кланяюсь.

Алексей Ремизов

Мой адрес: 5 Рождественская; 38 кв. 2.

28 мая 1906 г.
СПБ.

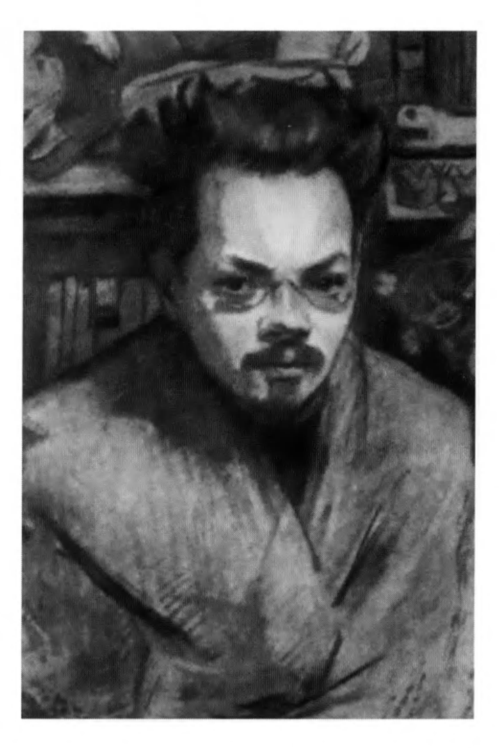

Бакст Л. Портрет философа В. В. Розанова.
1901.

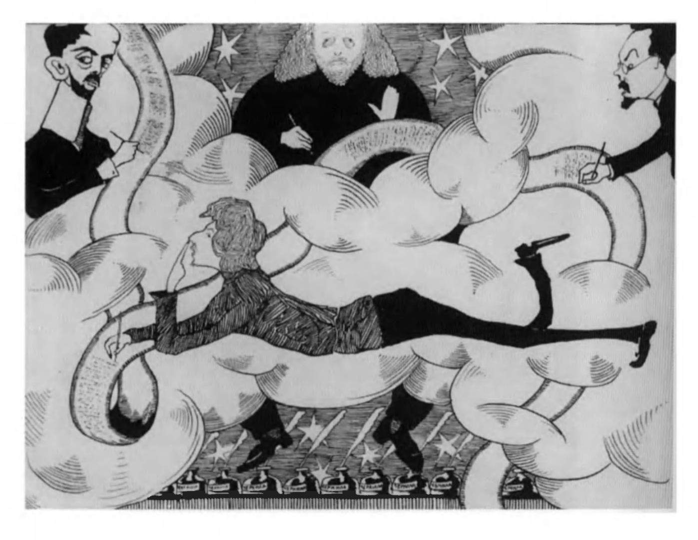
Алексей Михайлович Ремизов.
1907. СПб.

Алексей Михайлович Ремизов.
1907. СПб.

Сабашникова М. В. Портрет А. М. Ремизова.
Январь 1907.

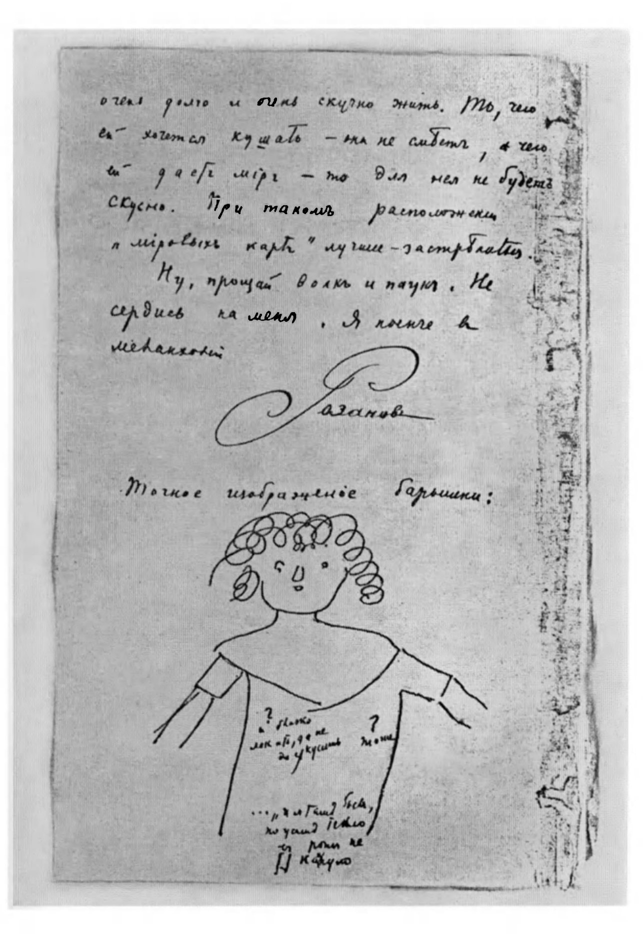
Городецкий С. М. Отцы мифотворцы.
⟨М. А. Кузмин, Вяч. И. Иванов, А. М. Ремизов,
С. М. Городецкий⟩.
1908.

Ремизов А. М. Натуся с ведьмедюшком.
17 июня 1905.

Кругликова Е. Н. А. М. Ремизов на «Среде» у Вяч. Иванова в феврале ⟨?⟩ 1906 г.

Письмо В. В. Розанова к А. М. Ремизову
из альбома «Розанов».
1908.

очень долго и очень скучно жить. То, чего ей хочется кушать — она не съѣстъ, а чего ей дастъ міръ — то для нея не будетъ скучно. При такомъ расположеніи „мiровыхъ картъ" лучше — застрѣлиться.

Ну, прощай волкъ и паукъ. Не сердись на меня. Я кончаю в меланхоліи

Розановъ

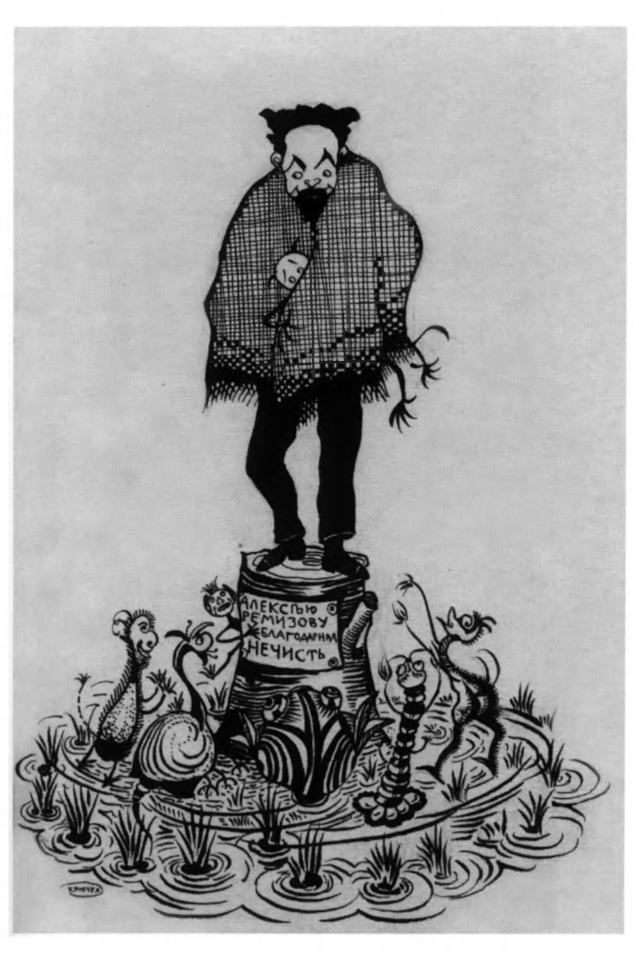
Точное изображеніе барышни:

Письмо В. В. Розанова к А. М. Ремизову из альбома «Розанов». 25 октября 1907.

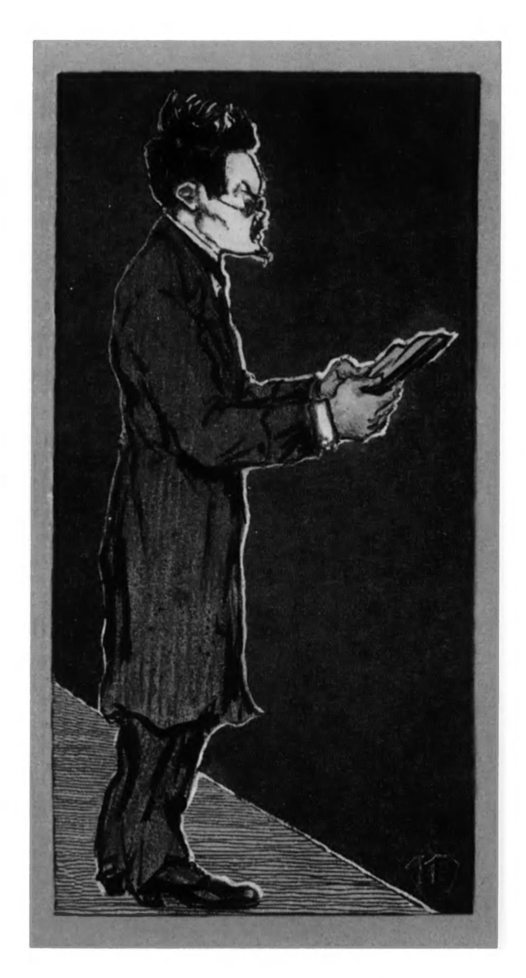
Копия рукой А. М. Ремизова. Фрагмент.

Городецкий С. М. Шарж на Вяч. Иванова.
1907.

Городецкий С. М. Шарж на А. М. Ремизова.
1907.

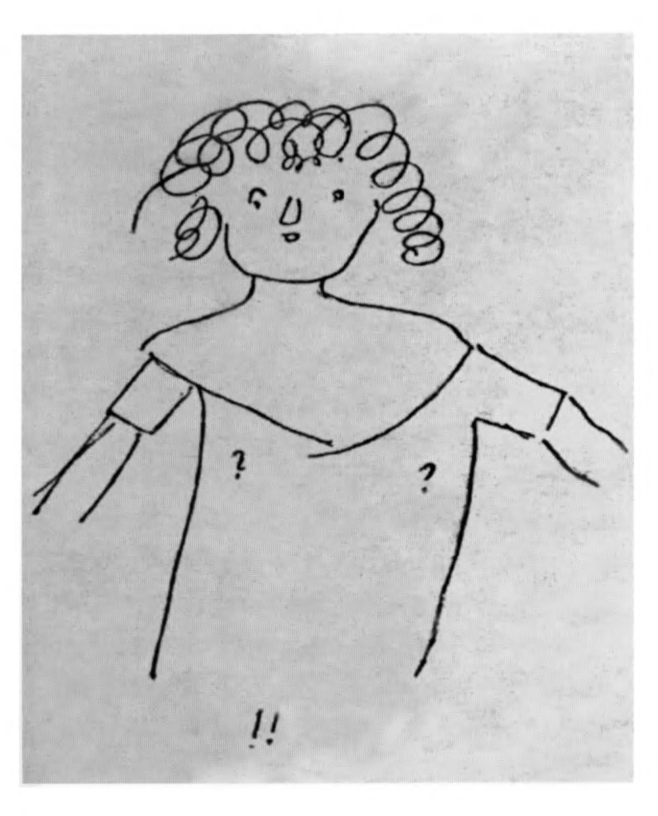
Грабовский И. М. Шарж на А. М. Ремизова.
1908.

Ре-ми. Шарж на В. В. Розанова.
1909.

В. В. Розанов.
1910. СПб.

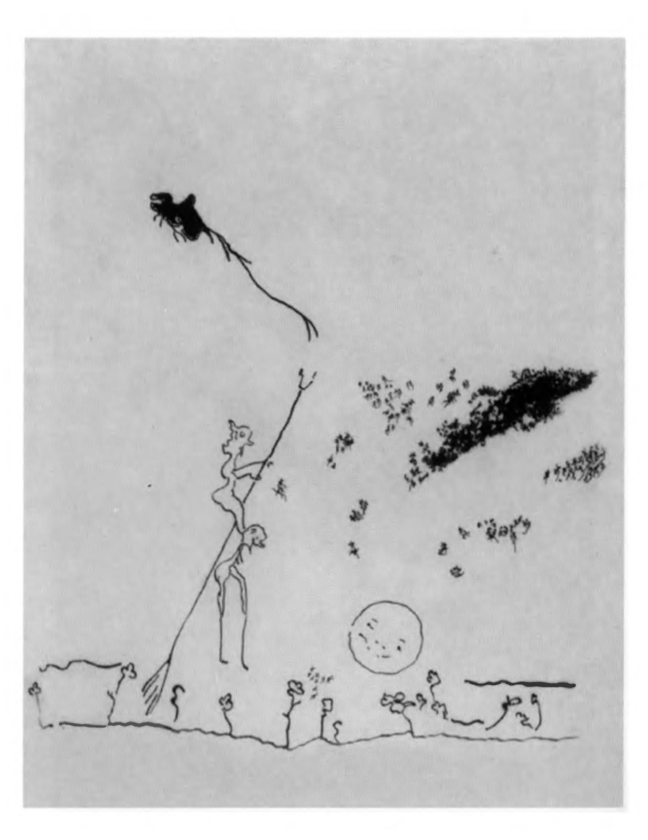
Розанов В. В. Точное изображение барышни.
Копия рукой А. М. Ремизова.

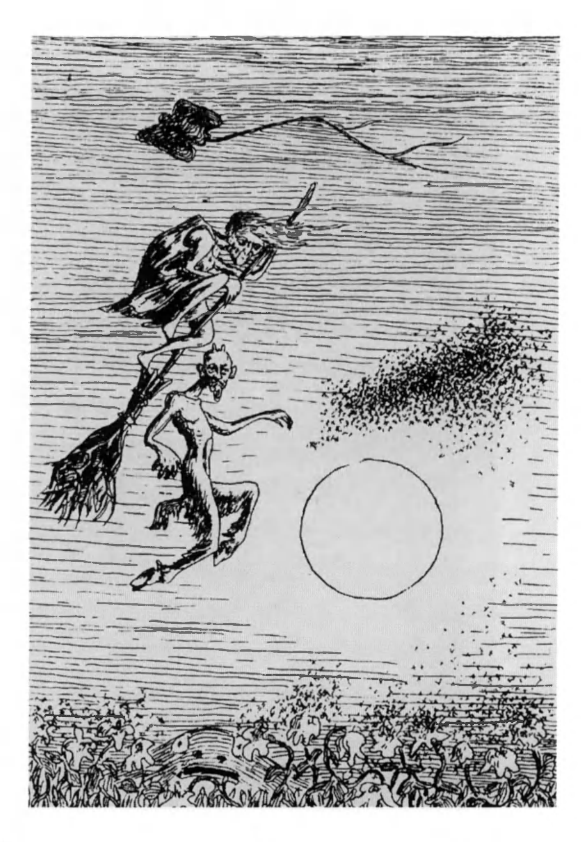
А. М. Ремизов.
1911. СПб.

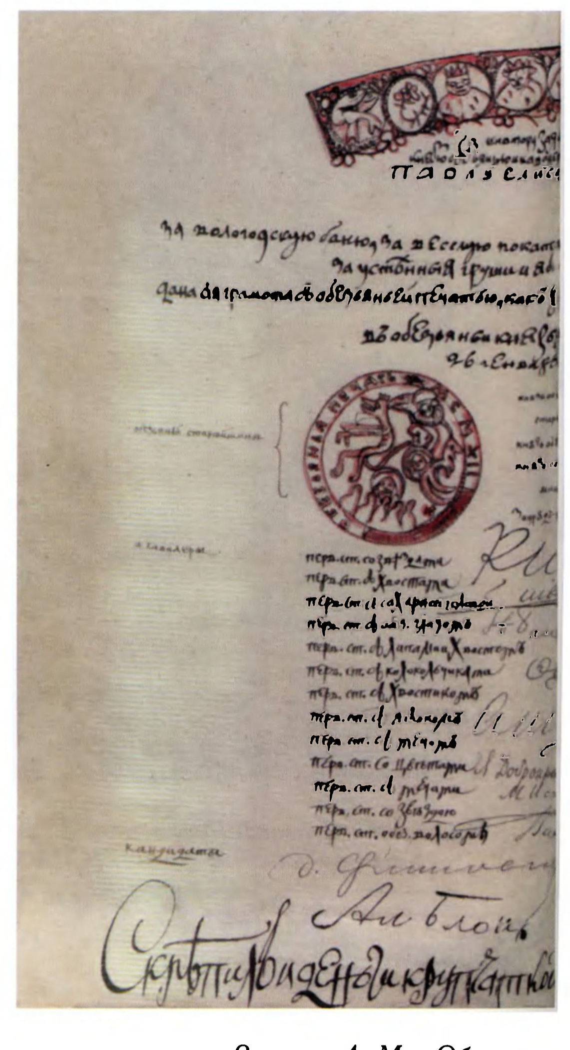
В. В. Розанов.
20 апреля 1916.

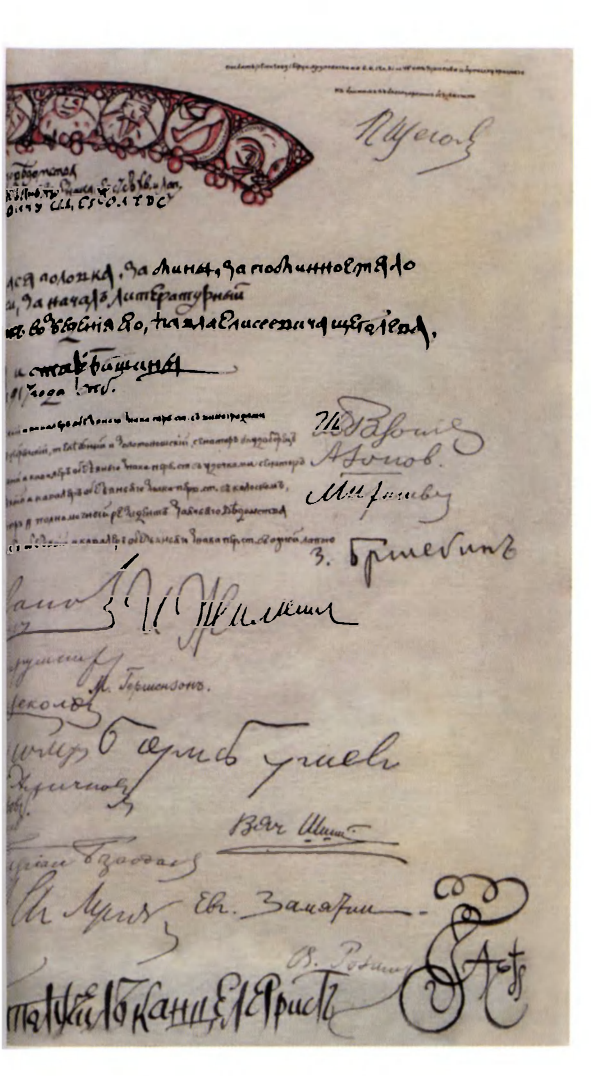
Ремизов А. М. Рис. на обложке приготовленного им списка «Жития Моисея Угрина».
1906.

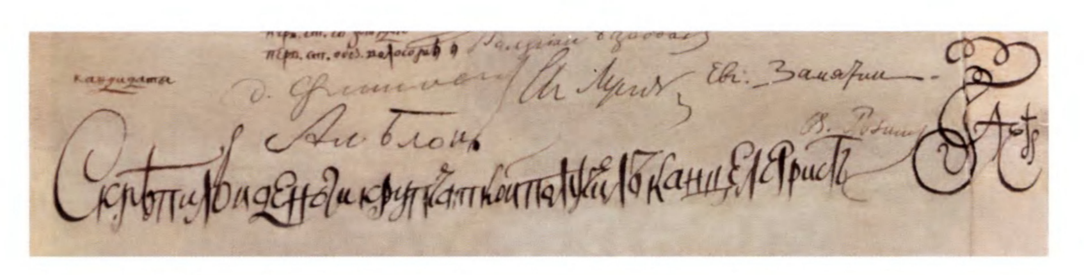
Неизвестный автор. Рис. в книге В. В. Розанова «Когда начальство ушло». (СПб., 1910).

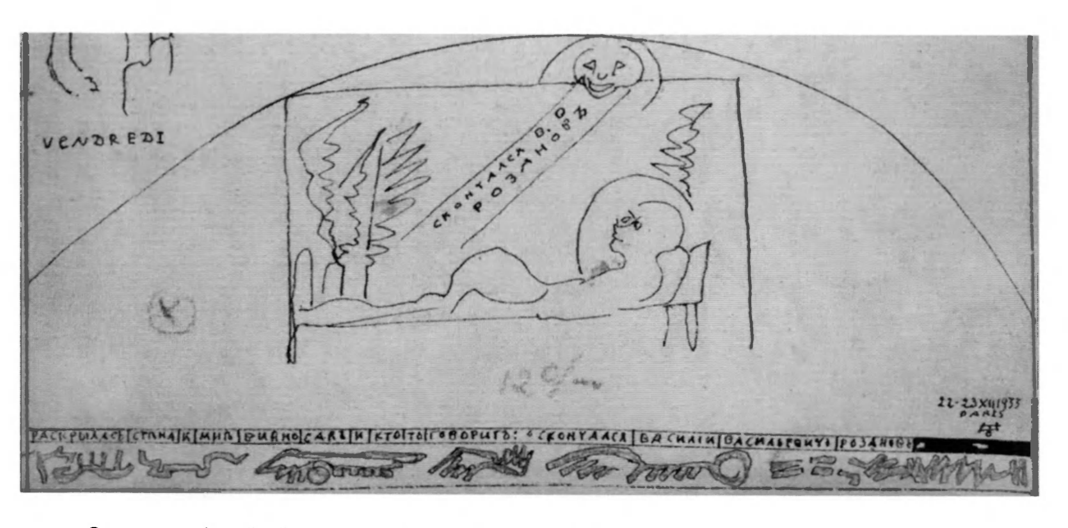
Ремизов А. М. «Обезьянья
26 января

грамота» П. Е. Щеголеву.
1917.

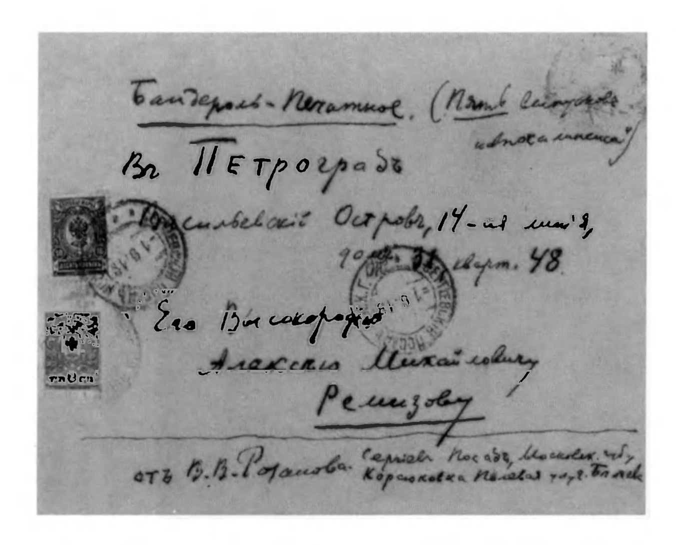

Подпись В. В. Розанова на «Обезьяньей грамоте» П. Е. Щеголеву.
Фрагмент.

Ремизов А. М. Рис. в альбоме «Именной графическом полупряник Тырло. 550 снов». Фрагмент.

22—23 декабря 1933. Париж.

Бандероль-Печатное. (Пять экземпляровъ «Апокалипсиса»)

Въ Петроградъ

Васильевскій Островъ, 14-ая линія,

домъ 31 кварт. 48

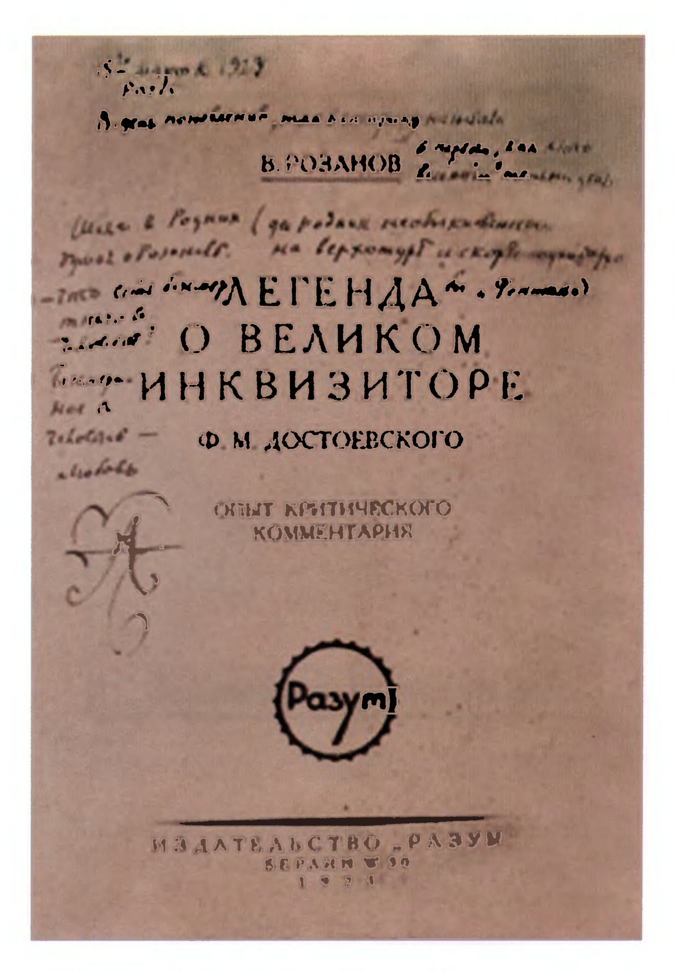
Его Высокородію

Алексію Михайловичу

Ремизову

отъ В. В. Розанова. Сергіевъ Посадъ, Московск. губ. Красюковка Полевая улиц. д. Беляева

Розанов В. В. Надпись на бандероли с экземплярами книги «Апокалипсис нашего времени», адресованной А. М. Ремизову. ⟨1 июня 1918⟩.

В. РОЗАНОВ

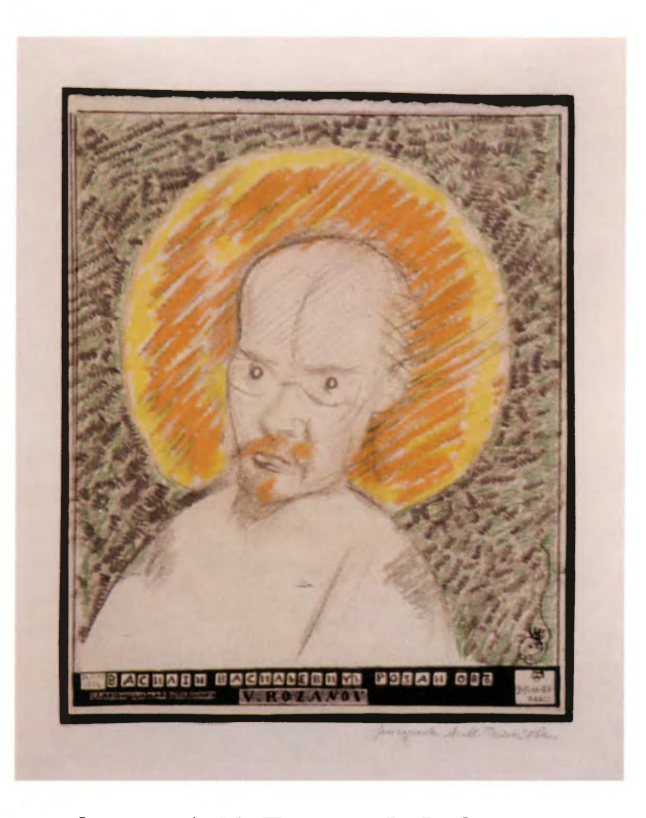
ЛЕГЕНДА
О ВЕЛИКОМ
ИНКВИЗИТОРЕ

Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО
КОММЕНТАРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАЗУМ"
БЕРЛИН W 30
1924

Ремизов А. М. Инскрипт на титуле первого зарубежного издания книги В. В. Розанова «Легенда о Великом инквизиторе».
(Берлин: Разум, 1924). 15 марта 1924. Париж.

Ремизов А. М. Портрет В. В. Розанова.
25 ноября 1931. Париж.

6

4 декабря 1907 года.

Дорогая Варвара Димитриевна!

Поздравляем Вас с днем Вашего ангела и просим разрешить придти к Вам после 11 ч. прямо из театра[1].

С. и А. Ремизовы

7

1 генваря ⟨1908⟩[1]

Дорогой Василий Васильевич!

Поздравляю Вас с ангелом и новым годом[2], кланяемся и поздравляем Варвару Димитриевну.

А. и С. Ремизовы

А. А. Измайлов
с 10 ч. до 1 ч. дня 226-98[3]

8

18 апреля 1917
Смутное время[1]

Дорогой Василий Васильевич.

Представляю Вам поэта Клюева Николая Алексеевича[2].

Если можете, посодействуйте ему к доктору Карпинскому[3] — так к Карпинскому человеку никак не попасть — а Клюеву нужда освидетельствоваться[4].

Всего Вам хорошего

Алексей Ремизов

В. О. 14 л. 31 кв. 48
209—69

9

15 мая 1918 г.

Дорогой Василий Васильевич

на одре моем смертном вспоминал Вас.

Крупозное воспаление легких было у меня[1].

В день кризиса пришел Философов[2].

А я уж и не вижу его — свет погасал в глазах от жара.

И вот помню, подумал: если бы Василия Васильевича увидеть в последний раз.

И все вспомнил, как соседями жили на белом свете[3]

и как было хорошо на белом свете.

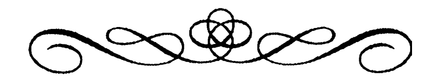
Посылаю Вам два слова моих[4] и книгу о русских женщинах[5].

Пришлите Апокалипсис и надпись положите в воспоминание[6].

Серафима Павловна кланяется Вам.
Оба мы кланяемся Варваре Димитриевне.

В. О. 14 л. 31 кв. 48 Алексей Ремизов.

«ВОИСТИНУ»

памяти В. В. Розанова
к 70-й годовщине со дня рождения
3.5—20.4 1856 (†1919) — 1926

Сегодня исполняется 70 лет со дня Вашего рождения, честь имею Вас поздравить, Василий Васильевич! В молодости я все некрологи писал — — Ну, а как же! живым, известно: Бердяев, Щеголев, Савинков — — Никогда! Я ж не от худого сердца. Это кто в сердцах, тому и прет одна осклизлость в человеке, а в человеке, Вы это сами знаете, всегда найдется, отчего так хорошо бывает, ну, весело! (в нашем-то печальном мире — весело!) другой и сам за собой не замечает, в мелочах каких-нибудь или повадка. Раз как-то Пришвин помянул своего приятеля-земляка (из Ельца тоже и Ваш вроде как земляк) и вдруг так засиял — автомобильный фонарь! — и всем стало весело, и вспомнил он не «победы и одоления» приятеля, а про яйцо, как ловко приятель яйцо всмятку ел: «Ну так, знаете,

скорлупку содрал чисто, сдунул и все подъел начисто, замечательный человек!»

> А мне сейчас почему про яйцо — со стола они на меня глядят, яйца: и красные и синие и лиловые и желтые и зеленые и золотое и серебряное и пестрые — корзиночка: сегодня второй день Пасхи!

А теперь я пишу не «некрологи», а память пишу усопшим. Крестов-то, крестов понаставили! И все тесней и теснее — и Брюсов «приказал долго жить», и Гершензон «обманул»: в прошлом году в Москве похоронили! и этот, помните, кудрявый мальчик — «припаду к лапоточкам берестяным, мир вам, грабли, коса и соха, я гадаю по взорам невестиным на войне о судьбе жениха» — Есенин. Я, Василий Васильевич, памятью за каждое доброе слово держусь — это мне как свечи горят по дороге (и это мое счастье!), а, должно быть, очень страшно брести последний путь — и одни пустые могилы — повторять во тьму: «люди — злые!» Нет, когда-нибудь соберу книгу — «Мое поминанье», все, как следует, в лиловом или вишневом бархатном переплете и золотой крест посередке, там соберу всех, все, что доброе запало, и «о упокой», и «о здравии». Время-то идет, давно ль все расписывались «молодыми писателями», а теперь, посмотрите: в этом году исполнилось 60 лет — Вяч. И. Иванову, Д. С. Мережковскому, Л. И. Шестову.

Юбилей Л. Шестова справляли по-русски — три вечера: на дому — литературное сборище, у С. В. Лурье — семейное, и третий вечер — философское: только философы. Бердяев, Вышеславцев, Эфрон, Ильин, Познер, Лазарев, Лурье, Сувчинский, кн. Д. С. Мирский, Федотов, Мочульский (Степун не приехал!) и только я не философ, я за музыканта: читал весь вечер — три часа без перерыва — «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», самую жизнерадостную книгу, а на тему: путь к вольной смерти! А Вячеслав Иванович Иванов в Риме отшельником: поди, пришел сосед П. П. Муратов, поставили самовар, попили чайку с итальянскими баранками, спели орфические гимны, ушел Муратов «комедию» писать, а юбиляр засел за «римские древности» — познания всесветные! достойный ученик своего великого учителя Моммзена!

. . . .

Дождика не идет, все деревья зеленые — три дня дождь! — закурил и домой не хочется, так бы все и шел — — вот она, какая земля! любимая! — —Вы не понимаете? — — А ведь как Вы здесь-то, как любили: каждый корешок, каждую каплю, вот с крыши на меня сейчас и еще — это оттуда! Василий Васильевич! — «воистину!»

. . . .

Жил в России протопоп Аввакум (Аввакум Петрович Петров, 1621—1681), жил он при царе Алексее Михайловиче во дни Паскаля, когда Паскаль свои «Pensées» сочинял (1623—1662), и итог своих дел — это «житие им самим написанное»: ума проникновенного, воли огненной (конец его — сожгли в срубе!), прошел весь подвиг веры и, стражда, на цепи и в земляной тюрьме долгие годы сидя, не ожесточился на своих гонителей. «Не им было, а бысть же было иным!» А это называется: не только что около своего носа... да с другого и требовать нельзя: жизнь жестокая, осатанеешь! А как написано! Я и помянул-то протопопа «всея России» к слову о его «слове». Ведь его «вяканье» — «русский природный язык» — и ваш «розановский стиль» одного кореня. Во дни протопопа этот простой «русский природный язык» (со своими оборотами, со своим синтаксисом «сказа») в противоположность высокой книжно-письменной речи «книжников и фарисеев» в насмешку, конечно, и презрительно называли «вяканьем» (так про собак: лает, вякает), как ваше «розановское» зовется и поныне в академических кругах «юродством». А кроме Вас, от того же самого кореня, Иван Осипов (Ванька Каин) и Лесков — про Лескова или ничего не говорили (это называется в литературном мире «замораживать»), или выхватывали отдельные чудные слова вроде: «жены переносицы», «мыльнопыльный завод» и, само

собой, в смех, но и не без удовольствия, а самый-то склад лесковской речи, родной и Вам, и Осипову, и Аввакуму — да просто за смехом не вникали. В русской литературе книжное церковно-славянское перехлестнулось книжным же европейским и выпихнулось литературной «классической» речью: Карамзин, пушкинская проза и т. д. и т. д. (ведь и думали-то они по-французски!), и рядом с европейским — с «классическим стилем» — «русский природный язык»: Аввакум, Осипов, Лесков, Розанов. И у Вас тоже есть — ваша книга «О понимании»: Вы тоже могли и умели выражаться по-книжному, как заправский книжник и фарисей, и очень ценили эту книгу, и Аввакум щеголял Дионисием Ареопагитом и мифическим римским папою Фармосом латинского летописца (знай наших!). Но в последние годы Вашей жизни на этой чудеснейшей земле то, что «розановский стиль» — это самое юродство — это и есть настоящее, идет прямой дорогой от «вяканья» Аввакума из самой глуби русской земли. Сами Вы это знали ли? (Аввакум проговорился: «люблю свой русский природный язык», Лесков, должно быть, не сознавал, иначе не умалялся бы так перед Львом Толстым!) Помните, в Гатчине, как мы у Вас на даче-то ночевали, Вы с сокрушением говорили, что рассказов Вы писать не можете, — «не выходит». А Вам хотелось, как у Горького или у Чехова — у аккуратнейшего «без сучка и задоринки» Чехова, ко-

торым упиваются сейчас англичане, а это что-нибудь да значит! и у Горького, который «махал помелом» по литературным образцам. Василий Васильевич, да ведь они совсем по-другому и фразу-то складывали — ведь в «вяканье» и в «юродстве» свой синтаксис, свое расположение слов, да как же Вы хотели по их, эка! Розанов — форму чеховского рассказа? — да никак не уложишь, и н е н а д о. Их синтаксис — «письменный», «грамматический», а Ваш и Аввакума — «живой», «изустный», «мимический». Теперь начали это изучать, докапываться в России — там книжники и вся казна наша книжная! Но и среди русских, живущих за границей, есть та же дума. Сидит тут, в Париже, Федотов, ученый человек, Вашими книгами занимается, опять же Сувчинский, глава евразийцев, Петр Петрович, а в этой самой Англии кн. Д. Святополк-Мирский — — да, да, сын Петра Дмитриевича, еще «весной»-то прозвали, благодаря ему нам разрешение вышло в Петербург до срока переехать, и с Вами тогда познакомились! — — А книг Ваших, Василий Васильевич, не видно: переиздали «Легенду о Великом Инквизиторе». Изд. «Разум». Берлин, 1924. Стр. 266. А мне попалось тут единственное, что по-французски переведено: Vassili Rozanov. «L'Eglise russe». Traduit avec l'autorisation de l'auteur par N. Limont-Saint-Jean et Denis Roche. Paris, Jouve et Gie. Editeur, 1912. — p. 42. От Ваших перевод-

чиков получил. А в России — не в поре: «борьба на духовном фронте», и попали Вы в эту категорию «мистическую», ну Вас и изъяли — а уж про издание и говорить нечего. Только, думаю, этим немного возьмешь. Запрещенный-то плод сладок — тянет. По себе сужу, уж что ни сделал бы, а книжку достал, и всю б ее от доски до доски — — Василий Васильевич, какой собрался богатый матерьял в мире всяких глупостей и глубокомысленнейших, ну и несчастных! Война! — до сих пор не расхлебали. Конечно, во всем Божий промысел и дело нечеловеческое — и «надо всему было быть, как было!» (Аввакум прав!) и не без «обновления жизни» такие встряски! но и правду сказать, и человек «действующий элемент» постарался — подуровали! А теперь, смотрите: и беды не оберешься, и от беды не схоронишься —

— «Эй, дурачье, дурачье!»

А живи Вы тут — от сумы да от тюрьмы не зарекайся! — кто ж его знает, «борьба на духовном фронте!», и угодили б Вы сюда с Бердяевым и Франком, и были бы мы опять соседями, или в Clamart'е около Бердяева, или где на Convention (Paris, XVe). Насонову-то помните, подруга Вашей Веры, она за профессором Сеземаном, два у нее мальчика, старший Алеша, а другой Митька, и что странно, Митька — вылитый с лица С. П., ведь вот же уродится так, и большой

ее приятель, называет «подруга». И скажу Вам, и из здешней «зарубежной русской жизни» был бы Вам матерьял. Когда-то Вы писали, что «заработал на полемике с каким-то дураком 300 рублей», ну, 300 не рублей, а франков — ручаюсь! — было бы Вам к Пасхе. Дождались мы Пасхи — а сколько было за зиму и болезни и всего! — и там в России! Хотите, я Вам расскажу старый один советский анекдот про Пасху? Больно он из всех мне запомнился, а Вам, знаю, будет интересно —

. . . .

Действующее лицо: батюшка из тех, кого Вы ни к Чернышевскому, ни к Добролюбову не относите, нет, другой породы — не затейливой — («извините, с яйцами?»),* все эти попы Иваны и отцы Николаи, у которых одно лицо безвозрастное с бороденкой, и ходят они как-то, плечо опущено, и говорить «неспособны», а проповедь читает, бывало, по епархиальному листку, как поминанье, без запятых и точек, сплошь без разбору. Так вот, на Пасху в Москве у Гужона — рельсопрокатный завод (с детства помню, по вечерам из окна видно полыхающее зарево — Гужон — московская Бельгия) — устроили собрание с антирелигиозными целями от какой-то «безбожной» ячейки. Собралось народу види-

---

* Алексей Ремизов, «Кукха, Розановы письма», изд. З. И. Гржебина, Б., 1923, С. 93.

мо-невидимо — сколько одних рабочих на заводе! — тысячи. А выступал докладчиком сам нарком А. В. Луначарский. А видите ли, слыхал я ораторов: Федор Степун (во Фрейбурге под Дрезденом сидит), не переслушаешь, или Виктор Шкловский (в Москве), такой отбрыкливый, ничем не подцепишь, а Луначарский — ну тот (собственными ушами слышал и не раз!) прямо рекой льется. И по окончании речи (часа два этак) выносится единогласно через поднятие рук резолюция, что ни Бога, ни Светло-Христова Воскресения нет и быть не могло, предрассудок. И тут же на собрании этот самый поп Иван ныряет: в оппоненты записался. «Да куда, — говорят, — тебе, отец, нешто против наркома! да и уморились канителиться». А ему — и Бог его знает, с чего это пристукнуло? — одно только слово просит. Ну, и пустили: «слово — гражданину Ивану Финикову». И вылезает — ну, ей Богу, Ваш! Ваш, бессловесный, самый русский природный, без которого круг жизни не скружится, а чего-то стесняющийся, плечо на бок — — «Христос воскрес!» — и поклонился, как полагается на Пасхе, приветствие, как здравствуйте, трижды: «Христос воскрес!» — «Воистину!» — загудело в подхват собрание, все тысячи, битком набитый завод, Гужон с полыхающим вечерним заревом красных труб, московская Бельгия, — «воистину воскрес!»

Paris. 3. 5. 26.

РОЗАНОВ

Розанов, исповедник пламенной веры в Вия, Пузырь и Тарантул в их надзвездном цветении, представленном в высшем очаровании Гоголем в «Вечерах» и Толстым в улыбающейся Наташе и Катюше; у Достоевского с его грозным отчаянием и мрачным восторгом, с пронзительной тоской и чистосердечием, огненно и убежденно сказавшего трогательные строчки одним духом о Нелли, Лизе «Вечного мужа» и Соне, Розанову нечего было искать: эти «косточки» его не прельщали, разве что для «Опыта». Розанов, отвернувшийся от Гоголя, проглядевший и подземную тайну Вия и кровную тайну «Страшной мести» и райскую тайну «Старосветских помещиков», а возненавидевший за то, что Гоголь не женился — «в утробе матери скопцом зарожден!» — ничего не нашел другого, как отплеваться: «русалка, утопленница... проклятая колдунья с черным пятном в душе, вся мертвая и ледяная, вся стеклянная и вся прозрачная, в которой вообще нет ничего! Ничего!!!» Розанов, со всей горячностью своего вийного сердца усвоивший

стиль Лукьяна Тимофеевича Лебедева из «Идиота» с его толкованием Звезды-Полыни, с его двойными мыслями о искреннейшем слове и деле и столь же искренней лжи и правде одновременно, с его молитвой за упокой графини Дюбарри, за ее последний «мизер» и наконец с его «связующей мыслью», нашел свою связующую для всей жизни и всего живого — п л о д и его п р о и з в о д с т в о, и высшую и единственную красоту — высшее и единственное очарование увидел в беременной женщине и вообще в плодоносящей твари; ведь звери когда-то очень тесно жили с людьми, — старые звери, как старые турки, смотрели, убежденно, внимательно и справедливо. И этим Лебедевским стилем — петербургской приказной речи с паузами, подмигиваниями, читай между строк, написал — дело своей жизни — «Семейный вопрос», и только потом схватился, что «семейный вопрос» не одно только благословенное утробное ношение и кормление грудью, а те самые дети, которые вырастут и начнут галдеть. «Дети — образ Христов, будущее человечество», — так, или дети с их шелковыми мордочками и удивительно нежными ручками, еще не оторвавшиеся от духовного мира, еще не сказавшие «я есмь», есть образ Света. Розанов согласен с Достоевским и тут у него этот свет — Христос — не «ненавистный темный лик Голгофы, опечаливший землю», а Светло-Христово Воскресение, с весенними ручейка-

ми, с влюбленностью, разлитой в первом цветении земли, «Христос воскрес!» и древний русский обычай троекратного поцелуя не безразличного радостного и обрадованного, всех принимающего и тех и этих, и этих обреченных, уже с затягивающейся петлей на шее, но все еще с крепко сжатыми руками: «Бог не допустит» — «Христос воскрес!» А насчет будущего человечества — какое оно — да лишь бы плодились и все тут, и пусть это будет муравейник, дрожащая тварь, над которой кто смел, тот и съел. «Да, это так. Это их закон. Не переменятся люди и не переделать их никому, и труда не стоит терять. Кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властен! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее. Так до сих пор велось и так всегда будет. Только слепой не разглядит!» Розанов и с этим согласен, но это совсем не важно, какой подлец или какой мошенник цыкнет на муравейник. Вера и закон Розанова — Вий, Пузырь, Тарантул в их надземном цветении, в их звездном небе, в их теплой парно́й земле, и единственная власть — высшее начальство лесной Вий — царь обезьяний Асыка, выскочивший из-под земли в Эдипову ночь («Трагедия об Иуде») и опьянивший одним своим дыханием все и всех, — Валахтантарарахтарандаруфа! Розанов потом уж схватился, что семейный вопрос

без подрастающих детей невозможно и представить, а дети — ад, хоть из дому беги. «Если бы Василий Васильевич представил себе все, когда писал Семейный вопрос, а то ничего не знал!» (Слова Варвары Дмитриевны). И ведь каждый орет: «я есмь». А кто это смеет, и что такое я есмь — я, Розанов, я есмь! И больше никого. Никого!!! После «Норы» Розанов искренне недоумевал: «...почему же, когда все так хорошо кончилось, Нора ушла от мужа?» А Розанов смел говорить «я есмь». Тут он многое повторял за Достоевским из «Необходимого объяснения»: «...если уже раз мне дали сознать, что „я есмь", то какое мне дело до того, что мир устроен с ошибками и что иначе он не может стоять? Кто же и за что меня после этого будет судить?» Я вспомнил Розанова, кого же и вспомнить, когда гремит весна и весь город пишет стихи, я вспомнил Розанова неповторяемого, единственного, самого по себе, с его папиросской, которую и отпетый в гробу, подмигнув, закурил бы — «служба долгая, лежать неудобно, страсть покурить захотелось, а полагается или не полагается, к черту!» Я его вижу, как ходит он в этой весенней урчащей, прыскающей и хлюпающей гуще, подрыгивает и лягается, сам с собой, та́к, просто обалдел, трезвенник, не выносящий и презирающий пьяниц, пьяный от асычьего весеннего воздуха, или как вкопанный стоит, обращенный туда в высь весеннего неба, никогда не различающий

глаз человека, а вот зачарованный мигающими меленькими звездами, бормочущий без слуха и голоса —

> Выхожу один я на дорогу
> Сквозь туман кремнистый путь блестит;
> Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
> И звезда с звездою говорит...

И этот его бог — Вий, Пузырь, Тарантул ворожит над ним, брошенным в мир на землю, избранным, отмеченным рыжим знаком, с упорным черепом «человека» и всегда пышащим сердцем, где в каждой капельке крови «разожжен уголек», над ним — семенящим, близоруким, без слуха и голоса, всеми горячими кровными словами всасывающим животворящую скользящую силу, расцветающую в влюбленной гимназистке Вале, в ее голубом, и во всех, во всех в нее влюбленных, серых, карих, светлых, зеленых, желтых и голубых. «Дура, — сказал бы Розанов, — чего же ты не выходишь замуж?» Или: «Почему не сходишься со всеми, кто тебя желает?» Он и еще что-то хотел сказать, да язык прикусил. «Черствое у тебя сердце, голубушка».

Paris
1931

СКВОЗЬ ОГОНЬ СКОРБЕЙ. ОЛЯ

«Люди мои, братья мои, я прожил весь в тоске и неудаче. Но я люблю вас и не хочу вам того горя, какого слишком много понес на себе. Вот что: любите жизнь. Любите ее до преступления, до порока. Все — к подножию Древа Жизни. Древо Жизни — новая правда, и это одна правда на земле. И до скончания земли. Ничего нет священнее Древа Жизни. Его Бог насадил. А Бог есть Бог и супротивного наказует. Только его любите, только им будьте счастливы, не отыскивая других идолов. Жизнь — в самой жизни. А выше ее нет категорий, ни философских, ни политических, ни поэтических. Тут и мораль, тут и долг. Ибо в Древе Жизни — Бог, Который насадил его для земли. Я со всеми людьми ссорился, потому что все люди не понимают Древа Жизни, разделясь на партии, союзы, царства, школы, когда всего этого нет под Древом Жизни, все это оскорбляет собою Древо Жизни. На самом деле и в бесконечности ничего и нет, никого и нет, кроме Бога, благословляющего единое Им насажденное Древо Жизни, коего люди —

частицы, клеточки, точки. И они все могут — кроме уныния и тоски. Я был тоскующий человек, но я хотел бы быть последним на земле тоскующим человеком, и хоть с неба посмотреть на счастливое и беззаботное человечество, на зеленое человечество с одною только радостью, и без всякого дыма, горечи, злобы, злодеяния и отравы. Этого не надо, воистину — не надо...» (В. В. Розанов, О К. Н. Леонтьеве — 1831—1892. Новое Время, 23 февраля 1917 г.)

«Василий Васильевич! Ваша мечта, новая правда: жизнь, потому что вы прожили свою жизнь в тоске и неудаче. Но кого вы сунете под Ваше Дерево в беззаботное зеленое человечество? Я их всех вижу и первую вельтмановскую Саломею, а за ней тургеневских и толстовских зверовидных и кобылиц Достоевского Аглаей и Грушенькой, все они с «угольком». К ним в «союз» вы присоедините зеленых с Сингапура из края роз и яда. Сам я там не был, а знаю от И. А. Гончарова, пишет с Фрегат Паллады: «Как ни приятно любоваться на страстную улыбку красавицы с влажными глазами, с полуоткрытым, жарко дышащим ртом, с волнующей грудью; но видеть перед собой только это лицо, и никогда не видеть на нем ни заботы, ни мысли, ни стыдливого румянца, ни печали — устанешь и любоваться».

«Василий Васильевич! Мою Посолонь я вам читал на все „гласы”, вы знаете, как я люблю

природу: весну, осень, траву, деревья, цветы, зверей и птиц — „жизнь", но больше недели прожить на лоне природы не в состоянии. Все вокруг топчется и всякие мелкие зверьки и букашки и толкачики — все они роятся „на радость", а мне хочется книжку почитать, „помучиться", и затоскуешь. Я родился с „подстриженными глазами", и природа с ее разнообразием меня утомляет. На вечерний закат — кто только не восхищается! — или, как англичане, не отрываясь, смотрят из автокара на бретонские морские сверкающие переплеты, но мне достаточно только глянуть и отвернусь. Люблю грозу, северное сияние, пожары, но какие могут быть пожары под Древом Жизни? Уж очень под вашим Древом Жизни благообразно, Лермонтов от скуки просто разложит костер и подожжет — туда и дорога и со всеми райскими плодами. Я понимаю, откуда ваша мысль, да вы и не таите: „истосковался, неудачи!" — вы мечтаете о рае Божьем. Древо Жизни! вы сами знаете, не знай с которой стороны подойти: дети хворают и редко не услышишь жалобу: у кого спина, у кого печень и постоянная зависимость от погоды и со всех сторон тиски, я говорю о внешнем, осязательном, не о душе — там ад без срока. Человек выбрал другое дерево и свою волю не уступит до смерти. А хочется тихо в своей норе посидеть, и чтобы было тепло, главное, натоплено, а по Достоевскому еще и чаю попить, а по

мне и с баранками, и без всякого Лермонтова, вообще без „человека", а только домашние животные допускаются, пускай себе лают и мяукают и, если охота, топчутся на здоровье. А людей „лунного света" и с ними Олю? Помните, как в первый раз заглянув ей в глаза, вы оборотясь ко мне сказали: „Серафима благородная, а мы с тобой..." Я понял, о чем вы хотите сказать. — Олю вы не принимаете под ваше Дерево, в ваше цветное Телемское аббатство? Но если Бог кладет в человеческое сердце раскаленный уголек, Он же озаряет и белым, самым жарким светом — Древо Жизни многолиственно и много поясов, оно покроет с головой ваше зеленое, и среди них вы первый заскучаете и как было в жизни, поссоритесь и полезете вы туда, где Оля. Оля — это мечта, „без которой ни Бога, ни Его Древа Жизни"».

О ПОНИМАНИИ

Из всех своих книг В. В. Розанов ценил свое первое сочинение — книгу «О понимании», Изд. 1886, стр. 737, IV.

Едва ли кто знал о существовании этой книги, говоря о Розанове. «Темный лик», «Люди лунного света» упоминались и никогда я не слыхал «О понимании».

Это было в те времена, когда Михаил Осипович Гершензон (1869—1925), тогда еще не автор «Грибоедовской Москвы», а «молодой писатель», сочинял стихи, потом, когда поминали ему о его поэтических опытах, стеснялся — Наш первый петербургский год, 1905, редакция «Вопросы жизни». В папке рукописей, предназначенных «к возврату», хранились мелко исписанные листки за уличающей подписью: Михаил Гершензон.

Я служил в конторе и в редакцию не совался: я должен был передавать авторам рукописи с пометкой «В», но без объяснений. Случались недоразумения: читаю в книге Сивачева (Михаил Гордеевич Сивачев, 1873 г.) «Записки бедного

Макара»: обиженный автор на мое «без объяснений» готов был развернуться и прописать мне по морде «на добрую память» —

В редакции холодно, не сравнить с конторой. В конторе — мое царство — толкотня и смех.

В контору заходили не только подписчики, а и получать по счету, и писатели за авансом и гонораром: живое тянет.

Заходил и В. В. Розанов. Тут я о его любимой непокупаемой книге «О понимании»: «И чего, думаю, проще: на полку поставлю книгу и всем разумным „непокупаемым" приятелям раздам! И автору будет приятно и книге — не в залежь».

В. В. Розанов поддался и вскоре на моей свободной полке прижались друг к другу 30 экземпляров «О понимании». Потом, к злополучному «Пониманию» присоединилось, давя, 10 нарядных книг Мережковского «Петр и Алексей», изд. Пирожкова. Мережковский завистливый: почему выставлен Розанов, а не я. Мережковский сквалыга, это правда, но было и недоумение: «Петр» не угодил в заваль, в «недвижимое имущество», книгу покупали, но количество экземпляров книги не убывало. Только обнаружилось при банкротстве издателя, что сверх условленных по контракту не одна тысяча экземпляров сбереглась на складе в «запас на черный день».

За месяц много перебывало народу в конторе. Ходко шла книга «О понимании».

Были помню:

А. С. Волжский (Глинка, автор статьи «Мистический пантеизм Розанова», — «Вопросы Жизни», № 1—3, 1905 г.), «летучий», обуян мыслью о хлыстах — в те времена в Петербурге возник не один корабль — корабль Щетинина, корабль Легкобытова.

За Волжским помяну А. М. Коноплянцева, автор биографии Константина Леонтьева, по Елецкой гимназии ученик Розанова, инженер под стать Замятину, но размягченный.

Владимир Николаевич Княжнин (Ивойлов) с А. А. Блоком редактировал письма Аполлона Григорьева.

Я очень жалел его: автор рассказа «Семушка», в русском стиле. Верно, за «Сёмушку» в моем произношении он обиделся и припечатал меня: «куриной душой» (Письмо А. А. Блока 9 ноября 1912 г. к В. Н. Княжнину).

Дмитрий Наумович Фридберг, его стихи напечатаны в «Новом Пути», 1904[13], говорили о нем «все знает», а скромный, не вылезал. В 1905⟨-м⟩ был выслан из Петербурга и пропал.

Владимир Алексеевич Пяст (Пястовский) († 1940 Москва) писал стихи, но еще не печатал, помешался на рассказах дважды беглого с каторги. И все приключения революционера принял в себя, опасаясь «быть замечену».

Борис Алексеевич Леман (Борис Дикс), после стихов — автор «Книги о Чурлянисе», (инде-

ец), внимательный, хороший человек, а как поступил в антропософы — и раззнакомился. Понимаю, как вступает человек в духовный мир, перестает чувствовать бедовый «материальный» и земной.

Евгений Германович Лундберг, сын пастора, ученик Льва Шестова, искреннейший и правдивейший, писал рассказы, но почему-то их всегда возвращали. Мне его было очень жалко, неудачная доля — я всегда чувствую перед такими в чем-то виноватым. А стал известен в революцию, когда в Берлине ⟨в⟩ 1922 году сжег книгу Шестова о большевизме, щадя учителя.

Георгий Иванович Чулков, секретарь «Вопросы Жизни» (1879—1939), автор «Кремнистый путь». Его соперники: Блок, Андрей Белый, Брюсов в «Весах». После закрытия «Вопросов Жизни» надо было как-то обнаружиться, он придумал «мистический анархизм», как потом Гумилев сочинил «Акмеизм»: «выбиться в люди».

Михаил Дмитриевич (1743—1792) Чулков, его дед, «мелкотравчатый сочинитель» «низовой литературы», автор «Пересмешника», или «Словенские сказки», «Пригожая повариха» (1770), гнул к народной речи. «Человек, как сказывают, животное смешное, смеющееся, пересмехающее и пересмехающееся». А внук парил высоким слогом, и читал напыщенно («Годы странствий», из книги воспоминаний. 1930 г., изд. «Федерация», Москва).

Антон Владимирович Карташев и Василий Васильевич Успенский, пара: Карташев постный «шкилет», Успенский — «налитой теля». Карташев, говоря, закрывает глаза и из-под сомкнутых век — не слезы лились, а слова. Успенский от стеснения говорил с растяжкой, передыхая. Они ходили неразлучно — для оттенка. — Оба студенты Духовной Академии Александро-Невской Лавры. На собраниях в Религиозно-философском обществе на них показывали пальцем: «непорочные-девственники». Среди передовых всякие «семейные устои» были о ту пору объявлены «буржуазным предрассудком» и всякий старался чем-нибудь отличиться. А вот на тебе: блюдут по заповеди «Домостроя» попа Селивестра. Карташев и Успенский заходили в редакцию «Вопросов Жизни». — И им: «пожалуйте — «О понимании» —

* * *

— Ну что мои, как? — заискивающе робко спросил В. В. Розанов, подмигивая на молодую конторщицу.

— Разошлись, — сказал я с легким чувством, — все до одной. Розанов, тычась, щурясь на полку: Невероятно!, а мог убедиться: на полке кроме семи из десяти Мережковского, — ни одной «О понимании» — пустое место. Я видел, как вдруг он заволновался, губами рассчитывая на рубли.

— И все вас благодарят, зарятся на книгу, а купить не всякий может, — все благодарят! Тоже и я.

Розанов понял мои «многократные благодарят», вспыхнул и без того по природе красный и, не глядя, отметил: на полке — 12 лет лежали как под спудом! —

— Тернавцев и сам купить мог бы. Сколько ухлопал на лодку, мало одной.

И я тут вспомнил, что я Тернавцеву не давал.

...Я так раздал тридцать книг.

«А отдал бы и сорок», — подумал я.

Так разошлось розановское «Понимание».

* * *

С Мережковским было другое.

Проверив мое «Розановские книги все разошлись» и видя на полке семь своих «нерозданных», Мережковский сразу рассердился:

— Ваши берегу к Рождеству, — сказал я и прибавил: с какой благодарностью принята книга Розанова.

Выкрикнул: «Меня обкрадывают, — не мог удержаться Мережковский, — Книги все назад!» И потребовал возвратить семь книг. Так опустела полка и рождественские подарки не осуществились.

Д. Е. Жуковский, издатель «Вопросов Жизни» мне выговаривал, не глядя: обидел Мережковского.

Вторым будет Дягилев. Обиделся за мою подпись на деловой бумаге: «Дворецкий „Вопросов жизни"» — и не ответил на письмо, «потому что с лакеями он не переписывается». А тут Мережковский грозит: «Обокрали» — изволь оправдываться.

Дягилеву разъяснили «Дворецкого» и вскоре мы встретились и без всякого «лакейства», и о «дворецком» как не бывало. Но у других будет тянуться долго: читаю в воспоминаниях и сужу по письмам.

* * *

Из Киева приехал Лев Исаакович Шестов («Шестов» псевдоним, З. Н. Гиппиус будто придумала, а на самом деле из рассказа Глеба Успенского «Старьевщик»: хозяин московской харчевни — Кузьма Шестов). С Шестовым мне было всегда легко: вот кто никогда не осадит «ври, да не завирайся» — ведь это все равно, что осудить человека!

Шестову я передал «О понимании» — «от Розанова».

Только что вышла первая книга Шестова «Апофеоз беспочвенности» и Шестову было приятно внимание знаменитого писателя.

После конторы поехали на Мытнинскую набережную к Д. Е. Жуковскому. В издательстве Жуковского новинка: огромадный том Куно Фишера, Гегель. Жуковский ничего не писал, а любил поговорить о философии.

У Жуковского мы застали гостя: приезжий из Москвы молодой толстовец. По его отупелому взгляду можно было сказать: вот человек после упорной борьбы нашел истину и с головой уверовал и никаким кунофишером не сшибешь.

За ужином хозяин дорвался до философии, и пошла разноголосица. Московский гость не проронил ни слова и к еде не дотронулся: никаких бобов, — сиги, корюшка, навага. И тут не я — хозяйский домысел, будто для толстовца рыба, что для простых смертных свиная котлета.

А от Гегеля к Толстому.

И тут толстовец, забыв всякое «непротивление», ответил Шестову резко и вгорячах потянулся к стакану — я налил стакан запеканки: не горячит, а прохлаждает, гость хлебнул, разошелся, и поддался одухотворению.

Но все окончилось неожиданно благополучно. Спорщиков разнимать не пришлось.

Шестов, хозяин и гость заключили ужин брудершафтом.

Толстовский гость остался ночевать у Жуковского, а мы по домам.

В мою «обезьянью» память — обезьяньей палаты еще тогда не было, но она будет — я за-

писал афоризм премудрого друга: «Не возражай и не оправдывайся, и поступай как знаешь, — все равно потом будешь раскаиваться».

Д. Е. Жуковский рассказывал, какое тягостное было пробуждение после брудершафта: язык не поворачивался говорить «ты». И опять мне выговаривал: зачем напоил толстовца, я не возражал и не оправдывался.

* * *

На ловца и зверь бежит. С «Пониманием» оказалось не так-то просто, не всякому дана, книга «непокупаемая», но и не читаемая: выхолощенная словесность «истины».

Выручил Пришвин.

Бородатого зверя привел А. М. Коноплянцев, товарищ по Елецкой гимназии, где учителем географии был В. В. Розанов. Тут я Пришвину «О понимании» — «на добрую память».

Бывают же такие неестественные совпадения: мое «на добрую память» и рассказ Пришвина!

Гимназисты Розанова не любили: раздражительный до слюни — говорят, плевался и получил прозвище «козел». Розанов про козла слышал, но в лицо ему никто не говорил.

Козел был неуловим. В 8-м классе перед выпускными экзаменами на уроке географии Розанов вызвал Пришвина и гонял его, придираясь к каждому слову.

Пришвин не выдержал и, глядя по-бараньи тупо в лицо учителя, с ненавистью произнес — слышно всему классу: «козел».

Пришвина исключили из гимназии и никакие просьбы матери не смягчили приговор. Настоял Розанов.

О университете нечего было думать — волчий паспорт.

Мать Пришвина не рохля, Пришвин не оболтус, принять, как велено и показано, подчиниться — посмотрим!

Пришвин поехал в Германию учиться, в Лейпциге окончил агрономическую школу и вернулся в Елец ученым агрономом.

Свою ученую специальность он не применил, да ему не того надо было, его потянула география, он теперь не «волчий», поехал в Олонецкий край и вернулся с книгой: «В стране непуганных птиц». Посчастливилось: книжку издал Вольф — издание с иллюстрациями. СПб. 1907.

И теперь — Петербург: ученый агроном и литератор.

— Все эти годы, — рассказывал Пришвин, — я думал о встрече с Розановым — как это будет?..

— К Розанову очень просто: и даже в это воскресенье, идите с Коноплянцевым.

* * *

Шестов с «Апофеозом» ходил к Розанову познакомиться и поблагодарить за подарок «О понимании». А как состоялась встреча Пришвина, не знаю, одно — что Пришвин в воскресенье был у Розанова.

О Шестове Розанов повторял «Ум кругосветный».

— Из всех моих встреч умнее я никого не встречал.

А о Пришвине, не глядя:

— Какого ты мне еще мальчишку прислал...

Я — понял и хотел прибавить «козла», но козел не выговаривался.

Серафима Павловна сказала за меня и в голосе ее прозвучало непосужаемое беспощадно:

— Козел.

У Розанова вдруг запотели очки и он беспомощно бормотал, словно и зубы у него выбили, шарил по столу за платком.

* * *

В. В. Розанов принимал сердечное участие в моей неприкаянной литературной жизни и нашей бедовой судьбе.

Л. И. Шестов читал мой «Пруд» и первый отклик на его «Апофеоз» — моя «завитушка» в «Вопросах Жизни». Но Розанов кроме «Калечины-Малечины» (Посолонь) — ничего, и толь-

ко по слухам, а слухи ходили не в мою пользу. Неужто мое «О понимании» — 30 читателей — его непокупаемой и нечитаемой книги, тронули его сердце?

— Я говорил о тебе с Валентином Александровичем Тернавцевым. Ему нужны рассказы для хрестоматии. Непременно пройди к нему и покажи свои рассказы, что-нибудь как эти «калечины-малечины».

Я не противоречил, хотя плохо верил.

Раз с письмом Розанова я носил вроде «калечины-малечины» А. В. Руманову для «Русского Слова» и ничего не вышло, а у Тернавцева — хрестоматия для церковно-приходских школ.

Тернавцева я встречал на собраниях Религиозно-философского общества и у Розанова, обаятельный «цыган» из Кишинева. Улыбка — весна и в спорах, будь он и против, а как друг. Занимал он большое место в Синоде по отделу образования и страстный лодочник. В неслужебный час пропадал на гонках.

Варвара Дмитриевна Розанова на пристрастие к лодкам смотрела трезво и не одобряла, жалея Тернавцеву: дома никогда не бывает.

Мне посчастливилось: хозяина я застал дома — на этот раз меня встретила не прислуга, а дети — дочери Тернавцева. В их взгляде и как со мной поздоровались: «подождать, сейчас» было отцовское — широкое.

Я познакомился с матерью — она слышала обо мне от В. В. Розанова. Не сказать старая, вернее утомленная: дети, забота и точащие душу сомнительные Невские лодки, конечно, ее ревнивое чутье, не воображение. Жили они довольно — в комнатах чисто, порядок и книги.

Вышел хозяин. Глядя на него, я подумал: был ли хоть один человек, кто мог бы на него сердиться. Вот одаренный всеми дарами беззлобной природы! И за себя мне стало неловко и, как всегда стесняясь, я подал рукопись — рассказ «Богомолье», чего кажется — одно название в хрестоматию для церковно-приходских школ.

Тернавцев присел к столу и читает, не по-вагонному, а с прихлебом — ценя слова.

По улыбке я понял: рассказ понравился, но плечи — движение: и рад бы, да меня... Он отложил в сторону рукопись и поднялся.

— Никак не возможно, — сказал Тернавцев с широкой улыбкой, — лет так через 50 вас...

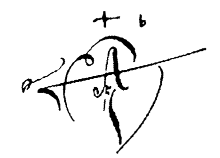
Я протянул руку за рукописью.

— Рукопись вы мне оставьте. И в мою протянутую руку сунул три рубля — зеленую бумажку, — В. В. мне о вас рассказывал.

* * *

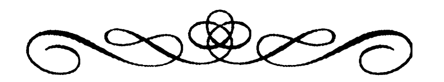
«О понимании» — опыт исследования природы границ и внутреннего строения науки, как цельного знания — гордость Розанова, труд 4-х

университетских лет. Гимнастика, выработавшая эластичность мысли, чем и объясняется на одну и ту же тему два противоположных мнения — в «Новом Времени» — В. В. Розанов, а в «Русском Слове» — В. Варварин. Вспоминая любимую книгу, Розанов сидел твердо, не ерзал и курил желтую насыпанную папиросу своей набивки, предварительно потеребя ее пальцами и лукаво подмигнув.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Елена Обатнина

ВАРИАЦИИ ПАМЯТИ (ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «КУКХИ» И ДРУГИХ МЕМУАРНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ РЕМИЗОВА О РОЗАНОВЕ)*

Книгу «Кукха. Розановы письма», увековечившую историю дружеских отношений А. М. Ремизова и В. В. Розанова, в буквальном смысле этого слова можно назвать литературным памятником. На мнемическую природу своего повествования писатель указал во вступлении: «Читатель, не посетуй, что, взявшись представить Розанова через его письма 〈...〉 рассказываю и о себе, о нашем житье-бытье. 〈...〉 Хочется мне сохранить память о нем. А наша память житейская, семейная, — нет в ней ни философии, ни психологии, ни точных математических наук»[1].

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации (2009—2011 гг.)».

[1] Здесь и далее цитаты из «Кукхи» приводятся без указания страниц.

Замысел произведения сложился летом 1922 года в берлинском районе Шарлоттенбург, где писатель поселился с женой после отъезда из России в сентябре 1921-го. «А сейчас собрал письма В. В. Розанова, — сообщал Ремизов Л. Шестову 30 июня, — хочу память свою написать попробую, что будет...»[2] Основная работа над текстом была завершена к февралю 1923-го, что писатель засвидетельствовал в открывающем книгу послании «В. В. Розанову»: «Все, что возможно пока, записал лунной крещенской ночью». Первоначально он прилагал усилия для публикации воспоминаний на родине. Об этом журнал «Россия» сообщал читателям в рубрике «Литературная хроника»: «А. М. Ремизов приготовил к печати письма Розанова со своими комментариями и ведет переговоры с московскими издательствами об издании их в России»[3]. Переговоры шли с московским издательством «Круг», куда писатель отправил рукопись сразу по окончании работы[4]. Посредником выступал со-

---

[2] Переписка Шестова. 1993. № 1. С. 172. Перспективы публикации первоначально были связаны с журналом «Путник». Анонс журнала см.: Новая Русская книга. 1922. № 5. Май. С. 44.

[3] Россия. 1923. № 8. С. 31.

[4] Писательское объединение «Круг», образованное весной 1922 г., стало одним из первых издательств, полностью подконтрольных советской власти. См.: *Поливанов К. М.* К истории «артели» писателей «Круг» // De Visu. 1993. № 10. С. 6.

трудник редакции, литератор А. Я. Аросев, который, находясь с начала 1920-х годов на дипломатической службе, часто бывал в Берлине. Вскоре коллегиальным решением редакции рукопись была отклонена, о чем Аросев уведомил автора письмом от 20 марта: «„Розановы письма" я оставил у Марии Михайловны ⟨Шкапской⟩. Для „Круга" они не подходят»[5].

Весной 1923 года Ремизов дважды представлял свое произведение на вечерах в Берлине. Об одном из них он сообщал Л. Шестову в письме от 25 апреля: «Читал у Бердяева „Розанова письма". Там и про тебя, и про Бердяева — старина и память. Прохохотали с час за моим чтением»[6]. О другом публичном чтении упоминает Г. П. Струве в письме к матери от 1 мая: «Вечером мы обещали слушать Ремизова в Клубе писателей. Он будет читать с комментариями письма Розанова к себе. Говорят, это очень интересно»[7].

После неудачи с «Кругом» Ремизов договорился с руководителями парижского трехмесяч-

---

[5] АК.

[6] Переписка Шестова. 1993. № 3. С. 115.

[7] *Колеров М. А.* Русские писатели и «Русская мысль» (1921—1923). Новые материалы // Минувшее. Исторический альманах. 19. М.; СПб., 1996. С. 249. К этому времени относится намерение Ремизова подготовить сборник, посвященный памяти Розанова. Ср. письмо к Д. А. Лутохину от 10 июня 1923 г.: «Розановский сборник понемножку собираю и Вашу туда статью» (Письма к Лутохину. С. 954).

ника литературы «Окно», где в начале июля текст под названием «Розанова письма», с датировкой: «10. 2. 23. Charlottenburg», увидел свет[8].

Работа над воспоминаниями между тем продолжалась. Благодаря корреспондентам писателя в России петроградский журнал «Жизнь искусства» в середине лета информировал читателей: «А. М. Ремизов, написавший рассказ „Розановы Письма", появляющиеся в непродолжительном времени во 2-ом номере трехмесячника „Окно", работает над *завитушкой* „Из Розанова", являющейся дополнением к указанному рассказу»[9]. Ремизов предпринял целый ряд попыток для публикации «Завитушки» в эмигрантских журналах, однако эти намерения не увенчались успехом. 10 июля писатель сообщал жене: «Письмо от Л. И. Шестова 〈...〉 „Завитушку" не берут ни „Звено", ни „Современные Записки". А ему нравится»[10]. Новую главку своих воспоминаний Ремизов предложил и пражскому журналу «Воля России». Редактор издания М. Слоним еще в октябре 1922 года в письме к писателю выражал заинтересованность «материалом о Розанове»[11]. В конце июля 1923 года Слоним попросил

---

[8] Окно. Трехмесячник литературы. 1923. II. С. 121—193.

[9] Жизнь искусства. 1923. 10 июля. № 27. С. 27.

[10] Собр. Резниковых.

[11] *Keys R*. New light on Remizov's first novel, *Prud* (*The Mere*): selected correspondence of A. M. Remizov, E. A. Li-

прислать ему текст[12], однако спустя месяц (28 августа) вернул его обратно: «Рукопись Ваша вызвала много разговоров в нашей редакции, и поэтому я и не отвечал Вам. В результате всех разговоров мы печатать ее „убоялись”, ибо некоторые места весьма „густые”, малоцензурные»[13].

Одновременно Ремизов вел переговоры об издании новой редакции «Розановых писем» отдельной книгой, выбирая между издательствами русского Берлина. Как следует из писем к жене (май—июль), писатель рассматривал предложения, с одной стороны, руководителя издательства «Скифы» А. Шрейдера, с другой — З. И. Гржебина. Наконец 12 июля Ремизов принял окончательное решение: «Сделал я героический шаг и размах. Отдал я З. И. Гржебину 3000 экз. и получил 40 „Диповских”[14] — на 4 месяца обеспечено наше житие 〈...〉 А „Скифы” давали 10-ь. 〈...〉 И что мне понравилось: Гржебин, не читая взял, а в „Скифах” было бы непременно обсуждение»[15].

atskii, M. L. Slonim, F. S. Mansvetov, and The "Plamia" publishing house // Slavonica. 2004. Vol. 10. April. P. 66.

12 См.: Ibid. P. 66—67.

13 Ibid. P. 68.

14 Ср. поздний комментарий Ремизова к письму: «Д〈олжно〉 б〈ыть〉 40 — это долларов, помню платили валютой» (Собр. Резниковых).

15 Собр. Резниковых.

Гржебин в кратчайшие сроки запустил рукопись в производство своего одноименного берлинского издательства. Книга вышла в свет 19 декабря 1923 года[16] в формате 16.5 × 11 см в двух вариантах картонажного переплета (синем и красном), с золотым тиснением на верхней крышке имени автора, названия — «Кукха» и подзаголовка «Розановы письма».

Оба издания (журнальное и книжное) были встречены читающей публикой с повышенным вниманием — в первую очередь из-за откровенности воспоминаний, совершенно не характерной для литературы того времени. Многие участники описанных в книге событий поспешили обменяться своими впечатлениями. З. Н. Гиппиус (собственные мемуары которой о Розанове — «Задумчивый странник» — вошли в состав следующего, третьего, выпуска «Окна») в письме к жене Ремизова от 19 июля 1923 года выразила обеспокоенность этической стороной нового мемуарного сочинения: «Я не видела „Окна" и не знаю, что ⟨напи⟩сал Ал. Мих. про Розанова, но видела ⟨в га⟩зетах что-то, и очень хочу знать ⟨правда⟩ ли, что он такие интимности напи⟨сал⟩, которые бы не надо ни про живого ⟨ни про⟩ мертвого? ⟨...⟩ Я о Блоке, и даже о Брюсове много знаю,

[16] См.: *Янгиров Р.* Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х (По новым материалам) // Диаспора: Новые материалы. 4. Париж; СПб., 2004. С. 560—561.

чего не могла сказать. И о Розанове, вот буду писать — тоже не скажу. Тем более, что, ведь, его вдова, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, жива, а дочери наверно некоторые живые»[17].

Знакомый с Ремизовым с 1907 года критик Д. П. Святополк-Мирский[18] в письме от 8 января 1924 года к своему постоянному корреспонденту — музыковеду и «евразийцу» П. П. Сувчинскому отозвался о новом произведении с восторгом: «Читали ли Вы *Кукха* (Розановы письма)? Книга удивительная. Я вообще его много читаю и он все растет в моих глазах. Иду к нему опять сегодня и несу ему „хабар обезьяний" — шампанское»[19]. Обсуждение ремизовских мемуаров не обошло стороной и Россию. Поэтесса А. К. Герцык, жена издателя и официального редактора журнала «Вопросы жизни» Д. Е. Жуковского, стоически сохранявшая присут-

---

[17] *Lampl H.* Zinaida Hippius and S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. I. S. 175. Ср. письмо З. Н. Гиппиус к Л. Баксту от 29 августа 1923 г.: «Стараюсь писать о Розанове — и не могу: слишком трудно!» (ГТГ. Ф. 111. Ед. хр. 1009).

[18] Историю отношений писателя и критика см.: «...с Вами беда — не перевести». Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922—1929 / Публ. Р. Хьюза // Диаспора. Новые материалы. 5. Париж; СПб., 2003. С. 335—401.

[19] *Smith G. S.* The letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii. 1922—1931 // Birmingham Slavonic Monographs. 1995. No. 26. P. 25.

ствие духа в нищете и унижении советского Крыма, 27 августа 1924 года обращалась к своему давнему другу Л. Шестову из Судака: «Скажите А⟨лексею⟩ Мих⟨аиловичу⟩ Ремизову, когда его увидите, что нам прислали из-за границы его статью о Розанове (там же о „Вопрос⟨ах⟩ Жизни" и о Дм⟨итрии⟩ Евг⟨еньевиче⟩). Очень хорошо он написал — и Дм⟨итрий⟩ Евг⟨еньевич⟩ утешился и развеселился, читая свою характеристику как издателя»[20]. Парижский «поселенец» художник К. А. Сомов, также один из «героев» «Кукхи», в письме к сестре — А. А. Михайловой от 29 декабря 1924 года поделился своими впечатлениями по поводу книжной новинки: «Прочел интересную книгу Ремизова „Кукха". О прошлой петербургской жизни и, главное, о В. В. Розанове. Так много знакомого. Страшно много похабщины, но очень умело сказанной»[21].

* * *

Еще до выхода «Кукхи» и в советской России, и в эмигрантской печати появились воспоминания о Розанове, написанные людьми из близкого окружения философа, началась публикация

[20] Сестры Герцык. Письма / Сост. и коммент. Т. Н. Жуковской. СПб.; М., 2002. С. 382.

[21] Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 263.

его эпистолярного наследия[22]. Новое произведение, в которых личные письма Розанова служили достоверным замещением голоса их автора, претендовало на существенную трансформацию известных литературных форм. Критик-формалист В. Б. Шкловский сразу распознал в Ремизове единомышленника. После встречи с писателем в Берлине в феврале 1923 года Шкловский изобразил его в одном из писем, составивших книгу «Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза»: «Наше дело — созданье новых вещей. Ремизов сейчас хочет создать книгу без сюжета, без судьбы человека, положенной в основу композиции. Он пишет то книгу, составленную из кусков ⟨...⟩ то книгу, наращенную на письма Розанова»[23]. Автору первого исследования, посвященного феномену розановской прозы[24], творческая интенция писателя показалась чрезвычайно актуальной. В художественном тексте, созданном на основе «интимного, названного по имени и отчеству»[25] материала, он увидел переосмысле-

---

[22] Подробнее см.: *Сукач В. Г.* Василий Васильевич Розанов. Биографический очерк. Библиография. 1886—2007. М., 2008. С. 146—151.

[23] *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 296.

[24] См.: *Шкловский В. Б.* Розанов: Из книги «Сюжет как явление стиля». Пг., 1921.

[25] См.: *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. С. 295—296.

ние функции интимного письма в литературном тексте.

Новаторство состояло, с точки зрения Шкловского, в обнаружении исходного материала, возведенного в статус литературного факта. Однако стоит отметить, что первопроходцем в этом жанре являлся не кто иной, как сам В. В. Розанов[26]. В книге «Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову» (СПб., 1913) он первым в русской литературе представил портрет своего эпистолярного визави через тексты его подлинных писем, раздвинув рамки архивной публикации личным комментарием. Авторские примечания предстали здесь в форме дополнительного параллельного текста-подстрочника. Они не только расширяли конкретное историко-литературное содержание публикуемых писем, но и служили рупором для голоса самого публикатора[27].

---

[26] Опираясь на высказывание философа, Шкловский указывал на то, что письма в «Опавших листьях» и других автобиографических произведениях представляют собой «источники новых тем и тона Розанова»: «Вместо „ерунды в повестях" выбросить бы из журналов эту новейшую беллетристику и вместо ее 〈...〉 воспроизвести чемодан старых писем...» (*Шкловский В.* Розанов // В. Шкловский. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). М., 1990. С. 133).

[27] См. также цикл «Литературные изгнанники», включающей переписку Розанова с Н. Н. Страховым, К. Н. Леонтьевым, П. А. Флоренским, С. А. Рачинским и др.

Вряд ли можно было превзойти Розанова и в опыте самообнажения после его знаменитых дневниковых произведений «Уединенное» (1912), «Опавшие листья» («Короб первый» — 1913; «Короб второй» — 1915). Даже сама идея структурного построения «Кукхи» отчасти произрастала из розановского литературного опыта, главным пафосом которого было одомашнивание, обытовление литературного текста. Следуя за философом, автор «Кукхи» также пошел по пути «разложения литературы»[28]. Исследователи уже обратили внимание, что Ремизов буквально во всем подражает «стилю» Розанова, хорошо известному читателям[29]. По части содержания — не опасаясь обвинений в имморализме и прочих грехах, связанных с устойчивыми нормами социальной жизни; по части формы — не боясь перевернуть привычные литературные каноны, разрушить границы, разделяющие художественную и личную сферы авторской репрезентации.

---

[28] Ср.: «...иногда мне кажется, что во мне происходит разложение литературы, самого *существа ее*» (Листва. С. 192). Ср. также: «Редко-редко у меня мелькает мысль, что напором своей психологичности я одолею литературу» (Там же. С. 343).

[29] По мнению А. Крон, текст «Кукхи» реализуется на границе между стилизацией и имитацией известных произведений Розанова «Опавшие листья», «Уединенное» и «Мимолетное». См.: *Crone A. L.* Remizov's *Kukkha*: Rozanov's "trousers" revisited // Russian Literature Triquarterly. 1986. No. 19. P. 197—210.

Однако смысл подражания вовсе не сводится к копированию розановской стилистики. В связи с этим можно вспомнить древнегреческую практику мимесиса, служившую не простым подражанием, а действием, раскрывавшим первообраз феноменального. В такой интерпретации мимесис представал универсальной моделирующей системой для всех вещей, образующих мир. Благодаря ему человек обретал способность узнавать некую первосущность, получать от этого удовольствие и творить новую символически-предметную структуру, подобную той, которая существует в идеальном бытии[30]. В «Кукхе» личность Розанова также прочувствована и осмыслена на самых разных уровнях индивидуального сознания — от бытового до метафорического. На первых страницах книги философ мелькает чуть ли не в образе ряженого — «с проседью, рыжий, очки, а нос, как картофель». Вскоре он заполняет собой все пространство повествования, превращаясь в феномен переживаемого исторического времени, а потом и в ноумен осознающего себя Бытия — «кукху».

Между тем мимесис — это еще и способ объективации авторского «Я». «Кукха» представляет собой законченный фрагмент автобиографии А. М. Ремизова, который охватывает пе-

[30] Подробнее об античном мимесисе см.: *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. Кн. 2. М., 1994. С. 56—75.

тербургский период его жизни и первые годы эмиграции. Начиная с главы «Нумизматика», линия петербургской жизни 1905—1910-х годов переплетается с линией эмигрантского Берлина. Подобная диахрония делает художественное пространство книги многомерным. Субъективность, заявленная в предисловии к книге, подразумевает преодоление дистанции между авторским *Я* и героем повествования. Именно такой подход Розанов считал наиболее адекватным как в отношении собственного творчества, так и в литературе в целом, о чем упоминал в одном из писем к Э. Голлербаху: «...таинственно и прекрасно, таинственно и эгоистически в „Опав. листьях" я дал, в сущности, „всего себя". 〈...〉 В сущности, что делают поэты, как не пишут только „Оп. листья". И Вы, „пиша о Розанове", в сущности, вовсе не о нем пишете, а тоже *свои* опавшие листья: „что я думаю", „чувствую", „чем занят", "как живу". Эта форма и полная эгоизма и без'эгоизма. На самом деле человеку и *до всего есть дело*, и — *ни до чего нет дела*. В сущности, человек занят только *собою*, но так особенно, что, занимаясь лишь собою, — занят вместе целым миром»[31]. Эгоизм в данном случае подменяется эгоцентризмом, а последний — уникальной авторской позицией, благодаря которой «*Я*» оказывается средством для постижения целого мира,

[31] В нашей смуте. С. 362—363.

когда не существует чужого и внешнего, а все окружающее существует исключительно для «Я».

То обстоятельство, что Ремизов приступил к воспоминаниям о философе, учитывая подобную позицию героя будущей книги, подтверждается пометой на его собственном экземпляре книги «Письма В. В. Розанова к Голлербаху», выпущенной в издательстве Е. А. Гутнова в Берлине в 1922 году. На странице 79 синим карандашом писатель отчеркнул розановское пожелание, обращенное к молодому биографу: «Нужно писать „широким размахом", чтобы „писали Вы, а не Вы о Розанове"»[32]. В этом смысле Ремизов не только последователь Розанова, но и его лучший ученик.

Именно с «Кукхи» начинается создание особого ремизовского автомифологического пространства. Повествование складывается из беспорядочного каскада анекдотических сюжетов. Фрагментарность, резкие временны́е и пространственные скачки — таковы принципиальные особенности художественного нарратива. Фрагменты создают впечатление спорадических вспышек памяти, возникающих по ассоциативной связи с реальностью. Рассказ построен по аналогии со сновидениями, сюжет которых не мотивирован очевидными причинно-следственными связями. Документальный материал является лишь внеш-

---

[32] Собр. Резниковых.

ним толчком, провоцирующим воспоминания. Многочисленные сюжеты содержат контаминацию реального и вымышленного, документального и художественного.

После революции и Гражданской войны, петроградских голодных зим, военного коммунизма и нэпа эмиграция стала для Ремизова прежде всего моральным испытанием. Переход границы через мост в Нарве символизировал переход в инобытие. Маленькая по объему и формату «Кукха» — одно из первых эмигрантских произведений писателя — заключает в себе насыщенный концентрат прожитой в России жизни. Едва ли не за каждым сюжетом или строчкой этого уникального текста стоит эпоха русского символизма, стоят политические перевороты, человеческие судьбы, стиль и дух времени.

Некоторые рецензенты «Кукхи» отмечали, что опубликованные письма Розанова практически не имеют ни документальной, ни биографической ценности. Действительно, сообщения вроде «приходите чай пить» не несут для читателя никакой оригинальной информации. Однако в том-то и состоит парадокс этих воспоминаний, что документальный материал не наделяется Ремизовым прямой функцией подтверждения или выявления исторически значимых фактов. Он носит вполне вспомогательный характер — с тем, чтобы передать голос, воспроизвести интонацию, предъявить живой, едва ли не осязаемый образ. О такой вто-

ростепенной и вместе с тем значимой роли писем говорит и преимущественное расположение их в главках: они завершают сюжет, нередко лишь условно согласуясь с содержанием основного текста. И дело не в том, придумывает Ремизов или нет, а дело в его авторской позиции, для которой не существует зоны отчуждения по отношению к самому предмету описания.

В традиционных мемуарных хрониках организующим двигателем повествования выступает авторская установка на объективность, желание как можно точнее передать события прошлого. Мемуарист старается или скрыть или дезавуировать вольные или невольные личностные корректировки своих воспоминаний. В «Кукхе», наоборот, все подчинено авторской воле, оперирующей фактами и образами. Такое своеволие, в частности, проявляется в намеренной инверсии хронологического порядка реальных событий. В главе «Язва» события февраля 1910 года (отклонение повести «Неуемный бубен» в редакции журнала «Аполлон») перенесены в событийный ряд предшествующего года и поставлены в причинно-следственные взаимосвязи со скандальной историей об обвинении Ремизова в плагиате (июнь 1909 года). Подобные искажения со всей очевидностью обусловлены глубоко личными переживаниями.

Облыжное обвинение в плагиате куда менее затронуло писательское самолюбие Ремизова,

чем ситуация, в которой он оказался в феврале 1910 года, и, в известном смысле, даже послужило укреплению его творческого метода[33]. Негативный ответ из «Аполлона» только внешне был событием, для него ничем не примечательным. Истинные мотивы коллективного решения редакции — отказать в публикации повести «Неуемный бубен» — носили идейно-эстетический характер. Частная писательская биография оказалась сопряжена не с обыденной процедурой формирования редакционного портфеля, а с куда более масштабным литературным процессом, а именно — со сменой литературных эпох. Зимой 1909/10 года сотрудники журнала определились с новой моделью художественного осмысления действительности, и так случилось, что именно Ремизов оказался в эпицентре борьбы за «преодоление символизма» (В. Жирмунский)[34].

---

[33] См.: *Миров Мих.* Писатель или списыватель? (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. 1909. 16 июня. № 11160. С. 5—6. В ответ на эту статью Ремизов опубликовал «Письмо в редакцию», где сформулировал центральную задачу для своего творчества — «воссоздание» «народного мифа», подобного «мировым великим храмам» и «мировым великим картинам», «бессмертной „Божественной комедии" и „Фаусту"» (*Ремизов А.* Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1909. 6 сентября. № 205. С. 5). См. также: Обатнина : 2008. С. 40—41.

[34] Подробнее см.: *Обатнина Е.* Неочевидный смысл очевидных фактов: А. М. Ремизов и журнал «Аполлон» // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 329—340.

* * *

Слава шутника и мистификатора, закрепившаяся за Ремизовым еще с 1900-х годов, вызвала ряд сомнений в достоверности фактологического плана «Кукхи»[35]. На самом деле текст книги построен на подчас микронных сдвигах реального события в область художественной интерпретации, восходящей к вполне верифицируемым литературным и документальным источникам. Тотальное смешение документального и художественного делает это произведение выдающимся в ряду известных в настоящее время дневников и мемуарных свидетельств и вместе с тем совершенно особенным образчиком литературы русского модернизма.

---

[35] См.: *Флейшман Л. С.* Из комментариев к «Кукхе». Конкректор Обезвелволпала // Slavica Hierosolymitana / Ed. by L. Fleishman, O. Ronen and D. Segal. Jerusalem. 1977. Vol. I. C. 185—193. Новую редакцию статьи см. в кн.: *Флейшман Л.* От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 171—181. Недоверие к «документальности» воспоминаний Ремизова основывается и на том, что писатель якобы выдавал за подлинные «„сочиненные" им задним числом ⟨...⟩ пространные отрывки из его будто бы подлинного „дневника"», а действующие лица являются по преимуществу — «либо заведомо мифическими», либо такими, «чье реальное существование представляется по меньшей мере сомнительным» (*Данилевский А. А.* Из комментариев к *Кукхе* А. М. Ремизова // Slavica Helsingiensia. 11. Проблемы русской литературы и культуры / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki, 1992. С. 94.

В основу авангардного по своей природе литературного произведения положены дневник писателя 1905—1906 годов, а также письма В. В. Розанова за период с 1905 по 1917 год. Хотя оригинал дневника не выявлен и местонахождение его не известно, приведенные в «Кукхе» факты и датировки не только совпадают с другими известными источниками (дневниками, мемуарами, перепиской), но и сами восполняют некоторые лакуны событийного ряда, относящиеся к литературному быту этого времени[36]. Очевидно, что сама форма подневных записей не сводилась исключительно к фиксации реальных событий, а несла в себе оценочные характеристики событий и героев проживаемого времени.

Среди дневниковых записей Ремизова обращают на себя внимание отдельные случаи иронических искажений реальных фактов. Так, возникшее в 1905 году движение клириков-реформаторов, известных как «группа 32 священников», в контексте «Кукхи» получает название «33 белых попа». Хотя само число «33» и носит, безусловно, иронический характер, тем не менее это обстоятельство не может служить убедительным

[36] Дневник Ремизова 1905 г. является источником вполне достоверной информации для исследователей, реконструирующих хронику бытовой и духовной жизни обитателей и гостей «башни» Вяч. Иванова.

аргументом для изобличения сугубо литературного характера текста дневника писателя, поскольку оно вызывает ассоциации с повестью Л. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода», опубликованной в 1907 году[37]. С таким же основанием можно сослаться и на сказочно-мифологическую традицию употребления этого числа («тридцать три богатыря», «тридцать лет и три года»). Время возникновения этой корреляции в дневнике писателя (в 1905-м или в 1923 году — как авторская редакция) не поддается установлению. Вполне вероятно, что дневник, как фактический документ, претерпел внутри книги о Розанове литературное редактирование[38].

Подлинным прототекстом «Кукхи» является альбом, составленный писателем и озаглавленный «Розановы письма. Василий Васильевич Розанов. 1856—1919» (титул 1). В настоящее время он хранится в архиве библиотеки Гарвардского университета (США)[39]. В начале 1930-х Ремизов объяснит основную причину, по которой этот и многие другие материалы его личного архива легли на страницы самодельных альбомов: «Мне всегда хочется делать альбомы, когда есть

---

[37] См.: *Флейшман Л. С.* Из комментариев к «Кукхе». Конкректор Обезвелволпала. С. 186.

[38] Конкретные случаи такой возможной авторской «правки» оговариваются нами в комментариях.

[39] The Houghton Library. bMs Russian 31. 62M-336.

документ ⟨...⟩ так и сохранней и памятней»[40]. Представленные здесь оригинальные письма Розанова вместе с другими иллюстративными и печатными материалами были собраны писателем в единый корпус документов еще до отъезда из России.

Один из титульных листов (титул 3), озаглавленный «Письма Василия Васильевича Розанова † II 1919 г.», оформлен в эстетике игровых документов Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (Обезвелволпал) — «тайного» общества единомышленников и друзей Ремизова, образованного в 1908 году[41]. На нем изображены личный значок писателя — глаголическая буква «ч», а также обязательная «обезьянья печать», имеющая надписи по окружности на глаголице («Обезьянья печать») и на кириллице («Петербург. Василию Васильевичу Розанову»), а также в центре на кириллице («Старейшему кавалеру. Алексей Ремизов»). Кроме того, здесь имеются пометы рукой Ремизова. Сверху справа подчеркнуто: «А. Ремизов»; в правом нижнем углу стоит дата: «Paris 1932». В верхнем правом поле листа рукой неизвестного поставлено и обведено: «37», а ниже приписано пояснение писателя, относящееся к цифрам: «номер обыскной ГПУ».

---

[40] ГАРФ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 48; письмо В. Н. Тукалевскому от 13 марта 1933 г.

[41] Подробнее см.: Обатнина : 2001. С. 114—147.

Последняя надпись объясняется случаем, произошедшим в августе 1921 года на границе между Ямбургом и Нарвой, который сыграл свою роковую роль как в истории этого альбома, так и в судьбе книг, рукописей, других самодельных альбомов из личного архива писателя. 4 августа, накануне отъезда из России, Ремизов обратился к эстонскому консулу в Петрограде Альберту Оргу с просьбой перевезти ряд документов через границу. Однако несмотря на его дипломатический иммунитет, все эти материалы у Орга при обыске на границе были отобраны[42]. Именно с этого момента на обложке альбома появился «гепеушный» «обыскной» номер. Пытаясь вернуть свой архив, Ремизов написал ряд обращений к высокопоставленным советским чиновникам, а также влиятельным писателям и издателям. В составленном тогда же Ремизовым списке пропавших рукописей под седьмым номером значится: «Письма В. В. Розанова с портретом и карикатурами ко мне — вклеены. К моей жене — вложены»[43].

Документы были возвращены только в июне 1922 года, что зафиксировано еще на одном титульном листе альбома. В центре его — знаменитая подпись-монограмма Ремизова, возникшая в Берлине. Сверху надпись: «В. В. Розанов

---

[42] См.: Кодрянская. С. 304.

[43] ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 23.

† 23 января (10 янв. с⟨тарого⟩/с⟨тиля⟩) 1919 г. у Троицы-Сергия». В правом верхнем и нижнем углах имеются пометы: «A. Remisoff // 7 rue Boileau, Paris XVI»; «Charlottenburg 23—24 VI 1922» (титул 2). Наличие в альбоме трех различных дат (1919—1922—1932) говорит о важности каждой из них: объединение писем после смерти философа; второе рождение альбома после конфискации, и, наконец, подготовка альбома к продаже.

Еще при жизни писателя альбом с письмами Розанова стал хорошо известен в коллекционерских кругах. Ремизов упоминает о нем в письме к художнику Н. В. Зарецкому от 10 ноября 1932 года среди других артефактов, которые он хотел предложить для продажи Пражскому Народному музею: «Альбом Розанова. 1) Карточка (снимок с портр⟨ета⟩ Бакста) с надписью / 2) Из журна⟨ала⟩ вырез⟨анная⟩ карточка Розанов — его любимая / 22 письма В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ и точная копия его письма (оригинал уничтожен). / Карикатура ⟨на Розанова. — *Е. О.*⟩ Реми из Сатирикона / — „ — не знаю кого / В. В. Розанов / Последняя статья Розанова в Нов⟨ом⟩ Времени. 23 II 1917»[44]. Как следует из этого перечня, Ремизов не включил тогда в состав альбома собственные автографы — копии розановских писем и комментарии к ним.

[44] Прага. Письмо к Н. В. Зарецкому от 10 ноября 1932 г.

Передача на музейное хранение так и не состоялась. В марте следующего года писатель вновь начал вести переговоры о продаже альбома с директором Славянской библиотеки в Праге В. Н. Тукалевским. Теперь речь шла о дополненном артефакте: «Розановский (альбом. — *Е. О.*) — 23 документа Розанова и мой комментарий — 2.500 fr.»[45]. Однако и на этот раз ему не суждено было покинуть домашний архив писателя.

---

[45] ГАРФ. Ф. 577. Ед. хр. 698. Л. 48; Письмо к В. Н. Тукалевскому от 13 марта 1933 г. В июне того же года Тукалевский рекомендовал В. Д. Бонч-Бруевичу, заведовавшему Центральным литературным музеем в Москве, приобрести архивы писателей-эмигрантов; в частности, он писал 8 июня 1933 г., опираясь на присланный ему Ремизовым список материалов: «Далее Ремизов. 〈...〉 Он имеет 23 документа писем В. Розанова с его комментариями — хочет 2500 франков. 〈...〉 Думаю, судя по тому, что я видел, для посетителей музея это весьма выигрышный иллюстрационный материал. С Ремизовым можно торговаться. Но, конечно, надо дать ему такую сумму, чтобы ему было на что жить дальше. Он с этой точки зрения подходит. Кроме того, он все время делает альбомы с разными текстами, вместо писаний занимается таким монтажом. Ему можно даже заказывать нужный материал, и сделает он его превосходно» («Очень хорошо, что Вы стали заниматься собиранием сведений о русских рукописях...»: Из переписки В. Д. Бонч-Бруевича и В. Н. Тукалевского. 1932— 1934 гг. / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н. С. Зеелова // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 81). Однако и эти переговоры остались безрезультатными.

Только спустя восемь лет альбом приобрел свой окончательный вид: сброшюрован в единую тетрадь, которая открывалась последовательно тремя описанными выше титульными листами. Тогда же появился дополнительный лист, содержание которого раскрывает поворотную точку в судьбе этого артефакта. Характерной «вязью», напоминающей по начертанию букв древнерусскую скоропись, Ремизов составил письмо, свидетельствующее о продаже альбома в частный архив:

4 XII 1940
A. Remisoff, 7 Rue Boileau, Paris XVI

Дорогой Лев Соломонович.
Оставляю у Вас альбом, посвященный Розанову
с его письмами и
моими заметками 1000 fr
и книгу: Пропись показывающая красоту
российского письма,
изданная в Москве, 1793 года 200 fr
В прошлом году зимой Вы меня согрели: Ваша тысяча пошла за отопление.
У нас не топят, что-нибудь
надо сделать: каминов нет
и никаких вытяжных труб —
остается электричество да на устройство
надо куда больше.
Вот почему я обращаюсь к Вам.
И буду Вам благодарен за Ваше
исключительное
внимание к
моей бедовой доле.

Алексей Ремизов

Адресат инскрипта — Лев Соломонович Полак (Поляк, 1880—1941), специалист в области философии знания, философии права и морали, эмигрировавший из России в Нидерланды. Передача альбома состоялась буквально незадолго до того, как жизнь этого человека трагически оборвалась в концентрационном лагере Заксенхаузен — после вторжения немецких войск на территорию страны и последовавших репрессий по отношению к евреям. В составленном Ремизовым в конце 1940-х годов реестре собственных дарственных надписей, адресованных С. П. Ремизовой-Довгелло на авторских экземплярах книг, значится и копия инскрипта на «Кукхе»: «Кукха. Розановы письма. Изд. Гржебина. Берлин. / 20 XI⟨I⟩ 1923 / Paris / К этому надо присоединить «Воистину» (памяти В. В. Розанова / 3 V — 20 IV (так! — *Е. О.*) 1856 † 1919) / (Напечатано «Версты», 1926 г.) / А оригиналы писем продал Л. С. Поляку в 1940 г. / А Поляка угнали в Германию: погиб, несчастный!»[46]

Собственно «розановская» часть альбома, сложившаяся к 1923 году, открывается газетной вырезкой портрета философа, приклеенной по левому краю, над которой Ремизов оставил пояснение: «порт⟨рет⟩ рис⟨овал⟩ Бакст / Третьяковск⟨ая⟩ галл⟨ерея⟩ / Москва». На обороте имеется подлинный автограф Розанова: «Доро-

[46] Собр. Резниковых.

гим Серафиме Павловне и Алексею Михайловичу Ремизовым на добрую память от В. Розанова. 1905 г.» (Л. 3). Следующий лист оформлен фотографическим снимком В. В. Розанова (1902): он сопровождается подписями и пояснением — справа от фотографии: «Любимая карточка В. В. / „Это когда я «О понимании» писал"»; внизу: «„История" этой карточки — письмо хранится у Иванова-Разумника — (Разумника Васильевича). В. В. Розанов дал мне оригинал на краткий срок переснять для Ив⟨анова⟩ Раз⟨умника⟩, которому я и отдал. „Краткий срок" прошел — несколько месяцев. И вдруг я получаю письмо, очень крепко написанное о „Р". Я совсем забыл о карточке, подумал, что этот „Р" — А. В. Руманов. А А. В. Руманов ничего понять не может: „накануне виделись"... Уж очень крепкое письмо о русском человеке, которого надо палкой выбивать, иначе не послушает. А. Р. / Письмо начиналось: „скажи этому поросёнку..."»[47]

Основной блок альбома состоит из листов с наклеенными подлинниками писем Розанова (всего их 22) и одной копией утраченного еще в

[47] 26 октября 1908 г. Иванов-Разумник обратился к Ремизову с просьбой достать фотографию В. В. Розанова в связи с началом работы над «Критической историей русской литературы». См.: Письма Иванова-Разумника. С. 26—27. Работа критика над книгой продолжалась до 1916 г., однако так и не была завершена.

России письма (от 25 октября 1907 года). За каждым письмом закреплен порядковый номер. Завершают альбом две репродукции шаржированных портретов Розанова. На обороте обложки журнала «Сатирикон» с карикатурой художника Ре-ми[48] наклеена вырезка из берлинской газеты «Руль» (1923. 25 мая. № 805. С. 2) с некрологом В. В. Бородаевскому, подписанным В. Д. Евреиновым. Включение в состав альбома документального материала весны 1923 года (в это время шли поиски печатного органа для первой редакции) свидетельствует о том, что Ремизов не ограничивал свой артефакт ни некими временны́ми рамками, ни сугубо розановской тематикой. Основная часть альбома завершается газетной вырезкой статьи Розанова «О Конст. Леонтьеве», которая атрибутирована писателем в приложенной здесь же описи материалов альбома как «Последняя статья в Н⟨овом⟩ В⟨ремени⟩ перед Революцией 1917 г.»[49]. Следующий блок, составленный из листов линованной бумаги, со-

[48] В правом углу репродукции имеется помета Ремизова: «рис⟨унок⟩ Реми / Н. В. Ремизова (псевдоним) / (Николай Владимирович Васильев) / «Сатирикон» / 1909 г. Пб.».

[49] Однако и после этой статьи, напечатанной в «Новом времени» 22 февраля 1917 г. (№ 14715. С. 5), публикации Розанова под подписью «Обыватель» появлялись на страницах газеты «Новое время» вплоть до июня 1917 г. См.: *Обыватель* [*Розанов В. В.*]. Что такое «буржуазия»? // Новое время. 1917. 20 июня. № 14807. С. 4.

держит аккуратно переписанные рукой Ремизова тексты писем Розанова и его комментарии к каждому письму, собранные в общий нумерованный список (в соответствии с номерами писем в альбоме).

Историко-литературное значение альбома «Розановы письма. Василий Васильевич Розанов. 1856—1919» трудно переоценить. Факт существования альбома, хранящего подлинные письма Розанова, использованные в книге «Кукха», является еще одним подтверждением документального характера книги. Письма, сопровождающиеся комментарием и иллюстративным материалом, изначально представляют собой «эмбрион»[50] новаторского произведения, созданного из материала, дышащего и говорящего по-розановски. Собственно ремизовские пояснения, помещенные вслед за копиями оригиналов, и являются тем самым первичным текстуальным слоем книги, который при сравнении без труда обнаруживается в окончательном варианте этого мемуарного сочинения. История оформления альбома сама по себе оказывается историей создания особого литературного артефакта, запе-

[50] «Эмбрионы» — короткие заметки Розанова, которые философ включил в первое издание сборника «Религия и культура» (1899), а также во второе дополненное издание 1901 г. — под названием «Новые эмбрионы». По стилю эти заметки сопоставимы с записями «Опавших листьев».

чатлевающего живой и неповторимый образ философа. Магический процесс пресуществления альбома в книгу совершается путем создания «собственного» Розанова, весь образ которого становится неотъемлемой частью ремизовского «Я».

* * *

Между выходом в свет первой и второй редакции прошло чуть меньше шести месяцев. Однако книга с титулом «Кукха» существенно отличалась от произведения, озаглавленного «Розанова письма». В письме к Д. А. Лутохину от 5 января 1924 года Ремизов сообщал: «Вышла моя книга „Кукха" (память о Розанове) дополненная без пропусков»[51].

Несмотря на небольшой временной разрыв между двумя редакциями, свою окончательную форму произведение приобрело только в книжном издании. Парижская редакция состояла из вступления («Читатель, не посетуй...»), тринадцати пронумерованных глав с названиями, а также завершающей «эпистолы» под названием «Луна светит». Набор текста не имел здесь каких-либо выраженных приемов оформления, за исключением использования астерисков в качестве разделителей как внутри авторского текста,

[51] Письма к Лутохину. С. 957.

так и между этим текстом и письмами Розанова. В книге текст был существенно преобразован и дополнен: изменено название («Кукха. Розановы письма»); появились вступительная «эпистола» («В. В. Розанову») и финальное пояснение к «обезьяньим словам» — «кукха» и «ахру»; исчезла нумерация глав, каждая из них начиналась с новой полосы. Наряду с отдельными фрагментами и письмами Розанова, отсутствовавшими в первой редакции, в состав книжного издания были включены новые тексты — глава «Завитушка» и шесть рассказов («Поп Иван», «Эротическое общество», «Легенда», «Блудоборец», «Сны», «Уголок»).

Набор наклонным шрифтом заголовков для серии рассказов-анекдотов, примыкающих к «Завитушке», по всей вероятности, имплицитно указывает на восстановление текстов, написанных ранее, но не пропущенных к публикации Цетлиными — издателями трехмесячника «Окно». В берлинской редакции наклонный шрифт использован также в названии заключительной главки «Луна светит» (в парижской редакции все названия глав набраны прямым шрифтом), однако здесь он наделен совершенно иным функциональным значением. Этот текст представляет собой обращение к Розанову и выглядит как продолжение давнего разговора. Его первое предложение создает впечатление внезапно возобновленной речи: текст начинается набранны-

ми в ряд знаками тире и со строчной буквы. Первые слова («на мне это не та, ту, золотом расшитую, я тогда же надел...») возвращают читателя к письму Розанова к З. Н. Гиппиус о феске из главы «На блокноте», а все содержание главы «Луна светит» коррелирует с открывающей книгу короткой «эпистолой» «В. В. Розанову», текст которой весь набран курсивом. В «Оглавлении» книги рассказы-анекдоты, а также главка «Луна светит» не отражены.

Изменения произошли по самым рискованным направлениям: усилена интимная тематика, нередко доходящая до скандальности, привнесены полемические подтексты. Ремизов не только более раскрепощен в отношении скабрезных сюжетов, но и устраняет излишнюю скромность словоупотреблений. В частности, здесь названо «обезьянье» звание Розанова: «великий ф...» теперь именуется «великим фаллофором обезвелволпала» (глава «Обезвелволпал»); раскрывается полная форма ремизовского неологизма в специфическом написании — «без'яичность»[52], на страницах парижского «Окна» выглядевшего как «безъя ... сть» («Луна светит»). Берлинская ре-

[52] Такое употребление апострофа возникло вследствие реформы орфографии 1917—1918 гг., упразднившей написание буквы «ъ» на конце слов, что спровоцировало изъятие из касс типографского набора самой литеры «ъ», и просуществовало до 1928 г.

дакция ремизовской книги полностью срывает завесу тайны, созданную отточиями в тексте первой редакции. В главе «На блокноте», в дневниковой записи от 22 сентября, вместо загадочно оборванного зачина («Рассказывал...») дан пересказ повествования Розанова о первом сексуальном опыте, а также приведены четыре примера эротических сюжетов. Здесь же появляется и существенное дополнение. После записи от 8 октября: «Не забыть под Андрея погадать» следует соответствующий сюжет — эпизод про «одну», нагадавшую себе неудачного жениха. Наряду с дополнениями в тексте второй редакции осуществляется акт восполнения текста, не вошедшего в первую редакцию, возможно, по цензурным соображениям. Такова произведенная в главе «Обезвелволпал» замена трех строчек отточий текстом письма Розанова 1906 года (оно начинается раздумчивым «хочется мне все-таки взглянуть на 7-вершкового. В Индии не бывал... и т. д.») и рассказом, повествующим о реальных обладателях «Божеской меры».

Купюры в первой редакции книги несли в себе функциональную значимость, так как именно они создавали некую интригу, разжигавшую любопытство читателя. Писатель не просто изымал из текста конкретный фрагмент, он графически — отточиями — указывал на место купюры, тем самым подчеркивая его важность и неотъемлемость от всего произведения. Этот прием соот-

носится с прецедентами публикаций художественных и фольклорных текстов. Первый из них — так называемый «эффект значимого отсутствия», «минус-прием», который использовал Пушкин, обозначая пропуски строф в окончательном тексте «Евгения Онегина». Этот «жест» демонстрировал авторское волеизъявление. Вместе с тем в стратегии Ремизова прочитывается также и культурная аналогия с публикациями эротической литературы. В особенности с той общеизвестной историей, когда тираж рукописного собрания былин и песен XVIII века «Сборник Кирши Данилова» в 1901 году вышел с отточиями, обозначавшими места, содержащие обсценную лексику.

Некоторые дополнения в тексте указывают на влияние внешних обстоятельств, последовавших вслед за выходом в свет первой редакции книги. В частности, Ремизов корректирует огрехи собственной памяти, когда в «Кукхе» появляется упоминание Д. А. Лутохина как одного из гостей на именинах В. Д. Розановой. Творческие и приятельские отношения Ремизова с Лутохиным возникли только в 1923 году в эмигрантском Берлине. Этому сближению способствовала общая тема памяти о Розанове. Лутохин стал одним из первых, кто еще в России помянул скончавшегося в 1919 году философа мемуарным очерком, в котором, между прочим, написал и о супругах Ремизовых как постоянных гостях роза-

новской квартиры на Шпалерной 39[53]. Из дневниковых записей Лутохина, описывающих первые берлинские встречи с соотечественниками, недвусмысленно следует, что Ремизовы не ассоциировали его с розановским окружением: «После Крандиевских ⟨...⟩ отправился к Ремизовым. Он — в кофте, совсем такой, каким изобразил его в портретах Анненков, она — пышная, моложавая ⟨...⟩ Я их не видал с 1906 г. Они смутно меня помнят, а теперь читали обо мне в Ревельск⟨ой⟩ газете»[54]. Так или иначе, но в контексте «Кукхи» Лутохин занял все-таки свое законное место среди ближайшего окружения Розанова.

В книжной редакции «Кукхи» появились и новые, возникшие сразу после публикации в «Окне», полемические подтексты. Примечательна в этом смысле новелла «Ки — Ки» (глава «Завитушка»), посвященная «странному», на взгляд писателя, сближению слов, обозначающих различные предметы. В качестве одного из примеров Ремизов проводит параллель между русским словом «мост» и его немецким эквивалентом, который звучит по-русски как «брюки». И далее, в ироническом ключе, однако, на первый взгляд, немотивированно возникает фамилия

[53] *Лутохин Д.* Воспоминания о Розанове // Вестник литературы. 1921. № 4/5. С. 5—7.

[54] Подробнее см.: Письма к Лутохину. С. 945—946.

известного критика: «„Брюки" — это еще туда-сюда и теперь едва ли кого смутит, разве что Ю. А. Айхенвальда...»

Для реконструкции авторских интенций, соединивших в одну смысловую цепочку «Айхенвальда», «брюки» и «мост», требуется историко-литературный комментарий. Творческая интеллигенция, осевшая в Берлине в начале 1920-х годов, стремилась воссоздать русскую жизнь в чужой стране. В эмигрантском самосознании тех лет, как правило, отражалось депрессивное отношение к повседневной действительности, обусловленное трагедией личного и государственного масштаба, усугубленное конфликтом прошлого и настоящего. Казалось бы, и «Кукха» должна была продуцировать именно такое, типическое эмигрантское сознание. Однако стоит внимательно присмотреться к стилю этого повествования, чтобы убедиться, что Ремизов демонстрирует (и даже манифестирует) совершенно особый — иронический — взгляд на вещи. Это вовсе не традиционная мемуаристика. Здесь звучат совершенно непредсказуемые обертоны. Все перевернуто с ног на голову: вместо сюжетов, раскрывающих масштаб деятельности главного героя, — каскады анекдотов из частной жизни.

Критическая реакция на публикацию в «Окне» «Розановых писем» не заставила себя долго ждать. 8 июля на страницах берлинского «Руля» (№ 791. С. 7) появились «Литературные замет-

ки» за подписью Б. Каменецкий. Под этим псевдонимом печатался Юлий Исаевич Айхенвальд. Для полноты реконструируемой картины следует отступить на несколько лет назад и упомянуть о рецензии критика на второй короб «Опавших листьев», опубликованной в 1915 году под красноречивым названием «Неопрятность». «...г. Розанов гораздо поверхностнее, чем он думает, — писал тогда Айхенвальд. — То порнографическое и циническое, то обывательское и пошлое, чем он наполнил свои страницы, та жалкая тина сплетни, в которой он вязнет, все это — общедоступно и банально...»[55] Публикация воспоминаний Ремизова вызвала у Айхенвальда новый приступ антирозановской идиосинкразии. В «Ро-

[55] *Айхенвальд Ю.* Неопрятность. [Рец.] В. Розанов. Опавшие листья. Короб второй и последний. // Утро России. 1915. 22 августа. С. 6. Розанов, в свою очередь, относился с глубоким сарказмом к импрессионистической манере интерпретации литературного творчества, представленной в книгах Айхенвальда «Силуэты русских писателей», выходивших отдельными выпусками с 1906 по 1910 г. Ср.: «„Силуэты". Уже критика прошла. „Не нужно". Пусть над „критикой" трудятся эти ослы Скабичевские... Мы будем писать теперь „силуэты", т. е. „так вообще", — „портреты" писателей, „характеристики", — причем читатель, — наш глуповатый русский читатель, — будет все время восхищаться характеризующим, а, конечно, не тем, кого он характеризует. И через этот самый предмет, т. е. русская литература, почти исчезнет, испарится, а перед нею будет только Айхенвальд и его „силуэты"» (Мимолетное. С. 327).

зановых письмах» критик усмотрел тенденцию их автора подражать самым негативным сторонам творческой манеры героя повествования: «Можно по-всякому относиться к последнему (Розанову. — *Е. О.*) как к писателю; но несомненно то, что он оставил по себе репутацию исключительной моральной неопрятности. Теперь Ремизов, своими сообщениями, своими пошлостями, не только подтверждает и усиливает эту древнюю славу, но и, кроме моральной неопрятности своего друга, рисует еще и физическую...»; «...то, что он сообщает о Розанове, об его эротике и даже об его физиологии, выходит за пределы всякого приличия и пристойности. Он, например, в самом буквальном смысле слова рассказывает о грязном белье Розанова...»[56]

В данном случае Айхенвальд указывает на один из эпизодов главы «На блокноте», содержащей выдержки из ремизовского дневника за 1905 год. Здесь воспроизводится конфузная история, случившаяся с Розановым в одной из зарубежных поездок. Анекдот, пересказанный со слов друга, акцентирует внимание читателя на душевных достоинствах русских перед иностранцами. Айхенвальд же использует этот рассказ как повод для моральной дискредитации и его героя, и самого рассказчика. Действительно, пер-

[56] *Каменецкий Б.* [Ю. И. Айхенвальд]. Литературные заметки // Руль (Берлин). 1923. 8 июля. № 791. С. 7.

вым, кто открыл шлюз личной интимности в русской литературе, был сам В. В. Розанов. Еще в первом коробе «Опавших листьев» философ демонстративно заявлял: «Литературу я чувствую как штаны. Так же близко и вообще „как свое". Их бережешь, ценишь, „всегда в них" (постоянно пишу). Но что же с ними церемониться???!!!», а также: «Дорогое (в литературе) — именно штаны. Вечное, теплое. Бесцеремонное»[57]. «Штанами» в те времена называлось исподнее белье, которое надевалось под брюки. Как видим, философ считал возможным полную объективацию собственного «интимного». Причем самоцелью таких откровений была не демонстрация «исподнего», а максимальное самовыражение «Я» без оглядки на неведомого «читателя». В зачине «Уединенного» Розанов признавался: «Ах, добрый читатель, я уже давно пишу „без читателя", — просто потому что *нравится*. Как „без читателя" и издаю 〈...〉 С читателем гораздо скучнее, чем одному. Он разинет рот и ждет, что ты ему положишь? 〈...〉 Ну его к Богу...»[58]

Айхенвальд, обвинявший в «неопрятности» Розанова и адресующий теперь эти инвективы Ремизову, более всего раздражен самим фактом авторского равнодушия к читателю. Не случайно в своей рецензии критик выступает не только с

---

[57] Листва. С. 160.
[58] Там же. С. 7.

позиций законодателя этических и эстетических норм в литературе, но и выразителя читательских предпочтений: «...писать надо для тех, кто не читает. Это значит, другими словами: нужно иметь в виду такого читателя, теоретического и далеко⟨го⟩, который от литературы хочет больше, чем литература, который хочет от нее жизни, для которого книга не имеет самодовлеющего значения, а только представляет собою к этой жизни временный мост. ⟨...⟩ Он ⟨Ремизов⟩ пишет для писателей, — а уж наверное писать надо для читателей»[59].

Дописывая «Ки — ки» уже после выхода статьи Айхенвальда, Ремизов, конечно, не мог пройти ни мимо обвинений в публичной демонстрации чужого «грязного белья», ни мимо директив «для кого писать»[60]. И как следствие — в парадоксально-иронической манере он соединяет в этой главке упомянутый Айхенвальдом «мост» с фамилией самого критика: «По-русски мост, а по-немецки — брюки (die Brücke). Про это всякий знает, кто попал в Берлин — Берлин есть город стомостый! — и на Варшавских брюках (Warschauer Brücke) по подземной дороге пере-

---

[59] *Каменецкий Б.* [Ю. И. Айхенвальд]. Литературные заметки. С. 7.

[60] Размышления на тему о целях и адресатах литературного творчества получат развитие в полемике между Ремизовым и М. Осоргиным в 1931 г. Подробнее см.: Обатнина : 2008. С. 22—25.

садка. „Брюки" — это еще туда-сюда и теперь едва ли кого смутит, разве что Ю. А. Айхенвальда, и никакими „невыразимыми" и „продолжениями" нет нужды заменять». Как видим, фарсовый заряд, усиленный звуковым сходством немецкого и русского слов, направлен прямо в критика. Напоминая ему про интимные «штаны», Ремизов, как обычно, делает это не прямо, а намеком, употребляя внешне вполне благопристойное синонимическое название «брюки». Ирония данного пассажа состоит в том, что слова «невыразимые» и «продолжения» в русском языке XIX века служили эвфемистической заменой названий нижнего белья — панталон и кальсон[61].

Вместе с тем за эксплицитными обвинениями критика и имплицитными ответами писателя вокруг темы «неприличий» в литературном произведении вырисовываются куда более значимые вопросы эмигрантского самосознания: для чего

---

[61] Ср.: «Его бухарский халат разъехался спереди, и обнаружились препротивные нижние невыразимые из замшевой кожи с медными пряжками на поясе» (*Тургенев И. С.* Несчастная // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 8: Повести и рассказы. 1868—1972. М., 1981. С. 128). Слово «продолжения» в XIX столетии, очевидно, бытовало для обозначения нижней (нательной) одежды как продолжения верхнего платья. Слово «невыразимые» соответствует английскому inexpressibles (ср. также калькированные снимки во фр. inexpressibles, нем. die Unaussprechlichen).

существует литература и для кого пишет писатель. Эмиграция в корне поменяла ментальность людей. Необходимость приспосабливаться к новым условиям, налаживать быт, искать ответы на вопросы о личной и коллективной вине заставляла интеллигенцию так или иначе реагировать на новые вызовы эпохи. За время, прошедшее от «Неопрятности» до «Литературных заметок», эстетическая позиция Айхенвальда претерпела радикальные изменения. До революции критик определенно предпочитал правде жизни эстетизированную ложь. «Суть литературы, — писал он в 1915 году, — как раз в творчестве, в том возвышающем обмане, который не только дороже тьмы низких истин, но и реальнее их, потому что вымысел идеала действительнее факта»[62]. В 1923 году он уже требовал прямо противоположного, заявляя, что первейшая обязанность литератора — подниматься до высот трагедийного осмысления жизни. По поводу «Розановых писем» он писал: «...не вечным и не серьезным занимается в данном случае Ремизов. Если бы не проникшие в его повествование отдельные отзвуки той трагической серьезности, какою отличается наша година, то, на фоне последней, даже кощунственное впечатление производили бы те пустяки и вздор, которым тешит себя и кое-кого

[62] *Айхенвальд Ю.* Неопрятность. [Рец.] В. Розанов. Опавшие листья. Короб второй и последний. С. 6.

другого наш талантливый стилист, те игрушки, те словесные балясы, которые он точит с таким ненужным искусством»[63].

Неизвестно, являлась ли синонимическая пара («штаны»—«брюки») намеренной иронической аллюзией на произошедшую с Айхенвальдом мировоззренческую метаморфозу. Однако не вызывает сомнений очевидное желание автора «Кукхи» вполне серьезно ответить на вопрос, в чем заключается смысл подлинной трагедии. Для пояснения этого тезиса вернемся к самому началу главки «Ки — ки», где «трагедии» лингвистических несовпадений — двойничеству русских и иностранных слов — противопоставляются некие «анекдоты из жизни греческой королевской семьи». «Странные вещи творятся в мире: дан человеку язык, ну что бы всем говорить по-одинаковому, а нет, хуже того — одни и те же слова, но на предметы совсем разные. И это вовсе не анекдоты из жизни греческой королевской семьи, это — истинная трагедия человечества». Если для читателей-эмигрантов упоминание греческой королевской семьи звучало более чем понятно, то сегодня эта реплика требует разъяснений. В сентябре 1922 года, после неудачной Греко-турецкой войны, греческий король Константин I вторично отрекается от пре-

[63] *Каменецкий Б.* [Ю. И. Айхенвальд]. Литературные заметки. С. 7.

стола (первый раз — 30 мая 1917 года) и навсегда покидает родину, направляясь в Швейцарию. За ним следует его семья и семья его брата Николая. В январе 1923 года Константин I умирает. Через некоторое время Николай переезжает во Францию, где его существование становится столь же тяжелым, как для любого эмигранта: для содержания жены и детей он вынужден преподавать живопись. В данном случае не литература, а сама реальность свела жизнь греческой королевской семьи к «скверному анекдоту». Брат короля, зарабатывающий частными уроками, — явление в сущности трагифарсовое. Словно в параллель примерам фонетического двойничества, писатель намекает здесь и на двойничество человеческое — на сходные судьбы греческой и русской монархий. Оба брата — Константин и Николай имели непосредственное отношение к династии Романовых, являясь сыновьями великой княгини Ольги Константиновны, в Греции получившей монархический статус — королевы эллинов.

В чем же заключается «истинная трагедия человечества»? Ответ обнаруживается в финале главки «Ки — Ки». Словно желая подразнить пуриста Айхенвальда, Ремизов рассказывает очередной анекдот, связанный с путешествием Розанова по Франции. Герой сюжета оказывается ночью в темном коридоре гостиницы. Пытаясь найти свой номер, он тычется в разные двери, но

из-за них доносится только вопрос: Qui-qui (Кто-кто?). В ответ ему ничего не остается, как кричать: Je suis! (Это я!). Эта комическая перекличка прекрасно символизирует одинокое положение писателя, которого окружают невидимые читатели. «Соль» анекдота состоит в том, что человек (будь то писатель-эмигрант или король-эмигрант) одинок в своей экзистенциальной сущности. Если Айхенвальд настаивает на «трагической серьезности», то Ремизов предпочитает анекдот как витальную форму отношения к действительности. «Розановы письма» — первое и едва ли не единственное выражение такого совершенно не типичного для эмиграции самосознания, в котором трагический взгляд на сложившиеся обстоятельства жизни намеренно вытесняется иронией и эпатажем. Противопоставляя анекдот трагедии, писатель на самом деле утверждает простую истину: в трагедии есть место — человеку, а где есть человек, с его слабостями и простыми радостями, — там всегда найдется место анекдоту. Более того, понятия вечного и серьезного в жизни переплетаются с мизерабельным, обычным, негероическим существованием человека. На шкале ценностей трагедия эмигранта не столь беспросветна, как трагедия всеобщего непонимания между людьми.

* * *

По вполне понятным причинам за рамками «Кукхи» остались письма самого Ремизова и его жены Серафимы Павловны к В. В. Розанову и его супруге В. Д. Розановой. Являясь неотъемлемой составляющей истории многолетней дружбы, эти документы, отложившиеся в архиве философа в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), существенно расширяют историко-литературный и бытовой контекст книги. Семь писем Ремизовых к Розановым за 1905—1907 годы располагаются на страницах пухлого конволюта, в общем ряду полученной Розановым корреспонденции 1900—1910-х годов.[64] Ремизовский раздел в этом эпистолярном собрании предваряется подклеенными заметками Розанова, набросанными красными чернилами на небольших листках бумаги.[65] Записки несут в себе заряд впечатлений

[64] РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724 (письма № 116—122 на лл. 201—214).

[65] Публикацию подобного рода розановских заметок по материалам архива РГБ см.: В. В. Розанов о ближних и дальних (Пометы к письмам корреспондентов) / Вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Ломоносова // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 74—148. Ср. также: «...В. В. имел обыкновение набрасывать на чем попало, на клочке бумаге, на обороте транспаранта, на вашем письме, приходившие ему в голову, вечно бродившие в нем мысли. 〈...〉 Это, впрочем, доказывают и сборники его записей — „Уединенное" и два тома „Опавших листьев".

от встреч философа с Ремизовыми в первые годы их общения.

Их личное знакомство состоялось в 1905 году в конторе журнала «Вопросы жизни», где начинающий писатель работал делопроизводителем. По-видимому, бывать в доме Розанова Ремизов стал с весны 1905 года[66]. Дружескому сближению способствовал и интерес к эротической теме. Комментируя в «Кукхе» одно из писем философа, Ремизов упоминает о совместном намерении создать нечто вроде «русского Декамерона». Однако восприятие Эроса у них не было идентичным. Для Розанова «пол» вообще и эротика в частности, как конкретно-чувственные выражения метафизической сферы человеческого бытия[67], являлись предметом углублен-

---

При жизни В. В. вышло только три таких книги, но материала у него должно было быть на много томов; еще в Петербурге, как-то раскрыв ящик своего письменного стола, куда он сбрасывал эти исписанные лоскуты, он показал мне целое бумажное море...» (*Перцов П. П.* Воспоминания о Розанове // Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 269—270).

[66] Один из первых визитов писателя в квартиру Розанова на Шпалерной зафиксирован в дневнике Е. П. Иванова; запись от 17 апреля 1905 г.: «У Розанова был Ремизов» (ИРЛИ. Ф. 662. Ед. хр. 40. Л. 142).

[67] Ср. характерное для Розанова определение из статьи «Семя и жизнь» (1897): «Пол — это начинающаяся ночь в самой организации человека. 〈...〉 И не было бы любви, целомудрия, брака, „материнство" и „дитя" не были бы са-

ных исследований, опирающихся на историю культовых обрядов и социализации семьи в истории человечества. Молодой Ремизов, напротив, все эротическое воспринимал сквозь призму народной смеховой культуры, питая особенный интерес к различным образам «материально-телесного низа» (М. М. Бахтин), которые он с увлечением искал в памятниках древнерусской литературы, апокрифах, фольклорных сказках[68].

Такого рода несоответствия в известной степени подтверждает и первый фрагмент из записей Розанова:

«Ремизов А. М.

Один из умнейших и талантливейших в России людей

φαινόγέν[69]

По существу он чертенок — монашенок из монастыря XVII в. Весь полон до того похабно-

---

моизлучивающимися явлениями — если бы пол был функцией или органом, всегда и непременно в таком случае безразличным к сфере своей деятельности, всегда „хладным", „не вбирающим"» (Религия и культура. С. 213).

[68] Ср. описание одной из сред на «башне» Вяч. Иванова (24 мая 1906 г.) Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «Тема — „О поле". Сначала Ремизов говорил ужасно забавные и страшно смелые вещи, и стоял хохот, потом В⟨ячесла⟩в перевел все на физико-мистико, т⟨ак⟩ сказать, и стал диспут серьезным очень» (Богомолов : 2009. С. 192).

[69] яснород⟨ный⟩ (греч.).

го — в мыслях, намеках, что после него всегда хочется принять ванну.

Он — миниатюрный, черный.

„Она" белокурая, громадная»[70].

Два других фрагмента, очевидно записанные со слов Серафимы Павловны Ремизовой, имеют прямое отношение к многолетним исследованиям философа на темы семьи и пола[71]. Значение первого, рассказывающего историю женитьбы Ремизовых, трудно переоценить, учитывая имеющиеся в биографии писателя лакуны, относящиеся к обстоятельствам его знакомства с будущей женой в 1902 году в пензенской ссылке:

«Интересна их женитьба. Он пошел куда-то на сходку и его арестовали. Сослали. В ссылке б⟨ыла⟩ „она" и началось с того, что она при первой встрече дала ему пощечину. Он, разумеется, извинился, сказав: „Простите, Сер⟨афима⟩ Пав⟨ловна⟩, но я не агент полиции, а несчастный

---

[70] РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 203. Запись в усеченном виде попала в книгу «Сахарна», собранную в 1913 г., но не опубликованную при жизни писателя. См.: Сахарна. С. 119—120.

[71] В автобиографической справке, составленной для «Энциклопедического словаря» в 1899 г., Розанов, перечисляя свои работы, писал: «Важнейшими сам автор считает статьи, посвященные раскрытию трансцендентно-религиозного содержания пола, и всего, чтó из него — брака, семьи, детей» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3079. Л. 2 об.).

студент". Естественно, что она после этого вышла за него замуж: „Его" и „Ее" я всегда представляю как черную мышь, грызущую „головку" голландского сыра»[72].

Молодые супруги Ремизовы могли заинтересовать философа и как некая модель супружеских отношений, не похожих на большинство семейных союзов литературной элиты[73]. В этом ракурсе его внимание не могла не привлекать Серафима Павловна — цветущая женщина, мать маленького ребенка, едва ли не воплощение Mater magna[74], в отличие от «никак не претендующих на это» декаденток, «не способных родить даже таракана»[75]. Впоследствии Ремизов включит воображаемый диалог с Василием Васильевичем в книгу о юности жены «В розовом блеске»,

---

[72] РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 203 об. Тема подозрений в сотрудничестве с полицией оставалась для писателя тяжелой травмой до последних дней жизни. Даже в романе, посвященном жене, эта ситуация проявляется лишь намеком. Между тем история, которая имела место в вологодской ссылке (Письма к Щеголеву (1). С. 171—172), нашла отражение и в воспоминаниях современников. См., например: *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 125.

[73] Ср. высказывание Розанова: «Нельзя не обратить внимания, что все связанные „кольцом Мережковского" суть люди бездетные и, кажется, в сущности безженные» (Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. С. 635).

[74] Вечная мать (лат.).

[75] Уединенное. С. 186.

где подчеркнет особо доверительные отношения, завязавшиеся между философом и Серафимой Павловной: «Помните, как в первый раз заглянув ей в глаза, вы, обратясь ко мне, сказали: „Серафима благородная, а мы с тобой...”»[76]

Следующая запись фиксирует казус, вписывающийся в сферу розановского интереса к половым девиациям:

«„Она” рассказала мне — в компании — поразительный случай cum ⟨1 сл. нрзб.⟩: интеллигент, при уехавшей жене, жил mit Hund[77]: „и ежедневно мы слышали, как наверху она визжит — от боли”. У него было ⟨зчркн. 1 сл.⟩ сделались отвратительныя глаза, приобретя собачье в выражении. Так он жил около года с нею, пока жена написала: „Еду”. Он отвел собаку в лес и застрелил»[78].

В составе розановского фонда в РГАЛИ сохранился также рисунок Ремизова 1906 года. Вместе с двумя письмами 1917 и 1918 годов он составляет отдельную архивную единицу, формирование которой, в отличие от писем из конволюта, очевидно, осуществилось уже после смерти Розанова[79]. Этот графический экзерсис, размещенный Розановым в конце книги «Когда на-

---

[76] В розовом блеске. С. 285.
[77] с собакой (нем.).
[78] РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 204.
[79] РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 3.

чальство ушло... 1905—1906 гг.» (СПб., 1910), возник на обложке переписанного Ремизовым «Жития Моисея Угрина» из случайной чернильной кляксы. Вверху листа справа рукой Розанова написано: «Рисунок Алексея М⟨ихайловича⟩ Ремизова на обложке „О Моисее Угрине"». История происхождения этого образца ремизовской графики, изображающего полет ведьмы на метле, а также рассказ о его печатном воспроизведении нашли свое законное место в «Кукхе». Здесь же приводится и письмо философа, с подробным описанием структуры будущего издания и намерением поместить «божественный рисунок» на его последней странице.

* * *

Известно, что Ремизов ценил и сохранял любые, даже самые незначительные детали бытия его близких знакомых, в том числе и все, что имело отношение к Розанову. «Ремизов, — вспоминал М. В. Добужинский, — собирал и берег ⟨...⟩ всякие пустячки, которые ему что-нибудь напоминали: пуговицу, которую потерял у него Василий Васильевич ⟨Розанов⟩, коночный билет, по которому он ехал к Константину Андреевичу ⟨Сомову⟩ и т. д.»[80]. К особому разряду

[80] *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987. С. 277.

ценностей ремизовской коллекции относились рисунки, которые после его эмиграции были утрачены. Впоследствии писатель неоднократно воспроизводил их по памяти. В частности, копия описанного в «Кукхе» рисунка Розанова «Точное изображение барышни» была вклеена Ремизовым в экземпляр книги, принадлежавший С. П. Ремизовой-Довгелло[81]. Другая копия «Точного изображения барышни» была сделана Ремизовым в 1928 году для Н. В. Зарецкого — почитателя творчества философа, жившего тогда в Праге. Отправляя почтой этот графический «шедевр», Ремизов в сопроводительном письме восстановил и «фаллический» рисунок 1908 года: «Прилагаю точнейшую копию с рисунка В. В. Розанова, см. Кукха, стр. 59—60. Сохранял в разговорах нарисованные египетские хоботы, но они в России и думаю, пропали: кто-то *свистнул*. Я наводил точнейшие справки: не знают. Ну, что делать...»[82]

В одном из писем Зарецкий просил писателя подробнее рассказать историю происхождения рисунка «Полет ведьмы в ступе и черт». В ответном письме последовал обстоятельный рассказ: «Хорошо, что нет моей подписи под рисунком, приложенным к книге В. В. Розанова „Ког-

---

[81] ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 113.

[82] *Морковин В.* Приспешники царя Асыки // Československá rusistika. XIV. 1969. 4. S. 180.

да начальство ушло". Мой рисунок исправил художник и какая получилась ерунда. В 1906 г. я занимался своим „Бесовским действом". Читал Киевский Патерик. Однажды Вас. Вас. зашел днем (а жили мы на Песках, на 5 Рождествен⟨ской⟩) и застал меня на этом чтении. Из всего „Патерика" больше всего его заняло „Житие Моисея Угрина", которому „это место" отрезали, отчего он и умер. А отрезали, потому что имел отвращение к женщинам и не захотел стать возлюбленным киевской княгини. Я обещал В. В. переписать для него житие. Через неделю житие было переписано, но случилось несчастье: толкнул чернила и разлилось на белую чистую обложку. Но и вдруг я увидал в разбрызганных пятнах целую картину и стал обрисовывать. И получилось: летит ведьма — именно ЛЕТИТ, а за ней и над ней и впереди НЕЧИСТЬ. 3. 12. 1906 в канун Варварина дня я передал В. В. у Мережковских мою рукопись с картинкой. В. В. был в восторге и обещал непременно напечатать. Картинка и появилась, но от моего рисунка осталось очень мало. Когда в 14 лет я надел очки и увидел совершенно другой мир, я понял, что нет никаких постоянных форм, как нет и одного сплошного цвета. А то, что принято называть „натурой" и что будто бы воспроизводят художники, есть не что иное, как шаблоны, выработанные каким-то средним глазом. Все это я вспомнил, когда взглянул на мой исправленный

рисунок: у меня была ведьма: живот толкачиком, от полета она вся напряжена и нога слилась с другой, на картинке же живот круглый, как полагается, и две ноги. Потом я заметил, что независимо от диоптрий движущееся изменяет форму и в шаблон не вкладывается. Моя летящая нечисть и была именно ЛЕТЯЩЕЙ. Но В. В. в этом не разбирался: исправленное ему показалось и чище и „художественно". Вот, Николай Васильевич, история с картинкой»[83].

В переписке с Зарецким Ремизов немало дополнил свои воспоминания о Розанове, а также поделился со своим корреспондентом впечатлениями о книге «Годы близости с Достоевским» (1928), принадлежащей перу возлюбленной Ф. М. Достоевского и первой жены Розанова — Аполлинарии Сусловой: «Суслову прочитал. И почувствовал ее падение: суть женское падение, когда женщине кажется, что все мужчины говорят с ней неспроста, а толкуя, на себя обращая. ⟨...⟩ Как я вам писал, у Р⟨озанова⟩ в доме не принято было говорить о Сусловой. Ведь это горе для В⟨арвары⟩ Д⟨митриевны⟩. С⟨услова⟩ не давала развода. Про В. В. говорили, что он женился для „опыта" на любовнице Достоевского. Конечно с В. В. можно было поговорить на эту тему с глазу, да все как-то не выходило. Раз только он сам обмолвился: это в коридоре около

[83] Прага. Письмо от 20 января 1932 г.

сортира; кто-то из гостей, выйдя, снял очки и стал мыть руки. „Бывало так снимешь очки, а она тебе по мокрой морде. В глазах темно станет". Из этих слов я тогда подумал: если это был „опыт", то „опыт" крестный, и едва ли Р⟨озанов⟩ мог бы повторять за Достоев⟨ским⟩ „друг вечный"»[84].

Вспоминая о Розанове, писатель высказал в одном из писем к Зарецкому предположение, будто бы критик А. А. Измайлов, который имел у себя дома аппарат для записи пластинок с голоса, убедил в 1916 году Розанова «наговорить пластинку»: «Где эти пластинки? Но все равно, если все погибли, интонацию Розанова сохранил Достоевский. Есть одно место в „Братьях Карамазовых". Живая речь Розанова. Когда сердился. Часть II, книга IV. Надрывы. II. У отца. Слова Федор⟨а⟩ Павлов⟨ича⟩ Карамазова: „Денег он не просит, правда, а все же от меня ни шиша не получит и т. д.", кончая „вот на чем только и выезжает" Изд. И. П. Ладыжникова, Берлин. 1919 г. (С одной поправкой. Розанов трезвенник, никогда *не пил*)»[85].

---

[84] Там же. Письмо от 7 августа 1928 г.

[85] Там же. Письмо от 1 февраля 1932 г. О разного рода проекциях образа Федора Павловича Карамазова на личность и мировоззрение Розанова см. также статью А. В. Данилевского «В. Розанов как литературный тип» (Toronto Slavic Quarterly. 2006. No. 15 // http://www.utoronto.ca/tsq/15/danilevsky15.shtml).

В очередном эпистолярном рассказе Ремизов описал свою случайную встречу в Париже с сыном редактора газеты «Биржевые ведомости» М. М. Гаккебуша-Горелова. Поводом для короткой беседы послужила «Кукха», некоторые сюжеты которой воскресили в памяти Горелова-младшего детские впечатления от одной из встреч с Розановым: «У его отца, — пересказывал Ремизов Зарецкому, — бывали обеды (18 блюд). Бывал в гостях Розанов. Ему запомнился один, когда ему 12 лет — обед, закончившийся скандалом. У них был в гостях учитель Левашов с молодой женой. Три дня, как повенчались. В. В. оказался их соседом и стал расспрашивать, как они это делали, спрашивал больше ее, чем его, и наставлял ее, как надо, а потом, обратившись к мужу, сказал: „Такие, как вы, не умеют делать!" Левашов не знал, кто такое (так! — *Е. О.*) Розанов, и не понимал его тона — все ведь сказанное Розановым с величайшим вниманием было проникнуто доброжелательством и уважением к теме — Левашов вспылил, обозвал Розанова негодяем. Только хозяин успокоил, а то был бы и мордобой»[86].

Благодаря инициативной деятельности Н. Зарецкого в конце 1932 года в Праге был организован кружок, посвященный Розанову, о чем ху-

---

[86] Прага. Письмо от 10 ноября 1932 г.

дожник сообщал в письме к Ремизову: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, на организационном собрании кружка „Опавшие листья" имени В. В. Розанова, состоявшемся 12 декабря текущего года, присутствовавшие постановили избрать Вас почетным Председателем кружка, о чем почитаем для себя приятным долгом Вам сообщить»[87]. В следующем письме от 23 декабря 1932 года художник докладывал: «Наш союз „Опавшие листья" начался скромно, т. к. из числа приглашенных (профессора) никто не явился. И только Н. О. Лосский и Н. И. Астров письменно сообщили *с огорчением*, что не могут присутствовать на собрании. Но мы этим мало огорчились (т. е. отсутствием приглашенных), распределили между собой работу по библиографии Василия Васильевича...»[88] В конце 1933 года в Праге открылась организованная Зарецким выставка «Рисунки писателей», на которой, в частности, был представлен портрет Розанова работы Ремизова (первоначально он экспонировался в 1932 году на одноименной выставке в Париже)[89]. Еще одно изображение Розанова содержится в тетради с рисунками под названием «Именной графический полупряник

---

[87] АК.

[88] Там же.

[89] См. наст. изд. (вклейка), а также: Обатнина : 2001. С. 152.

Тырло. 550 снов». Фрагмент рисунка, на котором воспроизведено сновидение в ночь с 22 на 23 декабря 1933 года, изображает лежащего на кровати Розанова. Здесь же, в пояснительной записи, Ремизов описывает содержание сна: «Раскрылась стена и мне видно: сад — и кто-то говорит „скончался В. В. Розанов"»[90].

* * *

История духовного общения писателя с В. В. Розановым начиналась с чтения книг философа. В автобиографии 1912 года, написанной для издания «Русская литература XX века» (М.: «Мир»), Ремизов с особым чувством вспоминал 1899 год, когда он «узнал *Льва Шестова* и *Василия Васильевича Розанова* и записался в их постоянные любительные читатели»[91]. С. А. Венгеров, по заказу которого создавался этот текст, отреагировал весьма резко: «Вы сообщаете, что записались в „постоянные любительные читатели" Розанова. Неужели и теперь его любите? Ведь это же гадина, форменная гадина, отвратительно-продажная, подло-предательская, фари-

---

[90] ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 2, 7.

[91] Опубл.: *Грачева А. М.* Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица. Биографический альманах. 3. М.; СПб., 1993. С. 440. В 1899 г. вышли три книги Розанова: «Сумерки просвещения», «Религия и культура» и «Литературные очерки».

сейски-лицемерная. Всегда он такой был, но прежде, в моменты подсознательного творчества, писал почти-гениально. А теперь ничего кроме вонючих испражнений из него не исходит. И рядом с Розановым Вы ставите благородного искателя истины Льва Шестова! Гореть Вам за это на том свете в огне неугасимом»[92]. К этому моменту Ремизов уже давно состоял в дружеских отношениях с Розановым, которыми дорожил до конца своих дней.

Первое упоминание фамилии философа в произведениях Ремизова встречается в рассказе «Азбука» (1917) при описании старинного Букваря с «ни на что не похожими надписями», которые, по словам рассказчика, ни он, «ни Василий Васильевич Розанов, которому как-то попался на глаза этот Букварь ⟨...⟩, как ни ломали голову, а разгадать не могли. Да так и оставили — есть что-то в несообразности завлекательное и, пожалуй, самое изумительное в том, что называется „ни к чему!"...»[93] Прежде чем обратиться к прямому автобиографическому повествованию, Ремизов несколько раз прибегал к воспроизведению особенностей характера своего друга в форме литературного образа. Уже в рассказе «Пупочек» (1913) присутствует добрая и

[92] Там же. С. 445.

[93] *Ремизов А.* Россия в письменах / Предисл. О. Раевской-Хьюз. Т. 1. New York, 1982. С. 212.

вместе с тем ироничная интерпретация личности философа. Рисуемый образ построен на зеркальном сходстве маленького героя рассказа — мальчика Юры и некого учителя Василия Васильевича, одно лишь упоминание имени и профессии которого указывает на реального Розанова, посвятившего несколько лет жизни преподавательской деятельности. Описание учителя через внешность и характер ребенка усиливает узнавание прототипа: «юркий, быстрый, носик торчит, а главное, говорил скоро очень»; «был 〈...〉 уверен, что они очень богатые и в подтверждение, должно быть, этой уверенности показывал мне как-то копейки новенькие — богатство свое»[94].

Помимо указания на увлеченность нумизматикой, особую двусмысленность характеристике придает намек на «торчащий носик». Соотнесенность образа ребенка и личности философа настолько намеренна, что далее по ходу рассказа мальчик так и нарекается — «Василием Васильевичем». Безобидная шутка взрослого: «Знаешь, Василий Васильевич, я у тебя твой пупочек съем!» — непроизвольно связывает детское восприятие омфалоса (подсознательно ассоциирующегося с центром личного бытия и тела) с онтологическими представлениями взрослого человека о фаллосе. Пафос переживаний ребенка передается от лица рассказчика: «Ах, ты Госпо-

[94] Оказион. С. 325.

ди, западет же такое в душу и уж все мыслишки, какие есть, все мысли у него к одному, к этому стянулись, а это одно, это все — пупочек, и важное такое, все, главное самое, лишиться, чего просто он и представить себе не мог, представить не может, чтобы такое было, если бы вдруг да лишился: вот я взял бы да и съел его!»[95] Маленький «Василий Васильевич», наделенный вполне узнаваемыми чертами своего взрослого двойника, выражает punctum puncti розановского мировоззрения, которое передано через призму детских представлений об интимной сакральности. Образ мальчика Юры остался единственным, непосредственно сориентированным на личность Розанова. Вместе с тем многие герои ремизовских произведений часто представляли собой синкретическое соединение характерных черт и внешнего облика сразу нескольких его реальных друзей и знакомых. Явный эротизм мировосприятия некоторых персонажей дает основания отождествлять их с Розановым и его «пансексуализмом». Таков, к примеру, Стратилатов из повести «Неуемный бубен» (1910)[96].

---

[95] Там же. С. 326.

[96] См.: *Данилевский А. А.* Mutato nomine de te fabula narratur // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сб. VII. Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1986. Вып. 735. С. 137—149; *Данилевский А. А.* Герой А. М. Ремизова и его прототип // Актуальные проблемы теории и истории русской литературы.

Переходом от художественного воплощения образа Розанова к документальному стала повесть «Канава» (1914—1924), в которой Ремизов впервые рассказал историю рисования фаллосов — реальный эпизод из 1908 года, изображенный и в «Кукхе». В «Канаве» действующими лицами выступают Баланцев, в чертах которого угадывается сам автор повести, и Будылин, прототипом которого является Розанов. Объект рисования изящно обозначен фигурой умолчания, так что суть происходящего проясняется только посредством авторских намеков. «Как же им провести вечер? 〈...〉 — Я придумал, давайте рисовать, — ошарашил Антон Петрович 〈Будылин〉. 〈...〉 И, подмигнув выразительно, что рисовать, уселся за работу. 〈...〉 у Будылина, как ему самому показалось, начинало выходить похоже, и, любуясь произведением своим, он впал в умиление. 〈...〉 Баланцев тоже увлекся. Правда, выходило у него уж очень фантастическое и совсем ни на что не похожее»[97].

Кульминация рассказа приходится на момент раскрытия внутреннего смысла рисунка, проявляющегося через его фонемическое имя, когда Баланцев, «для вразумления» вздумал сделать подпись под своим рисунком. «И пропал. Буды-

---

Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1987. Вып. 748. С. 150—165.

[97] Плачужная канава. С. 358.

лин, подсмотрев, пришел в неистовство. „Не понимаете, что делаете, — горячился Антон Петрович, — так по-свински заляпать! — Да я же ничего не ляпал, я только подписал, — оправдывался Баланцев, громко произнося при этом имя единственной вещи и искренне не понимая, в чем его обвиняют. — Ну разве так можно! — Антон Петрович передразнил грубо грубым единственный предмет, бесчисленно изображенный обоими на бумаге. — Нет, надо произносить это так — — И голос Будылина сделался нежен, ну, прямо лисий, не поверишь». Попытка Баланцева адекватно, с должным пафосом повторить за Будылиным «имя единственной вещи» только еще более обострила полемику: «...вышло совсем скверно, как-то насмешливо скверно». В ответ Будылин разразился обвинительной речью: « — Все оплевано, омелено и сапожищем растерто, — горячился Антон Петрович, 〈...〉 — а по сапогу изматернино! Обойдите весь свет и нигде не найдете такой подлости, укорененной в самых недрах народной жизни и освященной стариной и преданием»[98]. Развернувшиийся конфликт обнаруживает два различных культурных кода: сакральный, яростно охраняемый Будылиным, и профанный, доступный Баланцеву, что коррелирует со словами Розанова из письма к Ремизову (1910): «Нельзя открывать, называть гром-

[98] Там же. С. 359.

ко то, что должно быть в тайне и молчании»[99], а также с позднейшими размышлениями Ремизова: «Великая тайна сказать слово, и чем тайнее слово, тем оно проще, и самые простые и самые тайные из слов — самоочевидности...»[100]

Презентация в «Кукхе» сюжета с рисованием фаллосов нацелена на описание не только забавного, но философски значимого фрагмента прошлой жизни. Рассказ несет в себе художественную задачу: показать различие двух противоположных отношений к Эросу. Автор рассказа умеет рисовать лишь отвлеченные цветы («только лепесток могу»), а для Розанова именно лепесток (фрагмент цветка, цветок в потенции) таит в себе метафизику Бытия, уходящую корнями в религию Древнего Египта, которую философ именовал религией «распускающегося бутона». Неудивительно, что Розанов подхватывает идею: «Так ты лепесток и нарисуй — такой самый». Упомянутый как бы невзначай ассоциативный коррелят с розановской темой фаллоса (лепесток) с большой степенью вероятности можно интерпретировать как художественный прием объективации сакральной темы. Шифр становится понятным, если обратиться к розановской

---

[99] Ахру. С. 91.

[100] *Ремизов А. М.* Неизданный «Мерлог» / Публ. и коммент. А. д'Амелиа // Минувшее: Исторический альманах. 3. М., 1991. С. 214.

книге «Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову», которая содержит рассказ о прогулке философа с управляющим по делам печати М. П. Соловьевым. Проходя мимо расцветшего куста смородины в саду, последний сказал: «Вот В. В., — вы и *тут* (в расцветающем цветке) увидите религию фаллоса». Знаменателен розановский комментарий: «Я был поражен. Но уклончиво улыбнулся и ничего не ответил. Это было конечно — *так*. В Египетских храмах, в нижнем пояске их, так и изображалось: цветок *в бутоне*, цветок *с раскрытой чашечкой*, — бутон — цветок, бутон — цветок... Это — *суть* всего; как *крест* есть символ и *суть* христианства»[101].

Между тем далеко не все окружающие адекватно воспринимали повышенный интерес к «потайной» теме. С. И. Дымшиц-Толстая, супруга А. Н. Толстого, вспоминала: «В этот период нашей петербургской жизни мы ⟨...⟩ бывали у А. М. Ремизова. ⟨...⟩ К Ремизовым А. Н. проявлял интерес наблюдателя, идти к ним называлось „идти к насекомым". Действительно, и сам хозяин — маленький, бороденка клинышком, косенькие, вороватые взгляды из-под очков, дребезжащий смех, слюнявая улыбочка, — и его любимый гость — реакционный „философ" и публицист В. В. Розанов — подергивающиеся плечи, нервное потирание рук, назойливые разго-

101 Признаки времени. С. 314.

воры на сексуальные темы, — все это в самом деле оставляло такое впечатление, точно мы вдруг оказались среди насекомых, а не в человеческой среде. Завернувшись в клетчатый плед, придумывая неожиданные словесные каламбуры, Ремизов любил рассказы из Четьи-Минеи, пересыпая их порнографическими отступлениями. В местах наиболее рискованных он просил дам удалиться в соседнюю комнату»[102]. Одну из таких встреч запечатлел в своих записях и Розанов: «Когда я читаю о „богочеловеческом процессе" (Вл. Сол.), то мне ужасно хочется играть в преферанс. И когда я читаю о „философии конца" (Н. А. Бердяев о кн. Е. Труб.), то вспоминаю маленькую „Ли", у нас на диване, — когда мы потушили электр. и я, 2 Ремизовых и она, залившись тихим ее смешком, решили рассказывать анекдоты о „монахах"! Тут-то под. Ремизов и рассказал о „мухах"»[103]. Данный рассказ непосредственно связан с историей возникновения литературного произведения под названием «Что есть Табак. Гоносиева повесть», которое Ремизов написал в 1906 году на основе апокрифических легенд о происхождении табачного зелья из «удищ» Дьявола.

В «Кукхе» зафиксированы кардинальные изменения во взглядах писателя на личность Розанова и его философию пола. Берлинское «на-

[102] Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1973. С. 79.
[103] Сахарна. С. 179.

стоящее» сближается здесь с петербургским «прошлым» благодаря встречному движению ментальных обращений к Розанову из Берлина и сюжетов из жизни в России, подкрепленных подлинными письмами философа. В то время как петербургские истории провокационно непристойны, берлинский хронотоп характеризуется проникновенной лирической интонацией. Ремизовский голос, доносящийся из эмигрантского далека, напрочь лишен той первоначальной иронии, того профанного озорства, которое вызывало когда-то искреннее возмущение философа и о котором свидетельствует одно из его писем, приведенное в «Кукхе»: «...возлюбленный мой „охальник" (хотел написать „похабник" — да испугался)». Чего стоит один только эпизод демонстрации исключительно для избранных восковой копии фаллоса графа Г. А. Потемкина-Таврического в доме хранителя Эрмитажа А. И. Сомова (отца художника К. А. Сомова, иллюстратора сказки «Табак»). В «Кукхе» Ремизов описывает ситуацию энигматически: «...эти „вещи" я уже видел и разжигал любопытство В. В.: — Свернувшись лежат, как змей розовый»[104]. Примечательно, что словоформа «вещи» (впоследствии один из основополагающих

[104] Подробное описание эпизода см. также в опубликованных посмертно книгах «О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак» (1983). См. также: Петербургский буерак. С. 224—226.

концептов ремизовской философии Эроса) перекликается с высказываниями Розанова, для которого «фаллический культ» есть «целокупное народное обожание, целокупное народное влечение „к этим... маленьким вещам"...»[105]

В ходе повествования из забавного и семейного Розанова возникает Розанов-мифологема — персонификация той жизненной силы, по имени которой книга получила свое необычное название. Слово «кукха», принадлежащее к мифологическому языку Обезвелволпала, наряду с двумя другими «обезьяньими» словами «ахру» (огонь) и «гошка» (еда), означает «влагу». Этому «священному семени»[106] Розанов посвятил самые поэтические и восторженные страницы своей философии. Поиск этимологических корней слова «кукха» дает определенный простор для интерпретаций[107]. Ремизов воспевает «кукху», не только «проникающую мир», но и «самопознающую». Исходные смыслы образуют определенное семантическое поле: влага—семя—самосознание. Последняя характеристика

---

105 Листва. С. 265.

106 Ср.: «Плодите священное семя, а то весь народ задичал» (Там же. С. 357).

107 В его образовании могли быть использованы индоевропейские корни: kuk — женский половой орган, и gheu — влага. Подробнее см.: *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.

коррелирует с египетской космогонической философией, которая называет предшествующее всему сущему божество именем «кху» (khou), первоначальное значение которого — блестящий, а основное — разум. Божественный разум «свободно проходит через мир и воздействует на вещества, приводя их в порядок и оплодотворяя по своему усмотрению»[108].

В конечном счете именно «кукха» становится олицетворением феномена Розанова. В главе «Опал» писатель создает настоящий гимн в честь своего друга. Подобно творениям поэтов древней Александрии, сочинявших «фигурные» стихи, он исполнен в форме пирамиды с вершиной, обращенной вниз (аналогично завершался и каждый из ремизовских «Заветных сказов»). Так, графически (через совмещение символических изображений фаллоса и пирамиды) подчеркнута связь философии Розанова с темой древних египетских культов. Вся эта «песнь песней» представляет собой панегирик «кукхе», обнимающей все живое — от насекомых и парнокопытных до человека. Интерпретация «кукхи» приближается здесь к гегелевскому пониманию лежащего в основе Бытия деятельного начала, которое выступает в трех ипостасях: разума, духа и абсо-

[108] Перевод из «Древней истории народов Востока» Г. Масперо (*Maspero G.* Histoire ancienne des peuples de l'Orient. Paris, 1875) цит. по: *Таннери П.* Первые шаги древнегреческой науки. СПб., 1902. С. 179.

лютного знания. Мириады лет проходила «кукха» необходимые стадии познания на путях совершенствования, чтобы наконец вернуться к себе в виде «самочеловека» (термин Плотина) — В. В. Розанова[109].

По воспоминаниям современников, фаллическая символика Древнего Египта воспринималась Розановым как сакральный текст, повествующий о нравственном законе, положенном в основание всего Сущего: «Его — розановская — египтология была, действительно, своеобразна, — это была какая-то фаллическая лирика (изображение фаллоса повергало его в экстаз)...»[110] Ремизов, как и Голлербах, сохранивший эти впечатления в своих воспоминаниях, нередко был свидетелем подобных философских размышлений своего друга. Почетное звание Розанова «великий фаллофор» в прибавлении к титулу старейшего князя

---

[109] У Розанова имеется собственная рефлексия (в неопубликованных записях для книги «Мимолетное» в 1915 г.), близкая по теме, изображенной в «Кукхе». Ср.: «Эврика!.. Я не люблю скупого порядка. Эврика. Эврика — я не люблю скупости, воздержанности, сухой земли. Во-о-о: я люблю — влажное. Болотце люблю. Росу утреннюю и вечернюю. Слезы люблю. „Сухого гнева" ненавижу. Значит, моя „стихия" (греки) из воды... — Бог вначале создал воду (Фалес). Во-о-о... — Бог вначале создал Розанова. „Из Розанова пошло все. Отсюда я родной „всему". Ей-ей» (Мимолетное. С. 50).

[110] *Голлербах Э.* В. В. Розанов. Жизнь и творчество // Голлербах Э. Встречи и впечатления. СПб., 1998. С. 87.

Обезвелволпала указывало на совершенно особенное место философа в мифологическом и символическом пространстве придуманной Ремизовым игры для взрослых[111]. Возможно, именно розановский фаллический пафос (в том числе и изображения на некоторых древних монетах в нумизматической коллекции философа) оказал непосредственное влияние на эстетику шуточных документов Обезьяньей Палаты, особенно в первые годы ее делопроизводства (1915—1919). Известно, как восхищался Розанов монетой с изображением «Паллады Афины в окружении фаллов»[112]. Буквально такой же композиционный прием встречается в ранних наградных документах членов Обезвелволпала — на обезьяньих знаках П. Е. Щеголева (1916), И. В. Жилкина (1917)[113], а также на грамоте ученика Розанова в Елецкой гимназии — М. М. Пришвина (1917),

[111] О том, что Розанов участвовал в составлении обезьяньих документов свидетельствует грамота П. Е. Щеголева, датированная 26 января 1917 г., где среди подписавшихся князей и кавалеров Палаты имеется и подлинная подпись В. В. Розанова (ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 9; в составе альбома В. А. Щеголевой). Опубл.: Обатнина : 2001. С. 14.

[112] Ср.: «Была у него монета с „Афиной, окруженной фаллосами", предмет частого любования и нескончаемой радости» (*Голлербах Э.* В. В. Розанов. Жизнь и творчество. С. 90).

[113] Опубликовано в кн.: Обатнина : 2001 (Раздел «Коллекция»).

где вполне анатомическое изображение поднимается в трех углах документа, а также многократно нарисовано в поле «обезьяньей печати», увенчанной не менее полисемантичным с точки зрения эротической символики артефактом: укрепленной на серебряной фольге жемчужине[114].

* * *

Над феноменом Розанова писатель продолжал размышлять на протяжении всей своей жизни. Начало было положено еще очерком «Три могилы» (1919), которым Ремизов откликнулся на смерть своего друга: «...помер Василий Васильевич Розанов. Самый живой из старших современников, всеобъемлющий, единственный в русской литературе, и одинокий в нашей бродячей жизни. ⟨...⟩ Напишут сотни книг, воспоминаний, станет Розанов — главой в „Истории русской литературы", я же помяну Василия Васильевича, нашего соседа, сердечность его и отзывчивость...»[115] Спустя восемь лет после «Кукхи» появится текст под названием «Розанов» (1931), который станет фундаментом для оформления собственных мировоззрительных построений Ремизова на темы Эроса. Это, в сущности, гимн «Великому фаллофору» Обезьяньего ордена. Розанов изображается здесь восприемником

114 РГАЛИ. Ф. 1125. Оп. 2. Ед. хр. 1607.
115 Взвихрённая Русь. С. 227.

Гоголя и Достоевского. Ремизовское постижение взглядов философа уподобляется герменевтической интерпретации, когда интенция направлена на создание новых смыслов. Имя собственное — «Розанов», наравне с «Гоголем» и «Достоевским», — предстает здесь самостоятельной мифологемой, а сам очерк являет собой выражение оригинальной концепции Эроса.

Начальный космогонический элемент и основной принцип бытия, воплощенный в мифологемах Гоголя и Достоевского («Вий, Пузырь и Тарантул»), близок розановскому мировосприятию: это пьянящая, «животворящая скользящая сила», дарующая жизнь, вопреки всему и всем, без мертвой морали и цинизма; другими словами, Эрос есть основной жизненный инстинкт. Вместе с тем изменчивая природа Эроса, скрывающаяся под мифологическими именами Вия, Тарантула и героя ремизовской «Трагедии о Иуде принце Искариотском» (1908) — царя Асыки, представлена не только как «все, что можно представить себе чарующего», как «бесконечная сила» (то есть соответствующая, эротико-эстетической утопии Розанова), но и как «глухое, темное и немое существо», «темное, глухое всесильное существо».

Идея амбивалентной природы Первосущности, бесстрастной и беспощадной, порождающей и уничтожающей, инвариантно заявленная в «Розанове» во всех цитатах вокруг Асыки—Аб-

раксаса, окончательно сформулирована в книге Ремизова «Огонь вещей» (1954): «Вий — сама вьющаяся завязь, смоляной исток и испод, живое черное сердце жизни, корень, неистовая прущая сила — вверх которой едва ли носится Дух Божий, слепая, потому что беспощадная, обрекая на гибель из ею же зачатого на земле равно и среди самого косного и самого совершенного не пощадит никого»[116]. Для позднего Ремизова первоначальная сущность имманентно включает в себя жизнь и смерть в их нераздельном единстве; демонстрируя свой витальный, эротический характер, она одновременно указывает на Танатос.

Столь подчеркнутое отождествление любви и смерти, безусловно, обращено против розановского идеализма, апеллирующего исключительно к продолжению рода, к жизни в ее нетленности и беспредельности, ярко выраженной в «Опавших листьях»: «Когда говорят о „демоническом" и „бесовском" начале в мире, то мне это так же, как черные тараканы у нас в ванне (всегда бывает и их люблю): ни страха, ни заботы. „Есть" — и Господь с ними, „нет" — и дела нет. Это не моя сторона, не мое дело, не моя душа, не мой интерес. Посему я думаю, что сродства с „демонизмом" (если он *есть*) у меня вовсе нет. ⟨...⟩ И так как *в то же время* у меня есть бесспорный *фаллизм*, и я люблю „все это" не только в идеях,

116 Ахру. С. 148.

но и в натуре, то отсюда я заключаю, что в фаллизме ничего демонического и бесовского не содержится; и выражения „Темная сила", „Нечистая сила" (по самим эпитетам явно относимые к фаллической области) суть мнение апокрифов, а не Священного Писания»[117].

Во второй части романа «В розовом блеске» — «Сквозь огонь скорбей» — Ремизов вновь возвращается к не раз уже использованному приему прямого обращения к Розанову. На этот раз Ремизов вступает в дискуссию по поводу метафоры «Древо Жизни», которую философ вслед за К. Н. Леонтьевым понимал как особую категорию «и около философии, и около поэзии, и около политики»[118]: «Василий Васильевич! Ваша мечта, новая правда: жизнь, потому что вы прожили свою жизнь в тоске и неудаче. Но кого вы сунете под ваше Древо в беззаботное зеленое человечество? ⟨...⟩ Уж очень под Вашим Древом Жизни благообразно. Лермонтов от скуки просто разложит костер и подожжет — туда и дорога со всеми райскими плодами. Я понимаю, откуда ваша мысль, да и вы и не таите: „истосковался, неудачи!" — вы мечтаете о рае Божьем. Древо Жизни! ⟨...⟩ Человек выбрал другое дерево и свою волю не уступит до смерти»[119].

117 Листва. С. 354.

118 О писательстве и писателях. С. 656. Метафора восходит к «Откровению Святого Иоанна Богослова».

119 В розовом блеске. С. 284.

Одним из поздних и значимых обращений Ремизова к философии Розанова стало эссе «Судьба без судьбы» (1955). В последние годы жизни писателя вновь, как и в революцию, захватывают мысли о человеческом предназначении, о границах человеческой воли по отношению к Божественному мироустроению: «Во имя блага и спасения человечества совершались и совершаются преступления против „человека". И началось это от всемирного потопа до Голгофы и от Голгофы продолжается до наших дней: казнь огнем, водой и воздухом — мимо „человека"»[120]. Полагаясь на три типа сознания, персонифицированные Ф. М. Достоевским, Кондратием Селивановым и В. В. Розановым, Ремизов сформулирует здесь три сугубо русские модели решения извечной экзистенциальной проблемы: убийство страха в себе, по примеру Кириллова; всемирное оскопление, по завету Селиванова, и радостный пансексуализм Розанова[121].

Не случайно, что еще в 1932 году в очерке, посвященном памяти Б. В. Савинкова, писатель именно Розанова назовет антиподом революционера-экстремиста, для которого простые человеческие идеалы любовных отношений и семейного счастья являлись лишь помехами в революцион-

---

[120] *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. Иверень. М., 2000. С. 509.

[121] Там же.

ной борьбе: «На вашем примере разрушается много теорий, объясняющих человеческую жизнь. Розанову просто нечего было бы с вами делать»[122]. «Розановский» путь ассоциировался у писателя с известной сентенцией героя Достоевского: «Революция или чай пить?» Приводя ее в книге «Взвихрённая Русь» (1927), Ремизов ужасается, насколько жестока и несправедлива эта антиномия применительно к Розанову, искреннему поборнику индивидуализма, мечтавшему о всеобщей радости жизни:

«Розанов или тысячи крутящихся палочек?

— Человек или стихия?

— Революция или чай пить?

А! безразлично! — стихии безразлично: вскрутит, попадешь — истопчет, сметет, как не было.

Вскруть жизни — революция — — и благослови ты всю жизнь. Все семена жизни, ты один в этой крути без защиты и тебе крышка. Так Розанова и прикрыли»[123].

* * *

Для понимания позиций писателя и философа в период второй русской революции особое значение приобретают их последние письма. «Бытовое» по своему содержанию эпистолярное посла-

[122] Подстриженными глазами. С. 503.
[123] Взвихрённая Русь. С. 75.

ние Ремизова от 18 апреля 1917 года — единственное, написанное в год революции[124]. Ответ Розанова приведен в «Кукхе» в главе «Последнее». Однако ни непосредственное общение двух корреспондентов этого периода, ни их политические настроения практически не нашли своего отражения в книге. Между тем известно, что Ремизов, в отличие от большинства своих литературных современников, начиная с самого Февраля 1917 года, крайне мрачно смотрел на происходящее. Практически каждая строка его дневника этого времени скорбно фиксирует стремительный процесс гибели России, распада норм бытия. Показательно, что и Розанов быстро утратил свой оптимизм, уловив в гнетущей революционной атмосфере запах крови и террора[125]. Характеризуя политическое положение страны в мае 1917 года, Ремизов записал, ссылаясь на мнение друга: «...Розанов говорит: Россия в руках псевдонимов и солдаты и народ темный»[126]. Последний раз они повидались в Петрограде 27 мая 1917 года: в июне Ремизовы уехали из города на Украину повидать дочь, а Розановы в августе перебрались на постоянное место жи-

---

[124] См. наст. изд. С. 193—194.

[125] Подробнее о трансформации позиции Розанова в период с февраля по октябрь 1917 г. см.: *Фатеев В.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. СПб.; Кострома, 2002. С. 584—588.

[126] Взвихрённая Русь. С. 436.

тельства под Москву, в Сергиев Посад. Наполненная тревогой встреча кратко описана в «Кукхе» (глава «Последнее») и несколько подробнее — в романе «Взвихрённая Русь»[127]. В памяти писателя осталась убежденная мысль Розанова, прозвучавшая подобно смертному приговору: «Мы теперь с тобой не нужны»[128].

Как бы обреченно ни звучали эти слова, индивидуальным ответом писателя и философа на последовавшие вскоре тяжелые духовные и физические испытания стал необычайный творческий подъем. С осени 1917 по весну 1918-го Ремизов создает корпус произведений, в которых в полной мере отражается его новое трагическое мироощущение. 10 октября 1917 года была закончена поэма «Огневица», написанная под глубоким впечатлением от тяжелой болезни, всколыхнувшей в бредовых снах все переживания, связанные с революцией. Практически одновременно появилось и знаменитое «Слово о погибели земли русской». В начале января 1918 года написан памфлет «Вонючая торжествующая обезьяна...», так и оставшийся тогда не опубликованным; в феврале — «Слово к матери-земли», «Плач» и «О судьбе огненной. Предание от Гераклита Эфесского» в начале апреля напечатано «Заповедное слово Русскому народу»; на

[127] Там же. С. 73—75.
[128] Там же. С. 75.

Пасху — поэма «Золотое подорожие. Электрумовые пластинки». По существу, каждое из этих произведений представляет собой обращение писателя Ремизова к России и русскому народу: глубоко личное переживание здесь крепко спаяно с открытой гражданской позицией.

Розанов в течение года опубликовал серию статей, посвященных России, составивших книгу под символическим названием «Черный огонь». С ноября 1917-го он начал издавать в Сергиевом Посаде отдельными выпусками книгу «Апокалипсис нашего времени». Каждый очерк этой последней книги философа был осознанным актом индивидуального своеволия. Экзистенциальные переживания, измерявшиеся не литераторским эгоцентризмом, а трагическим осознанием катастрофического финала огромной эпохи, вобрали в себя весь спектр розановских наблюдений над действительностью революционного времени. Несмотря на то что непосредственное общение двух товарищей навсегда прекратилось в конце мая 1917 года, сопоставление некоторых мотивов в произведениях Ремизова и последних книгах Розанова красноречиво свидетельствует о совпадении многих эмоциональных оценок и философских констатаций.

В пасхальной статье «Светлый праздник русской земли», напечатанной 2 апреля 1917 года в газете «Новое время», Розанов пророчествует о наступающих временах: «Религиозные люди

имеют все причины вспомнить об Апокалипсисе: потому что события вполне апокалиптические, будем ли мы думать о войне, обратимся ли мыслью к нашему внутреннему потрясению и перевороту. ⟨...⟩ „Было" и „нет его". Так будущий Апокалипсис нашей истории расскажет о происшедших событиях нашего времени, о царстве „бывшем" и „не ставшем" в один месяц. „Дивились народы совершившемуся" — как не повторить этих слов Апокалипсиса о перевороте. ⟨...⟩ „И свилось небо, как свиток, и попадали звезды", — всё это слова Апокалипсиса! Всё — до чего применимо к нашим дням»[129]. В «Слове о погибели земли русской» Ремизов предрекает неминуемую гибель России, также прибегая к образам из Откровения святого Иоанна: «Тьма вверху и внизу. / И свилось небо, как свиток. / И нету Бога. / Скрылся Он в свитке со звездами и с солнцем и с луною»[130].

В статье «Как мы умираем?», опубликованной в первом выпуске «Апокалипсиса нашего времени» (ноябрь—декабрь 1917 года), Розанов пытается установить причинно-следственные связи, объясняющие крушение основ бытия,

[129] Мимолетное. С. 340—341. Автор включил статью в макет книги «Черный огонь», которая при его жизни не увидела свет.

[130] Воля народа. 1917. 28 ноября. Литературное приложение «Россия в слове». С. 2. Цит. по: Взвихрённая Русь. С. 408.

останавливаясь на таком типичном явлении русской жизни, как «лишний», «ненужный» человек, описанный литературной классикой. Родовой нигилизм русской натуры является, по мысли Розанова, свойством всего народа — «ненужного» народа, который, в конечном счете, обречен, поскольку в своем отрицании обесценил не только весь многострадальный путь русской истории, но и отрекся от Бога: «Мы умираем от единственной и основательной причины: *неуважения себя*. Мы, собственно, самоубиваемся. ⟨...⟩ Земля есть Каинова, и земля есть Авелева. И твоя, русский, земля есть Каинова. Ты проклял свою землю, и земля прокляла тебя»[131].

Как и Розанов, Ремизов вспоминает в «Слове о погибели земли русской» о худшем из худших. Его Каин восходит не только к библейскому персонажу, но и к вполне реальному разбойнику XVIII века Ивану Осипову, прозванному в народе Ванькой Каином: «Был на Руси Каин, креста на нем не было, своих предавал, а и он в проклятом грехе любил свою мать — Россию...»[132] Проходит менее полугода, и этот образ получает уже расширительное, библейское толкование. Обвинение русского народа в каиновом

[131] Цит. по: Мимолетное. С. 416—417. Не исключено, что Ремизов познакомился с текстом первых выпусков «Апокалипсиса» значительно ранее, чем получил личный экземпляр, присланный Розановым из Сергиева Посада.

[132] Взвихрённая Русь. С. 405.

преступлении против братьев своих (то есть против самого себя), против православной веры звучит в «Заповедном слове Русскому народу», появившемся в печати 12 апреля 1918 года[133]: «Горе тебе, русский народ! ⟨...⟩ ты, как Каин, ищешь места себе на земле, где бы голову приклонить, а каждый куст тебе шепчет: — Беги, проклятый, дальше беги! И убитые тобой встают вслед вереницей: — Каин, где брат твой?»[134] Тождество мифологем, окрашенных вселенским пессимизмом, лишний раз подтверждает, насколько конгениально мыслили в этот момент писатель и философ.

Последнее письмо Ремизова к Розанову от 15 мая 1918 года свидетельствует о попытке писателя возобновить прерванное в середине 1917 года общение. Здесь он вспоминает о произведениях, созданных за прошедшее время, о смертельной болезни, пережитой осенью 1917 года, когда в сознании, затемненном кошмарными видениями, неожиданно возник образ Розанова. Порыв сердца запечатлелся в поэме «Огневица», написанной сразу после выздоровления. В этом тексте латентно присутствуют и розановские обертоны мыслей. Особого внимания заслужива-

---

[133] Воля народа. 1918. № 1. 12 апреля. Литературное приложение «Россия в слове». С. 17—20.

[134] Цит. по: Взвихрённая Русь. С. 413. Об образе братоубийцы Каина в произведениях Ремизова 1917—1918 гг. см. также: Обатнина : 2008. С. 67—68.

ет описанное в поэме видение полета сквозь «мать сыру-землю». Фольклорный по своей семантике образ основывается на представлении о земле как женском плодородном начале. Однако само описание у Ремизова локализовано на физическом переживании перехода в инобытие (рождение-смерть) через прохождение в недра земли порождающей и погребающей: «Пробил я черепом дно моего досчастого гроба, полетел сквозь землю ⟨...⟩ Мать сыра-земля! Вниз головой лечу в земле через земляную кору — кости и черепа, куски тела, персть и прах — чую состав земляной, сырь, чую запах земли. Мать сыра-земля! Прорезаю земляную кору, недра матери земли — песок и камень...»[135]

Не случайно в «Огневице» фрагмент с полетом предшествует эпизоду, в котором упоминается имя философа. В вещной конкретике поэмы отражается имплицитная связь с мыслями Розанова о мифологическом значении образа «мать сыра-земля», выражение которых находим в неопубликованных при его жизни «мимолетных» записях 1915 года, но, очевидно, не раз проговариваемых в беседах: «Эта земля, по которой мы *ходим*, вторая земля. Есть таинственная первая, к которой мы стремимся. Эта — то сыра, то́ суха, родит и не родит. Та вечно рождает и всегда

---

[135] Цит. по: Дело народа. 1917. 24 декабря. № 241. С. 3.

сыра. И не по планете, а по той первой, рекут: **МАТЬ-СЫРА ЗЕМЛЯ**. Предвечная сырость... Вечный запах водорослей, нитей, болота, кочек и бактерий»[136].

Рефлексии в отношении розановских мыслей дают о себе знать в поэме еще в одном случае. Развитие болезни передается через нагнетание снов, сквозь которые доносятся реальные звуки окружающей жизни. Повторяющийся напев колыбельной за стеной соседней квартиры превращается в «зовущий» голос, благословляющий на путь в загробный мир: «И чей-то голос зовет: Дам тебе я на дорогу...» Включая строки из «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова в реальную среду бытования (стихотворение ассимилировалось в фольклорной традиции), Ремизов придает им мистический смысл. Примерно за два десятилетия до этого лермонтовский стих стал лейтмотивным и для изысканий Розанова в области египетской религии. В своем раннем очерке 1899 года философ истолковывал строки из «Казачьей колыбельной песни» как откровение о «вечно рождающем» божественном Отцовстве[137].

Очевидно, что оригинальная интерпретация античных представлений о нисхождении и вос-

[136] Мимолетное. С. 27.

[137] См.: *Розанов В. В.* Из седой древности // Возрождающийся Египет. С. 52—68. Очерк был напечатан в кни-

хождении души в ремизовской «Огневице»[138] напрямую увязывается с мыслью Розанова об универсальности древнеегипетских культов. Автор поэмы дважды, опять-таки в имплицитной форме, полемизирует с розановским идеализмом, апеллирующим исключительно к продолжению рода, к жизни в ее нетленности и беспредельности. Для Ремизова строка «Дам тебе я на дорогу» включает в себя жизнь и смерть в их нераздельном единстве. Внутренняя дискуссия с философом находит продолжение и в «Кукхе», когда автор адресует свой вопрос в вечность: «А что, Василий Васильевич, теперь вы поняли, что никакой папироски там и не надо?»[139]

В конце мая 1918 года, по просьбе Ремизова, переводчик Александр Александрович Бородин,

---

ге «Религия и культура» (СПб., 1899); а также вошел в состав второго выпуска книги «Из восточных мотивов» (опубл. до марта 1917 г.).

138 Развитие этой темы находим в поэме «Золотое подорожие». Подробнее см.: *Обатнина Е.* Орфические источники поэмы А. М. Ремизова «Золотое подорожие» // Античность и русская культура Серебряного века. XII Лосевские чтения: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2008. С. 140—148.

139 Ср.: «Несите, несите, братцы: что делать — помер. 〈...〉 Покурить бы, да неудобно: официальное положение. 〈...〉 Непременно в земле скомкаю саван и коленко выставлю вперед. Скажут: — „Иди на страшный суд". Я скажу: — „Не пойду". — „Страшно?" — „Ничего не страшно, а просто не хочу идти. Я хочу курить. Дайте адского уголька зажечь папироску"» (Листва. С. 69—70).

в 1910-е годы бывавший в петербургском доме Розановых, посетил Сергиев Посад. 31 мая Ремизов получил от Бородина полный отчет об экспедиции: «Ездил в Лавру. Не без труда нашел на поляне (так! — *Е. О.*)[140] Розановых. В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ не было, как назло уехал в Москву, так что взять Ваш апокалипсис (очень интересно и глубоко, особенно Т. 2) не мог, но дочь обещала напомнить отцу, чтобы выслал[141]. Варвара Дмитриевна выглядит ужасно, краше в гроб кладут. Вообще они все жалки, заброшены, раздавлены событиями. Долгов тьма, продают вещи, даже книги, живут без прислуги, В. Д. сама все делает с дочерьми на кухне, хотя едва на ногах держится. Жаловалась на невыносимую тоску и тяжелую старость. Все время заговаривается, не сразу меня признала. Дочь Таня рассказывала мне, что В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ тоже в таком жалком виде. Он, между прочим, помирился (или хотел помириться, я это понял со слов Гершензона) с Гершензоном, был на даче у М⟨ихаила⟩ О⟨сиповича⟩, и когда М⟨ихаил⟩

[140] Очевидно, подразумевалась Полевая ул. в ближнем пригороде Сергиева Посада — Красюковки, где в доме № 1 проживала семья Розанова.

[141] В архиве Ремизова сохранилась лицевая сторона бандероли с указанием рукой Розанова петроградского адреса Ремизова, а также с пометой: «Пять выпусков „Апокалипсиса"». Согласно почтовому штампу, бандероль была отправлена 1 июня 1918 г. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 24).

О⟨сипович⟩ упомянул про Вас, он спросил: „А что Алексей Мих⟨айлович⟩ все еще читает лекции студентам?" Очевидно, память-то у бедняги очень слаба стала»[142]. Может быть, отчаявшемуся в противостоянии революционной стихии несчастному философу память действительно временами изменяла, однако известно, что в начальных строках одного из предсмертных писем (январь 1919 года) он назвал в ряду своих самых близких друзей «любимого Ремизова и его Серафиму Павловну»[143].

---

[142] ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 35. Письмо датировано 29 мая 1918 г.

[143] *Розанов В. В.* Письма 1917—1919 годов / Вступ. ст. Е. Ивановой; публ. и коммент. Е. Ивановой и Т. Померанской // Литературная учеба. 1990. № 1. С. 85; см. также: Т. В. Розанова. С. 92.

КОММЕНТАРИИ

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗДАНИЯ

Печатается по изд.: Кукха. Розановы письма. Берлин: изд-во З. И. Гржебина, 1923; книга вышла в свет 19 декабря 1923 г.

Первая редакция под названием «Розанова письма»: Окно. Трехмесячник литературы. II. Париж: изд. М. и М. Цетлин, 1923. С. 121—193 (с датировкой «10.2.23. Charlottenburg») была опубликована в начале июля 1923 г.

При жизни автора книга «Кукха. Розановы письма» не переиздавалась. В 1978 г. нью-йоркское издательство «Серебряный век» осуществило репринт с предисловием Б. А. Филиппова.

Первое комментированное издание «Кукхи» было осуществлено нами в составе Собрания сочинений А. М. Ремизова, подготовленного Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук: Т. 7. Ахру. М.: Русская книга, 2002. С. 33—131; комментарий: С. 523—563.

Ремизовский нарратив, его организация, синтаксические конструкции, словоупотребление и другие особенности авторского стиля нуждаются в детальном объяснении. Кроме того, вследствие предшествующей

эдиционной практики, в тексте «Кукхи» накопилось некоторое количество ошибок. Их выявление осложняется ввиду отсутствия рукописей или авторизованных первоисточников текста (например, корректур с авторской правкой). В этой ситуации в качестве канонического текста мы рассматриваем книжную, берлинскую, редакцию, а первую, парижскую, редакцию используем как вспомогательный текстологический источник. Показательно, что сохранившийся в архиве писателя экземпляр издания (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 113) вообще не несет в себе следов авторских исправлений, хотя и дополнен наклеенными на форзацах портретами Розанова (первый форзац: вырезка из газеты с фотографией Розанова (1916 г.); второй форзац: портрет Розанова работы Л. Бакста (1901 г.), опубликованный в газете «Новое время». 1902. 17 июля. С. 7; там же: копия рукой Ремизова рисунка Розанова, «схематически» изображающего женщину).

Сравнение редакций с очевидностью подтверждает сложившуюся в современном ремизоведении точку зрения на основные тенденции развития прозы писателя в начале 1920-х гг. В это время его стиль переживает качественный скачок в сторону модернизации, новаторского пересмотра и освобождения от жестких форм синтаксиса. Ремизов сознательно ориентирует весь строй своей прозы на изустную традицию в ее разговорном, свободном интонировании, проверяя синтаксис текста «голосом». Для эпистолярного наследия писателя этого периода характерна замена пунктуационного знака графическим расположением текста: при помощи смены строк (абзацев), написания в столбик, лесенкой и прочих графических

фигур. Такая стратегия расшатывала грамматические нормы и утверждала принцип своевольной пунктуационной вариативности[1].

Пунктуация Ремизова определенно трансформировалась в сторону жесткого упразднения запятых в синтаксической композиции с союзом *и*. Прежде всего это касается сложносочиненных предложений, а также однородных членов, объединенных союзами *и/или*. Преимущественно без запятых употребляются в тексте и вводные слова *конечно*, *верно* и др. Например: «...в крылатке (конечно не в крылатке!)...» («Колония»); «...но как-то случалось, за поперечность верно и самоволье, в наградах и чинах его обходили...» («Блудобоец»). Однотипно в «Кукхе» выражена и диалогическая речь, в которой писатель различает полноценный диалог и короткую фразу, нередко как бы вырванную из контекста. Ср.: «Просит: «покажите географию!»; «В трамвае, не обращая внимания на соседей, он ругательски ругал „войну": — ослы, дураки, негодяи...» В обеих редакциях

[1] В конце 1940-х гг. подобную тенденцию Ремизов неоднократно декларировал в своих дневниковых записях уже как собственное авторское кредо. Ср.: «Пишу по-русски и ни на каком другом. Русский словарь стал мне единственным источником речи. Слово выше носителя слов! Я вслушиваюсь в живую речь и следил за речью по документам и письменным памятникам. Не все лады слажены — русская книжная речь разнообразна, общих правил синтаксиса пока нет и не может быть. Восстанавливать речевой век не думал и подражать не подражал ни Епифапию Премудрому, ни протопопу Аввакуму, и никому этого не навязываю. Перебрасываю слова и строю фразу как во мне звучит» (Цит. по: Кодрянская. С. 42).

текста в пределах одного сюжетного фрагмента существует разнообразное синтаксическое оформление причинного союза *ведь*, который то выделяется запятыми, как междометие или вводное слово, то выполняет свои основные функции и не обособляется знаками препинания.

Авторская расстановка пунктуационных знаков, как правило, закреплена в идентичных фрагментах двух прижизненных печатных редакций. Единственным расхождением является употребление точки с запятой в следующем предложении: «„Перед праздником, — с горечью вспоминала В. Д., — прибегает девочка дворника; если не заплатите за квартиру, дров не принесем! а у нас нет ничего, Вася в Контроле служил"». В первой редакции на месте точки с запятой стояло двоеточие.

Вопреки современной норме, которая требует обособления сравнительного оборота запятыми, в финальном пояснении к слову «кукха» присутствует только лаконичное тире: «Кукха, как и ахру — слово обезьянье...» Следует заметить, что, в обеих редакциях, встречается и другая, более привычная модель употребления сочетания запятой и тире (например, в главе «Россия»): «...а то страшно, что в сущности-то никому до этого дела нет, — всяк за себя».

Во второй редакции усилена идея преодоления текста как неподвижной формы, ориентированной исключительно на зрительное восприятие. Автор целенаправленно «оживляет» текст, представляя его в звучащих образах. Недаром начало и конец «Кукхи» окружены эпистолами, которые выглядят, как обычные письма, но несут в себе все признаки непосредственного обращения к собеседнику.

В тексте «Кукхи» наблюдается использование строчной буквы, вместо заглавной. Эти случаи подтверждают намерение автора освободить собственный нарратив от примет книжности, особенно в тех главах («На блокноте» и «Россия»), где документы носят бытовой характер: дневниковые записи, письма, выписки из газет выполняют текстообразующую функцию. Эти по преимуществу лишенные текстуальной целостности и завершенности элементы, существующие на границе «чужого» текста, даны автором в кавычках и с маленькой буквы.

Уникальность «Кукхи» состоит в предельном выражении авторского «Я»: «текст в тексте» (цитаты из писем, печатных текстов, строчки из песен и стихов, молитв и церковных песнопений) намеренно авторизован. Так, в главе «Россия», где автор приводит целую подборку цитат из писем неизвестных лиц, впервые встречается односторонняя расстановка кавычек — при многократном цитировании, впоследствии широко используемая Ремизовым, в частности в книге «Огонь вещей» (1954). Цитируемые строки из стихотворных, музыкальных или церковных текстов заключаются в кавычки произвольно и в специфическом пунктуационном оформлении, подчиняющемся исключительно авторскому интонированию. Например, строка из «Марсельезы» воспроизводится без кавычек и без запятых, однако выделена курсивом, словно «пропетая» автором. Точно так же, вопреки правилам грамматики, писатель не ставит запятую в обращении, подражая церковному распеву в строке псалма («Благослови душе моя, Господа...»).

Использование кавычек для названий произведений, издательств, склонение названий в контексте от-

дельных предложений также носит произвольный характер. Вариативность расстановки кавычек в названиях напрямую связана с тонкой организацией ритмико-мелодической ткани «Кукхи», подобно тому, как «крюки» и «знамена» в древнерусских музыкальных записях, не только выполняют функцию регулятора интонационного рисунка, но и вносят дополнительные смысловые обертоны. Например, в главе «Язва» фигурирует «раскавыченное» название издательства «Мусагет». Мотивация подобного оформления проявляется в содержании высказывания, где Мусагет становится именем собственным наряду с именами, ставшими официальными названиями известных издательств: «И до чего все-таки благородно — ответили: от Мусагета (через Андрея Белого) до Сытина (через Руманова) и от Сытина до Вольфа: все отказали». Логически мотивирован и случай отказа от склонения названия художественного произведения («автор „Необузданные скверны"»), который явно произошел не по ошибке, а во избежание двусмысленности высказывания.

Прототекст книги — альбом «Розановы письма. Василий Васильевич Розанов. 1856—1919» (далее: альбом «Розанов») содержит подлинники писем Розанова, адресованных писателю и его жене, а также одно письмо к З. Н. Гиппиус. Кроме того, в нем находятся копии, сделанные Ремизовым вместе с комментариями к каждому письму[2]. В контексте «Кукхи» подлинные письма включаются в общий художе-

[2] В своих копиях Ремизов воспроизводит зачеркнутые Розановым слова или начала слов, выделяя их круглыми скобками.

ственный замысел и наделяются свойствами творческой личности автора книги. Соответственно пунктуационная вариативность копий и печатных редакций писем Розанова могла быть результатом как случайных ошибок, так и намеренным отражением ремизовского взгляда на пунктуацию. Самый показательный пример трансформации розановской пунктуации на страницах «Кукхи» — отсутствие запятой при вводных словах: «Дорогая Серафима Павловна! Пожалуйста приходите поскорее мерить кофту» (глава «Дела житейские»).

При сличении опубликованных Ремизовым писем с их оригиналами, с одной стороны, и с ремизовскими копиями этих писем — с другой, выясняется, что наряду с неточностями воспроизведения розановских знаков пунктуации в книге (забытые запятые, постановка одного восклицательного знака вместо двух — восклицательного и вопросительного знаков) Ремизов привнес в текст копий и книги собственные знаки (например, двоеточие и тире). Такое «присвоение» «чужого» текста вполне отвечало постепенно утверждавшемуся в творчестве писателя методу интерсубъективизма[3]. К примерам авторизации также относится преимущественно ремизовская датировка писем Розанова, которые по большей части не датированы отправителем.

Подчеркнутые Розановым слова в печатных редакциях переданы в виде разрядки. Вместе с тем мы полагали излишним набор подписи Розанова вразрядку, основываясь на сравнительном анализе текста второй редакции с оригиналами и их копиями из аль-

---

[3] См. подробнее: Обатнина : 2008. С. 27—45.

бома «Розанов». Очевидно, этот прием выделения возник исключительно по недоразумению, так как копии, выполненные Ремизовым, и практически все известные нам сохранившиеся в архивах наборные рукописи писателя выполнены характерным отчетливым почерком, без соединения букв между собой. Такое написание вполне могло ввести в заблуждение наборщика. Поэтому разрядка применительно к подписи Розанова под письмами в нашем издании отменена.

Особо необходимо оговорить два случая ремизовской «цензуры» в отношении содержания писем Розанова, которые касаются упоминания реальных лиц — Г. С. Петрова и С. П. Ремизовой-Довгелло. В настоящем издании все обнаруженные нами смысловые искажения текстов-оригиналов учтены в комментариях к начальным строкам конкретных писем.

Обращение к парижской редакции позволило выявить и исправить ряд таких существенных погрешностей набора, как опечатки и переставленные строчки. К опечаткам, в частности, относится ошибочное написание отдельных слов (инкунаб**о**ла, Молд**о**ванка), а также фамилий и инициалов реальных лиц (А. Анд**ри**евский, С. С. Поз**д**няков, А. В. Карташ**о**в, В. П. Деб**о**горий-Мокриевич, **Ф. Ф.** Ко**м**иссаржевский, Н. **Я.** Т**о**роватый, Н. **О.** Чигаев, Т. Мо**м**зен).

В целом текст «Кукхи» приведен в соответствие с современными нормами орфографии. Исключением является воспроизведение отдельных устаревших словоформ (играть на рояли, кирка), передающих характерные особенности русской речи первой четверти XX века, а также специфическое для Ремизова употребление существительного «мышь» в мужском роде — «мыш». Кроме того, нами сохранена утвердив-

шаяся в начале прошлого столетия норма писать с заглавных букв каждое слово в названиях известных периодический изданий («Новое Время», «Новый Путь» и др.), всякого рода институций (Государственная Дума, Географическое Общество) и названий или культовых архитектурных памятников (Казанский Собор).

Вышеизложенные текстологические принципы распространяются и на раздел «Дополнения». Рецензии на книгу «Кукха», также представленные в этом разделе, приведены в соответствие с нормами современной орфографии и с сохранением особенностей авторской пунктуации.

Настоящее издание сопровождается значительным по объему историко-литературным комментарием, охватывающим реалии дореволюционной истории России, а также события из жизни русской эмиграции начала 1920-х гг. Здесь использован широкий спектр материалов: художественные произведения писателей-символистов, критика и публицистические статьи В. В. Розанова, а также литературная критика начала XX в., справочники и энциклопедии, мемуарные свидетельства современников Ремизова и Розанова, редкие архивные документы.

В комментарий включены пояснения Ремизова к письмам Розанова из альбома «Розанов». Поскольку последовательность размещения писем Розанова в альбоме и книге не совпадают, комментарий Ремизова помещается к начальным строкам каждого отдельного письма с пометой «авт. коммент.», а также указывается номер письма в составе альбома; здесь же приводятся пояснения к упомянутым в «авт. коммент.» именам, историко-литературным реалиям,

событиям, а также характер воспроизведения. Принимая во внимание особенности текста писем и автографов Ремизова, в которых необходимые знаки препинания часто замещались графическим расположением текста, в цитируемых нами фрагментах для соответствующего обозначения используется косая черта как сигнатура сдвига или абзаца.

* * *

Приношу сердечную благодарность моим коллегам и друзьям, профессиональный опыт и консультации которых чрезвычайно пригодились мне в работе над настоящим изданием — Н. А. Богомолову, Ю. Е. Галаниной, А. В. Лаврову, М. М. Павловой; исследователям, предоставившим мне ценные сведения для комментария — И. П. Михайловой и Хикару Огура; сотрудникам музея ИРЛИ: В. С. Логиновой, Е. Н. Монаховой, Е. В. Кочневой, а также сотрудникам Рукописного отдела ИРЛИ: Н. Н. Колесовой и Е. Б. Фоминой — за помощь в работе с документами; особую признательность за участие в подготовке иллюстративного материала из фондов музея ИРЛИ выражаю фотографу А. А. Савкину.

КУКХА. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА

С. 5. *А «Завитушку» потом...* — Речь идет о главе, написанной после выхода в свет первой печатной редакции «Кукхи». «Завитушка» — авторское определение особого жанра миниатюрной новеллы автобиографического характера: «...я назвал свое —

„завитушками"» (Подстриженными глазами. С. 152). Впервые подобный текст-зарисовка появился в сборнике «Куда мы идем», предваряемый объяснением: «Не умею я рассуждать. И все рассуждения дедушки Карамзина не направили меня, и статьи из газет не помогают, разве что Балда Балдович, — да где его нынче отыщешь Балду-то Балдовича, когда всё всерьез? А потому на вопрос о России, — какая она такая Россия, чем живет и куда путь держит? — по-людски не берусь ответить. Могу только такую завитушку из жизни представить вроде притчи» (Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусства: Сборник статей и ответов. М., 1910. С. 109).

...Lessingstrasse. (Где-нибудь, верно, сам Лессинг жил неподалеку...) — Lessingstrasse, 16 — второй адрес Ремизовых в Берлине, куда они переехали из района Шарлоттенбург 1 апреля 1923 г. Улица расположена недалеко от квартала, построенного вокруг церкви Св. Николая (Nikolaiviertel), где в 1748—1767 гг. останавливался Готхольд Эфраим Лессинг (1729—1781), немецкий писатель, критик, драматург, один из крупнейших представителей литературы европейского Просвещения.

Есть у меня две карикатуры на вас... — Имеются в виду вырезки печатных шаржей на Розанова работы художника Ре-ми (Н. В. Васильева), сохраненные Ремизовым в альбоме «Розанов». Карикатурный портрет Розанова из журнала «Сатирикон» (1909. № 50) был опубликован под общим заголовком уже известной серии «История современной русской литературы» и являлся ироническим откликом на выход в свет книги Розанова «Итальянские впе-

чатления» (СПб., 1909). Публикация портрета дополнялась подбором цитат из сочинения философа: «Я был так счастлив, что однажды в жизни видел кошку на ловитве, и красоту ее не могу забыть до сих пор». «Замечу, что папирос здесь совсем не курят, а все сигары. Окурок сигары — еще понятно, тут нечто содержательное есть, но на что окурок папиросы? И это лицо лошади, потому что в точности в минуту смерти „морда" стала лицом — какое оно родное мое, мое! (Итальянские впечатления. Стр. 88, 104 и 105)». Другая карикатура представляла собой вырезку из неустановленного печатного источника с репродукцией рисунка из журнала «Чурило» (1912. № 7) и сопровождалась текстом: «В. В. Розанов-Варварин. Под этим шаржем в журнале „Чурило" находим следующее четверостишие: Если дать ему косички, / Будет Розанов дьячок... / С тонкой свечкой в пятачок / И корзинкою клубнички».

...ведь лучший портрет тот, где карикатурно, а значит, не безразлично. — Ср. слова Ремизова, поясняющие эту же мысль на литературных примерах: «Непонятливые часто говорят про портреты: „Карикатурно". Однако, карикатурность — вовсе не недостаток. Чичиков, Хлестаков, городничий, разные Тяпкины-Ляпкины — тоже карикатуры, но этого никто не ставит Гоголю в вину» (*Анненков Ю.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Т. 1. М., 1991. С. 220).

В одном японском журнале поместили карикатуру на меня вместо портрета и без всякой оговорки. — Очевидно, Ремизов использовал информацию о «японской карикатуре» с чужих слов. Японская исследовательница Хикару Огура в своем

новейшем исследовании (2010) установила, что вместо упомянутого «журнала» существовала лишь не подлежавшая продаже брошюра «Карикатуры великих русских писателей», выпущенная токийским Исследовательским обществом по изучению мировой мысли в ноябре 1922 года. Редактор-составитель Нобори Сёму (1878—1958) — литературовед, переводчик, пропагандист русской культуры в Японии — включил в брошюру карикатуры на Ремизова работы А. Бенуа и С. Городецкого, публиковавшиеся в конце 1900-х гг. в русских повременных дореволюционных изданиях. Здесь же была помещена и небольшая справка о писателе: «Ремизов. Один из новых писателей. Сначала он был поэтом, а теперь считается прозаиком. Роман „Крестовые сёстры" — самое знаменитое из всех его произведений. С художественной точки зрения его проза, несомненно, значительное явление русской литературы. Его проза оригинальна и глубока как по форме, так и по содержанию. В его произведениях лиризм гармонирует с реализмом. В этом отношении „Крестовые сёстры" считается одним из типичных новаторских романов» (С. 42—43; перевод Огура X.).

...желтый паспорт! — за «Табак» мне, должно быть, такое. — Подразумевается эротическая сказка «Что есть табак. Гоносиева повесть», в основу которой легли народные сказания о происхождении табака из уд дьявола. Книга вышла в свет в 1908 г. в петербургской типографии «Сириус» с откровенными иллюстрациями К. Сомова в количестве 25 именных экземпляров. См.: *Ремизов А.* О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак / Предисл. Г. Чижова-Холмского. Paris, 1983. О текстах-источ-

никах сказки см. коммент. И. Ф. Даниловой: Докука и балагурье. С. 678—679. Обложка временного немецкого паспорта вызвала у писателя ассоциации с «желтым билетом» — документом, выдававшимся проституткам в царской России, цвет которого в общественном сознании символизировал греховность. О том, что ремизовский интерес к народной эротике, и в частности к «заветным сказкам», далеко не всегда получал адекватную реакцию, свидетельствует дневник Ф. Фидлера (запись 1907 г. со слов самого писателя): «В университете я неверно прочитал старый русский апокриф, и все принялись утверждать, будто я прославляю и пропагандирую гомосексуализм» (Фидлер. С. 474).

С. 6. *А есть и еще мера — рост боковой.* В книге «Люди лунного света. Метафизика христианства» (1911) Розанов связывает половое созревание ребенка с замедлением линейного роста (вверх) за счет накопления потенциальной половой энергии (так называемого «бокового роста»). См.: Уединенное. С. 58—62.

...«он уж не знает страха смутиться перед людьми». — Неточная цитата из «Вступления» к книге Розанова «Легенда о Великом инквизиторе. Опыт критического комментария» (1890). Ср.: «...проходят века — и нужная черта вскрывается и встает полный образ того, кто уже не страшится более смутиться перед людьми» (Легенда о Великом инквизиторе. С. 12).

А наша память житейская, семейная, — нет в ней ни философии, ни психологии, ни точных математических наук. — Отсылка к воспоминаниям о В. В. Розанове, появившимся в печати в период

с 1919 по 1922 г. См.: *Сукач В. Г.* Василий Васильевич Розанов. Биографический очерк. Библиография 1886—2007. М., 2008. С. 146—151. Возможно, упоминание «точных математических наук» возникло под впечатлением опубликованных в декабре 1922 г. «Писем В. В. Розанова к Э. Ф. Голлербаху» (Берлин: изд. Е. А. Гутнова). Обращаясь к Голлербаху (автору первого биографического очерка о нем), философ писал (18 сентября 1918 г.): «Я так счастлив, милый, что вы останавливаетесь на индивидуальных черточках, не впадаете в этот ужасный алгебраизм, которому новое время подчинило историю и даже биографию, подчинило самый портрет» (В нашей смуте. С. 372). Ср. также не вошедшее в берлинское издание письмо Розанова от 8 августа 1918 г. о губительном свойстве «подлой алгебры» историков и биографов (Там же. С. 352).

Варвара Димитриевна — вторая жена В. В. Розанова (урожд. Руднева, в первом браке — Бутягина; 1864—1923).

С. 7. *В январе 1905 г. с нас было снято запрещение Москвы и Петербурга...* — После окончания срока политической ссылки (1903) Ремизову было запрещено поселение в столичных городах в течение пяти лет. Начиная с 1904 г., при поддержке Г. И. Чулкова, он подавал прошения в Департамент полиции о снятии запрета ввиду полного отказа от политической деятельности. Разрешение на въезд в столицы было дано министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирским.

...в редакцию «Вопросов Жизни» в Саперный переулок... — Редакция журнала «Вопросы жизни», который возник в начале 1905 г. на основе журнала

«Новый путь» (1903—1904), располагалась в Петербурге по адресу: Саперный пер., 10, кв. 6. Подробнее об этих изданиях см.: *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века. 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернисткие издания. М., 1982. С. 179—233.

...я — заведовать хозяйством. — Круг своих обязанностей в «Вопросах жизни» Ремизов описал в письме к жене от 5 февраля 1905 г.: «На моих руках касса, приходится очень тщательно проверять, и страшно. Все поставил на место и расписал все книги — бухгалтерия. Вот никогда не думал сделаться заведующим хозяйственной частью. Моя бухгалтерия у Сегаля в Вологде (Часовой магазин) только развлечение, а тут большое дело: типография, бумага, гонорар, экспедиция» (На вечерней заре (1). С. 285). Ср. также письмо Ремизова М. О. Гершензону (от 7 августа 1907 г.) с описанием своих обязанностей в конторе редакции: «Я занимался в „Вопросах жизни" ведением бухгалтерии (несложной), хранил кассу, высчитывал гонорары, регистрировал рукописи, вел корреспонденцию, занимался экспедицией, занимал ожидающих редактора писателей, доставлял всевозможные справки и, принимаемый иногда за что-то вершающее, научился принимать на себя гнев особо, рукописи коих поступали мне для возвращения. Серафима Павловна служила в „Вопросах жизни" корректором, а также прошла вместе со мной обязанности мои дворецкого» (Из архива Гершензона. I. Письма А. М. Ремизова (1905—1922) / Публ. Т. Макагоновой // Река времен. Кн. 3. М., 1995. С. 160).

Нам дали две комнаты ... и 40 руб. жалования. — Ср.: «При редакции нам две комнаты: в угловой Серафима Павловна с Наташей, а тут я ючусь, и тут обедаем и чай пьем и Наташу купаем. А на кухне в кутке Ганна, берестовецкая девочка нянька, очень скучала по малороссийскому салу, и поет над Наташей „Гули, сиры гули, во червонных, во чоботах..." Сорок рублей жалованья в месяц ⟨...⟩, а прибавки я не дождусь: к новому году все вместе с журналом вылетим в трубу» (В розовом блеске. С. 299).

...Чулковы — Георгий Иванович и Надежда Григорьевна. — Прозаик, поэт, критик Г. И. Чулков (1879—1939) и его жена Н. Г. Чулкова (урожд. Степанова; 1874—1961). Чулков пригласил Ремизова на службу в редакцию «Вопросов жизни» после того, как от этого места отказался начинающий поэт и прозаик А. А. Кондратьев. Подробнее см.: *Чулков Г.* Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 65—80. Публикацию писем Ремизова к Чулкову (1905—1918) см.: Кафедральные записки: Вопросы новой и новейшей русской литературы / Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. Каф. истории рус. лит. XX в. М., 2002. С. 225—245. Комментарии М. В. Михайловой к этой публикации содержат ряд неточностей.

...Д. Е. Жуковский — замечательный человек ... женившийся на поэтессе А. К. Герцык. — Дмитрий Евгеньевич Жуковский (1868—1943), официальный редактор журнала «Вопросы жизни», переводчик, издатель философской литературы. До переезда в Петербург Ремизов общался с Жуковским в письмах по поводу публикации собственных переводов. В 1904 г. в издательстве Жуковского была вы-

пущена книга А. Леклера «К монистической гносеологии» в переводе Ремизова. Ср.: «...Дмитрий Евгеньевич Жуковский, издатель неподъемных кирпичей Куно Фишера, философ, сам не писал, а любил в философских разговорах вставить о трансцендентном, по образованию зоолог...» (В розовом блеске. С. 301). В 1908 г. Жуковский женился на поэтессе, переводчице Аделаиде Казимировне Герцык (1874—1925) и переехал в Москву.

С. 8. *Пострадал И. А. Давыдов, автор «Так что же такое, черт возьми, экономический материализм?» — в его рецензии на книгу Рожкова везде было напечатано не Рожков, а Розиков.* — Ремизов познакомился с теоретиком-марксистом, автором книги «Что же такое экономический материализм?» (Харьков, 1900) И. А. Давыдовым (1866—1942) еще во время политической ссылки в Вологде и на окончание срока его ссылки написал шуточный «некролог», на титульном листе которого обозначил: «Иосиф Александрович Давыдов / † / 1. 8. 1901, в Вологде / автор „Так что же такое, черт возьми, экономический материализм?"» (АК). В статье И. Давыдова «Об идеализме, марксизме и народничестве» (Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 312—323) на протяжении всего текста фамилия историка и публициста социал-демократического направления Николая Александровича Рожкова (1868—1927) действительно приводилась с указанной опечаткой.

Г. Н. Штильман ... благороднейший человек, заступался за меня. — В поздних мемуарах Ремизов упоминает о Григории Николаевиче Штильмане (1877—1916), юристе и публицисте, редакторе петербургской газеты «Слово» как о своем «снисходи-

тельном покровителе» (Подстриженными глазами. С. 229), а в комментариях к собственным письмам, адресованным жене, говорит о нем как о друге семьи: «чудесный человек и большой наш друг, обожавший С. П-ну» (На вечерней заре (3). С. 452).

С. 9. *...в крылатке (конечно не в крылатке!)...* — Внешний облик Розанова, по-видимому, ассоциируется здесь с непременным атрибутом верхней одежды другого философа — Вл. Соловьева. Ср.: «Часто потом мне приходилось бывать в местах, где гостил Соловьев. 〈...〉 Еще недавно надевал я в дождливые дни его необъятную непромокаемую крылатку. И дорогой образ в крылатке, на заре, склоненный над белыми колокольчиками, так отчетливо возник — образ вечного странника, уходящего прочь от ветхой земли в град новый» (*Белый Андрей*. Владимир Соловьев. Из воспоминаний // Андрей Белый. Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 394). А. А. Носов интерпретировал полемику двух близких друзей Соловьева — Е. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина, как состязание за «право на ношение „крылатки" по праву духовного родства»: «Заношенная крылатка становилась культурным символом, подобным пушкинскому перстню» (*Носов А. А.* История и судьба «Миросозерцания Вл. С. Соловьева» // Трубецкой Е. Н. Миросозерцание В. С. Соловьева. М., 1995. Т. 2. С. 593). Розанов, имплицитно противопоставляя Соловьева и Розанова, прямо подчеркивает непримиримые противоречия между ними. Об отношении Розанова к философии и личности Вл. Соловьева см.: *Голлербах Э.* В. В. Розанов. Жизнь и творчество // Э. Голлербах. Встречи и впечатления / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. Голлербаха.

СПб., 1998. С. 54—67. См. также статью Я. В. Сарычева о В. Соловьеве в «Розановской энциклопедии» (С. 893—905).

Ро́зинов — Ро́зинов! — знакомился В. В. — Розанов критически относился к собственной фамилии. Ср.: «Удивительно противна мне моя фамилия. Всегда с таким чужим чувством подписываюсь „В. Розанов" под статьями. Хоть бы „Руднев", „Бугаев", что-нибудь. Или обыкновенное русское „Иванов". Иду раз по улице. Поднял голову и прочитал: „Немецкая булочная Розанова". Ну, так и есть: все булочники Розановы, и, следовательно, все Розановы — булочники. 〈...〉 Такая неестественно отвратительная фамилия дана мне в дополнение к мизерабельному виду» (Листва. С. 19).

С. 10. *...до — — канатика.* — Имеется в виду мужской семенной канатик (funiculus spermaticus).

...всякие перегородки, всякие условности, изобретенные людьми з л ы м и или очутившимися в злом подозрительном мире. — Скрытая цитация рассуждений Розанова о главной теме Достоевского. Ср.: «Он нарисовал соблазнительную легенду о том, как злые люди, мучители и обманщики, „пожалели людей" 〈...〉» (Легенда о Великом инквизиторе. С. 155).

...появился Н. А. Бердяев... — С Николаем Александровичем Бердяевым (1874—1948) Ремизов познакомился в 1901 г. во время вологодской ссылки. См.: Подстриженными глазами. С. 438; а также: *Бердяев Н. А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 127—130. Именно Бердяеву принадлежала инициатива устроить Ремизова на службу в редакцию «Вопросов жизни». В

письме к будущей жене Лидии Юдифовне (урожд. Трушева, Рапп — по первому мужу; 1871—1945), написанном зимой 1904/05 г. из Киева, Бердяев сообщал: «Ремизовых перетаскиваю в Петербург, и это будет для нас большое приобретение. Они могут составить часть приятной атмосферы отношений с людьми в противовес неприятной атмосфере Мережковских» (Письма молодого Бердяева / Публ. Д. Барас // Память. Исторический сборник. 4. М., 1979. Париж, 1981. С. 245). О редакторской деятельности Бердяева в «Вопросах жизни» см.: *Вадимов А.* Жизнь Бердяева: Россия. Berkeley, 1993. С. 73—76.

Впрочем, «сам» испокон веков у петербургских швейцаров считался П. Е. Щеголев... — По мемуарным свидетельствам Ремизова, его ближайший друг со времен вологодской ссылки историк литературы и русского революционного движения Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) отличался «осанкой», «голосом», «умом неизмеримым и богатырским телосложением». Подробнее об истории их взаимоотношений см.: Письма к Щеголеву (1). С. 121—127; Письма к Щеголеву (2). С. 153—205; *Ремизов А. М.* «Некролог» П. Е. Щеголеву / Вступ. заметка, публ. и примеч. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 178—193.

С. 11. *В «В. Ж.» лежали на складе Розановское «О понимании» и «Семейный вопрос».* — Речь идет о книгах «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (1886) и двухтомнике «Семейный вопрос в России» (1903).

...у Розановых на Шпалерной... — Регулярно, обычно по воскресеньям, в квартире Розановых на Шпалерной ул. (д. 39, кв. 4) устраивались многолюдные «журфиксы» (до тридцати человек), участниками которых были видные деятели литературы, журналисты, представители церкви, а также студенты. Наряду с понедельниками С. Дягилева в редакции журнала «Мир Искусства», собраниями в доме Мережковских и воскресными встречами у Ф. Сологуба в домашней атмосфере этих неформальных встреч у Розанова, по словам П. П. Перцова, «ковалась новая идейность». Подробнее см.: *Перцов П. П.* Литературные воспоминания: 1890—1902 гг. М., 2002. С. 265; а также: *Бенуа А.* Мои воспоминания. М., 1980. Т. 2. Кн. 4. С. 296.

Многоуважаемая Серафима Павловна! Посылаю Вам письмо к Петерсу... — В альбоме «Розанов» письмо № 2; Авт. коммент.: «1905 / III / Письмо к Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло. В письме недописки и сокращения: „б" — был (но б. занят), „след" — следовательно. „Колония" упоминается: мы жили вместе с Чулковыми — Георгием Ивановичем и Надеждой Григорьевной в редакции „Вопросов жизни". А этажом ниже Бердяев Николай Александрович и Лидия Юдифовна Бердяева. Я был заведующий хозяйственной частью, а Чулков — редакцией, секретарь редакции. При всей занятости трогательна внимательность В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩. Петерс — доктор. О приемных часах выписано в разрядку». Речь идет о докторе медицины Ричарде Александровиче Петерсе (1850—?), специалисте по детским и нервным болезням, старшем враче детской больницы принца Ольденбургского.

С. 12. *Многоуважаемая Серафима Павловна! К сожалению...* — В альбоме «Розанов» письмо № 3. Авт. коммент.: «1905 / Письмо к С. П. Ремизовой. С⟨ерафима⟩ П⟨авловна⟩ просила В. В. Розанова какие-то книги».

С. 13. *...еще тогда в Москве на Сухаревке...* — Речь идет о годах учебы Розанова в Московском университете (1878—1882), когда бедный студент мог позволить себе покупку книг только на одной из самых больших «толкучек» Москвы, располагавшейся в районе Сухаревки.

...их было всегда много, неразрезанные ... как-то, наслушавшись об Арцыбашевском Санине, в статье «семейной» упомянул о новом писателе Санине, написавшем роман «В лугах». — Роману Михаила Петровича Арцыбашева (1878—1927) «Санин» (1907), зачисленному многими критиками в разряд «порнографической» литературы, Розанов посвятил несколько резких отзывов. См.: *Варварин В.* Пестрые темы // Русское слово. 1908. № 100. 30 апреля. С. 1—2; *Розанов В.* На книжном и литературном рынке // Новое время. 1908. № 11612. 11 июля. В действительности, курьезный случай, изобличивший Розанова в критике «неразрезанных» книг писателей-модернистов или в весьма вольном пересказе этих книг, имел отношение к повести М. Кузмина «Крылья», опубликованной в ноябрьском номере журнала «Весы» за 1906 г. В своей рецензии на повесть Розанов хотя и поясняет, что читал ее «невнимательно», однако намеренно подчеркивает единственную деталь описания, тем самым не только искажая сюжет произведения, но и дискредитируя автора. Ср.: «Я прочел, не без отталкивающего чувства, в

„Весах" длинную повесть г. Кузьмина (так! — *Е. О.*); точнее, — заглянул в нее в некоторых местах. В одном месте описывается длинный коридор, кажется, в бане, — и в отворенную дверь несется „прелый запах кислых щей". Этот „прелый запах кислых щей" обволакивает и весь рассказ, и нам кажется, его следовало бы озаглавить не „В лугах", а „Около кислых щей" или даже проще: „Кислые щи"» (*Maestro*. То же, но другими словами // Золотое Руно. 1907. № 1. С. 56). Ср. также реплику из письма Кузмина к К. А. Сомову от 19 февраля 1907 г.: «Читали Вы ругань Розанова (Maestro) за „Крылья", которых он не читал?» (*Кузмин М*. Стихотворения. Из переписки / Сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. М., 2006. С. 301).

С. 14. *...голова львова, сера, космата, с огненной пастью в поле блакитном.* — Описание фамильного герба рода Довгелло (Довкгело), к которому принадлежала С. П. Ремизова-Довгелло. Эти же символы Ремизов использовал для названий глав в романе, посвященном судьбе Серафимы Павловны, где она выведена под именем Оли. Ср.: «„Голова львова сера, косматa с огненной пастью в поле блакитном". Под этим знаком вся история Оли: ее детство, отрочество и юность. „Оля": В поле блакитном. Доля. С огненной пастью. „Голова львова". Этот львовый знак — фамильный герб Задоры Довгелло» (В розовом блеске. С. 281).

...как будто старинные монеты и Египет перед ним вдруг. — Речь идет о коллекции римских и греческих монет, начало которой было положено Розановым в 1880 г. Ср.: «Нужно самому видеть Розанова с древней деньгой в руках, чтобы понять, почему

он так любил собирать древние монеты, почему он как-то вдруг загорался, держа в руках какой-нибудь римский динарий...» (*Спасовский М. М.* В. В. Розанов в последние годы жизни. Среди неопубликованных писем и рукописей. 2-е изд. Нью-Йорк, 1968. С. 88).

С. 15. *...узнаем вдруг, что наш дом стоит на кладбище.* — В датированном фрагменте дневника зафиксирована привычная для писателя практика записывать сновидения прошедшей ночи.

«33 белых попа», — такое есть общество. Собираются иногда в редакции. — Ироническое обыгрывание названия группы «32-х священников», сложившейся весной 1905 г. в Петербурге и позднее преобразовавшейся в «Союз Ревнителей Церковного Обновления» («Братство Ревнителей Церковного Обновления»). Представители этого реформаторского движения клириков, активно выступавшие за отделение церкви от государства, пытались найти поддержку в редакции «Вопросов жизни» среди идеологов нового религиозного сознания. Однако те встретили программу обновленцев резкой критикой, видя в ней «просто профессионально-освободительное движение» (А. В. Карташев). Подробнее см.: *Павлова М.* Мученики великого религиозного процесса // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М., 1999. С. 26—28. См. также упоминание об обновленческой программе 32 иереев в письме А. С. Суворина к Розанову от 25 марта 1905 г. (Признаки времени. С. 321).

С. 16. *А. В. Карташев* — Антон Владимирович Карташев (1875—1960), историк церкви, профессор Духовной академии (1900—1905), в 1912—1917 гг.

председатель Религиозно-философского общества в Петербурге.

...раскрыта, наконец, моя мистификация о этом мифическом Иване Павлиновиче... — Пристрастие Ремизова к различного рода розыгрышам и шуткам получила широкую известность среди петербургских литераторов. К. А. Сюннерберг (Конст. Эрберг) вспоминал: «Ремизов вообще и в письмах и в разговоре любил „шутоваться" (его выражение) и чудить. В общении с другими он всегда играл какую-то роль. ⟨...⟩ Ремизов был с хитрецой, „шутовался" он всегда не без расчета, не без задней мысли» (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 53. Л. 87—88). Речь в данном случае идет о реальном лице Иване Павлиновиче Слободском (1864—?), протоиерее о. Иоанне, участнике Религиозно-философских собраний, редакторе газеты «Церковный голос» (1906), авторе акафистов, духовных стихов и книг. См.: Фридрих Ницше при свете христианского мировоззрения / Сост. прот. И. Слободской. СПб., 1905; *Слободской Иоанн*, прот. Святые дни Христовых страстей и Воскресения. Пг., 1915. Ср. также запись Розанова: «Какие добрые бывают (иногда) попы. Иван Павлинович взял под мышку мою голову и, дотронувшись пальцем до лба, сказал: „Да и что мы можем знать с *нашей черепушкой?* (мозгом, разумом, черепом)". Я ему сказал разные экивоки и „сомнения" за годы Рел.-фил. Собраний. И так сладко было у него поцеловать руку. Исповедовал кратко. Ждут. Так „быт" мешается с небесным глаголом ⟨...⟩ Но Слободской — глубоко бескорыстен. Спасибо ему. Милый. Милый и умный (очень)» (Листва. С. 193).

Среды у Вяч. Иванова. — В квартире поэта, мыслителя, теоретика символизма Вячеслава Ивановича Иванова (1866—1949), известной под названием «Башня» и располагавшейся на Таврической ул. (д. 25/1, кв. 24), по средам собиралась интеллектуальная, литературно-художественная элита Петербурга. Первое печатное сообщение о собраниях на «Башне», принадлежавшее Конст. Эрбергу, появилось в одном из ежемесячных обзоров «Художественная жизнь Петербурга» в журнале «Золотое руно» (1906. № 4). Объемное историко-литературное описание этого петербургского локуса принадлежало другому постоянному посетителю ивановских «сред» — Н. А. Бердяеву. См.: *Бердяев Н. А.* «Ивановские среды» // Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова. В 3 т. М., 1916. Т. 3. Вып. 8. С. 97—100. Подробные описания встреч на «Башне» содержатся в воспоминаниях Вл. Пяста «Встречи» (Сост., вступ. статья науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М., 1997. С. 44—55; 69—70). См. также: *Шишкин А.* История Башни Вячеслава Иванова. Roma, 1996; *Шишкин А.* Симпосион на петербургской Башне в 1905—1906 гг. // Канун. Альманах. Вып. 3. Русские пиры. СПб., 1998. С. 273—352; Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006; Богомолов: 2009. Историю взаимоотношений Иванова и Ремизова см.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, примеч. и подгот. писем Ремизова — А. М. Грачевой; подгот. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 72—118.

Эрн — Владимир Францевич Эрн (1881—1917), религиозный философ, историк философии, публицист.

Гершензон, оказывается, пишет стихи! — Поэтические опыты историка русской литературы и общественной мысли, философа и литературного критика Михаила Осиповича Гершензона (1869—1925), относящиеся к 1890-м гг., сохранились в его личном архиве. См.: *Макагонова Т. М.* Дни и труды М. О. Гершензона (По материалам архива) // Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Вып. 60. М., 1995. С. 60—70. См. также публикацию Т. М. Макагоновой писем Ремизова Гершензону (1905—1922) из архива Гершензона в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Река времен. Кн. 3. С. 156—173), а также: Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона: 1909—1918 / Вступ. статья, публ. и коммент. В. Проскуриной // Новый мир. 1991. № 3. С. 215—242.

...знаменитый Демчинский: предсказывает погоду. — Журналист и беллетрист Николай Александрович Демчинский (1851—1914) в 1900-х гг. публиковал в газетах «Биржевые ведомости», «Слово», «Русь», «Утро России» и «Новое время» заметки на современные темы, в том числе и по вопросам метеорологии. Полагаясь на собственную теорию, он выступал также с предсказаниями погоды, чем заслужил репутацию шарлатана в научных кругах и популярность у широкой публики. Упоминается в поэме Андрея Белого «Первое свидание» (1921).

Были еще Мережковские... — В общении Ремизова с супругами Дмитрием Сергеевичем Мережков-

ским (1865—1941) и Зинаидой Николаевной Гиппиус (1869—1945) выдерживалась известная дистанция. Причиной тому было особое внимание Мережковских к С. П. Ремизовой, которую они стремились привлечь в свою Церковь Третьего Завета. Ср. позднейшее высказывание Ремизова: «З. Н. Гиппиус, „новая церковь", антропософы Штайнера хотели отдалить меня от Серафимы Павловны. Духовно мелкие и нам чужое» (Кодрянская. С. 319). Письма Гиппиус к жене писателя см.: *Lampl H.* Zinaida Hippius and S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. I. S. 155—194. Ср. также письмо Д. С. Мережковского к Ремизову от 19 апреля 1905 г.: «Скажите Серафиме Павловне; что я ее люблю, но чуточку побаиваюсь, потому что я *очень грешен*, и это под ее глубоким, ясным и всевидящим взором как-то обнаруживается. Впрочем, надеюсь, это пройдет, т. е. то, что я ее побаиваюсь, — и тогда я еще больше, еще смелее ее полюблю. А вот Вас я совсем не боюсь. В вас много для меня родного недоумения» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 154. Л. 1—2 об.). Своеобразной реакцией на это послание можно считать письмо Ремизова к жене от 20—21 апреля 1905 г.: «Не замечая и не любя тебя, не замечают самое высшее, что только есть в мире — „непорочность", она светится из твоих глаз, твои детские глаза с их неколебимой правдой, перед которыми мучительно лгать. Люди высшего духа не пройдут мимо. И я говорю в мир — глазам „человека" — я хочу быть с вами, а не с этой сворью — слепой, копошащейся в мелочах, с ее короткой меркой по своей ничтожной мере. И знаешь, кто мне подсказал? — Мережковские: Гиппиус своим богатым нутром поня-

ла, а „истукан" за ней повторил. Ты, мой бесценный ангел, хранитель мой!» (На вечерней заре (3). С. 446). В первые годы жизни Ремизовых в Петербурге Мережковские принимали деятельное участие в устройстве их бытовой жизни. В конце 1909 г., когда финансовый коллапс в семье писателя усугубился его тяжелым заболеванием, именно Мережковские старались оказать Ремизову материальную поддержку. Обращаясь к Федору Сологубу, Гиппиус писала: «Вот какое дело: мы устраиваем *дружеский* вечер для помощи совсем больному Ремизову. (Имя не произносится вслух). Участвуют только его действительные друзья, которые сделают это от доброго сердца, по товарищески, а не так себе. Будем, значит, мы трое, Блок, Иванов (если встанет), Мейерхольд... С вами хотела я говорить в первую голову, да вот нет вас! Вечер назначен 14 Декабря, у баронессы Икскуль (Кирочная, 18). Билеты («чашка чаю») уже отпечатаны, их 70, по 5 р., а программы еще нет. Вы понимаете, милый мой Чарник, что без вас никак нельзя. Читайте, что хотите: рассказ большой, рассказ маленький, сто стихотворений, одно стихотворение — воля ваша; больше — лучше для нас. Обожающих вас курсисток увы! Не будет. Будут, очевидно, „графья да князья", но что же делать, так лучше для Ремизова, а ведь все это для него. ⟨...⟩ Р. S. Если у вас есть добрые богачи, которые захотели бы придти на вечер — скажите, я пришлю билеты» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 183. Л. 34 об.—35). Отношения В. В. Розанова и Мережковских с конца 1890-х гг. развивались в русле общего интереса к формированию нового религиозного сознания, когда вместе они стояли у истоков петербургских Религиоз-

но-философских собраний. Однако в 1909 г. произошел идейный разрыв, связанный уже с деятельностью петербургского Религиозно-философского общества. Подробнее см. воспоминания З. Гиппиус «Задумчивый странник (о Розанове)» (впервые: Окно. 1924. № 3. С. 273—335), включенные впоследствии в книгу мемуарных очерков «Живые лица» (1925). См. также: *Матич О.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. С. 236—251; *Николюкин А.* Голгофа Василия Розанова. М., 1998. С. 355—363; *Фатеев В. А.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. СПб.; Кострома, 2002. С. 351—360; 392—401.

...они только что из Константинопольского путешествия. — Речь идет о путешествии Мережковских в Константинополь (Стамбул), которое было предпринято в начале лета 1905 г. См.: *Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н.* 14 декабря: Роман. Дмитрий Мережковский: Воспоминания. М., 1991. С. 389—390. Известно письмо З. Н. Гиппиус к С. П. Ремизовой-Довгелло, отправленное 24 мая 1905 г. из Константинополя. Фрагмент опубл. в: *Lampl H.* Zinaida Hippius and S. P. Remizova-Dovgello. S. 164.

С. 17. *Любезная, дорогая или как хотите Зина!* — В альбоме «Розанов» письмо № 1. Авт. коммент.: «1905 г. / осень / Письмо Зинаиде Николаевне Гиппиус (Мережковская). На листке из блок-нота *Для памяти.* „Тварь" — рассказ З. Н. напеч⟨атанный⟩ в Северных цветах 1903 № (так! — *Е. О.*) М. Изд. Скорпион. Митя — Дмитрий Сергеевич Мережковский. Мережковские ездили в Кон-

стантинополь, З⟨инаида⟩ Н⟨иколаевна⟩ привезла мне феску, расшитую шелками и золотом. Жили мы в Саперном переулке в Редакции „Вопросов жизни". Письмо подарила мне З⟨инаида⟩ Н⟨иколаевна⟩ тогда же. / В⟨асилий⟩В⟨асильевич⟩ очень рассердился, что феска не ему». Ср. также письмо З. Н. Гиппиус С. П. Ремизовой-Довгелло от 24 мая 1905 г., написанное из Константинополя: «Купили ему (Ремизову. — *Е. О.*) феску и две трубки, самые — как турецкие носильщики в праздник курят. А вам — чадру розовую с полумесяцем, на Старом Базаре все» (Собр. Резниковых).

Я с таким удовольствием читал «Тварь»... — Рассказ З. Н. Гиппиус «Тварь. Ночная идиллия» был опубликован в четвертой книге альманаха «Северные Цветы Ассирийские» за 1905 г. (С. 79—93). Ремизовская реакция на рассказ опосредованно проявляется в письме Гиппиус к С. П. Ремизовой-Довгелло от 24 мая 1905 г.: «Ал⟨ексею⟩ Михайловичу скажите, чтобы не „бунтовал", у меня есть к „Твари" дополнение в запасе, хотя уж не знаю, понравится ли оно ему» (*Lampl H.* Zinaida Hippius and S. P. Remizova-Dovgello. S. 164).

...зачитывающийся восточной и западной (в стихах) Шехерезадою. — Имеется в виду памятник средневековой арабской народной литературы, собрание сказок, рассказов и повестей «Тысяча и одна ночь», объединенных историей о царе Шахрияре и дочери его везира Шахразаде (Шахерезада, Шехерезада), ставшей его женой. Впервые переведен на русский язык в 1902—1904 гг. Восторженное впечатление от сказок Розанов высказывал неоднократно. Одна из его работ так и не увидела свет в журна-

ле «Весы». См. упоминание о ней в письме А. Н. Бенуа Розанову от 27 августа 1905 г.: «„Весы" жаждут Ваших статей. Если они не напечатали „Шахеразады", то не потому что там много цитат, а потому что это одна сплошная цитата, а Вас, Ваших слов — нет вовсе» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 68). Подробнее см. статью А. Н. Николюкина «Шахразада» в «Розановской энциклопедии» (Стлб. 2314). Специфическая манера эпистолярного общения Розанова и Гиппиус отражена в публикации М. Павловой «„Распоясанные письма" В. Розанова» (Литературное обозрение. 1992. С. 76—71).

Поблагодарите Митю за милые-милые три письма. — Письма Д. С. Мережковского к Розанову за 1905 г. не выявлены; сохранившиеся письма за 1899—1908 гг. опубликованы А. М. Ваховской (Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 234—251).

С. 18. *...учитель Полетаев...* — Преподаватель математики и физики Полетаев фигурирует в «Циркуляре по московскому учебному округу» (1886. № 6/7. С. 255) в приказе о переводе из Сергиевской прогимназии в Сергиевом Посаде в Брянскую прогимназию.

А. П. Зонов — Аркадий Павлович Зонов (1875—1922) в 1903—1904 гг. помощник режиссера в труппе В. Э. Мейерхольда «Товарищество Новой драмы».

...доктор Доминик Доминикович Кучковский... — Брянский врач Д. Д. Кучковский упоминается как доверенное лицо в нотариальных бумагах Розанова (завещании, составленном в 1884 г., и др.). См.: *Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского

Аполлинария Суслова: в документах, письмах, материалах. М., 1994. С. 366; 385.

...пал со скотиною! ... из Исповедальника (Чин исповедания), где есть и о падении с мравием... — Исповедальник — рукописный или старопечатный текст, содержащий последовательность (чин) обряда исповеди. Такие чины, известные в России с X в., составлялись священниками специально для каждой социальной группы с различием по половой принадлежности: миряне, вельможи, служители церкви, монашествующие. В основе исповедальников лежал Устав Иоанна Постника. Помимо надлежащих молитв, Чин исповедания содержал вопросники священника к исповедующемуся и так называемые «поновления» — перечень грехов, произносимый от лица, кающегося на исповеди. Вплоть до середины XVI в. особо пристальное внимание в вопросниках отводилось блуду, который по традиции, шедшей из Византии, считался наиболее тяжким грехом. Вопрос о скотоложстве встречается уже в древнейших исповедных текстах, обращенных к монашествующим и появившихся в русской традиции с XV в. Ср. фрагмент из вопросника черноризцам и схимникам, встречающийся в редакциях из собрания Н. В. Михайловского (РНБ): «... не пал ли со скотом с каковым-любо от животных ...». Подробнее см.: *Корогодова М. В.* Исповедь в России в XIV—XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 501. Мотив «падения с мравием», также использованный в сказке «Что есть табак» (Докука и балагурье. С. 526), писатель мог извлечь из какой-либо приходской богослужебной книги (требника), которые создавались в соответствии с личными представлениями священника о возможных

грехах паствы. Подробнее об источниках, раскрывающих сексуальные аспекты в жизни православных христиан из разных социальных групп, и в частности монахов, см.: *Левина Е.* Секс и общество в мире православных славян 900—1700 гг. // «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X—первая половина XIX в.). М., 1999. С. 239—491. Мравий — старорусская форма слова *муравей*.

Куплено: зеленый диван у А. С. Волжского... — С многолетним другом Розанова, литературным критиком и публицистом Александром Сергеевичем Глинкой (псевд. Волжский; 1878—1940) Ремизов познакомился 2 февраля 1905 г.: «Это один из редакторов и защитиик „Пруда"» (На вечерней заре (2). С. 284). В письме к писателю от 22 декабря 1912 г. Глинка-Волжский в шутливой форме напомнил о вещах, проданных Ремизову в 1905 г. перед отъездом в Симбирск: «...а я ведь живу себе поживаю на свете, на Шатальной улице д. 35(а), в Симбирске, и очень помню, что за стол мой, — письменный, красным покрыт, — Вы со мной не расплатились, и потому век вечный должны посылать мне книжки Ваши» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 89. Л. 11).

Был в «Нашей Жизни». — Петербургская ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета «Наша жизнь» (1904—1906; издатель — проф. Л. В. Ходский) выходила без предварительной цензуры и выражала взгляды демократически настроенной интеллигенции. В 1905—1906 гг. Ремизов опубликовал здесь ряд рассказов и стихов, впоследствии вошедших в его первый сборник «Чертов лог и Полунощное солнце» (СПб.: Eos,

1908). Ближайшим сотрудником издания был П. Е. Щеголев, содействовавший продвижению в печать произведений начинающего писателя.

Познакомился с В. В. Водовозовым... — Василий Васильевич Водовозов (1864—1933), революционер-народник, публицист, юрист, экономист, правовед. В 1904—1905 гг. сотрудник газеты «Наша жизнь»; в начале 1906 г. ее редактор; в последних номерах журнала «Новый путь» (1904. № 10, № 12) и в «Вопросах жизни» (1905) печатался в рубрике «Иностранное обозрение».

...от Шестова... — Лев Исаакович Шестов (наст. фам. Шварцман; 1866—1938), философ, близкий друг Ремизова. Знакомство Ремизова с Шестовым состоялось ранней осенью 1904 г. в Киеве. Ср. письмо Ремизова Щеголеву от 3 октября: «Познакомился с Булгаковым и Шестовым, но ничего не разговаривал, а как всегда в первые встречи — единственные слова были глупыми, с пропусками букв в словах» (Письма к Щеголеву (2). С. 203). История взаимоотношений запечатлелась в обширной переписке. См.: Переписка Шестова. См. также: *Данилевский А. А.* А. М. Ремизов и Лев Шестов (Статья первая) // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1990. Вып. 883. С. 139—156.

...с Н. П. Ашешовым... — Николай Петрович Ашешов (1886—1923), литературный критик, публицист; в 1904—1905 гг. ближайший сотрудник газеты «Наша жизнь». В середине 1910-х гг. написал несколько статей, критически оценивающих художественные достоинства розановских «Опавших листьев». Подробнее см. статью А. Н. Николюкина «Ашешов Николай Петрович» (Розановская энциклопедия. С. 98).

Философов — Дмитрий Владимирович Философов (1872—1940), публицист, критик, в 1899—1904 гг. руководитель литературного отдела в журнале «Мир искусства». До первой личной встречи в Петербурге Ремизов состоял с Философовым в переписке (1901—1904); критик отправлял ему в Вологду номера «Мира искусства» и старался ввести начинающего писателя в столичный литературный мир. В 1904 г. Ремизов переслал Философову как представителю редакции «Нового пути» начальные главы своего первого романа «Пруд» и получил ответ, свидетельствовавший о неподдельном интересе к этому произведению. Подробнее об истории их отношений см.: Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / Вступ. статья, публ. и коммент. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 366—422.

С. 19. *Потом у Розанова. Познакомился с П. П. Перцовым.* — Петр Петрович Перцов (1868—1947), публицист, критик, искусствовед, официальный издатель и редактор журнала «Новый путь». Еще до личного знакомства с Ремизовым одобрил и принял к публикации в журнале цикл рассказов «По этапу» (1903). В письмах к жене начинающий писатель сообщал, что его первая встреча с Перцовым состоялось 5 июня 1904 г. (На вечерней заре (2). С. 250). «Долгая и прочная дружба» Перцова с Розановым началась в 1896 г. (подробнее см.: *Перцов П. П.* Литературные воспоминания: 1890—1902 гг. С. 259— 271).

И тихонько из Опытов... — «Опытами» Розанов называл собственные эротические переживания.

Ср.: «...я ⟨...⟩ если этим делом и баловался, то в сущности для „опытов". Т. е. наблюдал и изучал. А чтобы „для своего удовольствия" — то почти и не было» (Листва. С. 70). Ср. также запись Розанова 1911 г.: «О, мои грустные „опыты"... И зачем я захотел все знать. Теперь уже я не умру спокойно, как надеялся» (Там же. С. 43).

Л. Б. — Лев Самойлович Бакст (наст. фам. Розенберг; 1866—1924), художник, участник группы «Мир искусства», иллюстрировал издание эротической сказки Ремизова «Царь Додон» (1921); автор портрета Розанова (1902).

— Кажется, полагается ... две мухи? Это для моей повести «О табаке». — Подобная тема развивается в эротическом «сказе» «Что есть табак. Гоносиева повесть» (1906). Ср.: «Бывало, как станет припекать солнышко, выйдет Саврасий на огород, совлечет с себя вретище, ляжет где в грядку, этими самыми своими частями прямо на припеке, и лежит. Поналетят мухи, сядут ему на них и почнут ходить, и взад и вперед...» (Докука и балагурье. С. 526).

...мы отдельно теперь на 5-ой. — Переезд Ремизовых из квартиры, в которой располагалась редакция журнала «Вопросы жизни», в съемную квартиру на 5-й Рождественской ул. (д. 38, кв. 2) состоялся 26 сентября 1905 г.

Читал Осип Дымов. Он изумительно представляет... — С прозаиком, драматургом, журналистом Осипом Дымовым (наст. имя и фам. Иосиф Исидорович Перельман; 1878—1959) Ремизов встречался на «средах» у Вяч. Иванова, в доме Ф. Сологуба, на редакционных собраниях журналов «Вопросы жизни» и «Золотое руно». В литератур-

ных салонах Дымов славился своими артистическими способностями к пародированию окружающих. Об одной из таких эскапад упоминала Л. Д. Зиновьева-Аннибал в письме к М. М. Замятниной, описывая собрание литераторов на «Башне» Вяч. Иванова 28 сентября 1905 г.: «Дымов набросал наши карикатуры. Вячеслава старым носатым с острыми сверлящими глазами... Меня ужасной волчицей с оскаленной огромной челюстью и большими белками, в которых остро торчит маленький зрачок. Похоже, но кошмарно...» (Цит. по: Богомолов: 2009. С. 132).

А. Л. Волынский — литературный псевдоним Акима Львовича (Хаима Лейбовича) Флексера (1861—1926), литературного критика, философа, искусствоведа. Письма Ремизовых второй половины 1900-х гг. к Волынскому (ИРЛИ. Ф. 637. Ед. хр. 97; 98) свидетельствуют об их доверительных отношениях.

Познакомился с С. Л. Рафаловичем: его стихи в «Содружестве»... — Имеется в виду сборник стихов Сергея Львовича Рафаловича (наст. фам. Зеликович; 1876—1944) «Светлые песни», вышедший в петербургском издательстве «Содружество» в конце 1905 г. Сохранился лист из этой книги с инскриптом, датированным 4 января 1906 г.: «Алексею Михайловичу Ремизову на добрую память. Сергей Рафалович» (ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 1648).

...а похож он на принца Орлеанского. — Возможно, сопоставление с выдающимся лириком XV в. герцогом Карлом Орлеанским (1391?/1394—1465) возникло по принципу аналогии. Прославленный «принц-поэт» свободно писал баллады и сонеты на английском и французском языках. Поэтическое

творчество С. Рафаловича также отличалось билингвизмом. Подолгу живя во Франции, он писал и публиковал стихи, как на русском, так и французском языках.

Был еще Леонид Семенов — этот, как олень. — Леонид Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский (1880—1917), поэт, прозаик. Ср. письмо Ремизова к жене от 26/27 июня 1905 г.: «Был Леонид Семенов. Олень. И какая рогатая гордость! На гордость я ему отвечал невероятными сообщениями, говоря: дурак, сними рога и посмотри попроще» (На вечерней заре (3). С. 459). См. также о нем: *Чулков Г.* Годы странствий. С. 176—177; *Пяст Вл.* Встречи. С. 39—43; История одной жизни: Воспоминания А. Д. Семенова-Тян-Шанского / Публ. Т. Л. Латыповой // Встречи с прошлым. Вып. 9. М., 2000. С. 216—283; *Семенов Л.* Стихотворения. Проза / Изд. подгот. В. С. Баевский. М., 2007.

С. 20. *...«В. Ж.» возможно и не будут на будущий год.* — В письме к К. А. Сюннербергу от 4 ноября 1905 г. Ремизов высказывал схожие опасения: «Голова кругом идет. Промышляю, чего бы схва⟨ти⟩ть в 1906 г. „В⟨опросы⟩ Ж⟨изни⟩" не будут существовать, так, по крайней мере, держится слух, стало быть, и мое бухгалтерское место полетит к черту на кулички. И вот у меня одна дума в голове, как бы так устроить, чтобы нагишом не пробежаться» (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 228. Л. 2). Решение о закрытии «Вопросов жизни» было принято редакцией в ноябре 1905 г., однако последний номер журнала (№ 12) вышел в марте 1906 г. Ср. запись Е. П. Иванова от 21 марта 1906 г.: «Пошел в Вопросы жизни и принес 12 №. Хорошая кончина журнала» (Воспо-

минания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке / Вступ. статья Д. Е. Максимова; публ. Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова; подгот. текста Э. П. Гомберг, коммент. Э. П. Гомберг и А. М. Бихтера // Блоковский сборник: Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. / Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1964. С. 402).

У Вяч. Иванова занимались спиритизмом. — Ср. описание «среды» (28 сентября 1905 г.) в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 12 октября: «На позапрошлой ⟨«среде»⟩ было собрание небольшое: Розанов с падчерицей, Ремизовы, Дымов. Розанов был в ударе и свежо рассказывал анекдоты из области любовных переживаний его супруги... Но ушли около часу. Тогда остальные и мы сели за спирит⟨ический⟩ сеанс (Дымов объявил себя новоявленным медиумом). Но ничего не вышло» (Цит. по: Богомолов: 2009. С. 131).

В. В. Розанов сказал: когда он в ударе и исписанные листы ... у него это торчит, как гвоздь. — Ср.: «...сочинения мои замешаны не на воде и даже не на крови человеческой, а на *семени человеческом*» (Листва. С. 150).

Умер проф. С. Н. Трубецкой. — Сергей Николаевич Трубецкой, князь (1862—1905), философ, общественный деятель, ректор Московского университета, член «Союза освобождения». Внезапная смерть настигла Трубецкого в Петербурге 29 сентября, после сердечного приступа из-за выговора от министра народного просвещения В. Г. Глазова за допущенные в Московском университете студенческие волнения.

...был у нас Ф. К. Сологуб... — Появление поэта и прозаика Федора Сологуба (наст. имя и фам. Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927) в квартире Ремизовых при редакции «Вопросов жизни» было отчасти связано с публикацией в журнале романа «Мелкий бес» (1905. № 6—11). О личных и литературных связях двух литераторов см.: *Грачева А. М.* К истории отношений Алексея Ремизова и Федора Сологуба (Введение к теме) // Блоковский сборник. XV. Русский символизм в контексте рубежа XIX—XX вв. Тарту, 2000. С. 171—181.

...В. Е. Ермилов из Москвы, чтец Чехова. — Владимир Евграфович Ермилов (1859—1918), эстрадный чтец юмористических пьес и рассказов, в особенности произведений А. П. Чехова; киноактер комического амплуа; автор множества очерков для детей о деятелях российского просвещения, писателях и поэтах, а также о полководцах и истории русских военных побед; педагог, составитель учебников по грамматике, создатель методик воспитания. См. о нем в кн.: *Ермилов Е.* Бессребреник Серебряного века. М., 2008.

С. 21. *Хоронили Трубецкого. Несли на Николаевский вокзал. Демонстрация.* — Наблюдавший многолюдную похоронную процессию, следовавшую по Суворовскому проспекту к Николаевскому вокзалу, М. Кузмин записал в дневник: «Когда сегодня мимо нас провозили Трубецкого, случилось какое-то замешательство и толпа в панике, в ужасе бросилась бежать, на извозчиках, просто так, в лавки, и сверху это производило впечатления картины какого-то англичанина „Манифестация". На Невском были какие-то волнения, но более или менее обычного типа»

(Кузмин. С. 50). Сохранился черновой вариант неопубликованного некролога Розанова «Памяти С. Н. Трубецкого» (ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 140).

Вечером ездили к Ф. К. Сологубу на В. О. в училище, где он инспектором. — В 1899—1907 гг. Федор Сологуб служил учителем-инспектором в Андреевском городском училище (Васильевский остров, 7-я линия, д. 38); здесь же находилась и казенная квартира писателя. Подробнее об этом периоде жизни Сологуба см.: *Павлова М.* Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 215—232.

Сюннерберг — Константин Александрович Сюннерберг (псевд. Конст. Эрберг; 1871—1942), теоретик искусства, критик, поэт, переводчик; оставил мемуарные заметки о современниках символистского круга, где, в частности, описал впечатления от встреч с Сологубом на квартире при Андреевском училище. См.: *Эрберг Конст.* (К. А. Сюннерберг). Воспоминания / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 138—140.

...Кондратьев, Зоргенфрей... — Молодые поэты Александр Алексеевич Кондратьев (1876—1967) и Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882—1938) в 1905 г. публиковали свои стихи в журнале «Вопросы жизни» (№ 3, 6). В описи личной библиотеки Сологуба зафиксирован сборник А. Кондратьева (автор обозначен инициалами: А. К.) «Стихотворения» (СПб., 1905) с дарственной надписью, датированной 2 мая 1905 г. См.: *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба (материалы к описанию) //

Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 445.

...и, конечно, Василий Иванович (Коренев). — Очевидно, ошибка в написании фамилии. Речь идет о Василии Ивановиче Корехине, авторе книги «Зарницы» (1898), который стал писать стихи под влиянием своего приятеля и сослуживца Ф. Сологуба и публиковался под псевдонимами «В. Корин» и «Горицвет».

Я писал в альбомы передоновщину: брежу «Мелким бесом». — Темы затхлости и дикости провинциальной жизни в романе «Мелкий бес», а также некоторые характеристики провинциального учителя Передонова, ставшего символом маниакально-извращенного поведения, отчасти сказались в первой черновой редакции повести Ремизова «Крестовые сестры» (1910), сохранившейся в архиве Иванова-Разумника. Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 8—9.

Была у нас Зинаида Николаевна и Т. Н. — Сестры Гиппиус; Татьяна Николаевна Гиппиус (1877—1957), художница.

Мережковские собираются за границу. — Отъезд Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философова в Париж состоялся 25 февраля 1906 г. Об этом периоде жизни «тройственного союза», который продлился более двух лет, см.: *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906—1908) // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 319—371.

С. 22. *У Вяч. Иванова. Познакомился со Скитальцем и Юшкевичем.* — Речь идет о знамена-

тельной встрече символистов и реалистов на «среде» 5 октября 1905 г. Реалисты, в число которых входили писатели Скиталец (наст. имя и фам. Степан Гаврилович Петров; 1869—1941) и Семен Соломонович Юшкевич (1868—1927), объединившиеся вокруг книгоиздательства (1898—1913) и сборников «Знание» (1904—1913), предложили Вяч. Иванову собраться на «Башне» для совместного прочтения и обсуждения рассказа М. П. Арцыбашева «Тени утра». Ср. описание этой встречи Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «Первыми пришли Скиталец и Юшкевич. Тотчас завязали разговор о взаимном недоверии и нужде примириться. Юшкевич кажется неглуп, и речист задорно и бестолково. Скиталец верзила, ломающий руки, славный ⟨?⟩, крестьянином молчалив. Потом привалило еще всяких в блузах, в армяках, в сапожищах. Пришли и наши: Чулков, Ремизов, Жуковский, Сологуб. Были Скирмунт (милейший), Овсянико-Куликовский. Арцыбашев глух и безголосен. За него читал бас — Жилкин. 30 человек всего» (Цит. по: Богомолов: 2009. С. 133). Актуальность темы противостояния символистов и реалистов-знаньевцев нашла своеобразное отражение в одной из мистификаций Ремизова, направленной непосредственно на Скитальца и распространенной через владельца петербургской типографии А. П. Монтвида. Описывая свои проделки в письме П. Е. Щеголеву от 27 июля 1905 г., Ремизов притворно жаловался: «Не везет мне с „Знанием". Рассказал я как-то Монтвиду, будто Скиталец, закуривая папиросу, поджег себе усы, усы вспыхнули и до корней обгорели, так что губа обнажилась и нет надежды на зарощение. Будто насчет безнадежности Горький сказал. Вчера Монтвид был

в редакции и рассказал мне, как Скиталец обиделся. Монтвид, увидев усы, поздравил его и объяснил всю ту историю, какая якобы стряслась с ним. Вот, Государь и Благодетель, какие происшествия. Пущу теперь слух о Горьком. Человека мне нужно подходящего, чтобы и поверил и по ветрам разнес злоключение» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1479—1610. Л. 113).

У Скитальца — голос-гусли... — В юности Скиталец служил певчим в архиерейском хоре. См. статью о нем Н. Г. Воронцовой в биографическом словаре «Русские писатели: 1800—1917» (Т. 5. М., 2007. С. 633). Ср. также письмо Горького к Л. В. Средину от 31 января 1901 г.: «Живет у меня один певчий, по имени Скиталец, человек, удивительно играющий на гуслях и пьющий на основании солидных мотивов» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 1. С. 344). Именно таким «гусляром» Скиталец представлен на известной фотографии вместе с М. Горьким (нач. 1900-х гг.).

Не забыть под Андрея погадать. — Имеется в виду день памяти апостола Андрея Первозванного (30 ноября по ст. ст.); по народной традиции накануне этого дня (29 ноября) девушки гадали на суженого.

...Н. А. Бердяев ... в Вологде всегда с ним было весело. — Веселый нрав молодого Бердяева и дружескую атмосферу в кругу политических ссыльных Вологды в 1901—1903 гг. Ремизов запечатлел в строках шутливой поэмы, написанной в те же годы. Ср.: «Вон диван, где игриво-захмелевший Николай Александрович 〈Бердяев〉, / хохоча и странно жестикулируя, заучивал Царя Никиту...» (*Ремизов А. М.* «Не-

кролог» П. Е. Щеголеву. С. 187). См. также: Подстриженными глазами. С. 485—505.

...и все дети... — У Розановых было пятеро детей: Татьяна (1895—1975), Вера (1896—1919), Варвара (1898—1943), Василий (1899—1918), Надежда (1900—1958); в семье также жила Александра Михайловна Бутягина (1883—1920) — дочь Варвары Дмитриевны от первого брака.

С. 23. *Н. К. Рёрих — знает всю доисторическую историю...* — Подробнее о взаимоотношениях живописца, писателя и философа Николая Константиновича Рериха (1874—1947) с Ремизовым см.: *Рерих Н. К.* Письмо к А. М. Ремизову / Публ. С. С. Гречишкина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 196—199.

Проф. Е. В. Аничков, автор «Весенней и обрядовой песни», ученик Веселовского... — Приват-доцент кафедры западных литератур Петербургского университета (с 1902 г.) Евгений Васильевич Аничков (1866—1937), впоследствии известный историк литературы, фольклорист, критик и прозаик, был удостоен Уваровской премии Академии наук за диссертацию «Весенняя обрядовая поэзия на западе и у славян» (В 2 т. СПб., 1903—1904). Углубляя исследования академика Александра Николаевича Веселовского (1838—1906) в области календарных обрядов, Аничков выдвинул концепцию происхождения искусства из народной обрядовой практики. Ремизов широко использовал материалы труда Аничкова при создании книги «Посолонь» (1907).

Тэффи, сестра Лохвицкой и Л. Е. Габрилович. — Писательница Надежда Александровна

Тэффи (наст. фам. Лохвицкая, по мужу — Бучинская; 1872—1952), сестра поэтессы Мирры (Марии) Александровны Лохвицкой (по мужу — Жибер; 1869—1905). Упоминание имени М. Лохвицкой в дневниковой записи Ремизова от 11 октября, очевидно, связано с публикацией некролога в сентябрьском номере «Вопросов жизни» (С. 292—293; автор: Вяч. Иванов) в связи с внезапной кончиной поэтессы, умершей от сердечной болезни 27 августа (9 сентября) 1905 г. Некролог памяти Мирры Лохвицкой в журнале «Театр и искусство» (1905. № 37) посвятил и Леонид Евгеньевич Габрилович (псевд. Л. Галич; 1878—1953), в начале 1900-х гг. состоявший приват-доцентом на кафедре философии Петербургского университета. См.: *Алексеев П. В.* Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 210. Ученый-физик по образованию, Галич также занимался журналистикой, сотрудничал в газете «Речь», увлекался поэзией и был вхож в символистские круги; в эмиграции написал несколько очерков о современниках, в частности о литературном дебюте Тэффи (*Галич Л.* Страстоцвет // Руль. 1923. № 7485. 25 мая. С. 2—3), а также о встречах с Сологубом (*Галич Л. Е.* Федор Сологуб // Новое русское слово. 1947. № 13009. 7 декабря. С. 2, 6). В 1905—1909 гг. Тэффи и Габриловича связывали близкие отношения; в 1905 г. они снимали квартиры в доме на Саперном, 10, где располагалась редакция «Вопросов жизни». Ср. записи в дневнике Ф. Ф. Фидлера, с немецкой педантичностью отслеживавшего разного рода сближения литературной богемы: 12 марта 1906 г.: «...вечер поэтов у Авенариуса. Тэффи появи-

лась в сопровождении неофита Габриловича (псевдоним — Леонид Галич), уехавшего вместе с ней домой»; 3 января 1910 г.: «...на костюмированном балу у Сологуба. 〈...〉 Тэффи — вакханка: более обнажена, нежели костюмирована (пришла без своего Галича; значит, уже не вместе)» (Фидлер. С. 432; 526—527).

...два молчальника — Блок и Н. П. Ге, внук художника. — О своей первой встрече с Александром Александровичем Блоком (1880—1921), который «еще в студенческой форме с синим воротником» пришел в редакцию «Вопросов жизни», Ремизов вспоминает в книге «Петербургский буерак» (см.: Петербургский буерак. С. 329). История отношений Ремизова с Блоком нашла также отражение в публикации: Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; публ. и коммент. А. П. Юловой // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 63—142. Николай Петрович Ге (1884—1920) — в 1905 г. студент первых курсов университета, впоследствии искусствовед, публицист (внук живописца Николая Николаевича Ге). Познакомился с Блоком в том же 1905 г. Вместе с Вл. Пястом, С. Городецким и Л. Семеновым они составили студенческую компанию молодых поэтов. См.: *Бекетова М. А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 73. Тогда же Ге оказался под сильным влиянием Розанова. Ср. дневниковую запись Е. П. Иванова о первом совместном посещении философа 20 ноября 1905 г.: «Был с Сашей (А. П. Иванов. — *Е. О.*), с Блоком и Ге у Розанова в первый раз» (ИРЛИ. Ф. 662. Ед. хр. 40. Л. 247). Ср. также: «Очень преданы Розанову были молодые Ге и Ива-

нов (Е. П. Иванов. — *Е. О.*). Василий Васильевич среди них напоминал греческого философа в своей гимназии. Они вопрошали — а он разрешал все их недоумения. Беседы тянулись долго — часов до 2-х ночи» (*Лутохин Д. А.* Воспоминания о Розанове // Вестник литературы. 1921. № 4—5. С. 6).

С. 24. *В. В. Перемиловский* — переводчик Владимир Владимирович Перемиловский (1880—1950-е гг.), один из первых петербургских знакомых писателя; ему посвящена легенда Ремизова «О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь» (1906). Подробнее об их отношениях см.: Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемиловскому / Подгот. текста Т. С. Царьковой; вступ. статья и примеч. А. М. Грачевой // Русская литература. 1990. № 2. С. 197—235.

«Всероссийская забастовка железнодорожных рабочих». — Забастовка, парализовавшая всю транспортную сеть России, началась 6 октября 1905 г., по решению Центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза. Первыми 7 октября забастовали рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги, затем Ярославской и Курской дорог. 11 октября бастовали уже 14 дорог, а 17 октября всеобщая забастовка повсеместно парализовала транспорт.

13. 10. Среда у Вяч. Иванова. — «Среда» состоялась в ночь с 12 на 13 октября. См.: Богомолов: 2009. С. 135.

14. 10. ½ 8-го погасло электричество. — Причиной отключения электричества стало участие в забастовках рабочих городских электростанций. Ср. мотив отсутствия электрического света в стихотворении А. Блока «Сытые» (датировано 10-м ноября

1905 г.), которое по авторским примечаниям было «внушено октябрьскими забастовками 1905 года в Петербурге». См. также комментарий к стихотворению: *Блок А. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Стихотворения. Кн. 2 (1904—1908). М., 1997, С. 757.

У Розанова. Познакомился с Григорием Петровым. — Священник Григорий Спиридонович Петров (1868—1925), автор нравоучительных брошюр для народа и популярной книги «Евангелие как основа жизни». См. о нем: *Преображенский И. В.* Новый и традиционный духовные ораторы о. Григорий Петров и Иоанн Сергиев, Кронштадтский. СПб., 1902. Либеральный публицист, о. Григорий первоначально вызвал у Розанова неподдельный интерес как проповедник, обращенный к жизненным потребностям православного человека. Ср.: «Все жду, когда Григорий Спиридонович П-в напишет свою биографию. Ведь он замечательный человек» (Листва. С. 99). Книгам и публичным выступлениям Петрова Розанов посвятил полемические статьи «Прекрасный Иосиф и его братья» (1903), «Случай в деревне» (1904) и др. Впоследствии Розанов переменил свое отношение на резко негативное: «Григорий Петров. Одна из самых отвратительных фигур, мною встреченных за жизнь. ⟨...⟩ Такого честолюбия я ни в ком не видел: Александр Македонский со средствами Мазини» (Цит. по: Уединенное. С. 654).

...приехал Шестов, повел я его к Розанову... — С 1901 по 1908 г. Л. И. Шестов жил в Киеве. Личное знакомство двух философов произошло в 1902 г. благодаря Д. С. Мережковскому, который позвал автора книги «Достоевский и Нитше. Философия тра-

гедии», уже известной по публикации в журнале «Мир искусства» (1902. № 2—9/10), на одно из воскресений к Розанову. Розанов благожелательно оценил книгу Шестова «Апофеоз беспочвенности» (1905). Рецензия под названием «Новые вкусы в философии. Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. С.-Петербург. 1905» (Новое время. 1905. № 10612. 17 сентября. С. 4) понравилась и самому Шестову. В письме к Ремизову в конце сентября 1905 г. он писал: «Спасибо тебе, голубчик, Алексей Михайлович, что написал о статье Розанова. Без тебя так бы и не узнал. „Новое время" „порядочные" люди не читают. ⟨...⟩ Если увидишь В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ — поблагодари от моего имени: статья хорошая и интересная. ⟨...⟩ одну сторону он превосходно схватил. В философии должен быть характер, темперамент. Превосходно сказано. Это о В⟨асилии⟩ В⟨асильевиче⟩ и обо мне» (Переписка Шестова. 1992. № 3. С. 158—159).

С. 25. *Манифест о свободах.* — В ночь с 17 на 18 октября 1905 г. был распространен подготовленный С. Ю. Витте и подписанный Николаем II манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», согласно которому узаконивались гражданские свободы: свобода совести, слова, собраний, союзов, расширение избирательных прав и т. д. Нарушая обычный порядок обнародования Высочайших манифестов, Витте приказал немедленно напечатать только что подписанный императором документ в газете «Правительственный вестник», а также отдельным изданием. Тираж был получен к полуночи 18 октября. События этих дней описывались, в частности, в газете «Наша жизнь»: «17-го октября, поздно вече-

ром, в тот самый момент, когда около технологического института шла стрельба, на полутемном Невском газетчики продавали манифест, возвещавший населению о давно жданных свободах» ([Б. п.] Около манифеста // Наша жизнь. 1905. № 310—312. 22 октября. С. 2).

Новые: два старца — В. С. Миролюбов («Журнал для Всех») и И. И. Ясинский («Беседа»). Это будут повыше Юшкевича со Скитальцем! И Арцыбашев. — Отмечая гостей литературного кружка, собравшегося 19 октября 1905 г., Ремизов подчеркивает намерение Вяч. Иванова организовать диалог между представителями реалистического и модернистского направлений. Виктор Сергеевич Миролюбов (1860—1939) — редактор-издатель петербургского ежемесячного иллюстрированного «Журнала для всех» (1898—1906) и «Нового журнала для всех» (1908—1916). Иероним Иеронимович Ясинский (один из псевд.: Максим Белинский; 1850—1931), плодовитый писатель, литературный багаж которого к началу 1900-х гг. включал «Полное собрание повестей и рассказов» (в 4 кн.) и «Собрание романов» (в 3 кн.; СПб., 1888—1889); журналист, критик, переводчик, мемуарист, редактор журналов «Ежемесячные сочинения» (1900—1903) и «Беседа» (1903—1908). См. о нем: *Пильд Л.* Иероним Ясинский: позиция и репутация в литературе // Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту, 2003. С. 36—51. В «Беседе» Ясинский проводил политику сближения реалистического направления с новыми тенденциями литературы начала 1900-х гг., публикуя на страницах издания произведения символистов. Ср.

запись Л. Д. Зиновьевой-Аннибал о следующей «среде» (в ночь с 2 на 3 ноября), аналогичной по своей тематической направленности и составу приглашенных литераторов: «Вечер был тем интересен, что соединил действительно несоединимое. Были с этими „реалистами" Арцебашевым (так!) и К° Мережковский с Зиночкой, Розанов, Сологуб, Философов, Максим Белинский (это уж их), Миролюбов («Журнал для Всех»), Чулков, Ремизов, Жуковский, Бердяев, словом, весь литер⟨атурный⟩ Петербург ⟨...⟩ Но в результате оказалось, что невозможно дружеское собеседование даже на почве литературы» (Цит. по: Богомолов: 2009. С. 135—136).

«Завтра обещают пустить электричество», — так сказал Войтинский. — Подача электричества в Петербурге была возобновлена 20 октября после прекращения всеобщей забастовки. Войтинский Владимир Савельевич (1885—1960) — журналист; с 1905 г. член РСДРП, большевик.

С. 26. *Приходили к нам Мережковские. ... Бесподобно представляет их В. Ф. Нувель.* — Вальтер Федорович Нувель (1871—1949), чиновник особых поручений Министерства императорского двора, один из учредителей объединения «Мир искусства», обладал многогранными артистическими, литературно-художественными способностями и являлся любимцем символистского Петербурга. См. о нем: *Виноградова Е. В.* Семья Философовых на страницах воспоминаний о С. П. Дягилеве В. Ф. Нувеля // Философовские чтения. Сборник материалов первых Философовских чтений. Псков, 2005. С. 137—143. Об отношениях Нувеля с Мережковскими см.: Письма З. Н. Гиппиус к В. Ф. Нувелю /

Вступ. статья, публ. и примеч. Н. А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. СПб., 2001. С. 303—348.

В Калише 18 октября на радостях по случаю манифеста качали при криках «да здравствует свобода!» — губернатора, полицеймейстера и... охранников. — Ср.: «Калиш, 19 октября ⟨...⟩ Вчера толпа приветствовала на улице губернатора, вице-губернатора и полицеймейстера восторженными криками „ура", качая их на руках» (Новое время. 1905. № 10639. 23 октября. С. 5).

Аскольдов — Сергей Алексеевич Аскольдов (наст. фам. Алексеев; 1870—1945), религиозный философ, критик, публицист, один из учредителей Религиозно-философского общества в Петербурге.

...когда у Казанского Собора запели «Вечную память»... — Речь идет о событиях 18 октября. Ср.: «Тысячные толпы с десятками красных флагов собрались в 12 ч. дня на Казанской площади. Послышалось громовое „вечная память" и затем звуки марсельезы. Ораторы, выступившие из толпы, требуют немедленного освобождения политических преступников, выведения из Петербурга всех войск и замены их национальной милицией. С пением, криками толпа направляется к Дворцовой площади, запрудив весь Невский от Садовой улицы» (Биржевые ведомости. 1905. № 9076. 22 октября. С. 5).

С. 27. *Когда я слышу о событиях — о митингах и шествиях, мне приходит на ум маркиз де Сад.* — Произведения скандально знаменитого французского писателя маркиза де Сада (1740—1814) стали символом аморализма, жестокости, преступления и святотатства, а имя автора нари-

цательным: садизмом называют как сексуальное извращение, так и удовольствие от насилия вообще.

С. 28. *У Мережковских. Впервые знакомятся с «запрещенной» революционной литературой. А я как-то устал и особенно от разговоров.* — В отличие от новообращенных радикалов Мережковских Ремизов имел революционное прошлое. В 1896 г. перед поступлением в Московский университет он совершил поездку в Европу, посетил Швейцарию, Германию и Австрию. В этих центрах русской политической эмиграции будущий писатель приобщился к запрещенным в России изданиям социал-демократического направления. Настоящая цель вояжа материализовалась в виде объемного сундука, в двойном дне которого юноша вывез на родину около 20 экземпляров нелегальной литературы. Содержимое сундука особенно пригодилось в ссылке в Пензе (1897), где он занялся пропагандой и распространением марксистских книг. Подробнее см.: *Морозов В. Ф.* Первые марксистские кружки в Пензе // Очерки истории пензенского края. Пенза, 1973. С. 300; *Грачева А. М.* Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица. Биографический альманах. 3. М.; СПб., 1993. С. 419—447.

Проще всего привести к Розанову еврея. — Причиной пристального внимания Розанова к еврейской культуре была проходящая через все его творчество тема философского осмысления истории и культа иудаизма — жизнеутверждающей религии пола, которая, по мысли философа, отличается от христианства подлинным обращением к человеку. Филосемитизм Розанова, выраженный, в частности, в статье «Юдаизм» (1903), а также в книге «Люди лунно-

го света» (1911), — свободно уживался с его откровенным антисемитизмом в «Опавших листьях» (Т. I. СПб., 1913; Т. II. СПб., 1915) и других книгах. Подробнее см.: *Матич О.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. С. 277—292.

В. В. тоже засел за Дебагория-Мокриевича. — Розанов называл опубликованные в эмиграции (в Париже: 1894—1898 и Штутгарте: 1903) «Воспоминания» публициста и революционера-народника Владимира Павловича Дебагория-Мокриевича (1848—1926) «удивительными» и в статье «О „переживаниях" и „переживших"» (Русское слово. 1906. 7 января. № 6) высказывался за их издание в России. «Воспоминания» вышли в Петербурге в конце 1906 г.

С. 29. *Познакомился с Андреевским...* — Сергей Аркадьевич Андреевский (1847—1918), поэт, прозаик, успешный адвокат, признанный современниками как «патриарх русского декадентства» (*Пяст Вл.* Встречи. С. 39).

Д. С. — Дмитрий Сергеевич Мережковский.

Философов подтрунивает — это все насчет революционной литературы, как Мережковские открывают Америки. — Ироническая реакция на стремительную радикализацию общественно-политических настроений Мережковских в 1905 г. Ср. также розановскую характеристику Мережковского как «первооткрывателя» уже известных или чужих идей. Ср.: «Мережковский всегда строит из чужого материала, но с чувством родного для себя. В этом его честь и великодушие. 〈...〉 Я дал компас и, положим, сказал, что „на западе есть страны". А он открыл

Америку. В этом его уроднении с чужими идеями есть великодушие. И Бог его наградил» (Листва. С. 42—43).

— *Кеннан-Ренан, что такое нравственность?* — Контаминация «рифмующихся» фамилий двух запрещенных цензурой авторов: американского этнографа Джорджа Кеннана (1845—1924) — автора книги «Сибирь и ссылка» (первое издание на русском языке — Париж, 1890) и французского философа и историка религии Эрнеста Ренана (1823—1892) — автора знаменитой «Жизни Иисуса», до 1906 г. выходившей на русском языке исключительно за границей. Вопрос о нравственности, возможно, имеет отношение к работе П. Л. Лаврова «Социальная революция и задачи нравственности» (Женева, 1884), также запрещенной царской цензурой.

С. 30. *Приехал из Вологды А. Маделунг...* — С датчанином Аггеем (Оге, Ааге) Андреевичем Маделунгом (1872—1949), в начале 1900-х скупщиком и экспортером масла, а позже писателем, Ремизов подружился во время вологодской ссылки. См.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. П. А. Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976.

Не дождался один Каляев! — Член Боевой организации эсеров Иван Платонович Каляев (1877—1905) за совершение террористического акта 4 февраля 1905 г. — убийство великого князя Сергея Александровича — был казнен в Шлиссельбургской крепости. Для Ремизова это имя связано с первыми поэтическими публикациями в ярославской газете «Северный край» (сентябрь 1903 г.), где политический ссыльный Каляев служил корректором. См. о

нем: Подстриженными глазами. С. 441—442, а также воспоминания сотрудницы редакции «Северного края» А. В. Тырковой «На путях к свободе» (London, 1990. С. 105—108).

Читаю записки Л. А. Волькенштейн. — Член «Народной Воли» Людмила Александровна Волькенштейн (другое написание фамилии — Волкенштейн; 1857—1906) по «Процессу 14-ти» (1884) была приговорена к смертной казни, замененной пятнадцатью годами каторги. До 1896 г. отбывала заключение в Шлиссельбурге. Речь идет о книге «13 лет в Шлиссельбургской крепости. Записки Людмилы Александровны Волкенштейн», которые в 1900—1906 г. неоднократно издавались зарубежными и петербургскими издательствами.

Щедрин (арест. 81 г.) вообразил, что половина головы у него пропала. — Революционер-народник Николай Павлович Щедрин (1858—1919) в 1881 г. был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывал на р. Каре (Забайкалье). Затем переведен в Петропавловскую крепость, а 1884-м заключен в Шлиссельбургскую крепость, где год спустя заболел. С 1896-го находился в Казанской психиатрической больнице. См.: *Попов М. Р.* Н. П. Щедрин // Былое. 1906. № 12. Подробности о психическом заболевании Щедрина Ремизов почерпнул из книги Л. А. Волкенштейн.

О ту пор создан был Комитет помощи заключенным шлиссельбуржцам. — В связи с амнистией для политических заключенных, объявленной Манифестом 17 октября 1905 г., был образован «Фонд помощи освобожденным политическим ссыльным и заключенным». В конце 1905 г. газета «Наша жизнь»

публиковала биографии политических узников, освобожденных из Шлиссельбургской крепости, а также отчеты о поступлениях в Фонд денежных пожертвований от населения.

...В. В. Розанов «Легенду о Великом Инквизиторе»... — Очевидно, речь идет о втором издании книги Розанова «Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария с присоединением двух этюдов о Гоголе» (СПб., 1902).

С. 31. *Что самое дорогое в Вас...* — В альбоме «Розанов» автограф Розанова № 4. Авт. коммент.: «1906 / Шлиссельбургским узникам. Надпись на книге. На титульном листе: „Легенда о Великом инквизиторе". Послать не удалось. С посылкой вышло несуразное: посылка состояла и из книг и из духов».

С. 32. *Затевается журнал «Факелы». Соединение декадентов с «Знанием». Это все Г. И. Чулков мудрует.* — В начале 1906 г. была объявлена подписка на двухнедельный литературный, художественный и общественный журнал» «Факелы», идеологическая программа которого соединяла поддержку социалистического движения в разрушении старого социально-экономического порядка и осуществлении более свободного и справедливого общественного устроения с «проповедью индивидуального освобождения». Среди участников проекта назывались фамилии Л. Андреева, К. Бальмонта, В. Брюсова, И. Бунина, Б. Зайцева, Вяч. Иванова, В. Мейерхольда, А. Серафимовича, Г. Чулкова, К. Сюннерберга, П. Щеголева и др. Корректуру анонса нового журнала с правкой К. А. Сюннерберга см.: ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 606. Издание журнала не состоя-

лось. В 1906—1908 гг. под редакцией Чулкова вышли три книги одноименного альманаха, идеологической платформой которого стал «мистический анархизм». См. также гл. «Факелы» в воспоминаниях Г. Чулкова «Годы странствий» (С. 81—88).

С. 32—33. *20. 11. ... Приехал Мейерхольд.* — Очевидно, ошибочная датировка. Переезд режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда (1874—1940) в Петербург вместе с артистами его труппы для создания театра «Факелы» состоялся 21 декабря. См.: *Мейерхольд В. Э.* Переписка. 1896—1939. М., 1976. С. 58 (недатированное письмо к В. П. Веригиной). Свое знакомство с Мейерхольдом Ремизов описал в гл. «Ход в окошко» и «В лакейской» книги воспоминаний «Иверень». См. также: Мейерхольдовские главы книги А. М. Ремизова «Иверень» / Публ. Л. Дворниковой и Н. Панфиловой; предисл. и примеч. О. М. Фельдмана // Мейерхольдовский сборник. Вып. 2: Мейерхольд и другие / Ред.-сост. О. М. Фельдман. М., 2000. С. 28—44.

С. 33. *Почто-телеграфная забастовка.* — См.: Новое время. 1905. № 10663. 21 ноября. С. 1.

«Факелы» соединяются и с Мейерхольдом. Стало быть, и журнал и театр «Факелы». — Речь идет о переговорах Мейерхольда с организаторами журнала «Факелы» о руководстве (вместе с Вяч. Ивановым) театрального отдела, а также театра «Факелы». Подробнее об этом несостоявшемся проекте см.: *Галанина Ю. Е.* В. Э. Мейерхольд на Башне Вяч. Иванова // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. С. 187—205. Отголоски обсуждения этой идеи проникли и на страницы печати: «В театральных кругах говорят о театре „Факелы".

Это как бы петербургская „Студия", так неудачно кончившаяся в Москве. Во главе „Факелов" г. Мейерхольд. Но осуществление проекта отложено до будущего года» (*Дымов О.* Петербургские театры. Письмо первое // Золотое Руно. 1906. № 2. С. 107). В газетной заметке упоминается о неудаче с проектом Театра-Студии Мейерхольда при московском Художественном театре.

В редакцию переезжает А. В. Тыркова. — Ариадна Владимировна Тыркова (в первом браке Борман, во втором — Вильямс; 1869—1962), общественная деятельница, член ЦК конституционно-демократической партии, публицист, прозаик, мемуарист. Знакомство Тырковой с издателем Д. Е. Жуковским состоялось в Германии в 1904 г., где она скрывалась от политических преследований русской полиции. Подробнее об этом см.: *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. С. 172—173. После объявленной амнистии для политических эмигрантов Тыркова вернулась в Россию (в конце октября—ноябре 1905 г.). Упоминаемый переезд в редакцию закрывающегося журнала, очевидно, был организован Жуковским.

Ходил к Парамонову наниматься ... Завтра с письмом Д. В. Философова в «Государственный Контроль». — Речь идет о неудачных попытках Ремизова найти работу. В первом случае — трудоустроиться у крупного промышленника, мецената и издателя Николая Елпидифоровича Парамонова (1876—1951). Ср.: «А. В. Тыркова — к Парамонову, на Сенную. Парамонов вроде здешнего фарфорщика Попова, а прием в конторе с семи утра; собирался меня куда-то в Персию послать, я обрадовался и заго-

ворил о персидских газелях и сказках, но ничего не вышло» (Петербургский буерак. С. 47). В другом случае Философов в письме от 5 ноября 1905 г. сделал Ремизову предложение поступить на службу в государственный орган, надзирающий за приходом, расходом и хранением капиталов правительственных: «Теперь уже несколько дней у меня есть возможность определить Алексея Михайловича в Контроль. Служба безобидная и чистая, занятий — часа четыре-пять в день, занятий не трудных и для Алексея Мих⟨айловича⟩ привычных. Во всяком случае верный кусок хлеба, и хорошее положение среди служащих» (Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова. С. 381).

В Контроле когда-то служил и Розанов. — Розанов служил в Государственном Контроле в должности чиновника особых поручений после переезда в Петербург из города Белого с марта 1893 по январь 1898 г., когда А. С. Суворин пригласил его работать в редакции газеты «Новое время».

А Вл. С. Соловьев в коляске катит. — Это упоминание о Владимире Сергеевиче Соловьеве (1853—1900) перекликается с розановской характеристикой философа-мистика как человека, лишенного «человеческой *сути*, нашей общей, нашей простой, нашей земной и „кровянистой"»: «Непременно он ездит только на извозчике, а не „ходит пешком" — „Влад. Соловьев вышел прогуляться и через 1/2 часа будет дома" — нельзя сказать, услышать невозможно это» (Мимолетное. С. 226).

С. 34. *Вчера собрание «Факелов». Меня приняли.* — В первой книге нового альманаха (1906) был опубликован рассказ Ремизова «Серебряные ложки»

(1903), а в третьей (1908) — пьеса «Бесовское действо» (1907).

К. А. Сомов и Е. Е. Лансере — Константин Андреевич Сомов (1869—1939) и Евгений Евгеньевич Лансере (1875—1946) в начале 1900-х гг. входили в объединение «Мир искусства». Сомову принадлежат иллюстрации к книге Ремизова «Что есть табак» (1908).

Собрание «Золотого Руна»: С. А. Соколов-Кречетов («Гриф»), Тароватый («Искусство»)... — Идея создания журнала, своей формой и содержанием отвечающего эстетической программе символистов, начала реализовываться в октябре 1905 г. при финансовой поддержке мецената Н. П. Рябушинского. Первый номер «Золотого руна» вышел в январе 1906 г. Помимо Рябушинского, в состав редакции входили Сергей Алексеевич Соколов (псевд. Сергей Кречетов; 1878—1936), поэт, владелец издательства «Гриф», издатель одноименных альманахов, и художник Николай Яковлевич Тароватый (?—1906), редактор-издатель московского художественно-критического журнала «Искусство» (1905). В письме к К. А. Сюннербергу осенью 1905 г. Тароватый писал: «„Искусство", как таковое больше не существует, и вышедший 8-й номер является последним. Но из „Искусства" возник новый журнал „Золотое Руно", каковой предполагается выпускать ежемесячно начиная с января 1906 г. Состав сотрудников, за немногими добавлениями, как Вы увидите из прилагаемого проспекта, тот же, что и в „Искусстве", я же приглашен заведовать в нем художественным отделом» (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 258. Л. 13—14). Подробнее о журнале см.: *Лавров А. В.* «Золотое руно» //

Русская литература и журналистика начала XX. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и и модернистские издания. М., 1984. С. 137—173; *Богомолов Н. А.* К истории «Золотого Руна» // Н. А. Богомолов. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 41—83. В 1906 г. на страницах «Золотого Руна» увидела свет книга Ремизова «Посолонь» (№ 7—9, 10).

У Мережковских. Познакомился с *Андреем Белым.* — Андрей Белый (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) гостил у З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского в их квартире на Литейном пр., д. 24/27 (дом А. Д. Мурузи). Мережковские радушно принимали 24-летнего московского поэта, оказывая ему литературное покровительство. Подробнее см.: *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. В данном случае подразумевается второе пребывание Белого в Петербурге в 1905 г., начавшееся 1 декабря и продлившееся более 20 дней. Свои впечатления о знакомстве с Ремизовым Андрей Белый описал в третьей книге мемуарной трилогии. См.: *Белый Андрей.* Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 64. Переписка между писателями завязалась в 1906 г. См.: Андрей Белый и А. М. Ремизов. Переписка / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 2010. С. 437—508.

Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову. — Характерный пример игрового поведения Ремизова, которое многие расценивали как «безобразия», или по-

веденческое и художественное «юродство». Ср. оценку И. А. Ильина в книге «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев» (1939): «Ему (Ремизову) нужно было провозгласить свое *право на художественное юродство*; и вместо того, чтобы сделать это в порядке серьезной статьи или храбро приступить к осуществлению своего юродствующего акта, он выбрал форму все преувеличивающей шутки, *по-юродски* провозглашая свое право на юродство. Впрочем, он, по-видимому, сам испытывал свой бунт не только как *переход к новым образам*, но и как *прорыв в безобразие*» (*Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6. Кн. 1. С. 300). В описании эпизода присутствует эротический подтекст: метафора нос / фаллос, характерная для фольклорных интерпретаций материально-телесного низа и верха, а также аллюзия к эротической сказке «Что есть табак» (1908), популярной в литературно-художественном мире.

...перевернул с помощью именинницы качалку с Н. А. Бердяевым. — Ср. описание этого эпизода у Андрея Белого, который впервые увидел Ремизова в гостях у Розановых: «...он сидел, такой маленький, всей головою огромной уйдя себе по́д спину; дико очками блистал; и огромнейшим лбом в поперечных морщинах подпрыгивал из-под взъерошенных, вставших волос; ⟨...⟩ вдруг, подскочивши к качалке, в которой массивный Бердяев сидел, он стремительно, дьявольски-цапким движением перепрокинул качалку; все, ахнув, вскочили; Бердяев, накрытый качалкой, предстал нам в ужаснейшем виде: там, где сапоги, — голова; там же, где голова, — лакированных два сапога; все на выручку бросились; только не Ро-

занов, сделавший ижицу, невозмутимо поплескивал с кем-то» (*Белый Андрей*. Начало века / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 479—480).

С. 35. *Ивановы* — Вячеслав Иванович Иванов и его супруга Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (урожд. Зиновьева, в первом браке Шварсалон; 1866—1907).

Тернавцев — Валентин Александрович Тернавцев (1866—1940) — богослов, чиновник Синода, один из активных участников Религиозно-философских собраний, близкий друг Розанова. Ср.: «Тернавцев был внутренне в церкви; а Розанов силился блеском церковных лампадочек иллюминировать акт полового сожития; и тем не менее чернобородый, большой, крепкотелый Тернавцев и рыженький, маленький, слизью обмазанный Розанов, сев в одно кресло, друг друга нашлепывали по плечам: и называя друг друга „Валею", „Васею", пикировались: без злобы» (*Белый Андрей*. Начало века. С. 495).

Коноплянцев — Александр Михайлович Коноплянцев (1875—не ранее 1929), педагог и публицист, автор биографии К. Н. Леонтьева, ученик Розанова в Елецкой гимназии.

Е. П. Иванов — Евгений Павлович Иванов (1879—1942), публицист, детский писатель, близкий друг А. А. Блока; впервые был принят в доме Розанова 17 марта 1902 г. Философ относился к нему с особой сердечностью как к преданному другу и ученику. Ср. дневниковую запись Е. П. Иванова от 23 января 1905 г.: «Был у Розанова ⟨...⟩ Розанов, прощаясь, крепко крепко поцеловал меня и сказал: „ — вот друг верный, никогда не изменит"»

(ИРЛИ. Ф. 662. Ед. хр. 40. Л. 91 об.). Подробнее о взаимоотношениях Иванова и Розанова см.: В. В. Розанов в дневнике и незавершенных воспоминаниях Е. П. Иванова. Письма Розанова к Е. П. Иванову / Публ. О. Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб., 2007. С. 439—515.

Б. А. Зак — Борис Аркадьевич Зак, музыкант, в начале 1900-х гг. приходил к Розановым играть на рояле; после революции эмигрировал в Париж, преподавал в Русской консерватории.

Д. А. Лутохин — Долмат Александрович Лутохин (1885—1942), экономист, журналист, издатель, стал посещать Розанова с зимы 1903/04 г., будучи студентом Технологического института. Подробнее см.: *Лутохин Д. А.* Воспоминания о Розанове // Pro et contra. С. 193—199.

...Егоров из «Нового Времени»... — Ефим Александрович Егоров (1861—1935), секретарь Религиозно-философских собраний и журнала «Новый путь»; заведующий иностранным отделом в газете «Новое время».

Ждем. Серафиму Павловну и Алексея Ремизова без слонов, без зверей... — В альбоме «Розанов» письмо № 15, дата на тексте копии: *2 XII 1908*. На листе оригинала рукой Ремизова приписано: *1908*. Авт. коммент.: «3 XII 1908 / приглашение на именины Варвары Дмитриевны. „Вечером" в рамочке, сделанной пером. „Табак" — это моя книжка „Что есть табак", повесть из монастырской жизни, очень В⟨асилию⟩ В⟨асильевичу⟩ нравящаяся. На именинах В⟨арвары⟩ Д⟨митриевны⟩ был выработан целый ритуал: „сыт, пьян и нос в табаке". Под конец надо бы-

ло, чтобы что-нибудь произошло чудное. Я действовал с одобрения именинницы. Мудровал над Н. А. Бердяевым. / „Без вина" попало в этом смысле. Слоны это намек на обладающих сверх божеской меры. На именинах надо было соблюдать приличие „достодолжное". Конечно, первый же нарушал сам В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩. И обыкновенно, на именинах, когда полагалось, чтобы все честь-честью по православному, подымались разговоры непоказанные. Бывали Мережковские, Бердяевы, Тернавцевы, Коноплянцев и еще какие-то личности и батюшки, да еще Егоров из „Нов⟨ого⟩ Вр⟨емени⟩". / Одно время именины начинались не „вечером", а с утра „с пирога" по глубокой старине: и обедали и отдыхали и чай пили и еще раз чай пили и закусывали — до полночи».

...в тихую обитель Б. Казачий д. 4 кв. 12... — В январе 1906 г. Розановы переехали со Шпалерной на Большой Казачий пер.

Смиренный иеромонах Василий. — Аллюзия на тему монахов-блудоборцев из сказки «Что есть табак». Ср. также инскрипт Розанова в его книге «Библейская поэзия» (СПб., 1912): «Алексею Михайловичу Ремизову / и / Серафиме Павловне Ремизовой смиренный отшельник с Загородного 18, кв. 33 / В. Розанов / с всегдашнею сердечною близостью. / 21 февраля 1912 г.» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 48).

С. 36. *«Слоны» — это «обладающие сверх божеской меры».* — Характерный для эротических фольклорных интерпретаций эвфемизм («хобот») проецируется на образ мужчины, наделенного природой исключительными физическими достоинствами.

В таком переосмыслении хобот аналогичен носу — традиционному фаллическому символу, размеры которого принято напрямую увязывать с мужским половым органом.

Познакомился с М. Г. Сущинским ... по амнистии приехал из Парижа. — Михаил Гаврилович Сущинский (1873—?) за пропаганду среди рабочих был арестован в 1894-м и в начале 1896 г. приговорен к ссылке в Сибирь. В сентябре 1897 г. бежал из ссылки и эмигрировал в Швейцарию. Окончил Женевский университет, получив степень доктора медицины. В Женеве издал книгу «Что такое государственный преступник, революционер и социалист» (1899). В 1903 г. вошел в Женевскую группу анархистов-коммунистов «Хлеб и Воля». В 1905 г. стал одним из руководителей образованной в Париже группы «безначальцев», призывавших к террору и грабежам как способам борьбы с самодержавием. Летом 1905 г. «безначальцы» приняли решение о переносе центра борьбы в Петербург. «Высочайший указ о милостях по делам политическим», опубликованный 21 октября, позволил Сущинскому вернуться в Россию. Подробнее его визит к Ремизовым описан в книге «Иверень»: «Старый революционер, дважды бежавший из Сибири, Мих. Гавр. Сущинский в нашу встречу в Петербурге после всяких разговоров-воспоминаний не со мной — я чай разливаю и ухаживаю за гостем — озернув меня, вдруг: „Кого вы мне напомнили...?" „Кого?" — спросил я. „Бродяжку, — и должно быть, что-то вспомнил из своих сибирских приключений, — с таким в тайге лучше не встречаться, а провести ночь опасно: или он тебя зарежет или задушит"» (Подстриженными глазами. С. 383).

Пришел он к С. П. ... — С. П. Ремизова-Довгелло в 1902—1903 гг. отбывала ссылку в Усть-Сысольске и Вологде за революционную пропаганду. Качества ее характера привлекли внимание лидеров партии эсеров — ссыльного Б. В. Савинкова и Е. К. Брешко-Брешковской, специально приезжавшей в Вологду для организации подполья. Знакомство с А. М. Ремизовым переменило взгляды молодой революционерки, и она еще в Вологде приняла решение полностью отказаться от политической борьбы. Подробнее см.: На вечерней заре (1). С. 155—156.

7. 12. У Вяч. Иванова... — Эта «среда» подробно описана в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 11 декабря. См.: Богомолов. С. 142—143.

П. В. Безобразов — Павел Владимирович Безобразов (1859—1918), историк-византинист.

...пришел, пришел издалека / скиталец из Женевы... — Неточная цитата из стихотворения Андрея Белого «Опять он здесь, в рядах борцов...» (Факелы. Кн. 1. СПб., 1906. С. 33).

Должно быть, это про А. Г. Барладеана!... — Имеется в виду Алексей Георгиевич Бардладеан, революционер, в 1900—1910-х гг. женевский эмигрант; в начале 1920-х гг. жил в Берлине.

Третья всеобщая забастовка. — Речь идет о заключительном этапе революции 1905 г., когда на четвертом заседании Московского Совета рабочих депутатов, в присутствии представителей конференции 29 железных дорог России, съезда Всероссийского почтово-телеграфного союза и представителей польского пролетариата принято постановление: объявить в Москве 7 декабря с 12 часов дня всеобщую

политическую стачку и перевести ее в вооруженное восстание.

С. 36—37. *Приходил Е. Г. Лундберг: ходит он, как птица ... спасали его от верной гибели.* — Евгений Германович Лундберг (1883—1965), литературный критик, прозаик, мемуарист, писал в своей автобиографии: «В 18 лет впервые пошел пешком по России из Крыма в П⟨етер⟩б⟨у⟩рг. По дороге впервые узнал тюрьму. Затем ходил не раз — исходил северо-запад, юго-запад, Болгарию и Сербию. Сближения с сектантами. Позже — с революционерами» (Е. Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А. М. Ремизову (1910—1918) / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 320). В 1904 г. Лундберг «нищенствовал в Петербурге» (Там же), а в 1905 г. сблизился с «Христианским братством борьбы В. П. Свенцицкого, В. Ф. Эрна и др., программу которого распространял на юге России, участвовал в аграрных волнениях на Черниговщине, в октябре оказался вместе с Л. Шестовым в Киеве во время еврейского погрома. Описал свои путешествия в книгах «Мои скитанья» (Киев, 1909) и «Записки писателя» (Берлин, 1922). В позднейших мемуарах Лундберг отводит Ремизову роль мистификатора, в проделках которого «что ни год все больше тайной, терпкой, жалкой и печальной злости» (*Лундберг Е.* Записки писателя: 1920—1924. Т. 2. Л., 1930. С. 300).

С. 37. *Приходил Б. В. Савинков...* — С Борисом Викторовичем Савинковым (1879—1925), Ремизов познакомился в 1902 г. в вологодской ссылке, которую Савинков отбывал по делу социал-демо-

кратической группы «Рабочее знамя». Складывавшиеся дружеские отношения в 1903 г. были прерваны конфликтом. Подробнее см.: Письма к Щеголеву (1). С. 125—126; 171—172. Еще в Вологде Савинков, как и Ремизов, начал пробовать себя на писательском поприще. Их литературный дебют состоялся одновременно 8 сентября 1903 г. в московской газете «Курьер». См.: Подстриженными глазами. С. 453—455. В 1903 г. Савинков бежал из ссылки за границу, где вступил в партию эсеров и вошел в ее Боевую организацию, в которой вскоре стал заместителем главы — Е. Ф. Азефа. Впоследствии он принимал непосредственное участие в организации убийств министра внутренних дел В. К. Плеве в Петербурге (июль 1904) и великого князя Сергея Александровича в Москве (февраль 1905). Возобновление отношений между Ремизовым и Савинковым в 1905 г. было прежде всего связано с литературными амбициями последнего, который вскоре стал публиковать свои произведения под псевдонимом В. Ропшин. В недатированном письме (между 1905 и 1907 гг.) Ремизов писал своему товарищу: «Я Вас представляю с Вашим бесстрашным лицом и с Вашей беспощадной улыбкой рассказывающего таким же стальным, как Ваша душа, стилем самые рискованные приключения» (ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 4). Первая печатная редакция романа Ремизова «Часы» вышла с посвящением «Борису С.» (СПб., 1908). Ср. письмо Ремизова Савинкову от 1(14) марта 1908 г.: «Вы меня простите за мое самовольное посвящение Вам „Часов", которые скоро выйдут и будут у Вас. Надписываю имя Ваше и инициал фамилии, как Вы сами под-

писываетесь» (ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 6).

12.12. В Москве четвертый день баррикады. — О баррикадах в Москве см., например, сообщения в газете «Новое время» (1905. № 10685. 13 декабря. С. 2).

17. 12. Кончилось. — Революционные выступления в Москве были подавлены войсками, прибывшими из различных регионов страны. См.: Новое время. 1905. № 10692. 20 декабря. С. 2—3.

Познакомился с Горьким. — Максиму Горькому (Алексей Максимович Пешков; 1868—1936) в писательской судьбе Ремизова принадлежит роль литературной «повитухи». Именно благодаря его положительному отзыву появилось в печати первое произведение писателя «Плач девушки перед замужеством», напечатанное 8 сентября 1902 г. в московской газете «Курьер» под псевдонимом Н. Молдаванов. См. письмо М. Горького к Л. Андрееву, относящееся к первым числам августа 1902 г.: «Посылаю тебе две рукописи ⟨...⟩ „Плач девушки" — ей-Богу — хорош!» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 3. М., 1997. С. 92). Отношения писателей носили двойственный характер и окончательно охладились в 1933 г. после публикации писем Горького Ремизову, сохранившихся в архиве Д. В. Философова. См.: Письма А. М. Горького А. М. Ремизову / Публ. Г. Г. // Литературный современник. 1933. № 1. С. 151—152; *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. М., 1954. С. 377; а также: *Крюкова А.* А. М. Горький и А. М. Ремизов (Переписка и вокруг нее) // Вопросы литературы. 1987. № 8. С. 192—212; Переписка Ремизова и Философова. С. 415.

18. 1. Приехал Брюсов. — Пребывание лидера московских символистов Валерия Яковлевича Брюсова (1873—1924) в Петербурге продлилось до 27 января 1906 г. Основной целью приезда было привлечение петербургских авторов к сотрудничеству в журнале «Весы». 18 января Ремизов и Брюсов встретились на «Башне» Вяч. Иванова. См. письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 19 января, а также список гостей, присутствовавших в «среду» 18 января, составленный Вяч. И. Ивановым (Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921) // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 235—236). См. также: Кузмин. С. 101—102. Подробнее о творческих контактах Ремизова с В. Я. Брюсовым см.: Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912) / Вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова; публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 137—222. Описание первой встречи с поэтом, состоявшейся в ноябре 1902 г. во время краткосрочного приезда Ремизова в Москву, см.: Письма к Щеголеву (1). С. 145.

У Сомова на Екатерингофском с Брюсовым. — Речь идет о доме № 97 по Екатерингофскому пр. (пр. Римского-Корсакова), где находилась мастерская К. А. Сомова и квартира, в которой он жил вместе с отцом и сестрой.

...а С. П. — узоры для вышивания бисером. — Очевидно, речь идет об авторских эскизах К. А. Сомова. Часть из них впоследствии стала известна по вышивкам его сестры А. А. Сомовой-Михайловой,

дебютировавшей в 1911 г. на выставке «Мира искусства» как художник декоративно-прикладного искусства. Подарок связан с коллекцией старинных вышивок бисером, которая достались С. П. Ремизовой-Довгелло по наследству. См.: *Резникова Н. В.* Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 23. Об интересе жены писателя к рукоделью говорят различные упоминания в письмах корреспондентов Ремизова. Очевидно, что с коллекцией С. П. Ремизовой связано письмо Ремизова к К. А. Сюннербергу (Эрбергу) от 4 ноября 1905 г.: «Многоуважаемый Константин Александрович! Не сердитесь на меня, Государь, что не явился к Вам вышивки посмотреть» (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 228. Л. 2). Ср. также письмо редактора журнала «Золотое руно» С. А. Соколова к Ремизову от 13 февраля 1906 г.: «Мы слышали, что у Вас есть несколько интересных старинных вышивок. А „Руно" как раз подбирает в этом направлении материал для одного из №» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 203. Л. 3).

27. 4. Открытие Государственной Думы. — Историческое событие в политической жизни России знаменовало переход от самодержавия к парламентаризму. Создание Государственной думы было провозглашено Высочайшим манифестом 17 октября 1905 г.; задачи и условия ее работы, а также порядок проведения выборов определили «Положение о выборах в Государственную думу» и избирательный закон 11 декабря 1905 г.

С. 38. *Дорогому Алексею Михайловичу и Серафиме Павловне Ремизовой с просьбой подумать ... См. на обороте. Подпишитесь и пошлите прилагаемое: 1 к. марка.* — В альбоме «Розанов» письмо

№ 5а—в. Авт. коммент.: «27 IV 1906 / День открытия Государственной Думы. Приложен флажок бело-сине-красный, посередке изображение Таврического дворца: „Государственная дума". На белом поле: слева — „добро пожаловать"; а справа „27-го апреля 1906 г." / На бланке для поступления в кадетскую партию: „Ознакомившись с программой и уставом Конституционно-Демократической партии (п. Народной Свободы), я прошу включить меня в число ее членов. Фамилия, Имя, Отчество. Адрес. И т. д. На обороте адрес секретаря Рождественского Комитета К-Д партии А. П. Федорова (так! — В оригинале: А. П. Федотов. — *Е. О.*). В примечании: „просят обозначить чем именно желают быть полезны партии: привлечением новых членов, распространением программ" и т. д. / В. В. Розанов решил нас привлечь в члены, сам, насколько знаю, вовсе не состоя в партии». Описываемый «флажок» в альбоме сохранен. Помета «см. на обороте», действительно, завершает короткую записку; слова «Подпишитесь и пошлите прилагаемое: 1 к. марка» являются «эпиграфом» письма, написанного на обороте анкеты.

С. 39. *Обезвелволпал* — сокращенное название Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, литературной игры, созданной А. М. Ремизовым благодаря его исключительному мифологическому мышлению. В этом целостном универсуме, исходным и итоговым смыслом которого были идеальные человеческие взаимоотношения и абсолютная творческая свобода, реальность соединялась с фантазией и импровизацией, при этом игровая условность не умаляла серьезности и конкретности жизни. Обезьянья Палата, представлявшая собой оригинальное развитие симво-

листской идеи жизнетворчества, являлась важнейшей стороной деятельности писателя и значимой составляющей истории русской литературы. Обезвелволпал аккумулировал в себе мифотворческий потенциал Серебряного века и реализовался как игровое осмысление идеологических и эстетических концептов дореволюционной России и русской эмиграции. Возникшая из детской игры, за пятьдесят лет своего существования Обезьянья Великая и Вольная Палата стала элементом повседневной жизни многих представителей отечественной литературы и одновременно уникальной формой самовыражения ее инициатора. Подробнее см.: Обатнина : 2001.

Обезьянья палата возникала в 1908 году, когда я писал «Трагедию о Иуде принце искариотском»... — В конце 1940-х гг., комментируя обстоятельства возникновения Палаты, в нескольких случаях Ремизов датировал начало истории своей литературной игры 1907 г. В одном из альбомов Ремизова, созданном в конце 1940-х, имеется рисунок с надписью: «Обезьянья Великая и Вольная Палата открыта в 1907 г. в Москве» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 12). В известном смысле все эти свидетельства являются результатом автомифологии, оформившейся несколькими десятками лет позднее, чем возник феномен Обезвелволпала. Подробнее см.: Обатнина : 2001. С. 52—57. Центральный мифологический образ Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, «верховный властитель всех обезьян» — Асыка Первый, сошел со страниц «Трагедии о Иуде принце Искариотском», которую Ремизов написал в 1908 г. (впервые: *Ремизов А.* Трагедия о Иуде принце Искариотском // Золотое руно. 1909. № 11—12). Почти пол-

ностью подчиняясь повествовательной канве апокрифических сказаний об Иуде, автор отступил от народной интерпретации лишь в том, что ввел в пьесу необычный персонаж — Обезьяньего царя. С 1908 по 1915/16 г. накапливались основные мифологические, эстетические и идеологические элементы ремизовской игры, предпринимались попытки найти им функциональное применение в различных формах общения, которые зафиксированы в основных документах Палаты — Манифесте и Конституции (см.: Взвихрённая Русь. С. 207—208), а также в многочисленных «обезьяньих» знаках и грамотах.

Проездом в Петербург ... мы останавливались в Москве. — Ремизовы возвращались из Берестовца (Черниговская губ.), где в родовом имении С. П. Ремизовой под опекой близких родственников воспитывалась их маленькая дочь Наташа. В Москве они обычно гостили в семье старшего брата писателя — Сергея Михайловича Ремизова.

...разъезжались по всяким Малаховкам. — Подмосковный дачный поселок, располагающийся по Казанской железной дороге, в 1900-х гг. прославился благодаря писателю и общественному деятелю Н. Д. Телешову, который в 1897 г. построил в этих местах усадьбу. Гостеприимством радушного хозяина в летние месяцы пользовались в начале XX в. А. П. Чехов, М. Горький, И. А. Бунин, С. Есенин и др. В 1906 г. здесь находилась также дача редактора литературного отдела журнала «Золотое руно» С. А. Соколова (псевд. Сергей Кречетов).

И я играл с своей маленькой племянницей, Ляляшкой (Елена Сергеевна Ремизова). — Дочь старшего брата Ремизова (1902—1976); в конце

1910-х гг. работала в театральных студиях. В Обезьяньей Палате Ляляшка имела звание «Первая кавалерша ордена Обезвелволпала». Подробнее о ней см.: *Соколов-Ремизов С. Н.* Из семейного архива // Исследования (2). С. 372—405.

С. 40. *После постановки «Иуды» знаками были награждены Ф. Ф. Коммиссаржевский ... и Сахновский.* — Постановка «Трагедии о Иуде принце Искариотском» состоялась 9 февраля 1916 г. в Москве под названием «Проклятый принц», измененным по цензурным соображениям. Федор Федорович Коммиссаржевский (1882—1954) — режиссер, педагог, теоретик театра. Василий Григорьевич Сахновский (1886—1945) — режиссер, театровед, педагог.

...«конституция» обезвелволпала — Текст Конституции (под названием «Обезвелволпал») был впервые опубликован в берлинских «Бюллетенях Дома искусств» (1922. № 1—2. 17 февраля. С. 30—31), а затем с изменениями включен в состав романа «Взвихрённая Русь» (1927). См. Взвихрённая Русь. С. 207.

...обезьяний «кодификатор» проф. уголовного права М. М. Исаев и археолог И. А. Рязановский — князья обезьяньи. — Михаил Михайлович Исаев (ок. 1870—после 1948) — юрист, приват-доцент Петербургского университета. Иван Александрович Рязановский (1869—1927) — архивист, археолог, собиратель документов по истории России, в 1910 г. хранитель Романовского музея (Кострома); прототип некоторых произведений Ремизова. В Обезьяньей Палате он был наделен множеством различных прозвищ и титулов: «Иоанн Рязановский — мощи обезьяньи, старец электрический из Костромских дебе-

рей, знаменитый дебренский блудоборец Комаровский: тележный и золотоношенский. Археолог и забеглый князь обезьяний» (*Ремизов А.* Россия в письменах / Предисл. О. Раевской-Хьюз. Т. 1. New York, 1982. С. 161).

В. В. сказал не в «палате», а в «палатке»... — Возможная аллюзия на известное сатирическое произведение, подписанное коллективным игровым псевдонимом «Козьма Прутков», в котором упоминается о «Пробирной Палатке» как месте службы главного героя. См.: *Прутков Козьма.* Избранные сочинения. Л., 1953. С. 390.

Гершензон старейший, Шестов ... и Иванов-Разумник, Лундберг и Балтрушайтис... — Имеется в виду особый статус («старейший кавалер»), введенный в игровой табель о рангах Обезвелволпала в 1921 г. Этим званием удостаивались люди, с которыми Ремизова связывали давние дружеские отношения. М. О. Гершензон был награжден «обезьяньим знаком первой степени с лапами и хвостом»; Л. Шестов имел несколько званий: «кавалер обезьяньего знака первой степени с сахарной головой», «старейший кавалер и винодар» и др.; литературный критик, историк общественной мысли Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946) помимо звания «старейшего кавалера» был назначен «обезьяньим старостой»; Е. Г. Лундберг выделялся званием «старейший кавалер обезьяньего знака, странник Евгений Злодиевский от Варяг»; поэт и переводчик, один из организаторов издательства «Скорпион», знакомый с Ремизовым с 1902 г., Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873— 1944) в Обезьяньей Палате имел статус ка-

валера «обезьяньего знака первой степени с обезьяньим глазом».

...«обезвелволпал есть общество тайное!» — Первый пункт «конституции» Обезвелволпала, в котором содержится намек на эротическую тему. Подробнее см.: *Обатнина Е.* «Эротический символизм» Алексея Ремизова // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 199—234.

С. 41. *...вроде как митрофорные попы?* — Имеются в виду священники, награжденные правом ношения митры — головного убора, входящего в облачение высших чинов православной церкви (архиереев или архимандритов).

Фаллофор — участник Дионисийских мистерий, главным атрибутом праздничного костюма которого являлся кожаный фаллос гиперболических размеров. Розанов получил звание «великого фаллофора Обезвелволпала» за свои увлечения древними культами плодородия и размножения, а также за многочисленные труды по философии пола.

В конце лета 15 года как-то встретились мы в «Лукоморье». — Петроградское издательство, принадлежавшее наследникам А. С. Суворина, в котором в конце июля 1915 г. вышел второй короб «Опавших листьев» Розанова. Ср. его запись, относящуюся к этому времени: «Приехал в Петроград ругать „Лукоморье" за долгий выпуск книги...» (Мимолетное. С. 266). В 1916 г. «Лукоморье» выпустило в свет книгу Ремизова «Укрепа. Слово о русской земле, о земле тайной, о тайностях земных и судьбе».

...к нам на Таврическую. — На Таврической улице (в доме Хренова — д. 3в, кв. 23) Ремизовы проживали с 21 сентября 1910 г. по июнь 1915 г.

...он ругательски ругал «войну»... — В годы Первой мировой войны настроения Розанова отличались подъемом патриотических чувств, связанных с надеждой на духовное оздоровление общества, утверждение гражданских идеалов, устоев государственности и основ православной веры, а также критикой компрадорских настроений. В духе этих идей написана книга: «Война 1914 года и русское возрождение» (1915). Возмущение Розанова в этот период более всего распространялось на действия депутатов Государственной Думы. Ср. запись 21 августа 1915 г.: «Воображать, чтобы это общество шутов и ненавидцев действительно заболело за Россию в борьбе с Германией, — очень наивно, — и было наивно с самого начала, когда в июле 1914 г. они вдруг заявили в Думе, "что любят отечество"» (Мимолетное. С. 284). Поднятая Розановым тема войны и национального достоинства вызвала дискуссию, в которую включились Н. А. Бердяев, В. Эрн, кн. Е. Н. Трубецкой.

Я рассказал ему о семи князьях обезьяньих ... и о гимне обезьяньем... — Речь идет о шестом и четвертом пунктах «конституции» Обезьяньей Палаты: «Семь князей. Семь старейших кавалеров-вельмож, ключарь, музыкант, канцелярист и сонм кавалеров и из них служки и обезьяньи полпреды»; и «Гимн обезьяний: я тебя не объел, / ты меня не объешь, / я тебя не объем, / ты меня не объел!» (Взвихрённая Русь. С. 207).

Руманов... нельзя ли ему хоть медаль какую? — Журналист, юрист, меценат, коллекционер Аркадий Вениаминович Руманов (1878—1960) заведовал петербургским отделением газеты «Русское

слово». См. о нем публикации Е. П. Яковлевой: «Аркадий Руманов — забытое имя?» (Русские евреи во Франции. Статьи, публ., мемуары и эссе. Кн. 1. Журнал в книге. Иерусалим, 2001. С. 162—176); «Автографы поэтов Русского Зарубежья из частного парижского собрания» (Зарубежная Россия: 1917—1939. Кн. 2. СПб., 2003. С. 300—305; совместно с Д. А. Румановым); «Аркадий Руманов и братья Оцупы» (Там же. С. 305—312). Сохранилась переписка Руманова и Ремизова (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 188; ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 176); первое письмо датировано 1 (14) февраля 1912 г. В Обезвелволпале Руманов получил статус кавалера обезьяньего знака в начале 1920-х гг., а в конце 1940-х был возведен в «маршалы».

С. 42. *Хабар* — слово арабского происхождения, перешедшее в тюркские языки и в разных диалектах имеющее различные значения: нажива, взятка; в основном своем значении — известие, весть. В игровом контексте Обезвелволпала использовался весь семантический диапазон этого слова, о чем свидетельствует запись в дневнике М. Пришвина от 30 декабря 1917 г. См.: *Пришвин М. М.* Дневники. 1914—1917. М., 1991. С. 396—397.

...появился в Петербурге А. П. Зонов. — В конце театрального сезона 1905 г. Зонов принял приглашение Мейерхольда работать в создаваемом в Москве Театре-Студии. Приезд Зонова в Петербург осенью 1905 г. был связан с подготовкой репертуара для нового театра. Ремизов, близко друживший как с Мейерхольдом, так и с Зоновым, оказал значительное влияние на формирование репертуара Театра-Студии. Подробнее см.: *Дворникова Л. Я.* Алек-

сей Ремизов и Аркадий Зонов // Исследования (2). С. 327—366.

...когда он и Мейерхольд учились в Филармонии. — Речь идет о Музыкально-драматическом училище при Московском филармоническом обществе (филармоническом училище), в которое А. П. Зонов поступил в 1894 г., а В. Э. Мейерхольд в 1896-м. Во время летних каникул 1897 г. Зонов по приглашению Мейерхольда приехал погостить в Пензу, где и состоялось их знакомство с политическим ссыльным Ремизовым на почве общих интересов к драматургии. О молодом Ремизове Мейерхольд писал в 1896 г.: «Его энергия, его идеи одухотворяют меня ⟨...⟩ Какой запас знаний дал он нам. Целую зиму мы провели в интересных чтениях, давших нам столько хороших минут. А взгляды на общество, а смысл жизни, существования, а любовь к тем, которые так искусно выведены дорогим моему сердцу Гауптманом в его гениальном произведении „Ткачи". Да, он переродил меня» (*Волков Н.* Мейерхольд. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 109—110).

Я был выслан в Пензу... — Согласно «Проходному свидетельству», Ремизов прибыл из Москвы в Пензу под гласный надзор полиции 22 декабря 1896 г. См.: Мейерхольдовский сборник. Вып. 2: Мейерхольд и другие / Ред.-сост. О. М. Фельдман. М., 2000. С. 26. Подробнее о пензенской ссылке Ремизова 1897—1900 гг. см. гл. «Кочевник» книги «Иверень»: Подстриженными глазами. С. 301—401.

Из Устьсысольска мне удалось пробраться в Вологду. — Эта история подробно отражена в книге «Иверень» (гл. «Сумасшедший»). См.: Там же. С. 446—451.

С. 43. *...поехал в Херсон и поступил в театр к Мейерхольду.* — По окончании политической ссылки (31 мая 1903 г.) Ремизов работал заведующим литературной частью в театре Мейерхольда «Товариществе новой драмы», гастролировавшем по югу России. Сезон 1903/04 г. прошел в Херсоне. См.: На вечерней заре (1). С. 171—190. См. также статью Ремизова «Товарищество новой драмы. Письмо из Херсона» (Весы. 1904. № 4. С. 36—39), в которой изложена оригинальная концепция экспериментального театра. О работе писателя в театре Мейерхольда см. также: А. М. Ремизов и «Товарищество новой драмы». Из переписки А. М. Ремизова с В. Я. Брюсовым, О. Маделунгом, Вяч. И. Ивановым, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Г. И. Чулковым, А. П. Зоновым, А. М. Михайловым. 1903—1906 / Сост. и коммент. Н. Панфиловой и О. Фельдмана // Театр. 1994. № 2. С. 104—117.

...театр перекочевал в Тифлис, но я уж не служил больше. — На зимний сезон 1904/05 г. «Товарищество новой драмы» переехало в Тифлис. Ремизов, надеясь перебраться с семьей в Петербург, решил оставить работу в театре, сохранив за собой обязательства по переводу некоторых пьес для репертуара. О репертуаре театра в Херсоне см.: *Мейерхольд В. Э.* Наследие. Т. 2. М., 2006. С. 361—430.

...Мейерхольд затеял Студию в Москве. — Проект создания филиала Московского Художественного театра — «Театра-Студии», под руководством Мейерхольда и при поддержке К. С. Станиславского, оформился еще в середине марта 1905 г., однако так и не был осуществлен. См.: *Станислав-*

ский К. С. Моя жизнь в искусстве. М.; Л., 1980. С. 360—363; *Волков Н.* Мейерхольд. Т. 1. С. 193—214; *Мейерхольд В. Э.* Наследие. Т. 2. С. 489—510. Статьи, анонсировавшие открытие в Москве нового театра, см.: *Чулков Г.* Театр-Студия // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 245—250; *Ремизов А.* Театр-студия // Наша жизнь. 1905. 22 сентября. Судя по сохранившимся письмам Ремизова к Мейерхольду, писатель принимал деятельное участие в организации «Театра-Студии». В частности, в недатированном письме, вероятно относящемся к лету 1906 г., Ремизов протежировал актрису В. А. Богуславскую, жену П. Е. Щеголева («Я ее знаю и думаю, что „Студия" выиграла, приютив у себя такую актрису»), а также советовал: «Пригласите в бюро Вячеслава Ивановича Иванова / Лидию Дмитриевну Зиновьеву-Аннибал-Иванову / Адрес их. СПб. Таврическая 25, кв. 24. А также П. Е. Щеголева, который для Вашего дела весьма пригодится» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 409. Л. 1).

Готовилась к постановке «Смерть Тентажиля» в моем переводе... — Имеется в виду драма М. Метерлинка (1862—1949) «La Mort de Tintagiles» (1894), которую Мейерхольд несколько раз готовил к постановке. Свидетелем первой безуспешной попытки (в Херсоне) стал сам Ремизов — премьера намечалась на начало декабря 1903 г. Второй раз спектакль ставился летом 1905 г., когда Мейерхольд формировал репертуар «Театра-Студии» в Москве. Однако открытие театра, намеченное на 2 октября 1905 г., не состоялось, и постановка вновь была отложена. Премьера спектакля силами театра «Товарищество новой драмы» прошла 19 марта 1906 г. в

Тифлисе. Ремизовский перевод драмы Метерлинка сохранился в рукописи, переписанной А. П. Зоновым (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 23—25), а также в виде дозволенного в 1904 г. цезурного экземпляра (Петербургская театральная библиотека. № 20116, автограф Ремизова).

...моем переводе, проверенном Брюсовым и Балтрушайтисом. — В 1903—1904 гг. Ремизов, занимаясь переводами пьес западноевропейских модернистов для театра «Товарищество новой драмы», обращался к В. Брюсову по вопросам выбора текстов для репертуара. См., в частности, письмо Брюсова к Ремизову (октябрь 1903 г.) с упоминанием «Смерти Тентажиля» (Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912) // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 166—167). Осенью 1905 г. Брюсов и Балтрушайтис возглавили литературное бюро организуемого «Театра-Студии». Очевидно, именно вследствие этого ремизовский перевод был отдан на их суд. Торопя рецензентов, Мейерхольд 20 сентября 1905 г. обращался к Брюсову: «От имени всей труппы слезно молю подправить нам текст ремизовского перевода „Смерти Тентажиля" 〈...〉 Вы уж подправьте самые безнадежные места» (*Мейерхольд В. Э.* Переписка. 1896—1939. М., 1976. С. 57). Подробнее о правке Брюсова см.: *Брюсов В. Я.* Два перевода / Подгот. М. Н. Бубнова и О. М. Фельдман // Мейерхольдовский сборник. Вып. 2: Мейерхольд и другие / Ред.-сост. О. М. Фельдман. М., 2000. С. 55—56.

...после всех наших египетских разговоров! — Розанов в течение многих лет изучал древнюю цивилизацию Египта. В 1916—1917 гг. эти наблюде-

ния воплотились в 12-ти выпусках книги «Из восточных мотивов». См.: Возрождающийся Египет. С. 7—324. При жизни автора было опубликовано лишь три выпуска: Вып. 1—2. Пг., 1916; Вып. 3. Пг., 1917.

Хочется мне все-таки взглянуть на 7-вершкового. — В альбоме «Розанов» письмо № 9. Авт. коммент.: «„Владеющий и достигший отпущенного человеку" — Аркадий Павлович Зонов. Свидание состоялось, был и виновник полунощного свидания. Мы остались втроем: я, В. В. Розанов и А. П. Зонов. В. В. раскладывал всякие меры по столу и т. д. А жили мы на 5 Рождественской, 38, кв. 2. В крохотной столовой все это происходило в I этаже — во двор». Вершок — 4.45 см. Очевидно, знакомство с Розановым вызвало у Зонова интерес и к творчеству философа. См. его недатированное письмо 1905 г. к Ремизову: «Розанова читаю подряд. Летом попрошу взять в Караул его книги» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 113. Л. 28—29).

С. 46. *Дорогая Серафима Павловна! Пожалуйста приходите...* — В альбоме «Розанов» письмо № 11. Авт. коммент.: «На визитной карточке: Basile Rosanoff / Collaborateur au journal Novoié Wrémia / St. Pétersbourg. 33, rue Spalernaia. / У Розановых была какая-то дешевая портниха и вот затеяли шить теплую коф⟨т⟩у: у С. П. теплого ничего не было».

Дорогая Серафима Павловна! Анна Павловна Философова переслала нам письмо... — Анна Павловна Философова (1837—1912) — либеральная общественная деятельница, организатор Высших женских курсов в Петербурге, мать Д. В. Философова. О ее деятельности см.: *Варварин В.* (*Розанов В. В.*)

Анна Павловна Философова // Русское слово. 1909. 17 февраля. № 38; *Розанов В*. Анна Павловна Философова (К 50-летию ее общественной деятельности) // Новое время. 1911. № 12606. 18 апреля. В альбоме «Розанов» письмо № 10. Авт. коммент.: «1906/Письмо к С. П. Ремизовой. А в житейских делах наших В. В. Розанов принимал самое горячее участие. Конечно, странно указание: просить место курсовой надзирательницы, но В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ хотел этим подчеркнуть, что С⟨ерафима⟩ П⟨авловна⟩ может взять любое и самое ответственное место. А. П. Философова одна из главных на Бестужевских курсах, „основа и основательница курсов", Ветвеницкая — комитетская дама. Аркадий Павлович — Зонов, „анекдоты", см. письмо предыдущее». Копируя это письмо, как и в других случаях, Ремизов воспроизводит зачеркнутые Розановым слова или начала слов, выделяя их круглыми скобками. Во фрагменте «Напр. попроситесь в (дол) Библиотеку...» слово в скобках является началом зачеркнутого Розановым слова «должность».

С. 47. *...переехали на Кавалергардскую в достраивающийся дом Пундика «просушивать стены»*. — На новую квартиру в дом Н. А. Пундика (Кавалергардская, д. 8, кв. 28) Ремизовы переехали в августе 1906 г. и прожили там до июля 1907 г. Подразумевается одна из особенностей найма квартиры в Петербурге, известная с XIX в. Только что выстроенные каменные дома перед тем, как штукатурить и красить, оставляли на просушку, которая длилась иногда больше года, а то и двух, в зависимости от погоды. В таких случаях квартиры сдавались желающим по более дешевым расценкам.

«Вопросы Жизни» кончились — кончилось печатание моего «Пруда»... — Публикация первого романа Ремизова была завершена в № 11 журнала «Вопросы жизни».

...кончилось и мое «домовство». — Речь идет о должности делопроизводителя в журнале «Вопросы жизни».

Ходил еще с письмом А. В. Тырковой... — Ср.: «Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс в нашей петербургской судьбе не случайна...» (Петербургский буерак. С. 195). Заочное знакомство Ремизова и Тырковой относится к 1903 г., когда при ее посредничестве в ярославской газете «Северный край» (где она занимала должность редактора) были напечатаны ремизовские стихи в прозе. Тырковой приходилось отстаивать стихотворные опыты начинающего писателя, написанные в подражание декадентам, перед руководителями газеты Д. И. Шаховским и Э. Г. Фальком: «Не раз спорили мы с ним (Шаховским. — *Е. О.*) из-за А. М. Ремизова, тогда еще никому неизвестного. Он жил в Вологодской губернии как ссыльный. Я его не знала, даже не читала. Но когда на столе Фалька появлялись листки, исписанные четким, заковыристым полууставом, он перебрасывал их мне: — Ремизов. Это по вашей части. 〈...〉 На меня налетали со всех сторон: — Скажите прямо: — вам нравится его бессмысленность? — Нет, не скажу! Если каждому слышится иное значение, это не бессмыслица. Это магия слова. Поэтому его необходимо напечатать» (*Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. London, 1990. С. 103).

...да по-персидски-то я — это П. Е. Щеголев может. — Намек на научное исследование

П. Е. Щеголева о появлении на русской почве новозаветного апокрифа «Сказание Афродитиана», повествующего о знамениях в Персидской земле, которыми сопровождалось рождение Христа. См.: *Щеголев П. Е.* Очерки истории отреченной литературы: Сказание Афродитиана // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1899. Т. 4. Кн. 1. С. 148—199; Кн. 4. С. 1304—1344. Ремизов также упоминает о лингвистических способностях Щеголева в предисловии к повести «Корявка» (Берлин, 1922): «В такую гулянную ночь в Михайлов день возвращались мы с Павлом Елисеевичем Щеголевым домой с обезьяньих именин 〈...〉. Павел Елисеевич говорил по-персидски» (С. VII).

Лев Шестов, у которого было пять читателей и шестой только наклевывался... — Вспоминая вторую половину 1900-х гг., Ремизов неоднократно примеривал ироническую роль писателя «не для многих» как на себя лично, так и на своего ближайшего друга Л. И. Шестова. Ср.: «Льву Шестову на его „Апофеоз беспочвенности" я насчитал семь читателей, а он на мои „Часы" — пять» (Петербургский буерак. С. 179). Ср. также фразу из письма Шестова к Ремизову от 24 декабря 1908 г.: «Помнишь, и ты бывало удивлялся, когда случалось моего читателя увидеть: вроде как если бы живого мамонта» (Переписка Шестова. 1992. № 3. С 185).

С. 48. *...там про хоботы больше!* — В ряде эпизодов романа «Пруд» герои проявляют повышенный интерес к фаллическому «совершенству»; в частности, персонаж одного из эпизодов — кононарх

Яшка, прозванный «Слоном», отличается тем, что ему «отпущено Богом сверх всякой меры».

С. 49. *...жили мы на Молдаванке в Одессе, потом в Киеве на Зверинце...* — Адреса Ремизовых с марта 1904 по февраль 1905 г., когда состоялся переезд в Петербург. Молдаванка — в начале XX в. рабочая окраина Одессы, памятная для писателя тем, что здесь 18 апреля 1904 г. родилась его дочь Наташа (1904—1943). Ремизовы жили на Раскидайловской ул., д. 5, кв. 10. Об этом доме Ремизов писал 6 марта 1904 г. Щеголеву: «...живем на Молдаванке в удивительно построенном доме: ход через балкон» (Письма к Щеголеву (2). С. 192). Зверинец — район Киева вблизи Киево-Печерской Успенской лавры. В 1904 г. Ремизовы снимали здесь квартиру — сначала на Церковной ул., д. 24, а затем на Безаковской ул., д. 20.

Я писал, а С. П. по урокам ходила ... и при каких условиях! — Речь идет об осени—зиме 1904 г., когда молодая семья Ремизовых поселилась в Киеве. В это время Ремизов работал над романом «Часы». Сохранился инскрипт писателя 1923 г. на изданиях 1908 г., в котором он, обращаясь к жене, воскрешал обстоятельства киевского периода их жизни. Ср.: «О происхождении Часов: это самое больное, о чем со стыдом вспоминаю: это в Киеве — когда ты кормила Наташу и на уроки ходила, а я писал. 〈...〉 Помню комнату, почему-то помню всегда, однооконная, узкая и тут же кровать складная походная, и дверь, где ты с Наташей. Пожар помню. Я взял рукопись эту „Часы", икону и Наташу. 〈...〉 Это память начальная — пробивания моего в люди» (Цит. по: Волшебный мир Алексея

Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 16—17).

...С. П. в гимназии достала уроки — «в образцовой»! — Хронологическое смещение событий 1908 г. в контекст главы, локализованной на событиях 1906 г. В данном случае подразумевается образованное в 1908 г. Рождественское коммерческое училище М. А. Минцловой, располагавшееся на Суворовском пр., 23. Упоминание об этом биографическом сюжете см.: Петербургский буерак. С. 206. Конфликтные взаимоотношения С. П. Ремизовой и ее работодателя нашли отражение в повести Ремизова «Крестовые сестры», где Минцлова изображена под именем начальницы «образцовой» гимназии Ледневой.

Я писал после «Пруда» и «Часов» — «Посолонь». — После автобиографической прозы, наполненной экзистенциальными вопросами и тяжелейшими психологическими темами, Ремизов резко сменил творческий регистр и обратился к народной мифологии в книге сказок «Посолонь», выпущенной московским издательством «Золотое Руно» в декабре 1906 г. (на обложке 1907 г.) в оформлении Н. П. Крымова. Этот поворотный момент творческой биографии писателя не прошел незамеченным со стороны критики. М. Волошин в рецензии на книгу писал: «После старых реальных романов Ремизова, этих невыразимо мучительных издевательств над человеческой душой в „Пруде", „Часах" 〈...〉 сказочная книга „Посолонь" со всеми ее чудовищами кажется отрадным отдохновением» (*Волошин М.* Лики творчества. Алексей Ремизов. «Посолонь». Изд. «Золотого Руна». 1907 г. // Русь. 1905. 5 апреля. С. 3).

Раз встречаю на Николаевском вокзале Леонида Семенова, он в то время из эсеров толстовцем сделался. — В конце 1906 г. в мировоззрении Л. Семенова-Тян-Шанского произошли серьезные изменения: он оставил «культурное общество», уехал в Рязанскую губернию и почти полностью прекратил литературное творчество. В это же время он обратился к философии Льва Толстого, избрав писателя своим духовным учителем. Аналогичное упоминание о встрече с Семеновым присутствует у Ремизова в монтажном воспроизведении собственных писем к жене, дополненных ретроспективными комментариями. Этот эпизод здесь ошибочно отнесен к 1910 г., а не к 1906 г., как в «Кукхе». См.: На вечерней заре (3). С. 459. Очевидно, со слов Ремизова эта встреча описана Пришвиным (См.: *Пришвин М. М.* Мой очерк // М. М. Пришвин. Собр. соч.: В 8 т. М., 1983. Т. 3. С. 9), а также в воспоминаниях В. Смиренского со ссылкой на Пришвина (См.: *Смиренский В.* Воспоминания об Алексее Ремизове / Предисл., публ. и коммент. Е. Р. Обатниной // Лица: Биографический альманах. 7. М.; СПб., 1996. С. 170—171), однако в последнем случае Л. Семенов заменен на И. Каляева. Подробнее см.: *Доценко С. Н.* Встреча на вокзале. (Из комментариев к «Кукхе» А. Ремизова) // Литературный процесс и развитие мировой культуры. Таллинн, 1994. С. 82—85.

С. 50. ...*«отложив попечение».* — Слова из «Херувимской песни», символизирующие отказ от земного и материального и обращение исключительно к божественному; исполняются верующими во время Литургии с того времени, как оглашенные покинули

храм. Ср.: «Иже Херувимы тайно образующе, и животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение. — Яко да Царя всех подымем, Ангельскими невидимо дориносима чинми».

С. 51. *Достоуважаемые Зверюшки!* — В альбоме «Розанов» письмо № 6. Авт. коммент.: «1906 / Приглашение нас в гости на дачу в Гатчину. Были мы раза два, кажется. В письме характерно выскочило: „можете ночевать вдвоем". Да и самое обращение „зверюшки" с этим связано. Розанов был, как видно, в самом благославляющем мир духе. (Далее густо замараны четыре строки текста. — *Е. О.*)».

Дорогой Алексей Михайлович! Что Вы мне пишете как Архиерею... — В альбоме «Розанов» письмо № 7. Авт. коммент.: «1906 / Опять в Гатчине. „Ночевать — сколько угодно". В 1905 г. в „Вопросах Жизни" печатался мой роман „Пруд". Встречен был не безразлично: очень ругали. Ни печататься — нового не принимают, ни издавать — все отказывают. Защитником моим была Варвара Димитриевна Розанова: пять раз прочитала она „Пруд" — и „ничего не поняла". Так она с горечью призналась нам. А В. В. набросился на Пирожкова. Ругался. Но и это не проняло. „Приезжайте!" — написано крупно синим карандашом через всю страницу». Пропуск слов, допущенный Ремизовым в копии оригинала, проник и в тексты обеих печатных редакций «Кукхи». В частности, усеченным оказалось и розановское определение писательского кредо Ремизова.

Разве мы не социал-демократы и не «товарищи»! — Реплика отражает радикальный пафос первой русской революции.

*Свинье *** напишу.* — В обеих редакциях оригинал письма Розанова от 28 мая 1906 г. воспроизведен с заменой астерисками имени священника Г. С. Петрова. Характерно, что и в ремизовской копии письма эта фамилия вымарана.

Получили ли мою брошюру? — Речь идет о статье В. В. Розанова «Ослабнувший фетиш (Психологические основы русской революции)», выпущенной отдельной брошюрой издательством М. В. Пирожкова в мае 1906 г. (24 с.; тираж 10 000 экз.). Статья, посвященная проблемам национального самосознания, утратившего монархические иллюзии, была включена автором в состав книги «Когда начальство ушло... 1905—1906 гг.» (СПб., 1910).

С. 52. *Я Пирожкову недавно говорю....* — Михаил Васильевич Пирожков (1867—1926/1927?), владелец одноименного книжного издательства, в котором в 1906 г. вышло третье издание «Легенды о Великом инквизиторе». См. также: *Эльзон М. Д.* Издательство М. В. Пирожкова // Книга. Исследования и материалы. Вып. 54. М., 1987. С. 159—185.

...перебрались мы в комнату на Загородный, а потом в М. Казачий переулок. — На Загородном пр. (д. 21, кв. 19) Ремизовы жили с июля по сентябрь 1907 г., а затем переехали на Малый Казачий пер. (д. 9, кв. 34), где прожили с 22 сентября 1907 по 24 сентября 1910 г.

А Розановы переехали со Шпалерной в Б. Казачий... — Семья Розановых переехала с квартиры на Шпалерной ул. (д. 39, кв. 4), в которой они жили с 1899 г., в дом на Б. Казачий пер. (д. 4, кв. 12) в 1905 г.

С. 53. *Р. В. Иванов-Разумник, с которым познакомились о ту пору, достал нам работу: сверять Белинского.* — Ремизов соединяет письма Розанова 1906 г. с событиями, произошедшими позднее. Знакомство Ремизова с Ивановым-Разумником состоялось в конце апреля—начале мая 1908 г., о чем Иванов-Разумник написал А. Н. Римскому-Корсакову 4 мая: «Приезжайте — расскажу Вам, как на днях был в СПб Лев Шестов, как я познакомился с Ремизовым — и еще кучу интересных вещей» (Цит. по: Письма Иванова-Разумника. С. 20). Только полтора года спустя Иванов-Разумник предложил писателю, оказавшемуся в трудном финансовом положении, быстрый заработок. Ср. его письмо к Ремизову от 17 октября 1909 г.: «Вы получите от Лемке еще работу: составление именного указателя ко всем 3 томам Белинского. Эта работа очень легкая — Вам только надо будет за эти полгода прочесть все статьи Бел⟨инского⟩ нашего издания, отмечая главнейшие имена. Вы будете получать чистые листы из типографии по мере их выхода. За эту работу Л⟨емке⟩ предлагает 25 р⟨ублей⟩» (Там же. С. 37—38). Хотя составитель именного алфавитного указателя к трехтомному собранию сочинений В. Г. Белинского, которое вышло под редакцией Иванова-Разумника в 1911 г., и не назывался в тексте издания, судя по всему, именно Ремизов успешно выполнил эту работу.

Случилась в Петербурге перепись автомобилей и собак... — Ср.: «Была перепись собак и автомобилей. Как раз по мне: ни с кем не разговаривать, записывай и все. Я и взялся. После одного происшествия, как я перешел железнодорожный мост, с собаками у меня ладу не было. ⟨...⟩ Дело с переписью простое,

но каждый раз я выходил к собакам не без трепета» (Петербургский буерак. С. 206).

Дорогой Алексей Михайлович! Я думал, что Вы виделись с Гриневич... — Вера Степановна Гриневич (урожд. Романовская; ум. не позднее 1939) — племянница Е. П. Блаватской, родственница Е. А. Герцык (матери А. К. и Е. К. Герцык); библиограф, занималась вопросами педагогики; входила в дружеский круг видных философов и литераторов начала XX в., эмигрировала в 1922 г. (ряд сведений о ней сообщен Р. П. Хрулевой по картотеке В. П. Купченко). В альбоме «Розанов» письмо № 8. Авт. коммент.: «Розановы принимали большое участие в „бездольи" моем. Когда я служил в В⟨опросах⟩ Ж⟨изни⟩ (40 руб. в месяц) еще можно было существовать, да и „Пруд" печатался. Журнал кончился. Никуда! Философов дал письмо в „Гос⟨ударственный⟩ Контроль". Не приняли за „папиросу". Стали по объявлению ходить. А случилась в Петербурге перепись собак. Вера Степановна Гриневич очень хорошая женщина. Делал я детский каталог. Но какой результат, не знаю. Кажется, что-то ничего не вышло. И уж скажу по правде, не интересно». Историю со злополучной «папиросой», закуренной во время визита к начальнику канцелярии, см. также: Петербургский буерак. С. 206. Ср. записку Ремизова к жене от 19 декабря 1906 г., к строкам которой приписан позднейший комментарий в квадратных скобках: «Сейчас 5, скоро идти к „Барыне" [чье это прозвище, не могу вспомнить. Думаю, что это В⟨ера⟩ С⟨тепановна⟩ Гриневич, для которой я буду составлять каталог детских книг]» (На вечерней заре (3). С. 474). Участие В. С. Гриневич в жизни Ремизовых

продолжалось и в 1909 г., когда с 9 июля по 14 августа писатель с женой гостили в ее имении, в деревне Ольховый Рог Константиноградского уезда Полтавской губернии. См. итинерарий Ремизова «Адреса и маршруты поездок»: РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 12—13.

...у неё есть работа ... это ... литературнее переписи собак... — Речь идет об очередном предполагаемом заработке для Ремизова — работе по составлению каталога детских книг. Материальное положение писателя в 1906 г. было настолько тяжелым, что ему пришлось принять оба предложения сразу. Ср. письмо Ремизова к Л. Шестову от 30 октября 1906 г.: «Я очень мало выхожу из дому. То с собаками, то с каталогом для детей. Так целый день. Соскучился по писанию» (Переписка Шестова. 1992. № 3. С. 172). Очевидно, именно этот каталог составил основное содержание книги: *Гриневич В. С.* Избранные книги для детей от 2-х до 15 лет. СПб., 1908. В разделе «Литература для детей 10—11 лет» здесь указывается позиция: «Ремизов. Посолонь. Изд. Золотого Руна. 1 р.» (С. 22).

Покажите-ка Вы ей образец своего... почерка... — Благодаря каллиграфическому таланту к письму особую ценность приобретали авторские списки некоторых текстов Ремизова. Так, в 1910 г. Н. П. Рябушинский заказал Ремизову авторский список сказки «Что есть табак» для изготовления раритетной рукописной книги с оригиналами иллюстраций К. А. Сомова. Работа над рукописью отражена в письмах Сомова, консультировавшего писателя в выборе акварельных красок для написания начальных буквиц и чернил для основного текста. См.: РНБ.

Ф. 634. Ед. хр. 207; письма за январь—апрель 1910 г. Об авторском списке из архива Иванова-Разумника см.: *Обатнина Е. Р.* Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника. С. 18. Писатель использовал элементы различных стилей древнерусского письма (устав, полуустав, скоропись, вязь), переписывая набело тексты своих произведений, а также в бытовой переписке. Ремизовское увлечение каллиграфией нередко вызывало у современников ассоциации образа писателя с героем романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Ср. характеристику М. Волошина в рецензии на книгу «Посолонь»: «Как Лев Николаевич Мышкин, Ремизов любит почерк. Он ценит, собирает и копирует старые манускрипты и пишет рукописи свои полууставом, иллюминируя заглавные буквы, что придает внешности их не меньшую художественную ценность, чем их стилю» (*Волошин М.* Лики творчества. Л., 1988. С. 510), а также воспоминания Н. Г. Чулковой: «У Ремизова был большой талант каллиграфа. Как князь Мышкин у Достоевского, он делал замысловатые надписи на книгах, которые он подносил своим знакомым. Такие росчерки, завитушки и виньетки выписывал он и на своих письмах, что хотелось сохранить на память каждую его пустячную записочку» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 35. Ед. хр. 192. Л. 244).

С. 55. *Я сделал обезьяню монету — львовую...* — Символика монеты соотносится с фамильным гербом С. П. Ремизовой-Довгелло.

...1 квадрил — lion... — Каламбур, очевидно, придуманный в связи с гиперинфляцией немецкой марки в 1922—1923 гг.

...аз обезцарь асыка собственнохвостно... — Вариация заключительной фразы в официальных документах Обезьяньей Палаты (в частности, в грамотах и обезьяньих знаках), подтверждающей «собственнохвостную» подпись верховного правителя Обезьяньего царства царя Асыки Первого.

...упказ А. Бах-рах. — В документах Обезвелволпала, составленных в Берлине в 1922—1923 гг., критик, литературовед, журналист, переводчик Александр Васильевич Бахрах (1902—1985) значится как кавалер обезьяньего знака и «бывший упказ», то есть управляющий казной. Ср.: «Не скрою, что тогда мне очень польстило носить титул упказа ремизовской обезьяньей палаты да еще в придачу значиться у него „турецким послом обезьяньим и кавалером первой степени с журавлиной ногой"» (*Бахрах А.* По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980. С. 23). Очевидно, разделение фамилии дефисом служит здесь усилению игровой ипостаси реального лица.

Такой монеты, Василий Васильевич, и в вашей чудесной коллекции не было. — Нумизматическая коллекция Розанова насчитывала 13 000 римских и 4500 греческих монет. Ср. воспоминания дочери философа Т. В. Розановой: «Отец был такой известный нумизмат, что в⟨ел.⟩ к⟨н.⟩ Сергей Александрович приглашал его посмотреть коллекцию. Отец, осмотрев ее, сказал, обращаясь к в⟨ел.⟩ к⟨н.⟩: „Ваше высочество, моя коллекция больше и богаче" («И интереснее по содержанию вещей», — так добавил он нам в кругу семьи)» (Розанова. С. 174).

Именины ваши, между прочим, теперь не на Василия, а на Геляриуса, я же на Луку угодил... —

Речь идет о несоответствии православного календаря так называемому «новому стилю». Ремизов привык отмечать свои именины 5 октября, которые по новому стилю приходились на 18 октября. Между тем 18 октября, по старому, Юлианскому календарю, Русская Православная церковь отмечает день памяти св. Апостола и евангелиста Луки. Очевидно, что в данном случае это имя содержало дополнительную, литературную ассоциацию, которая восходила к имени героя ремизовской эротической сказки «Царь Додон».

И куда это вся ваша коллекция девалась... — В своих воспоминаниях дочь Розанова, Татьяна Васильевна, писала, что в конце 1917 г., когда жизнь в Петрограде ста́ла особенно трудной, на семейном совете было решено перебраться в Троице-Сергиев Посад. Перед отъездом Розанов передал золотые монеты из своей коллекции в Государственный банк, эвакуировавшийся в Нижний Новгород. Только «с тремя золотыми монетами отец никогда не расставался, всегда носил их в кармане брюк, все их рассматривал. Когда после революции из Троице-Сергеева Посада он приехал в Москву во время голода и заснул на вокзале, их у него украли. Он не мог никогда этого забыть и это страшно на него подействовало». Подробнее см.: Розанова. С. 174—175 («О нумизматике писателя В. В. Розанова»). Сохранившая часть коллекции в настоящий момент находится на хранении в Государственном музее изобразительных искусства им. А. С. Пушкина (Москва). Описание коллекции см. в кн.: Василий Васильевич Розанов — коллекционер-нумизмат. 1856—1919. (К 150-летию со дня рождения). М., 2006.

С. 56. *Спасибо, добрый Алексей Михайлович...* — В альбоме «Розанов» письмо № 5. Авт. коммент.: «В письме ко мне о копировании монет, прием описательный совсем к монетам не относится, а к разговорам нашим о такой книге — „книге любви", где бы были собраны наблюдения мудрецов и опытных людей, а также наказ „в любви", о чем знали хорошо в старину у нас „мамки" и свахи. / А о монетах: я предложил некоторые очень тонкие скопировать и издать альбом. Осуществить ничего не пришлось: ни книги „любви", ни альбома монет. Между прочим, как потом выяснилось, три четверти монет оказались поддельными».

С. 57. *Безе, безе, безе...* — От фр. baiser — поцелуй. Ср. «Мертвые души»: «Позволь, душа, я тебе влеплю один безе. Уж вы позвольте, ваше превосходительство, поцеловать мне его. Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою!» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1951. С. 172).

С. 58. *Представляю, что испытывает М. М. Пришвин!* — О пробуждении охотничьего инстинкта см. в повести Пришвина «За волшебным колобком (1908): «...происходит наконец-то таинственное переселение меня за тысячелетия назад. Этот момент неуловим. Неизвестно, когда он наступит. Это мгновение — будто сноп зеленого света, целый поток огромных исцеляющих сил. Пусть над нами, охотниками, смеются культурные люди, пусть она им кажется невинной забавой. Но для меня это тайна, такая же, как вдохновение, творчество. Это переселение внутрь природы, внутрь того мира, о котором культурный человек стонет и плачет. Мне кажется,

что так должен чувствовать себя убежавший из клетки зверь. Подбежит к лесу, остановится, задумается и пустится в чащу. *Я* — зверь, у меня все приемы зверя» (*Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1982. С. 256—257). Знакомство Пришвина с Ремизовым относится к 1907 г. Ср.: «С первой встречи с Пришвиным я замечаю: доверчивый, природа его звериная» (см.: Кодрянская. С. 322). О писательском даре Пришвина описывать русскую природу см. в очерке Ремизова «Пришвин» (1938) (Петербургский буерак. С. 299—301). Историю отношений двух писателей см.: Письма Пришвина. С. 157—209.

...у меня есть и русский календарь с Герценом... — Возможно, подразумевается подарок, полученный на Рождество 1923 г. от С. Я. Осипова. Ср.: «Послал я Вам русский отрывной календарь на 1923 год, с обозначением церковных праздников и святыми. Думаю, что в Берлине нет русских календарей, а без календаря как-то скучно жить. В отдельном конверте послал и папку к нему — с Чернышевским» (см.: Переписка с Осиповым. С. 254; письмо от 19 декабря 1922 г.).

...вставай проклятьем заклейменный... — Строка из песни «Интернационал» (1875; автор слов Э. Потье, рус. пер. А. Я. Коца).

С. 59. *o, du fröhliche, / o, du selige, / gnadenbringende / Weihnachtszeit!* — Рождественское песнопение: «О, ты радостное, / О, ты благословенное, / Благодать приносящее / Рождество!» (нем.).

...у Большого Вознесенья... — Московская церковь Вознесения Господня за Никитскими воротами (Большое Вознесение); строилась в 1827—1848 гг.

...сосед Лидин... — В августе 1922 г. писатель Владимир Германович Лидин (наст. фам. Гомберг; 1894—1979) устроил Пришвину комнату в Москве. См.: *Пришвин М. М.* Дневники. 1920—1922. М., 1995. С. 246. Ввиду общих пристрастий как Лидина, так и Пришвина к жизни в деревне и к охоте Ремизов, возможно, обыгрывает здесь фамилию Лидина в свете литературной аллюзии, восходящей к поэме А. С. Пушкина «Граф Нулин» (1825), где не только описывается охота и помещичий быт, но и упоминается «Лидин, их сосед, помещик двадцати трех лет».

...берлинская трубка пыхнет в мороз... — О встречах В. Г. Лидина с Ремизовым в 1922 г. в Берлине см.: *Лидин В.* Люди и встречи. Страницы полдня. М., 1980. С. 233—236. В книге «Литературная Россия. Сборник современной русской прозы», вышедшей в Москве в 1924 г. под редакцией В. Г. Лидина, была опубликована автобиография Ремизова (С. 27—35).

С. 60. *...ваш ученик Пришвин!* — Розанов преподавал географию в гимназии города Елец с осени 1887 г. По иронии судьбы ученик этой гимназии М. Пришвин как раз в это время остался на второй год за неуспеваемость по географии; более того, именно по настоянию Розанова он был исключен из гимназии за непростительную дерзость. Подробнее см.: *Пришвин М. М.* Кащеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1982. С. 66—69; *Фатеев В. А.* В. В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991. С. 35; *Пришвина В.* Путь к слову. М., 1984. С. 43, 46—47, 176—178. Ср. также: «И вот этот-то писатель, бывший моим учителем в гимназии, В. В. Розанов 〈...〉 научил, вдохнул в меня

священное благоговение к тайнам человеческого рода» (*Пришвин М. М.* Дневник. 1920—1922 гг. С. 290; запись от 21 декабря 1922 г.). О встрече Пришвина с Розановым в Петербурге осенью 1908 г. см.: *Пришвин М. М.* Ранний дневник. 1905—1913. СПб., 2007. Преломление идей Розанова в произведениях Пришвина 1908—1909 гг. отмечал Иванов-Разумник. Ср.: «...в эпоху „Волшебного колобка" и „Стен града невидимого" М. Пришвин находился в некоторой части своих писаний под влиянием статей Розанова о христианстве» (*Иванов-Разумник.* Т. II. Творчество и критика. СПб., [1911]. С. 66—67).

...те, что за нами ... они начали только в революцию... — Речь идет о поколении молодых писателей конца 1910-х—начала 1920-х гг., среди которых Ремизов особо выделял членов группы «Серапионовы братья», а также Вяч. Шишкова, Б. А. Пильняка, И. С. Соколова-Микитова, В. Б. Шкловского, Н. Г. Виноградова и др., считая многих из них своими учениками. Подробнее см.: Ахру. С. 19—21. См. также: *Обатнина Е.* А. М. Ремизов и «Серапионовы братья» (к истории взаимоотношений) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 223—238; а также: Учитель и подмастерье. Семь писем Бориса Пильняка Алексею Ремизову / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Д. Кассек // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 247—272.

...это какая-то Коляда... — Подразумевается самый веселый народный праздник славянской фольклорной культуры, первоначально связанный с аграрным циклом, а именно: с днем зимнего солнцестояния. В христианской традиции Коляда выражалась в

обычае ходить по домам с поздравлениями и с песнями (колядками) для сбора шутливой подати в течение всего периода празднования Рождества Христова начиная со Святок до Крещения.

Weihnachtszeit — Рождество (нем.).

...я заметил сочлененность именную — парность имен... — Соответствие фамилий выстроено Ремизовым по семантическим сближениям схожих сфер деятельности, общности взглядов, а также дружеских, ученических или семейных связей: Анаксимен и его учитель Анаксимандр — история античной философии; Ленин и Троцкий — большевики; А. Гоц и В. Зензинов — эсеры; Ю. Мартов и Ф. Дан — меньшевики; М. Горький и Л. Андреев — реалисты; А. Блок и А. Белый — символисты; семейная пара З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский — «неохристиане»; В. Шкловский и Р. Якобсон — формалисты; И. Пуни и К. Богуславская — семейная пара авангардистов; В. Розанов и Л. Шестов — философы жизни; С. Булгаков и Н. Бердяев — идеалисты; Н. Бердяев и С. Франк — представители нового религиозного сознания и т. д. Иронический характер этого списка подчеркивается рифмующимися окончаниями фамилий Рафалович и Габрилович; Барладеан и Тер-Погосьян, но более всего составлением пары из имени и фамилии одного лица: Соломон и Каплун. Имеется в виду Соломон Гитманович Каплун (Сумский; 1891—1940) — журналист, до революции сотрудник «Киевской мысли»; в Берлине владелец издательства «Эпоха» (1922—1925).

С. 61. *...нас разделяли Егоровские бани.* — Речь идет о здании в Большом Казачьем пер. (д. 11),

построенном в 1875 г. на средства купца Е. С. Егорова по проекту архитектора П. Ю. Сюзора. Комплекс бань, открытый для посещения в 1879 г., состоял из отделений разнообразной комфортности и предназначался для всех слоев населения. В фасадной двухэтажной части располагались номера люкс, поражавшие роскошностью интерьеров, а во дворе, в пятиэтажной части дома, помещались народные, общие, номерные и семейные банные помещения. В настоящее время бани получили бытовавшее ранее название — «Казачьи», по месту расположения казарм донских казаков, находившихся неподалеку на набережной реки Фонтанки.

...идет в «Новое Время». — В газете «Новое время» (1868—1917) Розанов публиковался с середины 1890-х гг., а с 1909 г. стал ее постоянным сотрудником, печатая около 50 статей ежегодно. Для многих представителей либерально-демократической ориентации это издание было рупором реакционной и националистической политики и идеологии. Ремизов, с его демократическими идеалами, усвоенными в пору политической ссылки, категорически отрицательно относился к «нововременцам», делая исключение только для В. В. Розанова. По свидетельству Пяста, Ремизов называл «Новое время» «самою смрадною ямою из существующих на земле», заявляя, что своим ровесникам он никогда не позволит сотрудничать в газете: «...один литератор из более молодых начал было помещать в литературных приложениях к „Новому времени" рецензии под своими инициалами. Ремизов сейчас же обнаружил автора. По его настоянию, пишущий эти строки ультимативно потребовал от этого писателя прекращения его сотрудничест-

ва в приложении — и с успехом немедленным» (*Пяст Вл.* Встречи. С. 37—38).

С. 62. *В Казачьем появился Н. С. Гумилев и некоторое время «до Абиссинии» находился в «рабстве»...* — Николай Степанович Гумилев (1886—1921) весной 1908 г. вернулся в Петербург из Парижа, где с лета 1906 г. проходил обучение в Сорбонне. Еще до личного знакомства с Ремизовым молодой поэт написал рецензию на роман «Часы», в которой высказал несколько критических замечаний. Ср.: «Ремизов — истинный писатель, и потому особенно горько видеть его имя под такими явно слабыми вещами, как „Часы"» (Речь. 1908. 7 августа. № 187. С. 4). В сентябре 1908-го Гумилев отправляется в Египет на шесть недель. Знакомство с Ремизовым, по-видимому, произошло 26 ноября 1908 г., по возвращении из первого африканского путешествия, когда Гумилев впервые был принят на «Башне» Вяч. Иванова. В тот вечер в присутствии других завсегдатаев ивановских «сред» Ремизов читал свои миниатюры в жанре «снов». См.: Переписка с Н. С. Гумилевым (1906—1920) / Вступ. статья и коммент. Р. Д. Тименчика и Р. Л. Щербакова. Публ. Р. Л. Щербакова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 486. Буквально сразу после знакомства Ремизов старался привлечь Гумилева к известным ему творческим проектам. В частности, в письме от 16 декабря 1908 г. он рекомендовал Гумилева Вс. Э. Мейерхольду в помощь по организации нового театра-кабаре «Лукоморье»: «Обращаю Ваше внимание на поэта Гумилева, который может быть полезен делу. 〈...〉 Его очень интересует театр и он всегда готов будет приезжать из Ц〈арского〉 С〈ела〉

в Петербург» (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2303. Л. 12). В романе-хронике «Взвихрённая Русь» (1927) Ремизов, описывая один из сюжетов петроградской зимы 1920 г., связанный с Гумилевым, вспоминает о времени их первого знакомства, которое напрямую ассоциируется с написанным и прочитанным тогда же циклом литературных снов «Бедовая доля». Ср.: «В необыкновенной шубе, выше, чем в действительности, держась чересчур прямо, навстречу мне по рельсам же не шел, а выступал Гумилев. Я очень ему обрадовался: с ним у меня связана большая память о моей литературной „бедовой доле" и о его строгой оценке „слова": он понимал такое, чего другим надо было растолковывать» (Взвихрённая Русь. С. 255). Частые визиты на квартиру писателя в Малом Казачьем пер. Гумилев наносил в последующем 1909 г. до своего отъезда во второе африканское путешествие, начавшееся в ноябре и завершившееся в феврале 1910 г. На этот раз маршрут пролегал по Абиссинии и Британской Восточной Африке. О специфическом стиле общения, сложившемся у Ремизова с Гумилевым и, очевидно, строившемся по модели мастер — ученик, косвенно свидетельствует письмо Гумилева к писателю от 9 февраля 1909 г.: «Многоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович, Ваше письмо застало меня совсем больным. Я довольно распростудился и не выхожу из дому, а поэтому и лишен возможности служить Вам, как обещал» (Неизвестные письма Н. С. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. № 1. С. 57; см. также: *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 8. Письма. М., 2007. С. 130). Возможно, в своей

характеристике Гумилева Ремизов не только намеренно преувеличивает собственное наставничество, но и добавляет африканские обертоны («рабство»), намекая на формы общения поэта со своими студистами.

...он в своем цехе и студии проводил эту систему — беспощадно. — Речь идет об организованных Гумилевым объединениях. «Цех поэтов» был образован 20 октября 1911 г. (под председательством Н. Гумилева и С. Городецкого) как сообщество поэтов, противопоставивших свое творчество символистской эстетике и вскоре оформивших новое направление — акмеизм. Первый «Цех поэтов» просуществовал до 1914 г. Впоследствии были образованы еще два «Цеха»: в 1916—1917 и в 1920—1922 гг. В третьем «Цехе», до своей гибели в 1921 г., Гумилев занимал позиции председателя. В этом объединении культивировалась атмосфера средневековой гильдии ремесленников: строгая иерархия с титулами «синдиков» для председателей, определенный порядок проведения заседаний, а также тайное избрание новых членов сообщества. В 1919—1920 гг. стремление Гумилева к занятиям практическим литературоведением привело к созданию нескольких литературных студий. Первая из них — студия при издательстве «Всемирная литература» — открылась в июне 1919 г. (в доме Мурузи на Литейном пр., 24). Поэт возглавил здесь секцию поэтического искусства, в которой проводились стихотворные практикумы для начинающих. По свидетельству И. Одоевцевой, «ко времени открытия Студии Гумилев уже успел многому научиться и стал более мягким. Разбор стихов уже не представлял собой сплошного „избиения младенцев"» (*Одоевце-*

ва И. На берегах Невы. М., 1989. С. 34). Вторая студия — при петроградском Доме искусств (1920—1921) — была образована для «уже создавших себе имя молодых поэтов» в конце лета 1920 г. (Там же. С. 211). В ней Гумилев вел курс по драматургии и практические занятия по поэтике для молодых литераторов (*Лукницкая В.* Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 214). В воспоминаниях Одоевцевой, одной из самых преданных учениц Гумилева, особо отмечается шедшее от поэта «безграничное» уважение молодежи к Ремизову. Мемуаристка упоминает об этом, «чтобы подчеркнуть, как в литературных кругах, близких Гумилеву и Цеху, чтили Ремизова» (*Одоевцева И.* На берегах Невы. С. 211).

О ту же пору Яков Годин привел А. Н. Толстого. — Яков Владимирович (Вульфович) Годин (1887—1954) — в конце 1905—1906 гг. молодой поэт, входивший в круг петербургских символистов. Очевидно, знакомство Ремизова с Годиным началось с литературных вечеров «Кружка молодых», организованных при Петербургском университете зимой 1905/06 г. С. М. Городецким. Особого внимания к своим поэтическим опытам Годин удостоился на «Башне» Вяч. Иванова. Ср. письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к Л. Н. Замятниной от 24 декабря 1905 г.: «Были из „кружка литературы", между проч⟨им⟩, один мальчик 18 лет Годин. Он пришел и вчера почитать стихи, чтобы узнать критику Вяч⟨еслa⟩ва, еврей, талантлив глубоко, сын фельдшера, родился в Петропавловской крепости. Дома — ад, и мальчика спасает только талант. Бредит самоубийст-

вом, а пишет так, что я ушла рыдать к себе. 18 лет! И весь мир передумал, а образования никакого! даже гимназии! И ни гроша денег» (Цит. по: Богомолов : 2009. С. 146). В конце 1906 г. Годин оказался в центре литературного скандала, результатом которого стало разоблачение его как автора двух фельетонов, опубликованных под псевдонимом Вакх в петербургском журнале «Газета Шебуева»: «Оргиасты. Новая симфония (Плагиат из Андрея Белого и др.)» и «Оргиасты» (1906. № 3 и № 4). В ироническом свете и под настоящими фамилиями здесь были выведены многие участники «сред» на «Башне», в частности — Ремизов и Розанов. Несмотря на широкую огласку этого инцидента и возмущение мэтров — Вяч. Иванова и Ф. Сологуба, предавших молодого поэта остракизму на несколько лет (подробнее об этом см.: *Азадовский К*. Эпизоды // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 111—121), Ремизов и Розанов не оставили ни мемуарных свидетельств, ни дали личных оценок этому поступку. После публикации автобиографии в «Альманахе молодых» (СПб., 1908) Годин начал успешно сотрудничать с целым рядом периодических изданий. Очевидно, новоприобретенный литературный статус Година послужил причиной его сближения с графом Алексеем Николаевичем Толстым (1882/1883—1945), который в октябре 1908 г. прибыл в Петербург из Парижа. Ремизов, отмечая несомненное писательское дарование Толстого, в известной степени покровительствовал начинающему писателю, часто принимая его у себя дома. Ср. запись в дневнике М. Кузмина от 29 декабря 1908 г.: «После обеда поехали к Ремизовым, купив розы. Пришел туда и Толстой, ужасно смешной, глу-

пый и довольно милый. Рассказывал о Париже и т. п.» (Кузмин. С. 98). Отношения Ремизова и Толстого значительно осложнились после новогоднего маскарада 1911 г. у Сологуба. О роли Толстого в этой, получившей многолетний резонанс, скандальной истории см.: Обатнина : 2001. С. 60—77.

...М. А. Кузмин с С. С. Позняковым... — Личность и многогранный талант Михаила Алексеевича Кузмина заинтересовали Ремизова с первых их встреч на «Башне» Вяч. Иванова в 1905 г. Дружеские отношения завязались весной 1906 г. Ср. дневниковую запись Кузмина от 24 мая 1906 г.: «Со мной был почему-то очень любезен Ремизов, сказавший, что то, что он слышал обо мне, об иконах и т. д. моих вещах, ужасно ему близко и радует его» (Кузмин. С. 155). Ремизов был искренним поклонником дарования Кузмина, высоко ценя его стилизаторские способности. Ф. Фидлер 16 декабря 1907 г. записал следующее высказывание Ремизова о Кузмине: «„Он — экзотическое растение, образчик культивации. В простоте его стиля (содержания не касаюсь) — высокая художественность. Мне жаль, что все осуждают его как педераста"» (Фидлер. С. 474). Кузмин был частым гостем Ремизовых, дом которых стал открытым и для многих знакомых поэта. В конце 1900-х гг. студент Петербургского университета и литератор-дилетант Сергей Сергеевич Позняков (1889—1945?) был интимным другом Кузмина, которому поэт покровительствовал на литературном поприще; Познякову посвящен роман Кузмина «Нежный Иосиф» (1909). По-видимому, впервые Позняков побывал в доме Ремизовых на Святках 25 января 1908 г. Накануне, в пятницу 24 января, Кузмин со-

общал писателю: «Дорогой Алексей Михайлович, я назвал к Вам целую кучу народа на субботу. Кроме Св⟨ятополка-⟩Мирского и Покровского придут еще Ауслендер и некий студент Позняков, которого я Вам представлял как-то в театре — приятель первых 2-х. Он ничего себе, только очень много говорит. Простите за самоуправство» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 133. Л. 8).

...Гр. П. Новицкий, автор «Необузданные скверны»... — Поэт Григорий Петрович Новицкий, «узко специализировавшийся на ночной публике Невского проспекта» (*Ave*. Вечер северной свирели // Сатирикон. 1908. № 28. С. 6—7), являлся автором трех поэтических сборников. В сборнике «Необузданные скверны» (СПб., 1909) Новицкий опубликовал стихотворение «Поэт», предварявшееся посвящением «А. Н. (так! — *Е. О.*) Ремизову» (С. 110). Новицкий выступал вместе с А. Ремизовым, Ф. Сологубом, С. Городецким, А. Рославлевым и др. на вечерах «Северной свирели». См.: Новая Русь. 1908. № 59. 13 октября; *Блок А.* Вечера искусств // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 304—308. См. также о Новицком заметку Ремизова в рабочей тетради (Исследования (1). С. 223). Ср. также письмо Иванова-Разумника Ремизову от 4 февраля 1909 г.: «...получил на днях от некоего Григория Новицкого книжку стихов „Необузданные скверны". Действительно, уж так скверно, что заглавие вполне подходит. Ни капли таланту, масса претензии, впечатление почти юмористическое. И как это Вы позволили автору посвятить Вам какое-то его блудописание?» (Письма Иванова-Разумника. С. 31).

С. 62—63. *...Вас. Вас. Каменский...* — Поэт и прозаик Василий Васильевич Каменский (1884—1961), вспоминая о времени основания футуризма (1909), отмечал, что представителей нового литературного направления среди известных литераторов особенно интересовали — творчески и личностно — Ремизов и Блок. См.: *Каменский В.* Путь энтузиаста // Каменский В. Соч. М., 1990. С. 441.

С. 63. *...В. Хлебников, с которым слова разбирали.* — О встречах с Велимиром Хлебниковым (наст. имя Виктор Владимирович; 1885—1922) Ремизов вспоминал в письме к В. Ф. Маркову 22 ноября 1956 г.: «Хлебников при первом свидании мне показался прописной узорной буквой. Без голоса. Читал он невразумительно. „Планетчик", хотел оруссить весь земной шар» (Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову / Публ. В. Ф. Маркова // Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Bd. 10. S. 438). Знакомство Ремизова и Хлебникова состоялось осенью 1908 г. Петербургский период жизни Хлебникова с мая 1909 по 1910 г. был отмечен плодотворными творческими контактами с представителями символистской литературы, в которых молодой поэт делился своими идеями «возрождения» языка. В частности, об одном из первых визитов в квартиру на Кавалергардской Ремизов написал своей жене 31 мая 1909 г.: «...пришел, помнишь, такой студент робкий — Виктор Хлебников. Говорили о словах. Он не то что подкапывается под корень, а хочет вытащить и пересадить. Эта словесность мне по душе: тут слово в его существе „бескорыстное", „само-в-себе", а не то, чтоб прикрывать собою пустые призраки» (Собрание семьи Резниковых). О творческих сближениях Реми-

зова и Хлебникова см.: *Баран Х.* К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 191—210. Возможно, характерные черты В. Хлебникова нашли отражение в образе Павла Плотникова — одного из персонажей повести Ремизова «Крестовые сестры». Подробнее см.: *Данилевский А. А.* Велимир Хлебников в «Крестовых сестрах» А. М. Ремизова // Мир Велимира Хлебникова. М., 2000. С. 385—390. См. также воспоминания о первом визите поэта-авангардиста на Таврическую в квартиру Вяч. Иванова: *Гюнтер И. фон.* Жизнь на восточном ветру: Между Петербургом и Мюнхеном / Пер. с нем. Ю. И. Архипова. М., 2010. С. 208—209.

Это все писатели, а также и не-писателей много перебывало. — Описание общества, собиравшегося в квартире Ремизова в 1905—1910 гг., см. в его рассказах «Глаголица» (1911) и «Оказион» (1913), где реальные лица представлены под прозвищами, отражающими их общественный статус: «правовед» — собирательный образ, объединивший выпускников Училища правоведения, владельцев типографии «Сириус» — С. Н. Тройницкого, А. А. Трубникова и М. Н. Бурнашева; «бывший член Государственной Думы» — депутат Первой Государственной Думы, лидер «Трудовой группы» публицист И. В. Жилкин; «зоолог, получивший название свое за необыкновенное пристрастие к аквариуму, больше не за что» — Д. Е. Жуковский. См.: Оказион. С. 215. Ср. также фрагмент письма Ремизова к В. Пясту от 20 мая 1906 г.: «Турецкий поэт (И. Тотеш. — *Е. О.*) живет у нас через день. Водил я его к

Вя⟨ч.⟩ Ив⟨анову⟩, читал он там на прощальной страде стихи, показывал фокусы, все дамы в него влюбились, такой красивый. ЧЕРНЫЙ ВЕСЬ, как трубочист и поводит белками. Завтра приедет ко мне датский поэт Маделунг. Черт возьми, вроде как при дворе каком, все иностранцы. Понимаете, я иногда думаю, что это неспроста, тут что-то есть» (РГАЛИ. Ф. 405. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2).

Барышня интересовалась Розановым. — Подразумевается Людмила Давидовна Бурлюк (в замуж. Кузнецова; 1886—1968), художница, сестра трех братьев: поэта и художника-футуриста Давида Давидовича, художника Владимира Давидовича, поэта и художника Николая Давидовича; была членом художественного объединения «Венок», с 1908 г. принимала участие во всех выставках, организованных Д. Бурлюком.

Я задумал тогда «Илью Пророка» — Громовника... — Апокрифическая легенда «Гнев Илии Пророка» (1906), вошедшая в сборник «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (1907), в этом и последующем изданиях предварялась посвящением М. А. Кузмину. Это произведение Ремизов читал на вечере у Ф. Сологуба 21 января 1907 г. См. записи Ф. Сологуба о посещениях им разных лиц, театров и литературных вечеров: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 59.

Посылаю вырезку... — В альбоме «Розанов» копия письма (№ 12) Розанова рукой Ремизова, датирована: «25 X 1907». Сверху помета Ремизова: «Копия письма В. В. Розанова к А. Ремизову. Оригинал остался в России; рисунок мною скопирован А. Ремизов». На листе альбома, к которому приклеена копия, рукой Ремизова сверху написано: «про

Людм⟨илу⟩ Дав⟨идовну⟩ Бурлюк-Кузнецову». Авт. коммент.: «25. X 1907 / Письмо это относится к Л. Д. Б⟨урлю⟩к. Увы! я занимался в своей комнатенке, а потом должен был уйти. Когда я вернулся, В. В. сразу стал прощаться и со мной и с барышней, с которой он вдвоем просидел часа два. Барышня ожидала Серафиму Павловну. Сеансы — это ночные прихождения к нам В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩. Жили мы по соседству в Казачьем переулке. Приход В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ „тайный" — он шел будто бы в „Новое Время". Отсюда большие недоразумения впоследствии. Дома В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ рассказывал, что он на меня сердится и, конечно, у нас никогда не бывает. Вар⟨вара⟩ Дм⟨итриевна⟩, особенно добро относящаяся ко мне, очень огорчалась. Приходила не раз к нам: „Чтобы я не сердился на Васю". Помогала вешать драпировки. „Золотые" карнизы прислала. В трех маленьких комнатах было 4 окна — а карнизов было 3. Мы их перевозили с собой впоследствии. И только в 1919 г. зимой пошли на плиту. Б. означает сокращение „был" (Оригинал этого письма остался в России)». Об участии В. Д. Розановой в бытовых делах Ремизовых вспоминала также дочь философа. Ср.: «Смутно помню Алексея Михайловича Ремизова с супругой своей, толстой Серафимой Павловной, которые, кажется, всю жизнь были влюблены друг в друга. Мама говорила, что они в житейских делах были беспомощны как дети и прибегали к маме за советом, как повесить на окне купленные занавески» (*Розанова Н. В.* Из моих воспоминаний / Вступ. статья, публ. и коммент. А. Н. Богословского // Литературоведческий журнал. 2000. № 13—14. Ч. 2. С. 59). Забота В. Д. Роза-

новой раскрывается и в ремизовском комментарии о так называемой «розановской шубе», происхождение которой писатель комментировал, обрабатывая личный архив в конце 1940-х гг.: «Вар⟨вара⟩ Дм⟨итриевна⟩ „самодельно" сделала для С⟨ерафимы⟩ П⟨авловны⟩ пальто, выходить в нем нельзя было по безобразию, а зимою служило одеялом» (Собрание Резниковых; письмо Ремизова к жене от 19 мая 1909 г.).

С. 65. ...*«будемте, яко бози»*... — Выражение восходит к словам змея-искусителя, обращенным к Еве — жене Адама в церковнославянском переводе: «Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их (плодов райского дерева), откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3 : 5).

С. 66. *Точное изображение барышни*... — Письмо завершается копией с рисунка Розанова, озаглавленного «Точное изображение барышни»: примитивное изображение женщины, на туловище которой в соответствии с условным расположением вторичных половых признаков поставлены два вопросительных знака и надпись: «и близко / локоть (до — зачеркнуто) да не укусишь / то же», а на месте половых органов — два восклицательных знака и «и я там был, по усам текло / в рот не капнуло». Такая же копия (без пояснений) вклеена Ремизовым в личный экземпляр «Кукхи», принадлежавший С. П. Ремизовой-Довгелло. См.: ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 113.

Барышня вскоре вышла замуж. — Мужем Л. Д. Бурлюк стал Василий Васильевич Кузнецов (1881—1923), петербургский скульптор, мастер мо-

нументально-декоративной скульптуры, автор метеорологического павильона (1914), ныне установленного на М. Конюшенной ул. в Санкт-Петербурге.

С. 67. *В. Д. рассказала, как надо вставлять окна ... стаканчики поставить с кислотой...* — В городских квартирах с приходом весны вынимались внутренние оконные рамы, а на зиму они вставлялись обратно. Чтобы избежать обледенения стекол (морозных узоров), хозяйки покупали и ставили между рамами специальные стаканчики с соляной кислотой (или медным купоросом), которая препятствовала образованию влажности и обеспечивала необходимую прозрачность оконных стекол в зимнее время. Ср.: «Еще балконная дверь не выставлена. Еще на полу, на газетных листах, лежат комья междурамной цветной ваты, натрушена сухая замазка, стоят фаянсовые стаканчики с соляной кислотой. Они тоже междурамные: их ставят в окна на зиму, чтобы стекла не замерзали» (*Успенский Л. В.* Записки старого петербуржца. Л., 1990. С. 73).

...есть поцелуи, как сны свободные... — Первая строка стихотворения К. Бальмонта «Играющей в игры любовные» (1901) из его книги стихов «Будем как солнце. Книга символов» (1903). У Бальмонта: «есть поцелуи — как сны свободные».

С. 68. *...он рассказывал, что в гимназии вас козлом называли.* — Имеется в виду эпизод, связанный с исключением Пришвина из гимназии; описан им в романе «Кащеева цепь», первая книга которого появилась на страницах журнала «Красная новь» (1923. № 3—5, 7). См.: *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1982. Т. 2. С. 66—69. Ср. также воспоминания Пришвина о В. В. Розанове,

служившем учителем географии в Елецкой гимназии: «Этот рыжий человек с красным лицом, с гнилыми черными зубами сидит на кафедре и, ровно дрожа ногой, колышет подмостки и саму кафедру. Он явно больной видом своим, несправедливый, возбуждает в учениках младших классов отвращение...» (Pro et contra. С. 108—109).

С. 69. *Не провокация?* — В альбоме «Розанов» письмо № 17; датировано рукой Розанова: «24 сент⟨ября⟩ 1909». Авт. коммент.: «1909 24 IX / Это относится к „сеансам". А никаких „сеансов" и не было. „Сеансами" называл Розанов, когда он приходил к нам часов в 11 вечера, сказав дома, что он идет в редакцию „Нового Времени". А говорил он так дома, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ все скрывал от домашних».

Vale. — Будь здоров! прощай! (лат.).

С. 70. *А ведь Розанов не только философ «превыше самого Ничше!»...* — Д. С. Мережковский в работе «Л. Толстой и Достоевский» (1900) первым сравнил Розанова с Ф. Ницше: «...такое сопоставление многих удивит; но когда этот мыслитель (Розанов. — *Е. О.*) при всех своих слабостях, в иных прозрениях столь же гениальный, как Ницше, и, может быть, даже более, чем Ницше, самородный в своей антихристианской сущности, будет понят, то он окажется явлением едва ли не более грозным. Требующим большего внимания со стороны церкви, чем Л. Толстой, несмотря на всю теперешнюю разницу в общественном влиянии обоих писателей» (*Мережковский Д.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 150). Ср. также статью А. С. Глинки (Волжского) «Мистический пантеизм В. В. Розанова»: «Антихристианство Розанова имеет

много точек соприкосновения с антихристианством в учении Ницше, но в существенном они расходятся. Линии религиозно-философских узоров рисунка Ницше смелее и решительнее, они ярче, определеннее, выпуклее, но в конце концов В. В. Розанов идет дальше, его узоры сложнее, тоньше, извилистее, и там, где они видны, они особенно значительны и угрожающе страшны» (Pro et contra. С. 449). Сам же Розанов иронически отмежевывался от подобного сравнения: «Это ужасно странно и нелепо, и такое нелепое я выношу изо всего, что обо мне писали Мережковский, Волжский 〈...〉 С Ницше... никакого сходства! 〈...〉 Я самый обыкновенный человек; позвольте полный титул: „коллежский советник Василий Васильевич Розанов, пишущий сочинения"» (Листва. С. 376).

Русскому человеку никогда, может быть, так не было необходимо, как в эти годы (1917—21) быть в России. — Глубокие переживания, вызванные отъездом из России, представляли собой лейтмотив писем Ремизова конца 1921—1922 гг. О накопленном за это время опыте Ремизов, еще не оставивший мысли о возвращении в Россию, писал В. Н. Тукалевскому 16 февраля 1922 г.: «Хочется мне не с пустыми руками домой вернуться и поучиться — есть чему поучиться и написать — четыре года смотрел жил стотысячной жизнью и конечно, оторвавшись, легче видеть / яснее вижу» (ГАРФ. Ф. 577. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 14).

С. 72. *...как из Ямбурга в Нарву попал ... с нашим красноармейцем, мы русские, простились...* — Ремизов с женой тайно покинули Петроград 5 августа 1921 г. 7 августа они прибыли в Ямбург (совр.

г. Кингисепп) и только вечером 9 августа добрались до первого эмиграционного пункта в Нарве, где им предстояло пересечь границу России с Эстонией. Ср. недатированное письмо С. П. Постникову: «Выехали мы из Петербурга 5 VIII 1921 по беженскому билету *под своей фамилией* с эшелоном 38—39. 8 VIII в Ямбурге отдали в Особый Отд⟨ел⟩ Пропусков свои трудовые книжки. В Нарву нас пропустили, как русских, каковыми мы и остались» (ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 2). Подробную роспись пути см.: Взвихрённая Русь. С. 521. Ср. также более позднее описание момента пересечения границы: Подстриженными глазами. С. 14—15.

...в карантине сидя, на каторожном-то положении... — Хроника 11 дней, проведенных в карантинной зоне для переселенцев, напоминающих тюремное заключение с выполнением различных бытовых повинностей, нашла отражение в дневниковых записях писателя (см.: Взвихрённая Русь. С. 521; 639—640), а также в его рисунках, составивших альбом «Последний путь из России» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 18—24).

...стало мне совсем ясно, а когда ... на волю выпустили ... несомненно. — Обманутые надежды, связанные с заграницей, эмоционально сказались в записи одной из рабочих тетрадей писателя: «Первое впечатление в Ревеле в церкви: все стояли понуро, униженные. „Как, — подумал я, — разве русские должны быть такие: русские должны стоять гордо!"» (*Ремизов А. М.* Дневник 1917—1921 / Подгот. текста и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее. Исторический альманах. 16. М.; СПб., 1994. С. 515).

...только обезьянья палата (обезьянья палатка!) уничтожила всякие границы, заставы, пропуски и визы... — Ср. ремизовский «Пропускной билет» от 9 августа 1924 г., обладателем которого стал эмигрировавший в 1923 г. в США музыковед, композитор и дирижер Н. Л. Слонимский: «Дан сей пропускной билет кавалеру обезьяньего знака I степени с буйволовой струной Николаю Леонидовичу Слонимскому из Обезьяньей великой и вольной палаты — Обезвелволпала — на неоднократный проезд через океан в американские соединенные штаты. / ⟨Печать⟩ / Обращаемся ко всем дружественным нам державам оказывать содействие названному кавалеру Обезвелволпала. / Царь обезьяний Асыка собственнохвостно. / 9 août 1924 Paris Le grand et libre Chapitre de l'Ordre des Singes / The Great and Free Chamber of Apes / Сей билет предъявлять в Великобритании послу Обезвелволпала кн. Д. П. Святополк-Мирскому для легитимации в Англии / Скрепил и деньги porto blanc Jose's Combros получил б. канцелярист Обезвелволпала cancellarius Алексей Ремизов». См.: Обатнина : 2001 (раздел «Коллекция»).

С. 73. *...вот, например, с квартиры тебя выгнали, потому что ты не валютчик и платить много не можешь...* — С конца 1922 г. проживание в Германии для иностранных граждан осложнилось ужесточением правил съема квартир и чрезвычайно высоким налогом на жилые помещения. Подробнее см.: *Бочарова З. С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920—1930-е гг. // Русский Берлин: 1920—1945. Международная научная конференция. М., 2006. С. 388—389. Положение ино-

странцев стало критическим на фоне громкого дела о незаконных валютных операциях, в связи с которым префектура Берлина приняла решение о тотальном выселении граждан иностранного происхождения. Ср. письмо Ремизова к С. Я. Осипову от 8 декабря 1922 г.: «У нас большая беда: вот уж месяц, как нас выгнали с квартиры, ищем, не можем найти. (Все гонятся за валютчиками)» (Переписка с Осиповым. С. 253). Ср. также описание сложившейся ситуации в книге «Мышкина дудочка» (1953): «Опытные люди, в руках которых обращалась в те годы нелегальная благородная валюта, догадывались по полицейскому извещению 〈...〉 что высылают нас не иначе, как за „спекуляцию"» (Петербургский буерак. С. 139).

С. 74. *...если бы вовремя отправили Блока сюда в санаторию, ну куда-нибудь в Наухейм...* — 29 мая 1921 г. М. Горький обратился к А. В. Луначарскому с письмом, в котором просил срочно выхлопотать для Блока разрешение на выезд в Финляндию, где он мог бы устроиться «в одной из лучших санаторий» (Литературное наследство. Т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 292—293). 23 июля 1921 г. поэт получил от Советского правительства разрешение на выезд, однако быстрое развитие болезни не позволило ему воспользоваться этой возможностью. Подробнее см.: Об участии А. М. Горького в судьбе Блока в последние дни жизни поэта / Публ. А. М. Крюковой // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 274—277; а также: «Он будет писать против нас». Правда о болезни и смерти Александра Блока // Источник. 1995. № 2. С. 33—45. Упомина-

ние Ремизовым курорта в Бад-Наугейме (Германия), очевидно, связано с первым циклом стихов поэта «Ante Lucem», который был написан под впечатлением первой любви к К. М. Садовской и встрече с ней в Бад-Наугейме летом 1897 г.; на этом курорте поэт бывал также и в 1903 г.

...и М. О. Гершензон где-то тут лечится! — М. О. Гершензон проходил курс лечения на германском курорте Баденвейлер с октября 1922 по август 1923 г. См.: *Гершензон М. О.* Письма к Льву Шестову / Публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее. Исторический альманах. 6. М., 1992. С. 269—288.

...здешние, про нас, оставшихся в страде — в России, говорили: «продались большевикам!» и это я читал собственными глазами... — Очевидно, речь идет о дискуссии, возникшей в эмигрантской прессе после публикации статьи И. Эренбурга «Au-dessus de la melee» (Русская книга. 1921. № 7—8. Июль—Август. С. 1—2). Выбирая позицию «над схваткой», автор статьи задавался выяснением «сложного и мучительного вопроса об отношении некоторых зарубежных кругов к писателям, оставшимся в России». Поводом для его выступления на страницах журнала стала устойчивая «„горькая молва„, дошедшая до Москвы»: «Говорили, будто за границей целый ряд писателей и поэтов подвергаются незаслуженным нападкам, в частности, цитировали статьи, где дорогой всем нам, один из наиболее талантливых поэтов современности Сергей Есенин именовался „советским Распутиным", критик Чуковский „прихвостнем" и прочее». В статье Эренбург также полагался и на личный опыт общения с эмигрантами, склонными осуждать оставшихся в России

представителей творческой интеллигенции за «политическое прислужничество»: «Побыв за границей несколько месяцев, я 〈...〉 мог заметить, что 〈...〉 у ряда писателей, которыми была бы вправе гордиться литература любой страны в эпохи расцвета... „плохая пресса". Андрей Белый, А. А. Блок, Ф. К. Сологуб, В. Я. Брюсов, С. А. Есенин, А. М. Ремизов, К. И. Чуковский, В. В. Маяковский и многие другие подвергались различным злостным нападкам». См. также статью А. Койранского «Поэтический иммунитет» (Последние новости. 1921. № 446. 20 сентября. С. 3), которая продолжила обсуждение заявленной Эренбургом проблемы.

С. 77. *...как однажды, в отчаянии С. П. ... решилась уехать за границу.* — Стремление уехать за границу у С. П. Ремизовой возникало неоднократно. Ср. письмо Ремизова к В. Пясту от 20 мая 1906 г.: «Предполагавшаяся поездка С〈ерафимы〉 П〈авловны〉 за границу вовсе не шутка, а самое горячее желание, но ведь невозможно. Если бы я сейчас нашел денег, она моментально поехала» (РГАЛИ. Ф. 405. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2 об.). Год спустя (март—май 1907 г.) З. Н. Гиппиус, которая в то время проживала во Франции, вновь детально обсуждала в письмах к жене Ремизова (Собр. Резниковых) возможность поселиться в Париже, выражая готовность способствовать в поиске квартиры и помогая практическими советами по финансовым вопросам.

Дорогая и милая Серафима Павловна! Мне как-то очень грустно сделалось... — В альбоме «Розанов» письмо № 16. Авт. коммент.: «1909 / От отчаяния С. П. решила однажды вгорячах: поедем

за границу навсегда. В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ часто говорил: „Вот Серафима благородная, а мы с тобой не благородные". В. В. обыкновенно обращался на „ты" в сокровенные минуты, а в рассерженные и дам называл „мальчишками" — это, д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩, от его учительства идет. А по свидетельству учеников его елецких: М. М. Пришвина, А. М. Коноплянцева звали В. В. „козлом"».

С. 79. *А. М. Не сегодня ли условленное у Бенуа собрание для лицезрения о п а л а?* — В альбоме «Розанов» письмо № 13; датировано 1908 г. Авт. коммент.: «„Опал" — картина К. А. Сомова. В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ очень боялся, что вдруг я что-нибудь напишу совсем не совпадающее с его домашними рассказами. Ведь мы вроде как поссорились». Возможно, под «опалом» подразумевалась одна из иллюстраций к «Книге маркизы» — сборнику, представлявшему в разных жанрах французскую и немецкую эротическую литературу XVIII в., который был выполнен художником Сомовым по заказу. Два первых издания состоялись в 1907 и в 1908 гг. в Мюнхене («Das Lesebuch der Marquise»). Полное собрание иллюстраций было опубликовано в издании 1918 г. См.: Le livre de la marquise: Recueil de poésie et de prose / Сост. и худ. К. А. Сомов. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1918. 194 с.: ил.; тираж 800 экз. Собрание, о котором идет речь, очевидно, состоялось на квартире Александра Николаевича Бенуа (1870—1960) в д. 31 по наб. Адмиралтейского канала, где художник жил с семьей в 1908—1914 гг. Знакомство Розанова и А. Бенуа берет начало в 1902 г. с деятельности Религиозно-философских собраний в Петербурге. Художник (один из организаторов группы

«Мир искусства», основатель и редактор одноименного журнала) оставил мемуарные свидетельства своего общения с философом, относящиеся ко времени сотрудничества в журнале «Мир искусства». См.: *Бенуа А.* Мои воспоминания. Кн. 4, 5. М., 1993. С. 288—296.

Ал. Мих. Вообразите, сейчас по телефону... — В альбоме «Розанов» письмо № 14. Авт. коммент.: «1908 / Проводы священника Григория Спиридоновича Петрова. Вечер у Александра Николаевича Бенуа».

...проводы св. Петрова... — Речь идет о вынужденном отъезде Г. С. Петрова из Петербурга, связанном с лишением его сана 12 января 1908 г. и запретом на проживание в Петербурге и в Москве в течение семи лет. Подобное решение Духовной консистории стало реакцией на активную публицистическую деятельность Петрова, а также на избрание его в конце 1907 г. в члены Второй Государственной думы. С 1908 г. Петров скитался: ездил с лекциями по городам России, вплоть до Владивостока, жил то в Финляндии, то в Крыму, часто бывал за границей. В 1918 г. священнический статус Петрова был восстановлен.

С. 80. *И «Опал» и обещание Сомова непременно показать восковый слепок с некоторых вещей Потемкина-Таврического: эти «вещи» я уже видел и разжигал любопытство В. В.* — Речь идет о восковой модели мужских достоинств любовника и сподвижника императрицы Екатерины Великой — князя Григория Александровича Потемкина-Таврического (1742—1791). В мемуарном рассказе 1946 г. «О происхождении моей книги о табаке» Ремизов связывает демонстрацию этого артефакта с написани-

ем эротической сказки «Что есть Табак. Гоносиева повесть». См.: *Ремизов А. М.* Весеннее порошье / Сост. Е. Р. Обатнина. М., 2000. С. 418—419, а также: Петербургский буерак. С. 225, гл. «Статуэтка». Книга «Что есть табак» была написана на Святках 1906/07 г. Согласно воспоминаниям Ремизова, он увидел уникальный предмет из личной коллекции Екатерины II осенью 1906 г., когда А. И. Сомов (отец художника К. А. Сомова), главный хранитель Эрмитажа, часто замещавший на время отъездов директора музея И. А. Всеволожского, устроил его демонстрацию на своей квартире (Екатерингофский пр., д. 97) для узкого круга друзей сына. Участником этого «сеанса» был и Розанов. В альбоме «Розанов» имеется вырезка из газеты «Новое время» (1917. 22 февраля. № 14715) со статьей Розанова «О Конст. Леонтьеве» и с пометой Ремизова: «Последняя статья В. В. Розанова перед революцией. 23 II 1917». Ср. заключительные строки статьи: «Он (Леонтьев. — *Е. О.*) был какой-то „христианин" вне „христианства". Потому что кажется в христианстве не подобает быть „богиням". А Леонтьев „без этого не мог" по „своей Потемкинской натуре"». Они обведены и сопровождены ремизовским комментарием: «восковый (розовый) слепок Потемкинской „натуры" хранился в Эрмитаже (несколько строк густо замарано. — *Е. О.*) его видел и В. В. Розанов». Весьма вероятно, что в «Кукхе» писатель объединяет лицезрение потемкинских «вещей» и сомовского «Опала» инверсной временной последовательностью. В сохранившихся описях Эрмитажа начала XX в. упоминаемая Ремизовым музейная редкость не зафиксирована; не значится она и в доступных современных

реестрах. Тем не менее и до сих пор она является заманчивым фантомом для разного рода «исследований». Один из современных авторов, произвольно контаминируя редакции ремизовского рассказа об историческом «сеансе» на Екатерингофском проспекте (включая и упоминание в «Кукхе»), сообщает о некой «фарфоровой модели орудия прославленного Потемкина» (*Ротиков К. К.* Другой Петербург. СПб., 1998. С. 103). Еще более курьезным содержанием ремизовский сюжет наполняется в книге С. Себага-Монтефиоре «Потемкин» (М., 2003). При этом очевидно, что английский историк, совершенно запутавшийся в источниках, опирался в своей версии уже не на Ремизова, а на текст Ротикова, добавляя к нему собственные пикантные подробности. В частности, имя упомянутой в «Другом Петербурге» Анны Андреевны увязывается с поэтессой Ахматовой, хотя в ситуации 1906 г. речь могла идти только о родной сестре Константина Сомова — Анне Андреевне Сомовой. В результате подобных аберраций рождается новая, совершенно фантастическая картина: «О. Ремизов, автор книги „Другой Петербург", рассказывает, как в конце XIX века художник Константин Сомов, сын хранителя Эрмитажа, принимал у себя своих друзей — М. А. Кузмина, возможно, С. П. Дягилева, А. А. Ахматову и других. Сомов рассказал, что его отец обнаружил в екатерининской коллекции великолепный слепок члена Потемкина. Когда гости не поверили, он пригласил их в другую комнату и продемонстрировал фарфоровый слепок. Позже драгоценность была возвращена в Эрмитаж — где, нужно добавить, ее больше никто не видел. Когда автор этих строк посещал Эрмитаж в поисках потемкинской кол-

лекции, никто ничего не знал о таком экспонате. Но это очень большой музей» (С. 110).

С. С. Боткин — Сергей Сергеевич Боткин (1859—1910) — успешный коллекционер и знаток искусства, с 1905 г. действительный член Академии художеств; поддерживал самые дружеские отношения с художниками объединения «Мир искусства». А. Н. Бенуа, уделяя в мемуарах немало страниц Боткину и его супруге как ближайшим петербургским друзьям, писал, вспоминая знакомство с ними в 1898 г.: «...сын одного из знаменитых светил науки был уже сам известным врачом и профессором Военно-медицинской академии. Жена же его, Александра Павловна, была дочерью особенно мной чтимого Павла Михайловича Третьякова» (*Бенуа А.* Мои воспоминания. Кн. 4, 5. С. 191). О семье Боткиных см. также: *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб., 2004.

Добужинский — художник Мстислав Валерианович Добужинский (1875—1957). Одним из первых в группе «Мир искусства» он стал иллюстрировать произведения Ремизова. В его оформлении вышли книги «Морщинка» (1907), «Лимонарь, сиречь Луг Духовный» (1907), отдельные издания романов «Пруд» и «Часы» (1908), сборники «Чертов лог и Полунощное солнце» (1908) и «Укрепа» (1916). В 1907 г. художник работал над декорациями и эскизами костюмов для пьесы Ремизова «Бесовское действо над некиим мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть прение Живота со Смертью», премьера которой состоялась в театре В. Ф. Коммиссаржевской 4 декабря 1907 г. См.: *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987. С. 276—277.

С. 81. *Трубы Бельгийского завода...* — Имеется в виду завод Бельгийского общества электрического освещения Петербурга, который находился на углу наб. Фонтанки и засыпанного в 1967 г. Введенского канала (Фонтанка, 104/2). Его описание является значимой частью городского пейзажа повести «Крестовые сестры» (1910). Подробнее об автобиографических реалиях Петербурга, связанных с повестью, см.: *Топоров В. Н.* О «Крестовых сестрах» А. М. Ремизова: поэзия и правда // Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. С. 519—549.

И только наш край верх залился. — Имеется в виду электрический свет в окнах квартиры Ремизовых на 5-м этаже в Малом Казачьем переулке.

С. 82. *...Фалесова hugron...* — Имеется в виду влага, которую древнегреческий философ Фалес (ок. 625—547 до н. э.) в своем натурфилософском учении называл первоначалом всего сущего. Ср.: «Фалес Милетский утверждал, что начало сущих [вещей] — вода. ⟨...⟩ Все из воды, говорит он, и в воду все разлагается. Заключает он [об этом], во-первых, из того, что начало ⟨...⟩ всех животных — сперма, а она влажная; так и все [вещи], вероятно, берут [свое] начало из влаги. Во-вторых, из того, что все растения влагой питаются и [от влаги] плодоносят, а лишенные [ее] засыхают. В-третьих, из того, что и сам огонь Солнца и звезд питается водными испарениями, как и сам космос» (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 109).

С. 84. *Серафима Павловна всегда считалась «ученицей» Д. Д. Бурлюка. С Бурлюками знакомство у нас старинное ... и с Людмилой Д. Бур-*

люк-Кузнецовой у С. П. многолетняя дружба. — Давид Давидович Бурлюк (1882—1967), художник, поэт, теоретик русского футуризма. Ремизовы познакомились с семьей Бурлюков в Херсоне, когда с ноября 1903 по февраль 1904 г. снимали комнаты в их доме. См.: *Бурлюк Д.* Воспоминания отца русского футуризма / Публ. Е. Чижова 〈О. Л. Лейкинд〉 и Д. Ксенина 〈Д. Я. Северюхина〉 // Минувшее. Исторический альманах. 5. М., 1991. С. 22. О многолетних контактах Ремизова с Д. Бурлюком свидетельствуют и два рисунка художника 1950 г., сохраненные писателем в альбоме, составленном в том же году. См.: ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 33—34. В составе другого альбома Ремизова, «Корова верхом на лошади. Цветник II» (1921), имеется портрет Л. Д. Бурлюк-Кузнецовой, выполненный С. П. Ремизовой-Довгелло. См.: РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 18. Л. 19—20. Выдержки из дневников С. П. Ремизовой-Довгелло, посвященные Л. Д. Бурлюк, см.: На вечерней заре (3). С. 493—494.

...в шутку, конечно, называл себя учеником Судейкина. — Живописным работам художника Сергея Юрьевича Судейкина (1882—1946) были свойственны утонченный эротизм и изысканность.

...рисовать это моя страсть. — Ремизов оставил после себя огромное количество каллиграфически выполненных автографов, рисунков, коллажей и цветных композиций. О графическом искусстве писателя см.: *Pyman A.* Aleksej Remizov on drawings by writers, with particular preference to the interrelationship between drawings and calligraphy in his own work // Leonardo. 1980. Vol. 13. P. 234—240; Images of Aleksei Remizov: Drawings and Handwritten and Illustrated Al-

bums from the Thomas P. Whitney Collection. Amherst, 1985; *Маркадэ И.* Ремизовские письмена // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin // UCLA Slavic Studies. 16. 1987. P. 121—134; *Завалишин В.* Орнаментализм в литературе и искусстве и орнаментальные мотивы в живописи и графике Алексея Ремизова // Ibid. P. 135—139.

И скорее всего ученик я Кандинского, и это я понял уже тут в Берлине после лекции Ив. Пуни. — Художник и теоретик искусства Василий Васильевич Кандинский (1866—1944), один из основоположников абстракционизма, с 1921 г. жил в Германии, затем с 1933 — в Париже. Речь идет о докладе «Современная русская живопись и русская выставка в Берлине», прочитанном И. Пуни 3 ноября 1922 г. в берлинском Доме искусств, который, очевидно, нашел отражение в его книге «Современная живопись» (Берлин, 1923). Ср.: «Искусство Кандинского есть искусство беспредметное, отказавшееся от изобразительности» (С. 7). В дневнике 1956 г. Ремизов записал: «Иван Альбертович Пуни единственный из художников по-настоящему интересовался моими многомерными рисунками. Имя Пуни я стал знать с моим первым театром. Дед Пуни — автор балета „Конек-Горбунок". „Конек-Горбунок" первое, что я видел в театре» (Кодрянская. С. 98). Ср. ремизовскую характеристику собственного рисовального творчества: «Если пристально вглядываться в какой-нибудь предмет, то этот предмет или фигура начинает оживать, вот что я заметил: из него как будто что-то выползает, и весь он движется. Я рисовал этих движущихся „испредметных" — с натуры»

(Подстриженными глазами. С. 49). Свою манеру рисования Ремизов также связывал с идеей непосредственного отображения мысли и чувства в линиях и красках: «Я рисовал... „обезьяньи знаки": линии, как они сами из себя вылиниваются, по Кандинскому...» (*Ремизов А.* Пляшущий демон. Танец и слово. Париж, 1949. С. 57). Теоретические рассуждения Кандинского о синтезе искусств музыки, живописи и графики изложены в его работе «О духовном в искусстве» (1910). О творческих взаимосвязях Ремизова и В. Кандинского см. также: Д'Амелиа А. Письмо и рисунок: альбомы Ремизова // Slavica Tergestina. 2000. № 8. С. 70—71.

С. 85. *Занимался я «Бесовским действом»...* — Впервые трагедия «Бесовское действо над некиим мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть прение Живота со Смертью», основанная на апокрифических сказаниях и приемах народного средневекового театра, была опубликована в третьем сборнике «Факелы» (СПб., 1908. С. 33—87). Подробнее о пьесе см.: *Герасимов Ю. К.* Театр Алексея Ремизова // Исследования (1). С. 180—185.

...из Киево-Печерского Патерика житие Моисея Угрина... — Моисей Угрин (ум. 1043), монах Киево-Печерского монастыря, православный святой, почитаемый в лике преподобных как строгий блюститель целомудрия. Житие описывает подвижническое противостояние плотским страстям. См.: Памятники литературы Древней Руси. XII. М., 1980. С. 542—554.

И вот ровно в полночь я поздравил В. Д. со днем рожденья, а В. В. — подарок... — В письме к Н. В. Зарецкому от 20 января 1932 г. Ремизов соотносит этот эпизод с именинами В. Д. Розановой:

«3. 12. 1906. в канун Варварина дня я передал В. В. у Мережковских мою рукопись с картинкой. В. В. был в восторге и обещал непременно напечатать» (Прага).

Милый Алеша! Прости за «Убогого»... — Воспроизведение в тексте «Кукхи» этого письма существенно отличается от сохранившегося в альбоме «Розанов» оригинала и копии рукой Ремизова (письмо № 18). Слово «убогий» употребляется здесь в значении человек «у Бога», святой, истязающий себя во имя Божье. В православной традиции это определение обычно использовалось святыми подвижниками (например, преподобным Серафимом Саровским) для самоумаления значимости своего духовного подвига. Розанов дополняет к этому значению ироническое звучание.

...ведь это те «убогие» Киево-Ростова, что сродни «Табаку»... — Очевидно, Розанов контаминирует агиографические источники: Киево-Печерский Патерик и Четьи-Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского, сравнивая святых отцов Печерского монастыря с монахами, обуреваемыми плотскими страстями, — героями сказки Ремизова «Что есть табак. Гоносиева повесть» (1908), которые искали спасения на некой «Судимой горе» (литературный аналог горы Афон). К традиции жизнеописаний, известной также по Киево-Печерскому Патерику, Розанов обратился в связи с работой над книгой «Люди лунного света» (1911), в которой он комментировал текст «Жития Моисея Угрина» как историю подавления гомосексуальной природы, лежащей, по мнению философа, в основании института иночества. См.: Уединенное. С. 126—136.

С. 86. *Я издаю: «Когда начальство ушло» ... твой божественный рисунок.* — Письмо написано в связи с подготовкой книги Розанова «Когда начальство ушло... 1905—1906» и, в частности, касается вопроса публикации рисунка Ремизова, возникшего при оформлении подготовленного специально для Розанова списка «Жития Моисея Угрина» из Киево-Печерского Патерика. Оригинал рисунка с подписью рукой Розанова в правом верхнем углу: «Рисунок Алексея М. Ремизова на обложке „О Моисее Угрине"» сохранился в личном архиве философа (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 3). На обороте рисунка рукой Розанова синим карандашом нанесена разметка к макету обложки с пометой «сочетать»: «Когда начальство ушло / 1905—1906 гг. / рисунок / СПб. / 1910», и план дополнительных разделов: 1907—1908 / Увы / Что же случилось» (Там же. Л. 3 об.). Пояснение к происхождению рисунка находим в авт. коммент. альбома «Розанов», письмо № 18: «1910 / Письмо на желтой оберточной бумаге в конце моего рисунка. Рисунок, перерисовав, отдал с копией на белой бумаге В⟨асилию⟩ В⟨асильевичу⟩. Рисунок мой, действительно, появился в книге, но узнать его трудно — „настоящий" художник поправил. У меня был дикий рисунок, часть которого образовалась от пролитых разбрызганных чернил, а тут получился вид человеческий с приличной Бабкой-Ягой, — все очень хорошо, и ничего — никакого чувства. А подарил я этот рисунок В⟨асилию⟩ В⟨асильевичу⟩ с житием „Моисея Угрина", переписанного мною же из Киево-Печерского Патерика на проводах Мережковских перед их отъездом за границу в 1906 г., когда многие так уехали после революции,

они вот, А. Н. Бенуа». См. переделанный неизвестным художником рисунок Ремизова в конце книги Розанова «Когда начальство ушло... 1905—1906» (СПб.: типография А. С. Суворина, 1910), в разделе «1907—1910 гг.» после реплик, расположенных на отдельных листах («Увы...» и «Что же случилось?»).

...даже от Sim'ы. — Подразумевается С. П. Ремизова-Довгелло.

Не сердись на Василия Беспутного. — Ироническая отсылка к имени известного юродивого XVI в. Василия Блаженного (которого также называли Василием Нагим).

Милая Серафима Павловна! «Мудрый Змий»... — В альбоме «Розанов» письмо № 19; написано на бланке редакции газеты «Новое время». Строчки в скобках: «и он напрасно показал его Вам» — восстановлены Ремизовым по зачеркнутому Розановым фрагменту. Авт. коммент.: «1910 / О „откровении" и о „громком" тайны В. В. Розанов знал очень хорошо». Мотивацию принесенных в письме извинений раскрывает оригинал предыдущего письма Розанова.

С. 89. *В Казачьем переулке в соседстве с Розановыми начало в делах моих книжных было как будто ладно.* — Речь идет о периоде с 1907 по 1909 г., когда в печати появились книги Ремизова («Посолонь», «Лимонарь», «Пруд», «Что есть табак», «Часы», «Чертов лог и Полунощное солнце»), принесшие ему не только известность в широких читательских кругах, но и авторитет в среде художественно-литературной элиты Петербурга.

Наступил 1909 г. и все кувырнулось. — Описанные в главе кульминационные события — отказ в

журнале «Аполлон» (февраль 1910 г.) и скандал, связанный с публичным обвинением Ремизова в плагиате, разразившийся после 16 июня 1909 г., представлены в обратной хронологии.

Лечил Н. Ф. Чигаев. — Николай Федорович Чигаев (1859—?) — доктор медицины по внутренним болезням, в 1910 г. приват-доцент Императорской Военно-медицинской академии, главный врач больницы Свято-Троицкой Общины сестер, располагавшейся на 3-й Рождественской ул., 13.

...написал повесть «Неуёмный бубен», прочитал в «Аполлоне», — не приняли. — Чтение повести состоялось 11 февраля 1910 г. на заседании «Общества ревнителей художественного слова» при редакции журнала «Аполлон» (Мойка, 24). В своих предварительных переговорах с Вяч. Ивановым — руководителем «Общества...», которое первоначально называлось «Академия поэтов», Ремизов предлагал: «На прошлой неделе я закончил рассказ, о котором говорил Вам в Новый год. Сижу переписываю. Я хотел бы прочитать его Вам на той неделе в четверг, в пятницу, как Вам удобнее. За полтора месяца глаз притупился к нему, придется, может быть, либо дополнить, либо переделывать. Может мне лучше всего прочитать в Академии? И в тот же вечер будет выяснено: подходит рассказ „Аполлону" или посылать мне его в „Р⟨усскую⟩ М⟨ысль⟩"» (Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, примеч. и подгот. писем А. М. Ремизова — А. М. Грачевой, подгот. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецова // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 96—97). Подробнее об этом биографическом сюжете см.: *Обатнина Е.* Не-

очевидный смысл очевидных фактов: А. М. Ремизов и журнал «Аполлон» // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 329—340.

И хоть других уж навастривал (А. Н. Толстого, М. М. Пришвина)... — В конце 1900-х—начале 1910-х гг. Ремизов принимал деятельное участие в литературной судьбе А. Н. Толстого и М. М. Пришвина, по выражению Иванова-Разумника, — «противоположных писателей» (*Иванов-Разумник.* Молодые силы (о XX альманахе «Шиповника») // Русские ведомости. 1911. 21 мая. № 115. С. 3). В письме М. Волошину (декабрь 1908 г.) А. Н. Толстой, описывая особенности своей жизни после возвращения в Петербург, упоминал о Ремизове: «Приняли меня очень хорошо, Алексей Михайлович сразу взял меня в ученики и обругал и обхвалил...» (Первый наставник. Из писем Алексея Толстого Максимилиану Волошину / Вступ. заметка, сост. и коммент. В. Купченко // Литературное обозрение. 1983. № 1. С. 110). Ср. замечание Иванова-Разумника о том, что в «очень милых» «Сорочьих сказках» Ал. Толстого, вышедших в свет в конце 1909 г., были «отражения „Посолони" Ремизова» (*Иванов-Разумник.* Т. II. Творчество и критика. С. 72). Сам Ремизов также выделял Толстого среди молодых писателей. Ср. его письмо к П. Е. Щеголеву от 29 июля 1910 г., в котором упоминается рассказ Толстого «Два друга», вышедший в «Альманахе для всех» (1910. Кн. 1): «Из появившихся за последнее время писателей мне больше всех нравится молодой граф Толстой Алексей. Одно меня пугает в нем, это его бездумье. Когда он нанизывает в повести факты, он совершенно не отда-

ет себе отчета: зачем они и для чего. Получается то, что все факты врозь. Я думаю, это происходит не от неуменья, а от чего-то еще и более важного. Можно ли научить его этому, на мой взгляд, самому важному, не знаю. Единственный раз, когда он не разбрёлся, это в рассказе, помещенном в Альм⟨анахе⟩ д⟨ля⟩ всех. Больше из писателей последнего времени я не назвал бы Вам никого, кто бы остановить мог» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1479—1610. Л. 142 об.). В конце 1900-х гг. Ремизов также способствовал литературной карьере Пришвина, не только оказывая ему протекцию в известных повременных изданиях («Аполлон», «Русская мысль», альманахи издательства «Шиповник»), но и, нередко, вычитывая корректуры Пришвина, часто находившегося вдали от Москвы и Петербурга. См.: Письма М. Пришвина. С. 157—166. В частности, не без поддержки Ремизова рассказ Пришвина «Черный Араб. Степные эскизы» был принят в журнале «Русская мысль» (1910. № 11). Подробнее см.: Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912) // Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 208—209. Ср. также отзыв М. Горького о творчестве М. Пришвина и И. Соколова-Микитова, относящийся к 1923 г. «Сие бо есть литература настоящая Ремизовской школы, „языкатая", русская — „мозги набекрень" и прочее. Очень хорошо!» (цит. по: *Голубева О. Д.* Новые материалы о Горьком // Книги. Архивы. Автографы. Л., 1973. С. 9).

...а самому приходилось околачиваться в «Скетинг-ринге», во «Всемирной Панораме»... — Речь идет о популярных периодических изданиях, выходивших в Петербурге. «Скэтинг-ринк» — ежене-

дельный спортивный, литературно-художественный и юмористическом журнал, издававшийся в Петербурге в 1910 г. (ред. В. В. Татаринов), в двух номерах которого были напечатаны ремизовские обработки фольклорных сказок («Чаемый гость» и «Суженая»). Еженедельник «Всемирная панорама» (1909—1916; изд. и ред. Б. А. Катловкер) был особенно памятен Ремизову публикациями в 1909 г. двух его сказок — «Собачий хвост» и «Небо пало». Последняя сказка, напечатанная в майском номере журнала без авторского подзаголовка «Народная сказка», указывающего на фольклорное происхождение текста, стала поводом для обвинения Ремизова в плагиате. Как и другие аналогичные произведения писателя, она являлась переработкой этнографической записи фольклорной сказки, вошедшей в сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (СПб., 1908).

...стараниями А. И. Котылева, действовавшего ... и мордобоем. — Журналист и издатель Александр Иванович Котылев (1885—1917) в мемуарах Ремизова иронически представлен в роли «чудесного помощника» из волшебной сказки. Подробно излагая историю об обвинении в плагиате в своих воспоминаниях, Ремизов описывал стиль поведения своего приятеля следующим образом: «Мерзавцу, — возгласил Котылев 〈...〉 — в театре публично набьем морду 〈...〉 А ведь Котылев, как сказалось, убежден, что я содрал сказку и попался» (Петербургский буерак. С. 187—188). Ср. также запись Ремизова 1948 г. «А. А. Измайлов не показывается в театре после выразительной сцены: в антракте к нему подошел Котылев, за которым стеной поднялись его оголтелые подручные — мелкие репортеры по скандальным и по-

жарным происшествиям. „За Ремизова, — сказал Котылев и поднял кулак: мерзавец! — и оборотясь к свите: — плюнул бы в рожу, да слюней жалко, кладбищенская падаль! [А. А. Измайлов жил на Смоленском кладбище в доме своего брата-дьякона]» (Собр. Резниковых). Эксцентричность и широта характера Котылева, а также этимология его фамилии, переосмысленная Ремизовым в духе народной мифологии (своеволие льва и хитроумность кота), позволили писателю создать образ героя под именем Кот-и-Лев в сказке «Никола Чудотворец», органично сочетающего два качества своего прототипа: «море ему по колено и на догадку горазд» (*Ремизов А.* Николины притчи. Пг., 1918. С. 79).

...А. А. Измайлов из побуждений самых высоких ... написал про меня в вечерней Биржовке. — См. «Письмо в редакцию» — «Писатель или списыватель?», подписанное псевдонимом Мих. Миров («Биржевые ведомости». 1909. 16 июня. № 11160. С. 5—6), обвинявшее Ремизова в плагиате. Эта инвектива вызвала волну газетных публикаций, склонявших имя писателя на все лады, и привела к серьезным осложнениям в его творческой жизни. Ремизов считал автором «Письма» литературного критика Александра Алексеевича Измайлова (1873—1921), с которым у него впоследствии тем не менее завязались вполне доброжелательные отношения. Сам Измайлов утверждал, будто злополучную статью написал К. И. Чуковский. В письме к Ф. Сологубу от 25 марта 1910 г. он заявлял: «Моя личная точка зрения на все недоразумения, связанные с кричащим термином „плагиат", не совпадает с редакционной. Для меня нет ничего отвратительнее востор-

женного захлебывания толпы, когда Чуковский обвинил Бальмонта за три выражения, схожие с выражениями какого-то англичанина (Бальмонта, у которого 20 книг!), или Ремизова за пользование сказкой. Я уезжал на Кашинские торжества, когда приняли обвинение Ремизова, и, забрав корректуру письма, доказывал, что не стоит его давать. Добился только того, что смягчили выражения. Моя роль в газете вообще незначительна» (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 207—208). См. также объяснение мотивов Измайлова в истории с плагиатом в: Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой // Русская литература. 2007. № 3. С. 138—139; *Данилова И.* Писатель или списыватель? Литературный скандал и манифест мифотворчества // И. Данилова. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). Helsinki, 2010. С. 99—124.

С. 90. *...в пьесе «Плагиат»...* — Речь идет о популярной на провинциальных сценах одноактной комедии К. С. Баранцевича, напечатанной в приложении к журналу «Артист» за февраль 1890 г. (Кн. 6. С. 68—73).

...давно уж пишу прошения! — Речь идет об официальных письмах в различные инстанции, которые Ремизов оформлял в игровом стиле, подражая древнерусским просительным грамотам. В послереволюционное время этот «жанр» приобрел особую актуальность. См. такие образцы ремизовских «челобит-

ных», как «Валенковое прошение» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1) и «Прошение о калошах» (опубл.: *Глезер Л. А.* Записки букиниста. М., 1989. С. 225—227).

...в одну туркнулся редакцию и с солидной рекомендацией (К. И. Чуковский написал) — дело верное, а отказали... — Возможно, речь идет о безуспешном содействии литературного критика Корнея Ивановича Чуковского (1882—1969) в публикации рассказа Ремизова «Таинственный зайчик» в журнале «Нива». Историю отношений Ремизова и Чуковского см.: Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой // Русская литература. 2007. № 3. С. 132—180.

Пришвин, известный тогда, как географ, своими книгами... — В 1906 г. М. М. Пришвин принимал участие в экспедиции 1906 г. под руководством известного этнографа Н. Е. Ончукова. Непосредственными результатами этой работы стали сборник фольклорных записей «Северные сказки» (СПб., 1908), а также цикл путевых очерков Пришвина «В краю непуганых птиц» (СПб., 1907). Вторая авторская книга Пришвина, принесшая ему известность в литературных кругах, — «За волшебным колобком. Из записок на крайнем севере России и Норвегии» с рисунками Г. Д. Дэнглас-Юма, вышла в 1908 г. в петербургском издательстве А. Ф. Девриена.

...только что выступивший «Гуськом» в Аполлоне... — Речь идет о рассказе Пришвина «Гусек», который появился на страницах журнала «Аполлон» (1910. № 7. С. 32—37) под названием

«У горелого пня». В дневнике 1927 г. Пришвин вспоминал: «Большой хитрец и потешник Ремизов, прочитав мой рассказ „Гусек", приготовленный для детского журнала „Родник", сказал мне: „Вы сами не знаете, что написали". Он устроил из моего рассказа свою очередную потеху, прочитав его среди рафинированных словесников Аполлона. Его интриговало провести земляной, мужицкий рассказ в „сенаторскую" среду (так он сам говорил). И он был счастлив, когда рассказ там пришелся по вкусу и его напечатали: получился „букет"» (*Пришвин М. М.* Дневники: 1926—1927. М., 2003. С. 211).

...Пришвин, как эксперт — большая медаль из Географического Общества, действительный член... — В 1910 г. Императорское Географическое общество присудило М. Пришвину за книгу «В краю непуганых птиц» серебряную медаль и звание действительного члена Русского Географического общества.

...пошел по редакциям с разъяснениями. — После утомительных переговоров в разных редакциях М. Пришвину удалось опубликовать в газете «Слово» (1909. 21 июня. № 833. С. 5) свое «письмо в редакцию» под названием «Плагиатор ли Ремизов?». О других предпринятых Пришвиным действиях, направленных на реабилитацию литературного реноме Ремизова, см.: Письма Пришвина. С. 168—172.

...сотрудник «Русских Ведомостей»! — Начиная с 1905 г., Пришвин состоял постоянным корреспондентом ежедневной политической и литературной газеты либерального направления «Русские ведомости», выходившей в Москве в 1863—1918 гг. В 1901—1916 гг. издателем газеты был В. М. Собо-

левский. В этой же газете работал двоюродный брат Пришвина — журналист, публицист и литературный критик Илья Николаевич Игнатов.

С. 91. *...ответили: от Мусагета (через Андрея Белого) до Сытина (через Руманова) и от Сытина до Вольфа: все отказали.* — Речь идет о безуспешных попытках Ремизова пристроить повесть «Неуемный бубен» в ряд издательств: в московские издательства «Мусагет», организованное в марте 1910 г., и «Товарищество печатания, издательства и книжной торговли „Сытин и К°"» (1891—1917), принадлежавшее Ивану Дмитриевичу Сытину (1851—1934), а также в петербургское «Товарищество М. О. Вольф» (1882—1918). Андрей Белый, член редакционной коллегии «Мусагета», стараясь помочь писателю, писал ему после провала своей инициативы: «...если бы Вы услышали от меня кое-что, Вы бы поняли, что большинство „*Мусагетцев*" в этом неповинны, что у нас весьма сложные отношения 1) к редактору, 2) к некоторым членам Редакции из философов, 3) к Издателю в смысле принятой, как обязательство, программы ⟨...⟩ мы *не могли* изменить ничего с Вашей книгой (в частности, Эллис, я, Петровский, Кожебаткин (наш секретарь) ⟨...⟩ с большим прискорбием пишу Вам: с прискорбием, потому что мне так хотелось бы, чтобы Ваша книга вышла у нас: а между тем, несмотря на то, что я ее все время отстаивал, большинство лиц, причастных Редакции (Метнер, Рачинский, Петровский, Шпетт и др.), указывали на то, что издание Вашей книги не входит в план издательства; и вот почему: задача издательства — 1) переводные книги по эстетике, 2) теоретические книги оригинальные ⟨...⟩ Далее указывали на то,

что „*Неуемный бубен*" уже напечатан в альманахе „Журнала для всех"...» (Андрей Белый и А. М. Ремизов. Переписка. С. 486—487). А. В. Руманов с 1906 г. сотрудничал с И. Д. Сытиным, возглавив петербургское отделение приобретенной Сытиным в 1895 г. московской газеты «Русского слово». На протяжении десяти лет Руманов, работая в газете, считался «правой рукой» Сытина, который также использовал многочисленные связи своего сподвижника в высших политических кругах. Подробнее биографию Руманова см. в статье Е. П. Яковлевой в кн. «Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета» (Т. 2. СПб., 2003. С. 307—318).

Писали в московских газетах, не помню, не то в «Русском Листке», не то в «Раннем Утре», чтобы «вычеркнуть меня из писателей»... — Имеется в виду статья петербургского корреспондента московской газеты «Раннее утро» Скитальца (псевд. О. Я. Бальтерманца), который, освещая разного рода негативные явления в современной литературе, в частности, писал: «Кто совестится быть просто самозванцем, может недурно устроиться по плагиаторской части. 〈...〉 Теперь блеснул на этом поприще Алексей Ремизов». Ряд оскорбительных эскапад в адрес писателя завершался вердиктом: «Необходимо произвести строжайшую чистку в журналистских и литераторских кругах. Необходимо за борт выбросить всех этих господ — самозванцев 〈...〉 плагиаторов...» (*Скиталец*. Около печати (С берегов Невы) // Раннее утро. 1909. № 139. 19 июня. С. 2). Откликов на развернувшийся скандал было более чем достаточно, особенно со стороны провинциальных га-

зет, которые, ухватившись за «горячий» материал столичной прессы, перепечатали его на своих страницах. См., например: Раннее утро. 1909. № 138. 18 июня. С. 3; Голос Москвы. 1909. № 137. 17 июня. С. 3; Одесский листок. 1909. № 144. 25 июня. С. 2. Подробнее о развитии инцидента см.: Письма Пришвина. С. 159—160; 168—170; 204—209.

...какой я там писатель! — Самоидентификация себя как писателя была одной из постоянных экзистенциальных литературных тем Ремизова. Еще в начале своего творческого пути он ощущал внутренний конфликт между собственной личностью, плохо адаптирующейся в социуме, и относительно быстро обретенным статусом писателя: «Для передовой русской интеллигенции — для общественности — я был писатель, но имя мое — или на нем тина „Пруда" или веселые огни „Бесовского действа"» (Петербургский буерак. С. 201). Творческий процесс, по его утверждению, всегда оставался действием «для себя»: «Передо мной никогда не было „читателя" — для меня удивительно слышать, как настоящие писатели говорят „мой читатель", или благоразумный совет редактора: „надо считаться с нашим читателем"» (Подстриженными глазами. С. 268). Одну из глав автобиографической книги «Иверень» (конец 1940-х гг.) Ремизов начал со вступления, в котором речь шла о самоидентификации. Название («Писатель») красноречиво заключалось в кавычки, и таким графическим жестом объявлялась ложность самой этой дефиниции. Сравнивая себя с «настоящими» или «профессиональными» писателями, «мучениками — „тружениками" в глубоком смысле этого слова», т. е. с теми, кто пишут произведения «к сроку», или «роман за

романом — из года в год», Ремизов утверждал: «я — не „настоящий"». Размышления о плеяде известных русских писателей XIX в. завершались следующей самооценкой: „Несу, говорю, имя писателя, но вашего труда не знал и не знаю"». Чувство неадекватности своего положения в социуме писатель испытывал и сравнивая себя с современниками, писателями-эмигрантами: «Сколько нас тут, в Париже. С московской земли — чего, кажется, все мы доживаем свой век, мы, зубры, а ведь не могу я, как равный с равным, и говоря, смотрю снизу вверх, я — не „настоящий"» (Там же. С. 265).

С. 92. *Редкий день не вспоминаю я милого Алексея Михайловича...* — В альбоме «Розанов» письмо № 21 (в авторском комментарии номер письма ошибочно обозначен как № 20). Авт. коммент.: «1910 / На визитной карточке: Василий Васильевич Розанов / СПб. „Новое Время" / Москва, „Русское Слово" / СПб., Звенигородская. Д. 18, кв. 23. / В 1909—1910 г. я сильно был болен этой язвой самой. И терпеливо сносил боли, живя окончательно в затворе. А вылечился я диетой: питался одной овсянкой. Не забывал Розанов, Шестов, Иванов-Разумник».

Не у вас ли Алексей Толстой? Тогда верните: нужна. — Очевидно, речь идет о книге А. Н. Толстого «Сорочьи сказки» (СПб.: Изд. «Общественная польза», 1910).

С. 93. *...к Аничкову в новгородские Ждани и к Р. В. Иванову-Разумнику на необитаемый остров Вандрок...* — Летом 1910 г. Ремизов работал над повестью «Крестовые сестры», о чем сообщал И. А. Рязановскому в письме от 9 августа с Вандрока (одного из островов на юго-западе Финляндии):

«И опять пишу Вам 〈...〉 в дни моих скорбей — опять я захворал вовсю. Сижу я все над „Крестовыми сестрами" — третий месяц идет. Но не от лености тяну, Вы знаете, третий раз переписываю с отделкою. 〈...〉 10-го меня увез к себе (г. Боровичи, Новгородск〈ая〉 г〈уберния〉, имение Ждань) Е. В. Аничков 〈...〉 У Аничкова сидел я по 18-и часов над повестью моей и очень изморился 〈...〉 с 30 июля здесь на Аландских островах у Иванова-Разумника» (Письма Иванова-Разумника. С. 40).

...*Лечил С. М. Поггенполь.* — Ремизов вспоминает о докторе Сергее Михайловиче Поггенполе (1880—1919) в очерке «Три могилы» (1919), посвященном памяти умерших в 1919 г. С. Поггенполя, Ф. Щеколдина и В. Розанова. Ср.: «Точный и верный, знающий и любящий свое дело, железный, вот какой он был...» (Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 72).

С. 94. ...*в Великую среду...* — Великая среда — на Страстной неделе, время строгого поста перед Пасхой.

Среда-Четверг Страстной Седмицы. — В альбоме «Розанов» письмо № 21. — Авт. коммент.: «1911 / На визитной же карточке. На Страстной я заблаговременно послал В. В. Розанову поздравление пасхальное: Христос воскрес! — с разными, конечно, красноячными украшениями. И поздравление мое пришло в Великую среду, вот В. В. и решил отблагодарить, с Троицей поздравить как раз в канун Пасхи».

Воистину Зеленые березки... — Подразумевается символика следующего за Пасхой праздника Святой Троицы — Пятидесятницы, который отмечается Православной церковью в воскресенье на вось-

мой неделе после Пасхи. Древнее языческое поверье весенних аграрных праздников, связанное с почитанием березы, закрепилось в Троицком обряде освещения веток березы в церкви.

С. 95. *...познакомились мы о ту пору с Бородаевскими ... Розанов и предлагал ехать.* — Имеются в виду поэт Валериан Валерианович Бородаевский (1874—1923) и его жена — Маргарита Андреевна Бородаевская (урожд. Князева; 1882—1970), которые настолько сочувственно отнеслись к Ремизовым, что хотели помочь писателю в организации летнего отдыха. В недатированном письме к Розанову В. В. Бородаевский писал: «Глубокоуважаемый Василий Васильевич, обращаюсь к Вашему посредничеству по делу, к которому, надеюсь, Вы отнесетесь сочувственно. Здоровье Алексея Михайловича Ремизова, насколько я знаю, требовало недолгого отдыха; в бытность нашу в Петербурге мы упустили из виду, что в 1 ½ верстах от нашего дома при заброшенной усадьбе (в имении жены) есть небольшой флигель и большой сад при нем. Флигель этот никем не обитаем, в нем три комнаты и кухня с русской печью; одна комната (средняя) в счет не идет, так как она пришла в полную ветхость; боковые же комнаты имеют отдельный ход и сени каждая. Комнаты эти, имеющие по 3 окна, весьма скромны в типе дачных хат. Так вот, если супруги Ремизовы еще не выяснили вопроса о летнем местопребывании, жена и я могли бы предложить им (безвозмездно, конечно) поселиться в этом флигеле; хлеб, молочные продукты и овощи высылались бы в нужном количестве ⟨примеч. Бородаевского: «При флигеле и саде имеется сторож семейный»⟩. Мясные продукты пришлось бы покупать на

станции (25 верст от имения), откуда сообщение раза 2 в неделю (иногда и реже, а вообще чаще). — Обращаюсь по этому делу именно к Вам, так ⟨как⟩ Вы дольше и лучше нас знаете Алексея Михайловича и, зная его, можете видеть, насколько предложение мое может ему подходить, равно и Серафиме Павловне. Если Вам ясно — что не подходит, то и не беспокойте их, а прямо сообщите мне; если же предложение может оказаться удобным, то пусть Алексей Михайлович не задержит ответить, так как хотелось бы вопрос о флигеле выяснить возможно скорее (есть одна кандидатка — дачница). Шлем наш искренний привет Варваре Дмитриевне и всему Вашему семейству. Искренно преданный Вам Валериан Бородаевский. Простите за беспокойство! Адрес: Станция Кшень, Московско-Киево-Воронежской ж. д. Валериану Валериановичу Бородаевскому» (РГБ. Ф. 249. М. 3875. Ед. хр. 45. Л. 144—145). Сохранились письма Бородаевского к Ремизову 1916 г. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 34). В Обезвелволпале Бородаевскому был присвоен титул «кавалера обезьяньего знака первой степени с обезьяньим волосом», что нашло отражение в «Обезьяньей» грамоте П. Е. Щеголева от 26 января 1917 г. (ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 9). Отношения Бородаевского с Розановым начали складываться в русле деятельности Религиозно-философских собраний в 1903 г. О полемических дискуссиях двух оппонентов см.: *Ломоносова А. В.* Бородаевский Валериан Валерианович // Розановская энциклопедия. С. 154, а также: *Глухова Е. В.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: к истории взаимоотношений // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010.

С. 494—497. Розанова привлекало увлечение Бородаевского философией К. Леонтьева, однако к его поэтическому творчеству он относился весьма сдержанно. См. розановскую рецензию на изданный в 1909 г. сборник Бородаевского «Стихотворения. Элегии, оды, идиллии» с предисловием Вяч. Иванова: *Варварин В.* Молодые поэты // Русское слово. 1910. № 126. 4 июня. С. 2.

А нам дорога была — в Париж. — Впервые Ремизовы посетили Париж весной 1911 г.; впечатления от поездки отражены в рассказе «Белое знамя» (1913).

Très chéris Алексей / Серафима!! — Très chèris — дражайшие (фр.). В альбоме «Розанов» письмо № 22; датировано 1910 г.; в комментарии датировка изменена на 1911 г. Авт. коммент.: «Когда наступило лето, нам некуда было ехать. Валериан Бородаевский (поэт) написал В. В. Розанову, что он может приютить нас у себя в имении Курском в Гимском уезде, где он да Маргарита Андреевна вдвоем жили. Трогательна заботливость Вас. Вас.». При последующем оформлении альбома к письму на следующий лист была приклеена вырезка из берлинской газеты «Руль (1923. № 805) с некрологом В. Д. Евреинова на смерть В. Бородаевского. В заметке ошибочно указывался год рождения поэта (1879) и упоминалось место его постоянного жительства последних 10—15 лет жизни — село Крестищево Тимского уезда Курской губернии.

С. 96. *Звенигородская ул. д. 18 кв. 23.* — Адрес Розановых с лета 1909 по лето 1912 г.

С. 97. *...как всуе поминать имя Божие!* — одна из заповедей, данных Богом Моисею: «Не произноси

имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20 : 7).

...фотографические снимки с рукописи Кирши Данилова — те места, которые в печатном издании точками обозначены. — Рукописное собрание былин и песен XVIII в., известное под названием «Сборник Кирши Данилова», было подготовлено к печати П. Н. Шеффером и издано Императорской Публичной библиотекой с фототипическими снимками фрагментов рукописи (1901). Хотя издание носило научный характер, тем не менее только сто нумерованных экземпляров, не предназначенных для продажи, содержали полный текст сборника; в остальных экземплярах текст воспроизводился с купюрами (с заменой точками недопустимых по цензурным соображениям фрагментов с использованием обсценной лексики), которые касались двух скоморошьих песен грубо-комического характера: «Сергей хорош» (С. 23) и «Стать почитать стать сказывать» (С. 183—187).

Жили мы на Песках... — Пески — историческая часть Петербурга в районе Рождественских улиц и Суворовского проспекта, названная по характеру намывных почв.

С. 98. *В. В. был по соседству в Басковом переулке у Анны Павловны Философовой с визитом.* — Имеется в виду квартира в доме № 21 в Басковом переулке, где А. П. Философова проживала с 1904 по 1909 г.

...крохотное начало из «Посолони» о монашке... — Миниатюра «Монашек» (1906) открывает цикл «Весна-красна» первой книги сказок Ремизова

«Посолонь». Существует автоиллюстрация Ремизова к этой сказке. См.: ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 5.

«Калечина-Малечина» — миниатюра Ремизова из книги «Посолонь» (1907), озаглавленная по имени мифического лесного существа. См. комментарий Ремизова к содержанию новеллы (Докука и балагурье. С. 166).

И стал читать, что точками-то обозначено — Сергей хорош... — Начало скоморошьей песни из «Сборника Кирши Данилова».

...сказитель, Рябинин. — Имеется в виду Иван Трофимович Рябинин (1844—1909), один из представителей династии сказителей русских былин Рябининых, который в начале 1900-х гг. выступал в аудиториях Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Одессы и Киева. Подробнее о нем см.: *Ляцкий Е. А.* Сказитель Иван Трофимович Рябинин. Этнографический очерк с прил. портрета сказителя и его напевов, записанных А. С. Аренским. М., 1895.

С. 99. *...обычай «страха холерного»...* — Речь идет о предосторожностях, связанных с вспышкой холеры, зарегистрированной в Петербурге 25 августа 1908 г. Эпидемия, быстро достигшая границ Финляндии, охватила 20 835 человек, из них умерло 4000 человек.

...впоследствии я подарил ее людоедам из Новой Зеландии, представлявшим в Пассаже всякие дикие пляски. — Ср. эпизод из рассказа «Дикие» (1913): «И потом подарил я им крокодила-зверя, — такая большая игрушка, змея есть: если за хвост ухватить ее, так будет она из стороны в сторону помотываться, будто жалить собирается, черная, бе-

лыми кружочками, а пасть красная и зубатая, — очень страшный крокодил-зверь» (Оказион. С. 159). Здание петербургского «Пассажа», построенного по проекту архитектора Р. А. Желязевича в 1846—1848 гг., размещается на протяженном участке между Невским пр. и Итальянской ул. Здание представляет собой длинный крытый проход-галерею протяженностью около 180 метров, освещенную верхним светом через стеклянные фонари, устроенные в кровле. По сторонам Пассажа (как и в настоящее время) на двух этажах размещались магазины.

С. 100. *Пойдем к Филиппову пирожки есть с грибами. Потом к Доминику...* — Речь идет о кофейне Д. И. Филиппова (Невский пр., д. 43) и о популярном среди литературной элиты кафе-ресторане «Доминик» (Невский пр., д. 24), основателем которого в 1841 г. был швейцарец Доминик Риц-а-Порта.

Давай х. (хоботы) рисовать. — История о том, как Ремизов и Розанов рисовали в 1908 г. фаллосы, впервые была описана в повести «Канава», над которой писатель работал в 1914—1918 гг. См.: *Ремизов А.* Избранное. Л., 1991. С. 460—461; а также: *Обатнина Е.* «Эротический символизм» Алексея Ремизова. С. 201—202. В письме из Парижа от 12 июня 1928 г. Ремизов сообщал Н. В. Зарецкому, интересовавшемуся судьбой упомянутых в «Кукхе» эротических рисунков Розанова: «Сохранял в разговорах нарисованные египетские хоботы, но они в России, и думаю, пропали: кто-то *свистнул*. Я наводил точнейшие справки: Не знают. Ну, что делать...» (*Морковин В.* Приспешники царя Асыки // Československá rusistika. XIV. 1969. 4. S. 181).

...вроде как Сапунов, только лепесток могу. — Творчеству художника Николая Николаевича Сапунова (1880—1912), члена группы «Голубая роза», автора декораций к пьесе А. Блока «Балаганчик», была присуща декоративность и эмоциональная яркость красок. Изящные виньетки к текстам, выполненные Сапуновым, отличались устойчивыми цветочными и растительными мотивами. См., например, его графические миниатюры к циклу эротических стихов Брюсова «Воскресшие тени»: Золотое Руно. 1906. № 1. С. 42—46.

С. 101. *...верно, что-нибудь египетское у меня вышло — невообразимое.* — Намек на увлечение Розанова таинствами древнеегипетской эротической символики, которой философ посвятил ряд ранних статей («О древнеегипетских обелисках», «О древнеегипетской красоте»; 1899), а также одну из своих последних книг «Из восточных мотивов» (Вып. 1—3. Пг., 1916—1917).

С. 102. *...на Николу зимнего...* — 19 декабря (6 декабря по Юлианскому календарю) принято называть «Николиным днем», или «Николой зимним». Это последний широко отмечаемый православный праздник перед Рождеством Христовым.

...Сергей Семенович Расадов — самый знаменитый и первейший актер-трагик не только в Пензе... — В зимней пензенской труппе сезона 1896/97 г. (товарищество К. Витарского) актер имел амплуа драматического резонера. См. о нем также в автобиографических книгах «Подстриженными глазами» и «Иверень». Ср.: «С. С. Расадов, саратовский трагик, режиссер Народного Театра, актер „нутра" и озарения...» (Подстриженными глазами. С. 143).

...пропали серебряные ложки, и я был обвинен в пропаже этих ложек... — Реальный эпизод биографии писателя, относящийся ко времени пензенской ссылки (1896—1898), получивший отражение в рассказе «Серебряные ложки» (1903; впервые: Факелы. СПб., 1906. Кн. 1. С. 167—177) и в автобиографической прозе. См.: Подстриженными глазами. С. 145—148.

С. 103. *Все батюшки делились у В. В. на Чернышевских-Добролюбовых...* — Подразумевается критическое отношение к поколению «нигилистов» 1860-х гг., бывших выразителями революционно-демократических идей в России. Феномен умонастроений в среде революционной интеллигенции для Розанова состоял в том, что, в частности, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов были выходцами из священнических семей и первое свое образование получили в духовных семинариях. Ср. оценку Н. А. Бердяева в книге «Русская идея» (1946): «Бывшие семинаристы делаются нигилистами. Чернышевский и Добролюбов — сыновья священников, воспитанные в семинарии. Есть что-то таинственное в возникновении общественных движений» (цит. по: *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 135).

С. 104. *В Москве на Воронцовом поле в нашей приходской церкви у Ильи Пророка...* — Ремизов обращается к воспоминаниям детства, прошедшего на берегу реки Яузы. Храм Святого Илии Пророка, по преданию, был построен в память успешной битвы с

татарами, произошедшей в неустановленный год 20 июля (2 августа н. ст.) в день памяти Св. Пророка Илии, близ села Воронцова, где сходились дороги на Москву из Коломны и Владимира. По летописным источникам известно, что в 1476 г. церковь Св. Илии Пророка уже стояла в Воронцове, а местность называлась Ильинской слободой. Ее история была описана дядей Ремизова, известным финансистом и историком московских древностей Н. А. Найденовым в книге «Храм св. пророка Илии, что на Воронцовском поле» (М., 1903); см. также: *Найденов Н. А.* Москва. Соборы, монастыри и церкви. Ч. 3. Отд. 1: Часть Земляного города по левую сторону реки Москвы. М., 1882. № 54.

...Дмитрий Иванович Языков протоиерей, ученый, благочинный и сын у него знаменитый московский доктор... — Дмитрий Иванович Языков (1824—?), духовный писатель, магистр Московской духовной академии (1848), протоиерей законоучитель в 3-й московской мужской гимназии, 55 лет был настоятелем храма Св. Илии Пророка на Воронцовом поле. Автор трудов: «О составе церковных канонов» (1848), «История храма Святого Илии на Воронцовском поле» (М., 1878 и 1879, два издания), «Святой Пророк Илия» (М., 1893). См. о нем в «Историческом очерке пятидесятилетия московской 3-й гимназии» (М., 1889). Его сын — практикующий врач Сергей Дмитриевич Языков (1853—1907).

...Кустодиеву рисовать... — Подразумевается галерея хара́ктерных портретов Бориса Михайловича Кустодиева (1878—1927), в которую входил также и парный портрет священника и дьякона («Священники. На приеме». 1907). Кустодиев также написал

портрет А. М. Ремизова (написан в апреле 1907 г.), впервые опубликованный в журнале «Золотое руно» (1907. № 7/8/9).

Сахаровские мальчишки — речь идет о московском синодальном хоре под руководством регента П. И. Сахарова.

«Благослови душе моя, Господа...» — Начальные строки 103-го (Предначинательного) псалма, исполняемого церковным хором во время вечерни.

С. 105. *...на «Погребении» сам читал над Плащаницей «Иезекиелево чтение».* — Речь идет о XXXVII главе Книги пророка Иезекииля, которая повествует о пророческом видении оживления и воскрешения костей человеческих как образа восстановления Израильского царства и духовного возрождения всего человеческого рода во Христе.

...знаменный распев ... а идет он от буйвищ и жальников, от Корины и Усеня! — Имеется в виду церковный распев, названный по способу записи музыки «знаменами», или «крюками». Очевидно, Ремизов возводит его происхождение к различным видам народного обрядового песнопения: к народным причитаниям или обрядовым похоронным песнопениям, исполняемым на могилах и погостах, которые в Тверской и Псковской губерниях назывались буйвищами, а в Новгородской — жалями и жальниками; а также, вероятно, к народным «корильным» песням (от слова «укоризна»), связанным со свадебным обрядом, и к рождественским колядкам, с традиционным припевом «усень» или в другой огласовке «авсень», «таусень».

...именитые прихожане, такие, как Найденовы, Прохоровы. — Называются купеческие фамилии,

славившиеся богатством и своей щедрой благотворительной и просветительской деятельностью. Купцы Найденовы, прямые родственники Ремизова по материнской линии, имели значительное влияние как в торгово-промышленных делах Москвы, так и в общественной ее жизни. Ср.: «...своей жертвенностью или созданием культурно-просветительских учреждений ⟨они⟩ обессмертили свое имя» (*Бурышкин П. А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 111). О своем дяде Николае Александровиче Найденове (1834— 1905), выдающемся общественном деятеле, крупном московском предпринимателе, известном российском историке, меценате и благотворителе, писатель подробно рассказывает в романе «Подстриженными глазами». История промышленной династии Прохоровых началась в 1799 г., когда ее основатель, Василий Иванович Прохоров (1755—1815) вместе со своим компаньоном, Федором Ивановичем Рязановым основал небольшую ситценабивную фабрику в Москве, ставшую впоследствии знаменитой прохоровской Трехгорной мануфактурой.

С. 107. *И часто поминал он и не раз писал о священнике Устьинском...* — Александр Петрович Устьинский (1854—1922), протоирей, автор публицистических статей, близкий друг Розанова. Философ не только упоминал о нем в книгах, но и нередко цитировал его высказывания. См.: «В мире неясного и нерешенного», «Около церковных стен», «В темных религиозных лучах», «Уединенное», «Опавшие листья», «Мимолетное» и др.

...в войну поминавшем Вильгельма на проскомидии. — Во время первой части Литургии, когда вынимается частица из просфоры и погружается в

потир со Святыми Тайнами (Телом и Кровью Господа Иисуса Христа), совершается молитва о здравии или упокоении. Таким образом, душа человека, за которого приносится на Престоле эта очистительная жертва, получает благодать и освящение. Упомянутый здесь духовный подвиг христианского всепрощения — молитва о враге — кайзере Вильгельме II (1859—1941), подтверждается рассказом М. М. Пришвина «Отец Спиридон» (Народоправство. 1917. № 8. С. 4—5). Ср.: «Нет, не за Вильгельма: отец Спиридон нашел в себе силу вынуть частицу... — За то существо, — как выразился отец Спиридон. И будучи не в силах выговорить „дьявол", рассказал мне, как он понимает „то существо" — причину войны» (цит. по: *Пришвин М. М.* Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906—1924 годов / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. В. А. Фатеева. СПб., 2004. С. 322). Узкий круг современников узнавал в главном герое рассказа священника А. П. Устьинского.

С. 108. *Все важные государственные люди и политики: Шингарев, Родичев, Жилкин, Адрианов, Д. Д. Протопопов, Струве.* — Перечисляются политики, депутаты Государственной думы разных (с первого по четвертый) созывов, связанные с конституционно-демократической партией (партией Народной свободы): Андрей Иванович Шингарев (1869—1918), Федор Измайлович Родичев (1854—1933), один из руководителей Трудовой группы Иван Васильевич Жилкин (1874—1958), Сергей Александрович Адрианов (1871—1941), Дмитрий Дмитриевич Протопопов (1864, по другим данным,

1865 или 1866—1918), Петр Бернгардович Струве (1870—1944).

...предпочитая всему ... «очищенную». — Распространенное название водки, приготовленной заводским способом.

С. 109. *Г. В. Вильямс* — Гарольд Васильевич Вильямс (Harold Williams; 1876—1928) — британский лингвист, журналист, в 1905 г. корреспондент ведущих английских газет; муж А. В. Тырковой.

С. 111. *Александры Михайловны тоже нет.* — Имеется в виду А. М. Бутягина.

Сидел гость — стрютский ... в застегнутом сюртуке, приглаженный, а в выражениях самых почтительнейших. — Согласно словарю Вл. Даля, «стрюцкий» — подлый, дрянной, презренный человек. Употребление этого устаревшего слова в петербургском локусе подробно разъясняет Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» (1877. Ноябрь. Гл. 1. Что означает слово: «стрюцкие»?). Ср. также интерпретацию Розанова: «Конституция нужна стрюцким (термин у Дост.: «пустые люди, сбегающиеся на всякий шум»)» (Мимолетное. С. 314; запись от 13 октября 1915 г.). Очевидно, что Ремизов, ориентируясь на указанные источники, добавляет новые очертания к характеристике данного психотипа.

С. 112. *У обеих по красной гвоздике. — А откуда у вас цветы и почему одинаковые? ... Мы поступили в одно общество...* — Поводом для розыгрыша Розанова стало нашумевшее выступление в Москве М. Волошина с лекцией «Пути Эроса», которую он прочитал первоначально в Петербурге на «Башне» Вяч. Иванова в ночь с 14 на 15 февраля

1907 г., а затем 27 февраля в Московском литературно-художественном кружке. См.: *Волошин М.* Пути Эроса // Волошин Максимилиан. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900—1927. М., 2008. С. 208—235. Скандальные подробности, сопровождавшие выступление, описаны В. Ф. Ходасевичем: «Дело было в 1907 году. Одна моя приятельница где-то купила колоссальнейшую охапку желтых нарциссов, которых хватило на все ее вазы и вазочки, после чего остался еще целый букет. Вечером взяла она его с собой, идя на очередную беседу. Не успела она войти — кто-то у нее попросил цветок, потом другой, и еще до начала лекции человек пятнадцать наших друзей оказались украшенными желтыми нарциссами. Так и расселись мы на эстраде, где места наши находились позади стола, за которым восседала комиссия. На ту беду докладчиком был Максимилиан Волошин, великий любитель и мастер бесить людей. 〈...〉 В тот вечер вздумалось ему читать на какую-то сугубо эротическую тему — о 666 объятиях или в этом роде. О докладе мы заранее не имели ни малейшего представления. Каково же было наше удивление, когда из среды эпатированной публики восстал милейший, почтеннейший С. В. Яблоновский и объявил напрямик, что речь докладчика отвратительна всем, кроме лиц, имеющих дерзость открыто украшать себя знаками своего гнусного эротического сообщества. При этом оратор широким жестом указал на нас. Зал взревел от официального негодования. Неофициально потом почтеннейшие матроны и общественные деятели осаждали нас просьбами принять их в нашу „ложу". Что было делать? Мы не отрицали ее существования, но говорили, что доступ в нее очень труден, требуется

чудовищная развратность натуры. Аспиранты клялись, что они как раз этому требованию отвечают. Чтобы не разочаровывать человечества, пришлось еще раза два покупать желтые нарциссы» (цит. по: *Ходасевич В.* Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991. С. 376). Далее эта история распространялась в литературных кругах Петербурга и Москвы как анекдот. Ср. дневниковую запись Кузмина от 3 марта 1907 г.: «Волошин вернулся еще вчера ⟨из Москвы. — *Е. О.*⟩ ⟨...⟩ Реферат прошел со скандалом. В Москве есть оргийное общество с желтыми цветами, участвуют Гриф и К°. Я думаю, они просто пьянствуют по трактирам — вот и все» (Кузмин. С. 328). Буквально в те же дни и произошли события, описанные в главе «Эротическое общество». Ср. запись в дневнике М. Кузмина от 13 марта 1907 г.: «Рассказывала ⟨Серафима Павловна Ремизова-Довгелло. — *Е. О.*⟩, как она с Лидией Юдифовной ⟨Бердяевой⟩ интриговали Розанова фиктивн⟨ым⟩ эротическим обществом, а он за них хватался, говорил на „ты", требовал, чтобы его сейчас же везли в женское отделение, доказывал, что он может быть активным членом, и, провожая их, опять хватался, покуда они не сказали, что идет его жена» (Там же. С. 333). Тема «эротического общества» легла в основу рассказа С. Ауслендера «Апропо» (Весна. 1908. № 4), а также косвенно отразилась в ремизовском «сне», впервые опубликованном в цикле «Под кровом ночи. Сны» (Весна. 1908. № 8). Впервые о литературных источниках этого сюжета сообщил А. Е. Парнис в докладе «Было ли в Петербурге эротическое общество? (Из комментариев к «Кукхе»)» на конференции «Алексей Ремизов и художественная

культура XX века» в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в 1992 г.

С. 113. *...еще раз однажды увижу В. В. таким ... на представлении «Ночных плясок» Ф. К. Сологуба в зале Павловой...* — Речь идет о драматической сказке Ф. Сологуба «Ночные пляски», поставленной Н. Евреиновым; в ролях были заняты известные литераторы и художники. Спектакль играли дважды: 9 марта 1909 г. на сцене Литейного театра и 20 марта в зале А. Павловой на Троицкой ул. Подробнее см.: *Высотская О.* Мои воспоминания / Публ. и примеч. Ю. Галаниной, Н. Панфиловой и О. Фельдмана // Театр. 1994. № 4. С. 81, 95. Ремизов намекает на «Пляски двенадцати королевен-босоножек в подземном царстве», поставленные М. Фокиным в духе хореографии А. Дункан, которые дали повод некоторым строгим критикам позлословить на тему безнравственности современного искусства. В своих мемуарах исполнявшая роль «двенадцатой королевны» Н. В. Крандиевская-Толстая вспоминала, как Сологуб уговаривал ее принять участие в хореографическом номере: «Не будьте буржуазкой 〈...〉 вам, как и всякой молодой женщине, хочется быть голой. Не отрицайте. Хочется плясать босой. Не лицемерьте. Берите пример с Олечки Судейкиной. Она — вакханка. Она пляшет босая. И это прекрасно» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. Л., 1977. С. 72). Розанов оставил свои впечатления от постановки в «Опавших листьях»: «Был сологубовский вечер, с плясовицами («12 привидений»?). Народу тьма. Я сидел в ряду 16-м и, воспользовавшись, что кто-то не сидел в ряду 3-м, к последнему действию перешел туда. Рядом да-

ма лет 45. Так как все состояло не из „привидений", а из открытых „до-сюда" актрис, то я в антракте сказал полусоседке, а отчасти „в воздух": — Да, над всем этим смеются и около всего этого играют. А между тем как все это важно для здоровья! То есть чтобы все это жило — отнюдь не запиралось, не отрицалось — и чтобы все около этого совершилось вовремя, естественно и хорошо» (Листва. С. 138). Самому Ремизову в этом спектакле досталась роль «Кошмара». Описание биографического сюжета в романе «Мышкина дудочка» (1953) см.: Петербургский буерак С. 37—38. См. также: *Обатнина Е.* А. М. Ремизов в постановке пьесы Федора Сологуба «Ночные пляски» // Memento vivere: Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 207—218.

С. 115. *...одни и те же слова, но на предметы совсем разные.* — Отсылка к дискуссии, возникшей вокруг очерка Ремизова «Крюк. Память петербургская», который начинался с рассуждения: «Крюк, на котором лампу вешают, вешаются и которым крюком, зацепив крючник, тяжести неохватные тащат, крюк-опора — die Krücke — слово немецкое и очень-то нос задирать нечего!» (Ахру. С. 17). После публикации текста в журнале «Новая русская книга» (1922. № 1. С. 6—10) анонимный рецензент поставил под сомнение ремизовскую сравнительную этимологию, положенную в основание названия очерка: «Пребывание в Берлине обогатило А. Ремизова познаниями в немецком языке, но познания эти пока, по-видимому, очень скромны. Только этим и можно объяснить, что он уверяет, будто русское слово крюк обозначает тоже самое, что немецкое „Krücke". На этом он даже построил заглавие своего очерка. При-

ходится сказать ему, что Krücke совсем не „крюк", а просто костыль. Значит и вся игра слов пропадает» (Руль. 1922. № 390. 26 февраля. С. 6). Ремизов хорошо знал немецкий язык благодаря матери, для которой, по словам писателя, «немецкий язык был 〈...〉 что русский» (цит. по публикации автобиографии писателя: *Грачева А. М.* Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность. С. 440). Очевидно, в данном случае писатель стремился выявить законы ассоциативного восприятия слова. В выстраиваемой Ремизовым цепочке немецкое die Krücke равнялось русскому «костыль», визуально напоминающему приспособление для подъема тяжестей, имевшее также другие значения: «виселица», «шибеница», «глагол» (по ассоциации с зрительным образом буквы Г, а также название буквы «глагол»). См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. СПб.; М., 1881. С. 176. О дальнейшем развитии билингвистической темы у Ремизова см.: *Слобин Г.* Двойное сознание и двуязычие в рассказе А. М. Ремизова «Индустриальная подкова» в контексте журнала «Числа» // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920—1940. Международная научная конференция / Сост., научн. ред. Ж.-Ф. Жаккар, А. Морар, Ж. Тасис. М., 2007. С. 326—347.

...«гибель надежды»... — Подразумевается пьеса Г. Гейерманса («Гибель „Надежды"», 1900), утвержденная в 1919 г. комиссией Театрального отдела Народного комиссариата просвещения, в которой работал писатель (1918—1920), к постановке в театрах и изданию в серии «Репертуар. Иностранный театр». См.: *Гейерманс Г.* Гибель надежды. Драма в

4-х действиях (Из жизни голландских рыбаков) / Пер. с нем. П. Теплова / Под ред. В. И. Засулич. Введение Ф. Зелинского. Пб.: Театр. Отд. Нар. Ком. Просвещения, 1918.

С. 116. *...разве что Ю. И. Айхенвальда...* — Юлий Исаевич Айхенвальд (1872—1928) — литературный критик.

...на лекции Штейнера... — Речь идет о лекции «Anthroposophie und Wissenschaft» («Антропософия и наука»), которую немецкий философ и основатель Антропософского общества Рудольф Штейнер (1861—1925) прочитал 19 ноября 1921 г. в Берлинской филармонии. Ср. воспоминания Ремизова в письме к Л. Шестову от 31 марта 1925 г.: «Я его (Штейнера. — *Е. О.*) один раз услышал в Берлине 21-го г⟨ода⟩. Ничего подобного я не слыхал от человека: не то, что он говорил, а как он говорил к концу лекции — такого исступления я не представлял себе: слова перехлестывали слова и фраза переливалась в фразу. Казалось или вспыхнет или упадет в бесчувствии» (Переписка Шестова. 1994. № 1. С. 161).

Wie geht es Ihnen? — Как поживаете? (нем.).

Nach Zimmerstrasse! — На квартирную улицу (нем.).

С. 117. *В. В. Розанов и писал и много рассказывал о своих «итальянских впечатлениях» — П. П. Муратов, слушайте!* — Указание на книгу путевых заметок Розанова под названием «Итальянские впечатления» (1909), куда вошли также очерки о Швейцарии и Германии. Прозаик, искусствовед и переводчик Павел Павлович Муратов (1881—1950)

был автором чрезвычайно популярного среди русской интеллигенции двухтомника «Образы Италии» (1911—1912). На первых страницах книги он весьма благожелательно оценивал наблюдения и размышления Розанова об итальянской культуре и искусстве. Ср.: «В этой странной и такой чисто русской книге не слишком много Италии. Ее автор, чувствующий с единственной в своем роде глубиной уклад русской жизни, даже и в Италии как бы повернут лицом к России. ⟨...⟩ Но слеп будет тот, кто не заметит и в этих страницах „Впечатлений". Особенно там, где Розанов соприкоснулся с античным, алмазов чистой воды и черт гениального воображения» (*Муратов П. П.* Образы Италии. М., 1917. Т. 1. С. 14).

«ки-ки?» — Кто-кто? (qui-qui — фр.).

Je suis — Это я (фр.).

С. 118. *М. А. Кузмин написал музыку — хождение Богородицы по мукам.* — Речь идет о стихах «Хождение Богородицы по мукам» из вокального цикла 1901 г. «Духовные стихи», написанного на основе одноименного апокрифа (см.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб., 1862. С. 118—124). Нотное издание «Духовных стихов» состоялось в 1911 г. (СПб.: Ю. Г. Циммерман). Запись нот и стихотворного текста «Хождения Богородицы по мукам» Кузмина, возможно, рукой Ремизова сохранился в альбоме писателя «Корова верхом на лошади. Цветник II. 1921». (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 18. Л. 5).

Легенда «Хождения» — из Византии не русская, а как пришла в Россию и как полюбилась... —

Апокриф «Хождение Богородицы по мукам» — один из самых популярных переводных памятников древнерусской письменности, самый старший из древнерусских списков которого датируется XII—XIII вв. В своем творчестве Ремизов неоднократно обращался к переработке этого апокрифа, объединяя несколько текстов-источников (подробнее см. коммент. А. М. Грачевой: Лимонарь. С. 674—675). Впервые писатель пересказал легенду в своем ответе на анкету газеты «Биржевые ведомости» о «Самоубийстве» (1912. № 12907 (вечерний вып.). 26 апреля. С. 4). См. также: Лимонарь. С. 43—50. В своей последней петербургской квартире на Васильевском острове Ремизов написал большое (во всю стену) полотно под названием «Хождение Богородицы по мукам» (см.: Исследования (1), вклейка). Описание ремизовского «конспекта» этого апокрифа с собственными иллюстрациями писателя см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 94—96.

Там на Западе Дантово здание... — Речь идет о Преисподней, описанной в «Божественной Комедии» Данте Алигьери как девять кругов Ада. Представление о здании восходит к апокрифу «Хождение Богородицы по мукам». Ср. пересказ Ремизова, в котором описывается путь Богородицы по улицам «преисподего города», где у ворот «великого темничного здания» ее встретили «стражи мук человеческих» (Лимонарь. С. 47—48).

С. 119. *bis auf weiteres* — здесь: до бесконечности (нем.).

Кузмин тогда ходил с бородой — чернющая! — в вишневой бархатной поддевке, а дома у

сестры своей Варвары Алексеевны Ауслендер... — Ср. описание первого впечатления Ремизова от встречи с Кузминым в 1905 г., где образ поэта также трактуется как смешение в одежде стилистики восточной и европейских культур: «Не поддевка А. С. Рославлева, а итальянский камзол. Вишневый бархатный, серебряные пуговицы, как на архиерейском облачении, и шелковая кислых вишен рубаха: мысленно подведенные вифлеемские глаза, черная борода с итальянских портретов и благоухание — роза» (Петербургский буерак. С. 249). См. также: *Богомолов Н. А., Малмстад Джон Э.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 68—69. Варвара Алексеевна Ауслендер (1857—1922) — старшая сестра М. А. Кузмина, в первом браке за А. Я. Ауслендером, во втором — за П. С. Мошковым.

...у Сомова хорошо это нарисовано! — Портрет Кузмина, написанный К. А. Сомовым в 1909 г., воспроизводился в журнале «Аполлон» (1910. № 7); в настоящее время хранится в Государственной Третьяковской галерее.

С. 120. *...не то сам фараон Ту-танк-хамен...* — Ассоциация с египетским правителем Тутанхамоном (1351—1342 до н. э.), возможно, восходит к рецензии М. Волошина на публикацию в седьмом номере журнала «Весы» одиннадцати «Александрийских песен» М. Кузмина (впервые: Весы. 1906. № 7), начинающейся с рассуждений автора об исторических типологиях внешнего облика поэта. Ср.: «...в его наружности есть нечто столь древнее, что является мысль, не есть ли он одна из египетских мумий, которой каким-то колдовством возвращена жизнь и па-

мять» (*Волошин М.* «Александрийские песни» Кузмина // Русь. 1906. № 83. 22 декабря). См. также: *Волошин М.* Лики творчества. С. 471. О генезисе «Александрийских песен», вбирающем в себя и египетские источники, см. также в кн.: *Богомолов Н. А., Малмстад Джон Э.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. С. 103—104.

...уж Кузмин давно снял вишневую волшебную поддевку, подстригся и не видали его больше в золотой парчовой рубахе навыпуск... — Решение изменить свой внешний образ, сменить «русское» платье на европейское («штатское») Кузмин осуществил в сентябре 1906 г. См.: Кузмин. С. 221. Подробнее о построении Кузминым собственного внешнего образа, ориентированного на русскую старообрядческую культуру, в связи с мировоззренческими ориентирами поэта в так называемый «русский период» его творчества — первую половину 1900-х гг., см.: *Богомолов Н. А., Малмстад Джон Э.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. С. 61—72.

...редкие книги старопечатные (Пролог)... — Подразумевается сборник, содержащий краткие жизнеописания святых (жития), легенды, поучительные рассказы, расположенные в календарном порядке.

..и знаменные крюки (ноты)... — Речь идет о древнерусской системе нотации для основных церковных распевов, которые записывались специальными знаками — «знаменами», или «крюками». Пение по крюкам получило распространение в XI в. и использовалось вплоть до XVII столетия.

...и голос не тот, в «Бродячей собаке» скричал. — Речь идет о выступлениях Кузмина в 1910-е гг. в кабаре «Бродячая собака». Популярное

место встреч артистической и литературной богемы, где были приняты выступления поэтов, писателей и артистов, открылось для посетителей 31 декабря 1911 г. в Петербурге на Михайловской пл. в подвале «Художественного общества Интимного театра». Хронику вечеров «Бродячей собаки» см.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. Л., 1985. С. 160—257.

В первое же знакомство у Розановых Кузмин играл на рояли и пел. — В дневнике 1934 г. М. Кузмин относит свою первую встречу с Розановым к январю 1906 г. См.: *Кузмин М.* Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. статьей и примеч. Г. Морева. СПб., 1998. С. 271. Дневник за 1906 г. фиксирует первые посещения Кузминым дома Розанова в декабре. Ср. запись от 18 декабря: «Вчера у Розанова говорили обо мне, решая, сентименталист ли я. Я пойду к нему скоро. Было уютно и хорошо, зная, что можно говорить, ничего не скрывая» (Кузмин. С. 288).

С. 121. *П. Н. Потапов ходил по весне в Зоологический сад для поднимания ... потенциальной энергии.* — Сюжет соотносится с половым Митей-Прометеем, героем романа «Пруд», который занимал в Зоологическом саду «какую-то нечистую тяжелую должность при слоне... во время случки» (вторая редакция, 1908 г.) (Пруд. С. 357). В третьей редакции романа (1911 г.) эти обязанности описывались иначе: он получил «трудную и небезопасную должность при слоне: за двадцать пять рублей приводил он слона в чувство во время случки» (Там же. С. 137).

С. 123. *Бердяев, Мережковский и Гершензон наводили его на соблазнительные мысли... равно и Франк.* — Перечисление имен писателей философско-религиозного направления в данном контексте акцентирует проблему индивидуального сознания, продуцирующего собственные, подчас совершенно отвлеченные от источников чтения мысли. Семен Людвигович Франк (1877—1950), философ, религиозный мыслитель и психолог.

Семен Владимирович Лурье — С. В. Лурье (1867—1927) — философ, публицист, сотрудник редакции журнала «Русская мысль» (1908—1911); один из ближайших друзей Л. Шестова; см. о нем: *Баранова-Шестова Н*. Жизнь Льва Шестова. Т. 2. Paris, 1983. С. 311—312; *Ремизов А*. Памяти С. В. Лурье // Звено. 1928. № 1. С. 37—38.

С. 124. *Пробовал он ходить по всяким старцам — с легкой руки Распутина о ту пору развелось их в Петербурге видимо-невидимо...* — Григорий Ефимович Распутин (наст. фам. Новых; 1872—1916) — крестьянин из Тобольской губернии, несколько лет проведший в паломничестве по монастырям. В 1906 г. был приближен к царской семье; благодаря своей экстрасенсорной способности лечить больного гемофилией наследника престола Алексея, оказывал сильнейшее влияние на царицу Александру Федоровну. Модель поведения, которую Распутин демонстрировал в социуме, имела сходство с древней практикой христианской аскетики и мистики, получившей в русской традиции название «старчество», т. е. особого рода молитвенная жизнь, связанная с пророчествами и исцелениями от духовных и физических болезней.

Доктор, известный в Петербурге под именем Симбада... — Имеется в виду специалист в области психиатрии доктор Андрей Федорович Акопенко (1874—?), один из частых гостей Ремизова в квартире на Малом Казачьем, знакомство с которым, по всей вероятности, произошло в Киеве в 1904 г. Прозвище восходит к имени героя цикла сказок о Синдбаде-мореходе из книги «Тысяча и одна ночь». В архиве Ремизова сохранилось его стихотворное послание к Ремизову (июнь 1911 г.) с упоминанием общих знакомых (Л. Шестова, И. Тотеша). См.: Обатнина : 2001. С. 50.

С. 125. *...мешочек с канфорой.* — Камфара — твердое, горючее с сильным запахом вещество, получаемое из камфарного дерева (Laurus Camphara). Ремизов использует вариант написания, более распространенный в просторечии.

И слово это немецкое: Kampf, kämpfen, Kämpfer... — Приведены немецкие слова со значением «борьба, бороться, борец». Одновременно с различными применениями камфары в фармакологии и в народной медицине начала века бытовали советы по применению эфирных паров камфары в качестве вспомогательного средства, способного оказывать отрезвляющее действие и успокаивать сексуальное перевозбуждение. Поскольку с давних пор камфарное эфирное масло применяли для борьбы как с болезнями человека, так и с молью в шкафах, то в соответствии с иронической языковой логикой Ремизова русское слово оказывается производным от немецкого «Kampf» — бороться. Между тем название вещества произошло от арабского названия смолы kāfur. В европейские языки это слово попало примерно в

XIV в., где оно преобразовалось в camphar. Подробнее см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 176.

Думал я послать его к Гребенщикову — книгочий! — Яков Петрович Гребенщиков (1887—1935) — друг Ремизова, библиофил, сотрудник Санкт-Петербургской Публичной библиотеки. См. о нем: *Ремизов А.* Яков Петрович Гребенщиков. 1887—†1935 // Последние новости. 1935. № 5159. 9 мая; а также: *Суворова В. П.* Я. П. Гребенщиков — библиотекарь, библиофил, человек // Книга: Исследования и материалы. М., 1995. Кн. 70. С. 157—167; Гребенщиков Яков Петрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 211—214; Обатнина : 2001. С. 219—225.

...пускай-ка в Комаровку пройдет к князю обезьяньему Рязановскому. — Ближайший приятель Ремизова И. А. Рязановский жил в доме арендатора Комарова, неподалеку от Александро-Невской лавры. Ср.: «И. А. Рязановский — кореня кондового из города Костромы 〈...〉 Одни его знали, как великого законника, другие, как некоего дебренского старца Иоанна-блудоборца, а третьи, как страстного археолога, ревнителя старины нашей русской. 〈...〉 И вот поле полувекового труда и пустынного жития в дебери костромской, как некогда огненный старец Епифаний, благославившись у Воскресения Христова, что на Нижней Дебре, снялся Иван Александрович с родимого гнезда. И уж не ищите его нынче на Царевской, не спрашивайте, — тут он с нами на углу Золотоношской и Тележной у Комарова в

доме: на котором доме шпиль, на шпиле серебряное яблоко и слышно, как куры поют» (*Ремизов А.* Крашеные рыла́: Театр и книга. Берлин, 1922. С. 128—129).

С. 126. *...носит электрический пояс.* — Речь идет о так называемом «электро-валидоре» — лечебном аппарате, широко рекламированном в прессе 1908 года. Применение нового прибора рекомендовалось «всем, кто страдает общей и половой неврастенией, слабостью половых органов, ревматизмом, подагрой, расстройством пищеварения, запорами, и всякому мужчине и всякой женщине, которые чувствуют себя слабыми и вялыми» (Новое время. 1908. № 11443. 20 января. С. 2). Рекламное объявление сопровождалось пояснением: «Аппарат „Электро-валидор" состоит из сухих элементов, дающих постоянный гальванический ток такой силы, которая необходима для достижения желаемого терапевтического результата. ⟨...⟩ Употребление этого аппарата не дает никакого неприятного ощущения, не отвлекает людей от их ежедневных занятий и не заставляет терять ни минуты их драгоценного времени». Чудодейственные возможности «электро-валидора», представлявшего собой стационарное устройство в виде небольшого ящика, также описаны в брошюре «Электричество — путь к здоровью» (1908). Мифический «пояс» возник, очевидно, благодаря рисунку на некоторых рекламных объявлениях «электро-валидора» с изображением заключительного момента схватки двух борцов, когда победитель в поясе, сверкающем электрическими зарядами (показано многочисленными молниеобразными линиями), повергает ослабшего и уже не сопротивляющегося противника.

...в его тесное Комаровское древлехранилище... — Имеется в виду коллекция древнерусских рукописей и книг, собранная И. А. Рязановским.

С. 127. *...помянул и преподобного Макария, о котором сказано в житии — «досязаше ему даже до пят» и как преподобный этим беса устрашил.* — Вольное переложение патерикового рассказа о преподобном Макарии Египетском (301—391), основателе одного из первых египетских монастырей (Скитская пустыня). Этот же сюжет Ремизов использовал в рассказе «Эмалиоль» (1909). Ср.: «Встав Макарий зело рано и иде сквозь пустыню и срете на пути беса на камне сидяща... аки цепом некиим пшеницу молотящи. Искушеше, бес, преподобного, вопроси его: имаше ли сицевый? И изъем преподобный... бе бо велий зело, яко же досязати ему до пят. И возвратиться бес в место свое посрамленный, в себе дивяся бывшему» (Оказион. С. 530).

...б. старообрядческий регент Ив. Плат. Пономарьков и писатель В. Н. Гордин. — Речь идет об Иване Платоновиче Пономарькове (1883—1967), с которым Ремизов познакомился, очевидно, в Пензе в 1897 г., где Пономарьков получал образование в учительской семинарии. В 1907 г., будучи уже регентом, Пономарьков переехал в Петербург, в 1909 г. поступил в Консерваторию и занялся сочинением симфонических произведений. В 1918—1920 гг. он написал оперу и либретто по пьесе М. Кузмина «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Пьеса была поставлена в 1922 г. в пензенском оперном театре. С 1922 г. композитор жил в Москве, был директором Государственного хора СССР, а впоследствии — профессором Московской консерватории. В контек-

сте сновидческой реальности романа «Взвихренная Русь» регент Пономарьков также фигурирует вместе с поэтом и журналистом Владимиром Николаевичем Гординым (1882—1928). См.: Взвихрённая Русь. С. 91. С Гординым Ремизова связывали приятельские отношения, возникшие в конце 1907 г. Шуточное «Прошение» Ремизова, адресованное «Моей сестре милосердия, отшельнику Владимиру Николаевичу Гордину», см. в недатированном письме, написанном, очевидно, во второй половине 1910-х гг. (РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 3614).

Был у Христа младенца сад. — Первая строка стихотворения А. Н. Плещеева «Легенда (С английского)» (1877), более известного в музыкальном переложении. Существует несколько романсов на музыку П. И. Чайковского (1884), В. И. Сокальского (1897), В. И. Ребикова (1902), А. К. Черткова (1907).

С. 129. *Ур, Шарпурла...* — Речь идет о древнейших центрах ближневосточной цивилизации. Ур — один из городов Шумера в древнем Междуречье (ныне на территории современного Ирака, к западу от реки Евфрат). Появление этого города-государства ученые относят к V тыс. до н. э.; в Библии Ур назван родиной Авраама. Сирпула (Ширпурла, или Лагаш) — древнейший центр Южной Вавилонии, археологические раскопки которого в конце XIX в. принесли сенсационные находки грандиозной библиотеки клинописных табличек и артефактов древности.

С. 130. *...захожу я как-то в книжный магазин «Нового Времени».* — Речь идет о магазине, который располагался на Невском пр., 40; его владель-

цем был издатель газеты «Новое время» А. С. Суворин.

...этот твой Потемкин. — Какой Потемкин? ... — Потапов! — Замена фамилии Потапова соотносит данный сюжет о блудоборце с историей, описанной в главе «Опал» о восковом слепке с мужских достоинств светлейшего князя Потемкина-Таврического, а также с вариантом этой истории, впоследствии опубликованном Г. Чижовым-Холмским (см.: *Ремизов А.* О происхождении моей книги о табаке. Paris, 1983), где внимание Розанова было привлечено фигурой молодого поэта Петра Петровича Потемкина (1886—1926), о котором Ремизов распустил слух, будто тот был одним из редких обладателей «сверх божеской меры». Примечательно, что на обложке и титульном листе сборника П. П. Потемкина «Смешная любовь» (СПб., 1908) была поставлена только фамилия автора (без инициалов). По-видимому, поэт-модернист и сам был не прочь создать вокруг своего имени ореол славы достойного восприемника альковных побед его знаменитого однофамильца.

С. 131. *...около Шервудского Пушкина...* — Большой гипсовый бюст Пушкина работы скульптора Леонида Владимировича Шервуда (1871—1954), созданный в 1902 г., являлся примечательной деталью интерьера в квартире Розанова. Дочь философа упоминает о нем, описывая вещи, которые ей в 1918 г. не удалось перевезти в Сергиев Посад из Петрограда. См.: Pro et contra. С. 77.

С. 132. *...после двух фельетонов В. П. Буренина в «Н. В.» о моем «Пруде», сказал ... «давно ли ваш Ремизов сидит в сумасшедшем доме?»* —

Критик, поэт, прозаик и пародист Виктор Петрович Буренин (1841—1926) дважды касался темы «невменяемости» и «умственного расстройства» автора романа «Пруд» в своих постоянных «Критических очерках»: «Я не назову и автора романа, опять-таки из жалости к нему: к чему оглашать имена очевидно помешанных, несчастных пациентов современных бедламов, называющихся ежемесячными литературно-общественными органами. Не назову и заглавия самого романа. ⟨...⟩ И эта бедламная беллетристика предъявляется нам не в качестве характерных писаний пациентов лечебниц св. Николая (так! — *Е. О.*) и Удельной, а в качестве новейших образчиков самой новейшей литературы» (Новое время. 1905. № 10644. 28 октября. С. 4); «Я раз уже обращал внимание читателей на этот роман и тогда же сделал догадку, что роман писан душевнобольным. Теперь, кажется, догадка может перейти в полное убеждение: если бы какому-нибудь психиатру, хотя бы профессору Ковалевскому, в числе сочинений, написанных пациентами дома умалишенных, представили рядом „маленькие произведения" студента и большой роман в двух частях, который я имею в виду, то, конечно, профессор пришел бы к такому заключению, что умалишенный студент по сравнению с автором романа еще как будто здравомыслящий писатель...» (Новое время. 1905. № 10681. 9 декабря. С. 4). Ср. также воспоминания Ремизова о том, как Розанов неоднократно просил критика написать отзыв на новый роман: «Буренин отмалчивался. Но однажды — должно быть, очень надоело — он сказал, что о сумасшедших писать не хочет. Тут Розанов помянул Серафиму Павловну, и о Наташе, и археологию: Бу-

ренин сдался. И сдержал слово. В одном разносном буренинском фельетоне я прочитал о себе и о „Пруде" — несколько строчек, но вразумительных: Буренин выражал свое искреннейшее удивление, что автор „Пруда" еще не на „Одиннадцатой версте", в чем он был уверен, а живет в Петербурге («на одиннадцатой версте» — так в Петербурге говорилось о больнице св. Николая для душевнобольных, на станции Удельная, Финляндской ж. д.)» (Петербургский буерак. С. 46—47).

С. 136. *Дорогой А. М.! Д-р А. И. Карпинский...* — В альбоме «Розанов» письмо № 23; в оригинале фамилия доктора обозначена первой и тремя последними буквами. Авт. коммент.: «1917 / Последнее письмо перед революцией. Др. А. И. Карпинский — самый в ту пору знаменитый доктор по нервным болезням. Теперь покойный — умер в несколько дней от воспаления легких в Петербурге в 1920 году. Клюев Н. А. (поэт) отбояривался от воинской повинности. Самому мне добраться до Карпинского трудное дело, пробовал, а В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ он знал хорошо — лечил Вар⟨вару⟩ Дим⟨итриевну⟩. Я отрядил Клюева с письмом к В⟨асилию⟩ В⟨асильевичу⟩, а В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ Клюева направил с письмом к Карпинскому. И до чего это странно — Клюев „дурил" ведь докторов, а все принимали за чистую монету. Розанову Клюев не понравился: не любил он в поддевках с крестом на груди — перед революцией в Петербурге не один Клюев щеголял так крестоносцем, впрочем, в революцию кресты спрятались, куда им и полагается. Неловко ж в самом деле: „Революцию и матерь света" в песнях возвеличим! прорыкать на митинге, блестя се-

ребряным крестом на цепи серебряной. Розанову эти наряды очень не нравились: попу это полагается, а так — одна комедия! „Монашка Вера" — дочь В. В. Розанова, была в монастыре, а в революцию повесилась. Незадолго до ее самоубийства погиб сын В⟨асилия⟩ В⟨асильевич⟩а — Василий: замерз в вагоне, когда ехал за продовольствием». Александр Иванович Карпинский (1875—1921) — профессор, специалист по психиатрическим и неврологическим болезням, член Русского общества нормальной и патологической психологии. См. также: *Арнштейн Л.* Памяти доктора А. И. Карпинского // Последние новости (Париж). 1921. № 426. 2 сентября. С. 3. «Монашка Вера» — дочь Розанова, с 1915 г. монахиня Покровского монастыря на станции Плюсса (юго-западнее Луги), в 1916 г. заболела туберкулезом и вынуждена была вернуться домой; покончила жизнь самоубийством. Подробнее см.: Воспоминания Надежды Васильевны Розановой // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. С. 141—170. Сын Розанова Василий в 1918 г. отправился вместе с сестрой Варварой на Украину добывать муку и продовольствие для всей семьи, погибающей от голода в Сергиевом Посаде. По дороге, в Курске, он заболел испанкой, был отправлен в больницу, где умер через три дня (9 октября). Подробнее см.: Розанова. С. 89.

И опять на Шпалерной. Только не в том доме... — В августе 1915 г. Розановы переехали с Коломенской ул. на Шпалерную (д. 44б, кв. 22), где оставались до отъезда в Сергиев Посад в августе 1917 г.

С. 137. *...В. В. показал мне на целый птичник мелких детских калош...* — Возможно, Ремизов

применяет к себе запись Розанова, знакомую ему по изданию «Уединнного» (1912). Ср.: «Когда бывало меня посещали декаденты, — то, часу в первом ночи я выпускал их, бесплодных, вперед, — но задерживал последнего, доброго Виктора Петровича Протейкинского (учитель с фантазиями) и показывал между дверьми... У человека две ноги: и если снять калоши, положим, пятерым — то кажется ужасно много. Между дверями стояло такое множество крошечных калошек, что я сам дивился. Нельзя было сосчитать скоро. И мы оба с Протейкинским покатывались со смеху» (Листва. С. 7—8).

А ели яичницу — поминальную. — В русском поминальном христианском обряде, сохранившем символику языческих календарных праздников, яйца и блюда из яиц обозначают бессмертие и воскресение.

С. 138. *...на мне это не та, ту, золотом расшитую...* — Отсылка автора к главе «На блокноте», где речь идет о феске, подаренной Ремизову З. Н. Гиппиус.

...надел и не на эти свои вихры, а на ковылевую. «Тебе, — говорю, — медведюшка прислал...» — Не называя имени дочери, Ремизов затрагивает болезненную личную тему первых берлинских лет — отказ Наташи последовать за родителями в эмиграцию. Упоминается и самая любимая, подаренная Волошиным, детская игрушка маленькой Наташи (медведь). Известен рисунок Ремизова 1905 г. «Натуся с ведьмедюшкой» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 27).

...ночной колпак ... В. А. Залкинд из Цербста привез — конкректор обезвелволпала... — Выпускник петербургского Политехнического института Виктор Александрович Залкинд (1895—?) познако-

мился с Ремизовым в середине июня 1922 г. О происхождении слова «конкректор» см.: *Флейшман Л. С.* Из комментариев к «Кукхе». Конкректор Обезвелволпала. С. 190. Здесь же приводится письмо Ремизова к Залкинду от 29 июня 1922 г., где упоминается о получении колпаков, в том числе и красного.

...Огневик — Feuermännchen... — Имеется в виду игрушка — «огненный человечек» Фейермэнхен, матерчатый гном в розовом полосатом платье и черном колпачке из коллекции Ремизова; писатель запечатлен с ним на одной из фотографий берлинского периода.

С. 139. *...на Церковной (Kirchstrasse) в приходе св. Луизы.* — Ремизов указывает свой первый берлинский адрес в берлинском районе Шарлоттенбург: Kirchstrasse, 2 II bei Delion, Charlottenburg 1, 1 — Berlin.

А теперь погнали... — По предписанию берлинской префектуры, принявшей в конце 1922 г. меры по выселению эмигрантов, Ремизовы были обязаны не только оставить квартиру, но и выехать из Берлина в двухнедельный срок. Ср. письмо Г. Б. Струве к братьям от 31 декабря 1922 г. о посещении берлинской квартиры писателя: «...у него (Ремизова. — *Е. О.*) вся комната увешана занимательнейшими существами: чертиками, обезьяньими царями, лешими и п⟨одобного⟩ род⟨а⟩. Все они имеют свои имена и функции, а сам Алексей Мих⟨айлович⟩ относится к ним как к живым существам и примечательно о них рассказывает. ⟨...⟩ К сожалению, хозяйка гонит их с квартиры. Они открыли, что она главная ведьма, и все ждут, что она вылетит в трубу, но пока что этого не случается и им, бедным, плохо» (цит. по: *Коле-*

ров М. А. Русские писатели и «Русская мысль» (1921—1923). С. 248).

У Веры Васильевны... — Неустановленное лицо.

...всю библиотеку продали. — Продажу книг и дела об уплате Ремизов перед отъездом доверил писателю В. Я. Шишкову. В продаже участвовал владелец издательства «Петрополис» Я. Н. Блох. Обстоятельства продажи библиотеки В. Шишков описывал в письме Ремизову от 29 декабря 1921 г. См.: Переписка с С. Я. Осиповым. С. 260—261.

С. 139—140. *...Блок, как за границу задумал ... слышу, «Посолонь» продал с автографом.* — В библиотеке А. Блока сохранился шестой том «Сочинений» Ремизова (СПб.: Шиповник, ⟨1911⟩), в который полностью вошла книга «Посолонь» (дополненная вторая печатная редакция), с инскриптом: нотная строка и слова к ней из «Медвежьей колыбельной песни»: «Баю-бай, бай, медведевы детки, баю-бай, бай, косолапы да мохнаты, бай-бай», а также посвящение: «Александру Александровичу Блоку от А. Ремизова. 1912. 12/25 III» (Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 2. Л., 1985. С. 210). Согласно описанию собрания книг А. А. Блока, первое издание «Посолони» (М.: Золотое Руно, 1907) также первоначально находилось в составе библиотеки поэта. Местонахождение этого экземпляра неизвестно (Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 3. Л., 1986. С. 252).

С. 140. *А Апокалипсис ваш у великого книжника...* — Имеется в виду последнее произведение Розанова «Апокалипсис нашего времени», издававшийся в течение 1917—1918 гг. в десяти выпусках (Сергиев Посад). В личном архиве Ремизова сохранился

фрагмент конверта, с надписанным рукой Розанова петербургским адресом Ремизова и пометой «Бандероль-Печатное. (*Пять* выпусков «Апокалипсиса»)» и тремя почтовыми штемпелями, из которых читается один: «Сергиевский Посад. 1. 6. 18». По-видимому, эти книги, полученные в начале июня 1918 г., после отъезда Ремизова из России остались на хранении у сотрудника Публичной библиотеки Я. П. Гребенщикова.

..еще в Гатчине... — Речь идет об одном из посещений дачи Розановых в пригороде Петербурга летом 1906 г.

...Шкловский книжку написал «Розанов» и там как раз наоборот: если кто за последнее время написал беллетристическое, так это Розанов ... ведь это целый роман, новая форма!» — Речь идет о работе В. Б. Шкловского «Розанов. Из книги „Сюжет как явление стиля"» (Пг., 1921). В связи с литературными инновациями Розанова, в этой книге Шкловский, в частности, писал по поводу «Опавших листьев»: «Книга Розанова была героической попыткой уйти из литературы, сказаться без слов, без формы — и книга вышла прекрасной, потому что создала новую литературу, новую форму» (*Шкловский В.* Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). М., 1990. С. 125).

Конечно, пока ходят железные дороги и существуют станции, рассказы будут писать... — Намек на распространение книг из серии «Дешевая библиотека» А. С. Суворина, который приобрел право торговли на всей сети российских железных дорог и водных путях. Практически на каждой станции были установлены киоски с вывеской «Новое время».

С. 141. ...*«в купе, развалясь на диване и т. д.»*... — Возможно, строка из песенного репертуара тех лет.

...теперь вы поняли, что никакой папироски там и не надо? — Аллюзия на розановские фантазии по поводу собственных похорон: «Несите, несите, братцы: что делать — помер. 〈...〉 Покурить бы, да неудобно: официальное положение. 〈...〉 Непременно в земле скомкаю саван и коленко выставлю вперед. Скажут: — „Иди на страшный суд". Я скажу: — „Не пойду". — „Страшно?" — „Ничего не страшно, а просто не хочу идти. Я хочу курить. Дайте адского уголька зажечь папироску"» (Листва. С. 69—70).

Я лежал однажды при смерти — это как раз в канун октябрьской революции... — Ремизов болел крупозным воспалением легких, развившемся на фоне высокой температуры с 23 сентября по 4 октября 1917 г. Описание болезни легло в основу поэмы «Огневица» (1917).

С. 142. *А как там насчет сроков в этой вашей — что слышно в вечности?* — Вопрос восходит к высказыванию К. Н. Батюшкова, воспроизведенному в «Записке доктора Антона Дитриха о душевной болезни К. Н. Батюшкова», опубликованной на немецком языке Л. Н. Майковым. См.: *Батюшков К. Н.* Сочинения. СПб., 1887. Т. 1. Кн. 1. С. 342. Ср. современный русский перевод записок Дитриха: «...он (Батюшков. — *Е. О.*) спрашивал сам себя несколько раз во время путешествия, глядя на меня с насмешливой улыбкой и делая рукой движение, как будто бы он достает часы из кармана: „Который час?" — и сам отвечал себе: „Вечность". Поэ-

тому он с неудовольствием смотрел, как зажигают фонари, полагая, что освещать нам дорогу должны луна и звезды. Поэтому он почитал луну и солнце почти как Бога. Поэтому он утверждал, что встречается с ангелами и святыми, среди которых он особенно называл двоих: Вечность и Невинность» (*Дитрих А*. О болезни русского императорского надворного советника и дворянина господина Константина Батюшкова / Пер. с нем. А. В. Овчинниковой // Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения / Сост. А. Сергеева-Клятис. М., 2001, С. 500). Известна также поэтическая интерпретация этого афоризма в стихотворении О. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912): «И Батюшкова мне противна спесь: / „Который час?" — его спросили здесь, / А он ответил любопытным: „вечность"». См.: *Мандельштам О*. Полное собраний стихотворений. М., 1995. С. 102 («Новая библиотека поэта»). Вероятность влияния стихотворения Мандельштама на текст «Кукхи» впервые отметил Л. С. Флейшман в статье «Из комментариев к „Кукхе". Конкректор Обезвелволпала» (С. 190).

...у Гауфа Агасфер притащился из Китая сюда и вот недалеко от нас, в Тиргартене, у него любопытная встреча. — Подразумевается эпизод из книги немецкого писателя-романтика, сочинителя сказок Вильгельма Гауфа (1802—1827) «Записки Сатаны» («Mitteilungen aus den Memoiren des Satan»; 1828). Тиргартен (Tiergarten) — зоологический сад в Берлине.

...Вечер? — Нет еще? — Выражение восходит к немецкой поговорке «Es ist noch nicht aller Tage Abend» (Еще не все потеряно, еще не вечер).

23. 1. 1919 г. — Ремизов указывает дату смерти Розанова по старому стилю, по новому — 5 февраля.

РЕЦЕНЗИИ

1

Б. КАМЕНЕЦКИЙ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ.

Впервые: Руль (Берлин). 1923. 8 июля. № 791. С. 6—7.

Б. Каменецкий (наст. имя и фам. Юлий Исаевич Айхенвальд (1872—1928)) — литературный критик. В сентябре 1922 г. выслан за границу в числе других представителей интеллигенции. В Берлине выступал с чтением лекций «Философские мотивы русской литературы» в Русской Религиозно-Философской академии, был одним из инициаторов и активных деятелей литературного общества «Клуб писателей», а также «Кружка друзей русской литературы» (1924); состоял членом Союза русских журналистов и литераторов в Германии. Сотрудничал в эмигрантских периодических изданиях: в журнале «Новая русская книга» (Берлин), в газете «Сегодня» (Рига), вел литературно-критический отдел в берлинской газете «Руль».

[1] *...nur ewige und ernste Dinge.* — Только вечные и серьезные дела (нем.).

2

ЭРГ.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. КУКХА. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА. ИЗД-ВО З. И. ГРЖЕБИНА. 1923. (125 стр.)

Впервые: Накануне. Литературная неделя (Берлин). 1924. 23 марта. № 69 (586). С. 7.

Эрг (наст. имя и фам. Роман Борисович Гуль (1896—1986)) — прозаик, мемуарист, критик, издатель; с 1920 г. жил в Берлине, в 1921—1923 гг. секретарь редакции журналов «Русская книга» и «Новая русская книга», член берлинского Союза русских писателей и журналистов; в 1933 г. переехал в Париж; член парижского Союза русских писателей и журналистов, с 1950 г. жил в США; редактор «Нового журнала».

3

Д. ЛУТОХИН.

А. РЕМИЗОВ. КУКХА. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА. ИЗД-ВО З. И. ГРЖЕБИНА (БЕРЛИН). 1923. (128 стр.)

Впервые: Огни (Прага). 1924. 21 января. № 3. С. 5.

Долмат Александрович Лутохин (1885—1942) — экономист, журналист, издатель.

4

Б. ШЛЁЦЕР.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА.

Впервые: Последние новости (Париж). 1924. 7 февраля. № 1163. С. 3.

Борис Федорович (Фердинандович) Шлёцер (Boris de Schloezer; 1883—1969) — музыкальный и литературный критик, философ, переводчик; сотрудник журналов «Аполлон» и «Золотое руно»; с 1920 г. жил в Париже; сотрудник газеты «Последние новости», журналов «Современные записки» и «Числа», автор статей о Ремизове.

[1] *...первые образцы такой манеры показали нам уже Андрей Белый и Зинаида Гиппиус.* — Речь идет о мемуарной прозе Андрея Белого «Воспоминания о Блоке» (впервые: Эпопея. Литературный ежемесячник под редакцией Андрея Белого. М.; Берлин, 1922 № 1, 2, 3; Эпопея. Литературный сборник. № 4. Берлин, 1923), а также об эссе З. Н. Гиппиус «Задумчивый странник. О Розанове» (Окно. Трехмесячник литературы. 1923. № 3. С. 273—335).

[2] *...я назвал бы обоих, и Розанова, и Ремизова — имморалистами...* — Термин имморалист, означающий отрицание обязательности моральных принципов и норм, восходит к названию повести французского прозаика А. Жида «Имморалист» (1902; первый русский перевод под названием «Безнравственный» — Пг.: Мысль, 1923).

5

САША ЧЕРНЫЙ.
ПЕРЕДОНОВЩИНА.

Впервые: Русская газета (Париж). 1924. 6 ноября.

Публикуется по: Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 1 / Сост., преамбулы, примеч. О. А. Коростелева.

Саша Черный (наст. имя и фам. Гликберг Александр Михайлович; 1880—1932), поэт, литературный критик; с 1920 г. в эмиграции.

[1] Имеется в виду трактат Г. Р. Державина «Рассуждение о лирической поэзии, или об оде» (1811—1815).

[2] Речь идет о прозаиках первой половины XX в., произведения которых пользовались большим успехом у публики с непритязательным литературным вкусом: представительницы феминистического направления, писавшие в жанре любовного романа, — Вербицкая Анастасия Алексеевна (урожд. Зяблова; 1861—1928) и Нагродская Евдокия Аполлоновна (урожд. Головачева; 1866—1930); детская писательница Чарская Лидия Алексеевна (наст. фам. Чурилова; 1875—1937) и прозаик Николай Николаевич Брешко-Брешковский (1874—1943). Все эти представители массовой литературы и в России, и в эмиграции становились объектами негативных оценок литературной критики.

[3] Александр Александрович Яблоновский (наст. фам. Снадзский; 1870—1934) — прозаик, журналист, литературный критик, мемуарист; в эмиграции с

1919 г. (Египет—Берлин), жил в Париже с декабря 1920 г.

[4] Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарёв; 1887—1941) — поэт, основатель эгофутуризма (1912), переводчик, творческие выступления которого нередко сопровождались скандальным резонансом.

6

Ю. ИВАСК.

А. М. РЕМИЗОВ. КУКХА. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА. ИЗД-ВО СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК. 1978.

Впервые: Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. № 135. С. 221—222.

Юрий (Георгий) Павлович Иваск (1907—1986) — поэт, критик, литературовед, профессор; участник таллинского «Цеха поэтов»; сотрудник журналов «Современные записки», «Числа», «Новь»; после Второй мировой войны жил в США.

[1] *...как в 1903 г. он основал свой фантастический обезьяний орден...* — Ошибка набора текста; имеется в виду 1908 г.

[2] *...к ордену принадлежит Р. Б. Гуль, Андрей Седых, я...* — В Обезьяньей Великой и Вольной палате Ремизова Р. Б. Гуль был удостоен званий: «Кавалер I-й степени с васильками, полпред берлинский»; «берлинский полпред Обезвелволпал». Подробнее см. раздел «Синклит» в кн.: Обатнина : 2001. Прозаик, публицист, мемуарист Андрей Седых (наст. имя и фам. Цвибак Яков Моисеевич;

1902—1994), в эмиграции с 1919 г. (Константинополь), с 1920 г. жил в Париже, с 1942 — в США; сотрудник «Последних новостей», «Нового русского слова». В Обезьяньей Великой и Вольной палате Ремизова был удостоен звания «Кавалер обезьяньего знака 1 степени с каштановым цветком» (подробнее см. раздел «Синклит» в кн.: Обатнина : 2001). В Обезьяньей Великой и Вольной Палате автор рецензии, Ю. Иваск, был удостоен звания «Кавалер обезьяньего знака 1 степени с пушком одуванчика», о котором он упоминает в своем благодарственном письме к Ремизову от 15 января 1931 г. (Собр. Резниковых).

[3] *... а символисты, напр. Мережковские, титуловали его гением.* — В книге Д. С. Мережковского «Тайна Трех. Египет и Вавилон» (Прага, 1925) о Розанове говорится как «о великом религиозном мыслителе» XX в. См.: *Мережковский Д.* Собр. соч. Тайна трех. М., 1999. С. 37.

[4] См.: Письма А. М. Горького к В. В. Розанову и его пометы на книгах Розанова (Публ. Архива и Музея А. М. Горького) / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. Л. Н. Иокар // Контекст. 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 297—342.

[5] The Apocalypse of Our Time and Other Writings by Vasily Rozanov / Edited with an introd. by Robert Payne; and an afterword by George Ivask; and translated by Robert Payne and Nikita Romanoff. New York, 1977.

[6] *Crone A. L.* Rozanov and the End of Literature: Polyphony and the Dissolution of Genre in *Solitaria* and *Fallen Leaves*. Würzburg, 1978.

[7] См.: Essays in Russian Literature; the Conservative View: Leontiev, Rozanov, Shestov / Selected, edited, translated and with an introd. by Spencer E. Roberts. Athens: Ohio University Press, 1968; Four Faces of Rozanov: Christianity, Sex, Jews, and the Russian Revolution / Translated and with an introd. by Spencer E. Roberts. New York, 1978.

[8] Публикации 1970-х гг. см. в кн.: *Сукач В. Г.* Василий Васильевич Розанов. Биографический очерк. Библиография 1886—2007. М., 2008. С. 167—173.

[9] Цитируется статья Л. С. Флейшмана «Из комментариев к „Кукхе". Конкректор Обезвелволпала», впервые опубликованная в первом томе сборника «Slavica Hierosolymitana» за 1977 (С. 185).

[10] Ю. Иваск является автором монографии «Константин Леонтьев (1831—1891): Жизнь и творчество» (Берн; Франкфурт-на-Майне, 1974), которая содержит библиографию трудов о К. Леонтьеве (до 1972 г.). Избранную библиографию за 1972—1995 гг. см.: Константин Леонтьев: Pro et contra. СПб., 1995. С. 676—681.

ПИСЬМА В. В. РОЗАНОВА (1905—1917)

Письма В. В. Розанова к З. Н. Гиппиус, А. М. Ремизову и С. П. Ремизовой-Довгелло публикуются по оригиналам, находящимся в составе альбома «Розанов», за исключением ремизовской копии письма № 12 от 25 октября 1907 г., оригинал которого не сохранился.

Тексты писем воспроизводятся в соответствии с данной Ремизовым цифровой нумерацией. Ориги-

налы писем по преимуществу не имеют авторских датировок, поэтому в публикации в угловых скобках даны датировки, проставленные рукой Ремизова. В угловых скобках раскрыты также сокращенные слова (за исключением имен в обращениях и подписях). Курсивом обозначаются слова, подчеркнутые в тексте писем; в тех случаях, когда Розанов использует двойное подчеркивание, употребляется жирный шрифт и курсив.

Тексты писем приведены в соответствие с правилами современной орфографии, с сохранением авторских особенностей словоупотреблений и пунктуации.

1

В правом верхнем углу альбомного листа (л. 6), к которому приклеено письмо, имеется пояснительная надпись Ремизова: «З. Н. Гиппиус привезла мне из Константинополя феску, расш⟨итую⟩ шелком и золотом. / В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ обиделся: почему не ему? / 1905 осень».

Письмо написано карандашом на двух листках из блокнота с типографской надписью сверху «*Для памяти*» и начальными тремя цифрами года (четвертая подставлена рукой Розанова).

См.: глава «На блокноте».

2

См.: глава «Колония».

3

См.: глава «Медальон».

4

См.: глава «На блокноте».

5

Письмо написано не позднее 27 апреля; уточнение датировки соответствует содержанию.

См.: глава «Нумизматика».

5а—5в

К письму № 5 прилагается записка на типографской листовке с анкетой для кандидатов в члены Конституционно-демократической партии. На обороте отпечатан адрес секретаря Рождественского комитета К.-д. партии А. П. Федотова (у Ремизова: Федорова. — *Е. О.*), а также приглашение на голосование: «Добро пожаловать! 27-го Апреля 1906 г.». Именно на описании этой записки Ремизов подробно остановился в своем очерке 1939 г., посвященном одному из основателей партии кадетов П. Н. Милюкову. Дословно процитировав как типографский текст бланка листовки, так и текст розановской записки, Ремизов продолжал: «И я представил себе Василия Васильевича, как едет он на извозчике в Соляной Городок опускать свой избирательный бюллетень за Милюкова: проезжая мимо Эртелева переулка, он приподнялся и, подмигнув, показал язык. Вечером в воскресе-

нье за чаем у Розановых гости все „общественные", разговор о Государственной Думе. В. В. ругательски ругал, по-своему: „мальчишка и дурак" — и очень важных и почтенных „членов" и до самых высоких. И я подумал, не зря я получил записку на бланке. — Василий Васильевич, — заметил А. В. Руманов, — что это вы сегодня в „Новом Времени" написали: „встанем у престола..." — Разве я написал?» (см.: *Ремизов А. М.* Встречи (П. Н. Милюков) // Петербургский буерак. С. 375). В Эртелевом переулке, 6 (ныне ул. Чехова) находилась редакция газеты «Новое время», в которой сотрудничал Розанов.

См. главу «На блокноте», где текст записки объединен с надписью на обороте бланка (5а).

6

См.: глава «Дела житейские».

7

Заключительное «!! ПРИЕЗЖАЙТЕ !!» написано синим карандашом сверху текста письма по диагонали.

См.: глава «Дела житейские».

8

См.: глава «Дела житейские».

9

См.: глава «Обезвелволпал».

10

См.: глава «Дела житейские».

11

Записка на визитной карточке В. В. Розанова.
См.: глава «Дела житейские».

12

См.: глава «Сеансы».

13

См.: глава «Опал».

14

Под текстом письма на листе оригинала рукой Ремизова надпись: «Встретил Данилу».
См.: глава «Опал».

15

Письмо датировано по почтовому штампу: «2-12. 08» на конверте, расположенном следом за листами письма, с надписью рукой В. В. Розанова: «Его Высокородию Алексею Михайловичу Ремизову. Здесь Малый Казачий, д. 9».
См.: глава «На блокноте».

16

Окончание письма («Бол⟨ьшой⟩ Казачий, д. 4, кв. 12. Прийти я могу...») дописано в верхней части письма.

См.: глава «Россия».

17

Датируется по оригиналу.

См.: глава «Сеансы». В двух печатных редакциях «Кукхи», а также копии (альбом «Розанов») поставлена неверная датировка: «23 сентября 1909», однако в комментариях Ремизова к этому письму в альбоме «Розанов» дата соответствует оригиналу.

18

См.: глава «Убогие». В контексте книги (как в первой, так и во второй редакциях) окончание письма воспроизведено с купюрой, обозначенной многоточием. Во второй редакции (Берлин, 1923) текст приведен с перестановкой двух строк по ошибке набора.

19

Письмо написано на бланке редакции газеты «Новое время».

Зачеркнутые в письме слова читаются и восстановлены рукой Ремизова над строкой.

См.: глава «Убогие».

20

Письмо на визитной карточке В. В. Розанова с адресом: «Звенигородская, д. 18, кв. 23».

См.: глава «Зеленые березки».

21

Письмо на визитной карточке В. В. Розанова с адресом: «Звенигородская, д. 18, кв. 23».

См.: глава «Язва».

22

На листе оригинала поставлен рукой Ремизова *1910* год, так же как и на его копии, однако в комментариях письмо датировано 1911 годом.

См.: глава «Зеленые березки».

23

Датировка уточнена по письму Клюева к Ремизову от 11 июня 1917 г., где содержится просьба выслать «свидетельство» доктора Карпинского (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 94. Л. 2).

См.: глава «Последнее».

ПИСЬМА РЕМИЗОВЫХ К РОЗАНОВЫМ (1905—1918)

Письма А. М. и С. П. Ремизовых печатаются по автографам, сохранившимся в фонде В. В. Розанова в РГАЛИ (№ 1—7: Ф. 419. Оп. 1. № 724. Л. 201—

214; № 8—9: Ф. 419. Оп. 1. № 593). Тексты писем воспроизводятся в соответствии с авторской орфографией и пунктуацией.

1

[1] Письмо датируется по содержанию.

[2] *Наташа-Бубочка* — домашнее прозвище дочери Ремизовых Наташи (1904—1943), образованное от детского слова, которым она называла отца. Ср. пояснение Ремизова (в квадратных скобках) к собственному письму, адресованному жене 26—27 апреля 1905 г.: «А Бубуничка теперь бай-бай спит. Привыкла ли она к новому месту? И забыла своего папу-бубуку [отсюда и „бубуня"]» (На вечерней заре (3). С. 461).

[3] *...в деревню на лето отвезти.* — С. П. Ремизова с Наташей, которой к этому времени исполнилось 11 месяцев, приехала в Петербург из родового имения в Берестовце (Черниговская губ.) в начале февраля 1905 г., а уже 20 апреля она с ребенком снова вернулась на Украину (см.: На вечерней заре (2). С. 286—287; (3). С. 443—444). Попытки Ремизовых устроиться с маленьким ребенком в Петербурге, не имея постоянной квартиры и располагая очень скромным жалованьем начинающего писателя, служившего тогда заведующим хозяйственной частью при редакции журнала «Вопросы жизни», закончились тем, что уже в начале 1906 г. Наташа была перевезена в Берестовец под опеку близких родственников. Девочка оставалась жить там и после отъезда родителей в эмиграцию. См. о ней: *Резникова Н. В.* Наташа Ремизова // Резникова Н. В. Огненная па-

мять. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 44—59; *Бунич-Ремизов Б. Б.* Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Исследования (1). С. 267—272.

[4] *Приходите когда-нибудь днем к нам.* — О бытовых условиях в 1905 г., в квартире, занимаемой редакцией «Вопросы жизни», Ремизов вспоминал в книге «В розовом блеске»: «При редакции нам две комнаты: в угловой Серафима Павловна с Наташей, а тут я ючусь, и тут обедаем и чай пьем и Наташу купаем, а на кухне в кутке Ганна, берестовецкая девочка нянька, очень скучала по малороссийскому салу, и поет над Наташей „Гули, сиры гули, во червонных, во чоботах..." Сорок рублей жалованья в месяц ⟨...⟩, а прибавки я не дождусь: к новому году все вместе с журналом вылетим в трубу» (В розовом блеске. С. 299).

[5] *...а редко встречаю, кто бы детей любил.* — Ср.: «Как приедешь, давай снимемся вместе, я уж писал тебе и эту карточку Натусеньке. Мережковским не стоит: сий не взглянет, З. Н. Гиппиус отрежет меня, исколет булавками и бросит в камин, в огонь» (На вечерней заре (3). С. 454). О том, как литературная богема реагировала на «редакционное дитя», см.: В розовом блеске. С. 300.

[6] *Был у нас д-р Иогихес.* — Мартин Иосифович Иогихес (1872—?) — врач, специалист по детским болезням; в 1900-е гг. работал в детской больнице принца Ольденбургского; проживал в доме (Саперный пер., 10), в котором располагались редакция журнала «Вопросы жизни» и комнаты Ремизовых.

2

[1] Письмо написано на бланке журнала «Вопросы жизни»; датируется по содержанию.

3

[1] Письмо написано на бланке журнала «Вопросы жизни».

[2] Являясь одним из постоянных авторов «Нового пути», В. В. Розанов опубликовал в разных разделах журнала не только свыше 20 статей, но и вел собственный отдел «В своем углу», также состоявший из его очерков и рецензий (см.: Журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни». 1903—1905 гг.: Указатель содержания / Сост. Е. Б. Латенкова СПб., 1996). Осенью 1904 г. при смене руководства журнала и его названия (на «Вопросы жизни») Розанов перестал входить в число ближайших сотрудников издания.

[3] Возможно, речь идет о почтовой открытке с репродукцией картины немецкого живописца, одного из лидеров символизма в изобразительном искусстве Франца фон Штука (Franz von Stuck; 1863—1928).

[4] *Два Ваших воскресенья пропустили...* — Подразумеваются журфиксы, устраивавшиеся Розановым по воскресеньям.

[5] В. Брюсов пробыл в Петербурге с 18 января до 27 января 1906 г. В этот день Ремизов и Брюсов встретились на «Башне» Вяч. Иванова. См. письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 19 января, а также список гостей, присутствовавших в среду 18 января, составленный Вяч. И. Ивановым: Блок в неизданной переписке и дневниках современ-

ников (1898—1921) // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 235—236; а также: Кузмин. С. 101—102. Встречи Ремизова и Брюсова продолжились в четверг 19 января, а также в субботу 21 января. Ср.: «У Сомова на Екатерингофском с Брюсовым» (Ахру. С. 58). Ср. также письмо Ремизова к Андрею Белому, написанное 22 января: «Вчера разговаривал с В. Я. Брюсовым о „Слоненке"» (цит. по: Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912) / Вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова; публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 195). Подробнее о творческих контактах Ремизова с В. Я. Брюсовым см.: Там же. С. 137—222.

[6] *...у Сологуба рассказ Сологуба читался.* — Речь идет о воскресном собрании литераторов у Федора Сологуба 29 января 1906 г. По всей вероятности, в этот день хозяин дома читал свой новый рассказ «Ёлкич». Автограф рассказа с авторской датировкой «4 января 1906» сохранился в архиве писателя (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 74). Записи Сологуба о литературных вечерах начала 1906 г. не сохранились. Сравнение во многом противоположного стиля общения, принятого на воскресных вечерах в домах Розанова и Сологуба, см.: *Пяст Вл.* Встречи. М., 1997. С. 83—84.

4

[1] Письмо написано на бланке журнала «Вопросы жизни». Несмотря на то, что решение о закрытии «Вопросов жизни» было принято редакцией в ноябре

1905 г., последний номер журнала (№ 12) вышел в марте 1906 г.

[2] *С печатями другое дело: они мне даются.* — Об интересе Ремизова к печатям свидетельствует беловой автограф рассказа 1910 г. «Печати. Резь всяческая», в котором приводится описание различных сургучных и каменных печатей (РНБ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 347).

[3] *Возвращаю Вашу книгу французскую...* — Очевидно, речь идет о регистре восточных монет с их полным описанием, составленном А. К. Марковым, археологом, специалистом по античной нумизматике. Этот труд вошел в седьмой том серии «Научная коллекция Института восточных языков Министерства иностранных дел»: Registre général des monnaies orientales suivi de la description de quelques pièces rares ou inédites du médaillier de l'Institut, par Alexis de Markoff. Saint-Pétersbourg, Eggers, 1891. 48 pp. (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. V. 7). Упоминание о книге Маркова на французском языке, которую автор подарил Розанову во время их первой встречи в Эрмитаже, см.: *Фатеев В.* С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. С. 494.

[4] Подразумевается очерк Розанова «Археология древних миниатюр» (Новое время. Иллюстрированное приложение. 1906. 18 февраля. № 10751; 29 марта. № 10790), в основном посвященный личному опыту писателя в коллекционировании античных монет.

[5] *Посылаю описание казни Шмидта...* — Петр Петрович Шмидт (1867—1906) — военный офицер, возглавивший мятеж на крейсере «Очаков» и других судах Черноморского флота 14 ноября 1905 г.

Приговорен военно-морским трибуналом к смертной казни; вместе с тремя своими подчиненными расстрелян 6 марта 1906 г. на острове Березань. Вероятно, речь идет о кратком описании процедуры расстрела, появившемся в печати на следующий день. В частности, газета «Русское слово» поместила сообщение «„Казнь Шмидта" (По телеграфу от нашего корреспондента)» (1906. № 64. 7 марта. С. 2). Два дня спустя после исполнения приговора газета «Речь» опубликовала очерк под названием «Телеграмма Анны Избаш», содержащий сообщение сестры Шмидта: «Его последние слова были лейтенанту, товарищу по корпусу, который присутствовал при казни. „Миша, — сказал он, — кланяйся сестре. Прикажи целить прямо в грудь". Он снял саван и вообще был совершенно спокоен, чем ободрял товарищей» (1906. № 14. 8 марта. С. 1).

[6] *...расследование дела Спиридоновой.* — Имеется в виду громкое дело лидера партии левых эсеров Марии Александровны Спиридоновой (1884—1941), которая после ареста за убийство жандармского полковника Г. Н. Луженовского подверглась жестоким истязаниям и издевательствам со стороны арестовавших ее офицеров. Общественная реакция на обстоятельства ареста и заключения, связанные с пытками подследственной, вынудили выездную сессию Московского окружного военного суда заменить Спиридоновой смертную казнь через повешение на бессрочную каторгу, которую она отбывала в Нерчинске. Очевидно, в письме речь идет о материалах журналистского расследования В. Е. Владимирова, регулярно публиковавшихся на страницах газеты «Русь» с 7 по 15 марта под общим названием «По

делу Спиридоновой». Републикацию статей Владимирова см. в кн.: *Лавров В. М.* Мария Спиридонова: Террористка и жертва террора. Повествование в документах. М., 1996. С. 19—75.

5

[1] Имеется в виду редакция газеты «Новое время», которая располагалась в Эртелевом пер., 6.

[2] *...не знаю Вашего дачного адреса.* — Розановы проводили лето на даче в Гатчине (ул. Александровская, 23).

[3] *...напишите этому попу Петрову...* — Речь идет о Г. С. Петрове.

[4] Тышка Казимир Людвигович (1875—1902) — товарищ С. П. Ремизовой по ссылке в Сольвычегодске в 1901—1902 гг., покончил жизнь самоубийством. После смерти Тышки у Ремизовых хранилась его рукописная тетрадь со стихотворениями в прозе. Ср.: «В Сольвычегодске: Казимир Людвигович Тышка (похоронен в Сольвычегодске); о нем особенная память: человек тончайшей души и одаренный; моя мечта: то немногое, что осталось, — „рассказы" — издать отдельной книгой с портретом: какое прекрасное лицо!» (Подстриженными глазами. С. 482). Этот замысел не осуществился, однако в 1903 г. Ремизов опубликовал серию стихотворений Тышки в газете «Юг». Подробнее об этом см.: Письма Щеголеву (2). С. 158. В романе Ремизова «В розовом блеске» (гл. «Непоправимое») Тышка выведен под фамилией Заруцкий; здесь же дана краткая характеристика его лирической прозы. Подробнее см.: В розовом блеске. С. 291—297.

6

[1] *...просим разрешить придти к Вам ... прямо из театра.* — Премьера пьесы Ремизова «Бесовское действо над некиим мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть прение Живота со Смертью», основанной на апокрифических сказаниях, состоялась 4 декабря 1907 г. в театре В. Ф. Коммиссаржевской (режиссура Ф. Ф. Коммиссаржевского, при участии А. П. Зонова; декорации М. В. Добужинского; музыка М. А. Кузмина). Первый спектакль прошел «под неистовый свист публики» (*Ремизов А.* Бесовское действо. Представление в трех действиях с прологом и эпилогом. Пб., 1919. С. 42). О постановке пьесы см.: Петербургский буерак. С. 251—253; а также: *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987. С. 229—232.

7

[1] Письмо датируется в соответствии с расположением в составе конволюта с письмами.

[2] *Поздравляю Вас с ангелом и новым годом...* — Именины Розанова по православному календарю приходились на день памяти святого Василия Великого — 1 января по старому стилю.

[3] Помета рукой В. В. Розанова.

8

[1] Ассоциативная связь с историей русского междуцарствия (Смутное время) возникает в целом ряде писем Ремизова 1917 г. Аналогичная помета встречается, в частности, в письме Ремизова к И. А. Ряза-

новскому от 24 марта (РНБ. Ф. 6334. Ед. хр. 33) и в письме к В. С. Миролюбову от 12 октября (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 998). Ср. также запись в дневнике Ремизова в день написания письма Розанову: «Смута все время была. Вечер⟨ом⟩ заходили Клюев и Сокол⟨ов⟩» (Взвихрённая Русь. С. 434).

[2] Поэт Николай Алексеевич Клюев (1884—1937) познакомился с Ремизовым в конце 1912—начале 1913 г. Краткий экскурс в историю их отношений см. в кн.: Николай Клюев. Письма к Александру Блоку. 1907—1915 / Публ., вводная статья и коммент. К. М. Азадовского. М., 2003. С. 285—286.

[3] Александр Иванович Карпинский (1872—1920) — врач-психиатр, в конце 1910-х гг. работал в Петербургском Психоневрологическом институте. В. Д. Розанова проходила у Карпинского курс лечения. Ср.: «„Проверим лечением", — сказал Карпинский. И едва было начато специфическое лечение, *как по всем частям* началось улучшение» (Листва. С. 159).

[4] *...а Клюеву нужда освидетельствоваться.* — Речь идет о призыве на воинскую службу весной 1917 г., угрожавшем Клюеву. Очевидно, после ходатайств Розанова, Карпинский согласился освидетельствовать непригодность Клюева к воинской службе. С этим связана телеграмма Клюева, вскоре направленная Ремизову: «Карпинскому ждат (так! — *Е. О.*) меня Петрограде От Клюева» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 94. Л. 3). 11 июня 1917 г. Клюев в письме из Олонецкой губернии взывал о помощи Ремизова, используя элементы шрифта русской

скорописи XVI в.: «Алексей Михайлович Б-га ради Высылайте немедля свидетельство Карпинского Бεрγтъ. Н. Клюεвъ (так! — *Е. О.*)» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 94. Л. 2).

9

[1] *Крупозное воспаление легких было у меня.* — Крупозное воспаление легких вспыхнуло у Ремизова 23 сентября 1917 г. Острая форма болезни сохранялась до 4 октября 1917 г. Краткую хронику этого драматического противостояния смерти (включая дневник температурных значений) см. в дневнике писателя: Взвихрённая Русь. С. 481—482.

[2] *В день кризиса пришел Философов.* — Визит Д. В. Философова (вероятно, 30 сентября 1917 г.) отразился в тексте поэмы Ремизова «Огневица», в основу которой положено описание горячечного бреда, пережитого во время болезни. Как следует из текста поэмы, именно Философов сообщил Ремизову о переезде Розанова на постоянное место жительства из Петрограда в Сергиев Посад. См.: Там же. С. 165, 481.

[3] *И все вспомнил, как соседями жили на белом свете...* — Ср. текст «Огневицы»: «И вспоминаю Розанова, Егоровские бани в Казачьем, соседи мы были» (Там же. С. 165).

[4] *Посылаю Вам два слова моих...* — По всей вероятности, речь идет о «Слове к матери-земли» (Воля страны. 1918. № 16. 3 (16) февраля; литературное приложение «Россия в слове») и «Заповедном слове русскому народу» (Вечерний час. 1918. № 37. 19 февраля. (6 марта)).

[5] *...книгу о русских женщинах.* — Подразумевается книга «Русские женщины. Народные образы», о выходе которой из печати в петроградском издательстве «Скифы» сообщала газета «Дело народа» (1918. № 25. 21 (8) апреля С. 4).

[6] *Пришлите Апокалипсис и надпись положите в воспоминание.* — «Апокалипсис нашего времени» В. В. Розанова выходил отдельными выпусками (№ 1—10, с единой пагинацией) в Сергиевом Посаде с ноября 1917 по октябрь 1918 г. Получение Ремизовым книг Розанова (не ранее июня 1918 г.) зафиксировано в автобиографическом романе «Взвихрённая Русь»: «От Троице-Сергия получили мы от Розанова Апокалипсис — несколько книжечек с надписью...» (Взвихрённая Русь. С. 75).

«ВОИСТИНУ»

Впервые: Версты (Париж). 1926. № 1. С. 82—86.

Вторая редакция — в составе книги «Петербургский буерак». См.: Петербургский буерак. С. 311—316.

Печатается по тексту первой печатной редакции.

С. 196. *В молодости я все некрологи писал...* — Речь идет о шуточных «некрологах», которые молодой политический ссыльный Ремизов сочинял своим товарищам в Вологде по истечении их срока пребывания под надзором полиции. Жанр шуточного некролога восходил к дружеской традиции, установившейся в литературном кружке «арзамасцев» в начале

XIX столетия. Подробнее см.: Обатнина: 2001. С. 13—30. О революционной юности и вологодской ссылке Ремизова см. также: Подстриженными глазами. С. 474—498.

...Савинков — — Никогда! — В данном случае аффектация объясняется трагической гибелью Бориса Викторовича Савинкова в здании ВЧК на Лубянке 7 мая 1925 г. Очерк Ремизова, посвященный памяти Савинкова, см.: Подстриженными глазами. С. 498—506 (Впервые: Последние новости. 1932. № 4008. 13 марта).

...Пришвин помянул своего приятеля-земляка... — Подразумевается А. М. Коноплянцев.

С. 197. *...«припаду к лапоточкам берестяным ... о судьбе жениха»...* — Строки из поэмы С. А. Есенина «Русь» (1914). Авторская копия текста поэмы, переписанная для С. П. Ремизовой-Довгелло 18 апреля 1915 г., сохранилась в составе альбома Ремизова «Корова верхом на лошади. Цветник II» (РНБ. Ф. 634. № 18. Л. 26—27).

...когда-нибудь соберу книгу — «Мое поминанье»... — замысел остался неосуществленным.

С. 198. *Юбилей Л. Шестова...* — Шестову исполнилось шестьдесят лет 13 февраля 1926 г. Юбилей Шестова Ремизов также отметил специальной статьей «Лев Шестов», опубликованной в июньской книге пражского журнала «Своими путями» (1926. № 12/13).

...Вышеславцев, Эфрон, Ильин, Познер, Лазарев ... Сувчинский, кн. Д. С. Мирский, Федотов ... Мочульский (Степун не приехал!)... — Круг философов, богословов, литературных критиков, публицистов, обосновавшихся в середине 1920-х гг. в Па-

риже и других столичных городах Европы: Борис Петрович Вышеславцев (1877—1954), Сергей Яковлевич Эфрон (1891—1941?), Иван Александрович Ильин (1883—1954), преподавал в Берлине; Соломон Владимирович Познер (1876—1946), Лазарев Адольф Маркович (1873—1944), Петр Петрович Сувчинский (1892—1985), князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (псевд. Д. С. Мирский; 1890—1939), Георгий Петрович Федотов (1886—1951), Константин Васильевич Мочульский (1892—1948), Федор Августович Степун (1884—1965), преподавал в Дрездене.

...читал ... «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»... — Имеется в виду текст ремизовского списка «Жития» Аввакума, который был опубликован в журнале «Версты» (1926. № 1. Разд. II. С. 1—73).

...сосед П. П. Муратов... — Павел Павлович Муратов (1881—1950), прозаик, искусствовед, переводчик; с 1923 по 1927 г. жил в Риме.

...спели орфические гимны... — Аллюзия на исследования Вяч. Ивановым орфизма — древнегреческого религиозного движения, возникшего в VI в. до н. э. вокруг культа Диониса. В частности, в статье Иванова «О Дионисе Орфическом» (Русская мысль. 1913. Кн. 11. Ноябрь. С. 70—98) были опубликованы фрагменты орфических гимнов в переводе Иванова.

...Вячеслав Иванович Иванов ... достойный ученик своего великого учителя Моммзена! — В 1886—1890 гг. Вяч. Иванов занимался в Берлинском университете изучением античной истории под руководством историка, филолога и юриста, автора

многотомного труда «История Рима» Теодора Моммзена (1817—1903).

С. 199. *Аввакум* (Аввакум Петрович Петров; 1621—1681)... — Точные даты жизни Аввакума: 25 ноября 1620—14 апреля 1682. См.: *Малышев В. И.* Летопись жизни протопопа Аввакума // В. И. Малышев. Избранное. Статьи о протопопе Аввакуме. СПб., 2010.

...когда Паскаль свои «Pensées» сочинял... — Речь идет о сочинении французского математика, физика, писателя и философа Блеза Паскаля (1623—1662) «Апология христианской религии», напечатанном после его смерти под названием «Мысли» («Pensées». 1669).

«Не им было, а бысть же было иным!» — Смысл слов протопопа Аввакума о своих преследователях и мучителях, очевидно, переносится здесь на события 1917 г. (буквально: если бы не они это сделали, то сделали бы другие). Ср..: «Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол, — что на них и пенять! Не им было, а быть же было иным; писанное время пришло по Евангелию: нужда соблазнам приити. А другой глаголет евангелист: невозможно соблазнам не приитти, но горе тому, им же приходит соблазн. Виждь, слышателю: необходимая наша беда, невозможно миновать!» (Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное / Список А. М. Ремизова // Версты. 1926. № 1. Разд. II. С. 38).

...«русский природный язык»... — Ср. вступление к «Житию»: «По благословению отца моего, старца Епифания, писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще речено просто, и вы, Госпо-

да, ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хощет» (Там же. С. 18).

...в противоположность высокой книжно-письменной речи «книжников и фарисеев»... — «Книжники» — догматические толкователи ветхозаветных законов; «фарисеи» — члены древнеиудейской религиозной секты, отличавшиеся крайним фанатизмом и особым рвением в исполнении обрядов, соблюдении правил внешнего благочестия.

...ваше «розановское» зовется и поныне в академических кругах «юродством». — Впервые подобная оценка розановского литературного стиля встречается в статье философа, ректора Московского университета С. Н. Трубецкого «Чувствительный и хладнокровный» (Русская мысль. 1896. № 9. Отд. II. С. 135—133; подписана: Т.). Откликаясь на ряд статей, освещавших Ходынскую катастрофу, Трубецкой писал: «Г-ну Розанову, несомненно, принадлежит крупная заслуга. Он сказал „новое слово" в нашей литературе: он ввел символизм в публицистику. В публицистике он сделал то же, что символисты в поэзии, заменяя мысль и рассуждения гаммами чувств, которые выражаются в странных, новоизобретенных звуках, в бессвязных, иногда совершенно немыслимых сочетаниях слов и образов. ⟨...⟩ При этом г. Розанов стремится придать своему символизму национальный характер, подражая выкликаниям юродивых и причитаниям прежних воплениц, в которых он, по-видимому, усматривает образцы истинно-русской публицистики в отличие от публицистики

Запада, сгнившего в своем „рационализме"» (цит. по: Pro et Contra. Кн. 1. С. 297—298). «Юродство» применительно к Розанову приобрело особо негативный смысл в статье Иванова-Разумника «Юродивый русской литературы» (*Иванов-Разумник Р. В.* Т. 2. Творчество и критика. СПб., [1911]. С. 180—211).

...Иван Осипов (Ванька Каин)... — Вор, разбойник, сыщик (род. в 1718) известен по сочинениям, написанным в форме автобиографий и авантюрных жизнеописаний «О Ваньке-Каине, славном воре и мошеннике, краткая повесть» (СПб., 1775); «История Ваньки-Каина со всеми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою» (СПб., 1815 и 1830); «Обстоятельная и верная история двух мошенников: первого российского славного вора... Ваньки-Каина» (СПб., 1779); «Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каином... Писана им самим при Балтийском порте, в 1764 г.» (СПб., 1785).

С. 200. *...Аввакум щеголял Дионисием Ареопагитом...* — Во вступлении к «Житию» протопоп Аввакум упоминает Дионисия Ареопагита (I в.), ученика апостола Павла, первого афинского епископа, который в истории святоотеческой письменности до Нового времени считался автором корпуса сочинений (четырех трактатов и 10 посланий), объединенных под названием «Ареопагитики».

...мифическим римским папою Фармосом латинского летописца... — Имеется в виду Римский папа Формоз (891—896), с именем которого в православном богословии связывают возникновение еретических идей Римско-католической церкви; после смерти он был обвинен в узурпации римского престола, впоследствии реабилитирован. Упоминается в

«Первой челобитной» Аввакума царю Алексею Михайловичу (1664), а также в памятнике древнерусской литературы XV—XVI вв. «Повесть о новгородском белом клобуке. Послание Дмитрия Грека Толмача новгородскому архиепископу Геннадию», особенно популярном в старообрядческой среде.

С. 201. *Теперь начали это изучать, докапываться в России...* — См.: Памятники первых лет русского старообрядчества / Под ред. Я. Л. Барскова. СПб., 1912. С. 163—228; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. Имп. Археографической комиссии / Под ред. В. Г. Дружинина. Пг., 1916.

...Федотов, ученый человек, Вашими книгами занимается... — Первый печатный отзыв Г. П. Федотова о творчестве Розанова, связанный с выходом в парижском издательстве «Россика» книги «Опавшие листья», см.: Числа. 1930. Кн. 1. С. 222—224.

...опять же Сувчинский, глава евразийцев... — В 1926 г. П. П. Сувчинский работал над вступительной статьей к публикации «Апокалипсиса нашего времени» В. Розанова, состоявшейся в 1927 г. во втором номере евразийского журнала «Версты» (С. 289—293). Инициатива включить произведения Розанова в редакционный портфель нового журнала «Версты» (одно из первоначальных названий — «Орда») во многом принадлежала Ремизову как активному члену редколлегии. В частности, он настойчиво рекомендовал Сувчинскому в письме от 12 февраля 1926 г.: «...с первой же книги „Орды" начать регистрировать с краткой характеристикой *книги Розанова*, находящиеся в Париже. 〈...〉 № 1 должен заключать о Розанове / хотя бы начало регистрации»

(Письма А. М. Ремизова П. П. Сувчинскому. Национальная библиотека Франции).

...а в этой самой Англии кн. Д. Святополк-Мирский... — Речь идет о переводе «Жития протопопа Аввакума» на английский язык с вступительной статьей критика, историка литературы, лектора Лондонского университета кн. Д. П. Святополк-Мирского «The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky» (London, 1924). Перевод был подготовлен кембриджским филологом-классиком Дж. Харрисон совместно с писательницей X. Миррлиз. Книга предварялась посвящением чете Ремизовых, с которыми Харрисон тесно общалась в 1924 г. в Париже, в знак благодарности за помощь при подготовке перевода. См. также: Неизвестные письма Д. П. Святополк-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. статья, публ. и коммент. А. Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. СПб., 2001. С. 354—355. В 1926 г. Мирский работал над книгой «История русской литературы «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky» (London, 1927), в которую включил фрагменты своего вступления к английскому переводу «Жития» (P. 40—42). См. также русский перевод главы, посвященной Розанову: Pro et Contra. Кн. II. С. 348— 351 (перевод В. А. Фатеева).

...да, да, сын Петра Дмитриевича, еще «весной»-то прозвали... — Имеется в виду князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857—1914), генерал, назначенный на пост министра внутренних дел в июле 1904 г. Начало его деятельности ознаменова-

лось подготовкой целого ряда либеральных реформ, поэтому в политической истории России осень 1904 г. получила парадоксальное название «политическая весна», или «весна Святополк-Мирского». В этот период были созданы предпосылки для утверждения императорского указа (опубликован 12 декабря 1904 г.), который предусматривал существенную либерализацию государственной власти, распространение религиозной терпимости и свободы слова, реформу законов о печати, пересмотр трудового законодательства.

...благодаря ему нам разрешение вышло в Петербург до срока переехать... — В 1905 г. после ходатайств Г. И. Чулкова по приказу П. Д. Святополк-Мирского с Ремизова и его жены был снят запрет на проживание в столичных городах (Санкт-Петербург, Москва), действовавший со дня окончания их ссылки в течение пяти лет.

...переиздали «Легенду о Великом инквизиторе»... — Экземпляр книги Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария» сохранился в парижском архиве писателя с памятной надписью на титульном листе рукой Ремизова: «15 марта 1924 / Paris / В день поновления, так в старину называли / в первый, „как лето" весенний день / Шел в Родник (да родник необыкновенный / на верхотуре и скорее подходило / бы «Фонтан») / думал о Розанове / — Что есть Бессмертное в человеке? — / Бессмертное в / человеке любовь. 〈Подпись-монограмма〉» (Собр. Резниковых).

А мне попалось тут единственное, что по-французски переведено ... От Ваших переводчи-

ков получил. — Речь идет о переводе книги Розанова «Русская церковь: Дух. — Судьба. — Очарование и ничтожество. — Главный вопрос» (СПб., 1909). Переводчица книги Л. Сен-Жан была обладательницей редких в Париже русских книг философа. Ср. письмо Ремизова к П. П. Сувчинскому от 12 февраля 1926 г.: «Я знаю у Madame Saint-Jean (5 Rue Eaux / Paris XVIe) / переводившей Розанова (единственная его книга по-франц⟨ски⟩ «Русская церковь») есть и „Темный лик" и „Итальянск⟨ие⟩ впечатл⟨ения⟩" / и „В мире неясного". Ее перевод я достану» (Письма А. М. Ремизова П. П. Сувчинскому. Национальная библиотека Франции).

С. 202. *...«борьба на духовном фронте»...* — Обиходная формула советской антирелигиозной пропаганды.

...и попали Вы в эту категорию «мистическую», ну Вас и изъяли... — Подразумевается статья Л. Троцкого «*Мистицизм* и канонизация Розанова», напечатанная 21 сентября 1922 г. в газете «Петроградская правда», публикация которой положила запрет советской цензуры на издание произведений философа. В статье, направленной против апологетов «культа Розанова», был назван и Ремизов как один из «бывших правых и бывших левых». См.: *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1991. С. 49.

...не без «обновления жизни» ... человек «действующий элемент»... — Идеологемы, характерные для советской публицистики 1920-х гг.

...в Clamart'е около Бердяева... — Clamart — предместье Парижа, где с лета 1924 г. поселился с женой Н. А. Бердяев.

...или где на Convention (Paris, XVe). — Подразумевается название станции метро в 15-м округе Парижа.

Насонову-то помните ... она за профессором Сеземаном... — Нина Николаевна Насонова (1894—1941); Василий Эмильевич Сеземан (Sezemanas) (1884—1963), философ, с 1922 г. — в эмиграции. Н. Н. Насонова развелась с В. Э. Сеземаном в 1922 г.

...старший Алеша... — Алексей Васильевич Сеземан (1916—1989).

...а другой Митька... — Дмитрий Васильевич Сеземан (р. 1922) — переводчик, литератор; вернулся с матерью и отчимом в 1937 г. в СССР, в 1942 г. был репрессирован, освободился в 1945-м. Жил в Москве; в 1976 г. эмигрировал во Францию, где преподавал в университете г. Нантер. Подробнее см.: *Сеземан Д. В.* Париж — ГУЛАГ — Париж // Петербургский журнал. 1993. № 1/2. Кн. 1. С. 119—182.

С. П. — Серафима Павловна Ремизова-Довгелло.

С. 203. *Когда-то Вы писали, что «заработал на полемике с каким-то дураком 300 рублей»...* — Имеются в виду гонорары Розанова за печатные выступления на страницах газеты «Новое время» (1910. 25, 28 ноября, 9 декабря) в ответ на статью П. Б. Струве «В. В. Розанов — большой писатель с органическим пороком» (Русская мысль. 1910. № 11). Об этом сюжете в своей публицистической карьере Розанов высказался в книге «Уединенное»: «На полемике с дураком П. С. я все-таки заработал около 300 р.» (Листва. С. 35).

...в Москве у Гужона... — Имеется в виду металлический завод, основанный обрусевшим французом Юлием Петровичем Гужоном; после 1922 г. — завод «Серп и молот».

РОЗАНОВ

Впервые: Последние новости (Париж). 1932. № 3987. 21 февраля. С. 2—3; вместе с другими очерками («Стихи», «Пушкинская речь Достоевского») в составе публикации под общим названием «Чупыжник».

Текст печатается по беловому автографу, хранящемуся в фонде Н. В. Зарецкого (Прага), в соответствии с современным правописанием и с сохранением авторской пунктуации. Рукопись представляет собой раннюю редакцию текста, впоследствии вошедшего в книгу «Петербургский буерак» под самостоятельным названием «Выхожу один я на дорогу (Розанов)». См.: Петербургский буерак. С. 316—320.

С. 205. *...разве что для «Опыта».* — Вероятно, в данном случае подразумевается «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» Розанова (1894), которая имела подзаголовок «Опыт критического комментария».

...«в утробе матери скопцом зарожден!»... — Ср.: «Интересна половая загадка Гоголя. 〈...〉 Он бесспорно „не знал женщины", т. е. у него не было физиологического аппетита к ней» (*Розанов В.* Опавшие листья. Короб второй и последний // Листва. С. 253).

...«русалка, утопленница... Ничего!!!» — Неточная цитата. См.: *Розанов В.* Опавшие листья. (Короб первый) // Там же. С. 106.

...написал — дело своей жизни — «Семейный вопрос»... — См.: *Розанов В. В.* Семейный вопрос в России. В 2 т. СПб., 1903.

С. 206. *...не «ненавистный темный лик Голгофы, опечаливший землю», а Светло-Христово Воскресение...* — Ср.: «...в Спасителе нужно поклониться не чертам Голгофы, не печали гроба, но чертам Вифлеема, восторгу „Боговоплощения"» (В мире неясного и нерешенного. С. 74).

С. 207. *Вера и закон Розанова — Вий, Пузырь, Тарантул в их надземном цветении ... Валахтантарарахтарандаруфа!* — Подробнее о ремизовской интерпретации философского кредо Розанова см.: Обатнина : 2001. С. 187—193.

С. 208. *После «Норы»...* — Название русского перевода пьесы норвежского драматурга Г. Ибсена «Кукольный дом» (1879).

А Розанов смел говорить «я есмь»... — Ср.: «Я никогда не сочинял. Суть моя „Я есмь я" — вот моя литература» (Мимолетное. С. 288).

...«...если уже раз мне дали сознать, что „я есмь" ... за что меня после этого будет судить?» — Слова Ипполита Терентьева, одного из героев романа Достоевского «Идиот». См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 8. Л., 1973. С. 344. Ср. также: «Дмитрию (Карамазову. — *Е. О.*) суждено возродиться к жизни; через страдание он очистится; он, уже только готовясь принять его, ощутил в себе „нового человека" ⟨...⟩ Вместе с очищением в нем пробуждается сила жизни: „В тыся-

че мук — *я есмь*, в корче мучусь — но *есмь*", — говорит он накануне суда, который, он чувствовал, окончится для него обвинением. В этой жажде бытия и в неутолимой же жажде стать достойным его хотя бы через страдания опять угадана Достоевским глубочайшая черта истории, самая существенная, быть может центральная» (Легенда о Великом инквизиторе. С. 42—43).

...кого же и вспомнить, когда гремит весна... — Ср., например, с высказыванием Розанова о Мопассане в статье «Один из певцов „вечной весны"» (1909): «„Божественный" характер любви и весенних сил природы открывается только из их связи с последующим» (О писательстве и писателях. С. 362).

С. 209. *Выхожу один я на дорогу...* — Ср. слова Розанова из статьи «„Демон" Лермонтова и его древние родичи» (1902): «...звезды в самом деле романтичны, а любовники все и до сих пор великие звездочеты, звездо-мыслители и звездо-чувственники. Пусть кто-нибудь объяснит, отчего влюбленные пристращаются к звездам, любят смотреть на них и начинают иногда слагать им песни, торжественные, серьезные: Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит, — как написал наш романтический поэт, которому мерцала любовь и в дубовом листке, и в утесе, мерцала при жизни и за гробом» (Там же. С. 99).

СКВОЗЬ ОГОНЬ СКОРБЕЙ. ОЛЯ

Фрагмент главы из романа «В розовом блеске» (Нью-Йорк, 1952).

С. 211. *В. В. Розанов, О К. Н. Леонтьеве — 1831—1892. Новое Время, 23 февраля 1917 г.* — Точные выходные данные цитируемой статьи В. В. Розанова «О Конст. Леонтьеве»: Новое время. 1917. 22 февраля. № 14715. С. 5.

...вельтмановскую Саломею... — Речь идет о Саломее Петровне Брониной, главной героине романа А. Ф. Вельтмана (1800—1870) «Саломея» (1846—1848; отд. изд. 1849), который составил первую часть эпопеи «Приключения, почерпнутые из моря житейского».

...тургеневских и толстовских зверовидных... — Ср. очерк «Тургенев — сновидец» (1933): «Зверовидные женщины Тургенева — Одинцова, Ирина Полозова, Лаврецкая — эта цепь такой цепкой бессмертной жизни, замыкающаяся Еленой Безуховой в „Войне и мире" Толстого, Глафирой Бодростиной в „На ножах" и Екатериной Петровной Крапчик в „Масонах" Писемского, Саломеей Петровной Бодростиной в „Приключениях из моря житейского" Вельтмана — сестры вокруг „Древа Жизни"» (Ахру. С. 265).

...кобылиц Достоевского с Аглаей и Грушенькой... — Ср. интерпретацию женских образов романа «Идиот» в очерке «Звезда-Полынь» (1950): «Три сестры Епанчины — три кобылицы. Старшая Александра музыкантша, бренчит на фортепьянах, пускает рулады, ест и спит, и во сне снятся ей куры

⟨...⟩ Средняя Аделаида — рисует травку и деревья, „ландшафты" и никогда ничего не может кончить. И младшая Аглая — с норовом: „девка самовластная, сумасшедшая, избалованная — полюбит, так непременно бранить вслух будет и в глаза издеваться". На нее нужна плеть. Рогожин избил до синяков Настасью Филипповну — обознался, мерил своей меркой, а вот бы кого хватить!» (Ахру. С. 342).

...все они с «угольком». — Ср.: «Одни родятся для земли, другие для неба: у одних белый огонь, у других разожженный уголек в крови. Настасья Филипповна — для неба, не земная, серебряная» (Ахру. С. 342—343).

...«Как ни приятно любоваться ... устанешь и любоваться». — Цитата из путевых очерков И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада"» (*Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. СПб., 1997; гл. 5: «От мыса Доброй Надежды до острова Явы»).

...читал на все «гласы»... — Ироническое сравнение собственного выразительного чтения с «осмогласием» церковного пения, где каждый из гласов (ладов, мелодий) в соответствии с древними догматиками, составленными теоретиками средневековой Греко-римской церкви, содержит собственную мелодическую философию и музыкальный колорит и является образцом для определенных типов песнопений.

С. 212. *Я родился с «подстриженными глазами»...* — О происхождении этой метафоры см. в одноименной автобиографической книге: Подстриженными глазами. С. 30—63.

...а по Достоевскому еще и чаю попить... — Подразумеваются слова героя повести «Записки из подполья»: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Л., 1973. С. 173).

С. 213. *...людей «лунного света»...* — Указание на книгу Розанова «Люди лунного света. Метафизика христианства», в которой философ связывает различные формы «скопчества» с общехристианской идеей аскетического ограничения сексуальности.

...и с ними Олю? — Имеется в виду героиня романа Ремизова «В розовом блеске» (в ранней редакции опубликованной под заглавием «Оля»), работа над которым началась в 1910-х гг.

...в ваше цветное Телемское аббатство? — Отсылка к утопическому идеалу жизнеустройства, описанному в первой книге романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1534). Уклад жизни этого аббатства в отличие от обычных монастырских уставов основывался на единственном принципе «делай что хочешь» (от θέλημα (греч.) — желание) и был подчинен идее создания царства радости, молодости, красоты, изобилия, гуманистической образованности и свободы.

О ПОНИМАНИИ

Очерк написан в конце 1954—начале 1955 г. В собрании Резниковых сохранились автограф писателя, а также чистовая рукопись рукой неустановленного лица, представляющая собой расшифровку авто-

графа, созданного почти ослепшим писателем. Оба текста имеют датировки: «24. 10», «31. 10», «6. 11. 1955».

Впервые текст очерка без комментариев воспроизведен в составе публикации: Алексей Ремизов. Новые материалы / Вступ. заметка и публ. А. Грачевой // Исследования (1). С. 224—230. Печатается по этому изданию.

С. 214. ...*книгу «О понимании», Изд. 1886, стр. 737, IV.* — Полное название книги В. В. Розанова «О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». Книга вышла в свет в июне 1886 г.; издание было осуществлено за счет автора.

...*тогда еще не автор «Грибоедовской Москвы»...* — Книга, по замыслу Гершензона, представлявшая собой «опыт исторической иллюстрации к комедии „Горе от ума"», впервые была опубликована в «Издательстве братьев Сабашниковых» в 1914 г.; впоследствии неоднократно переиздавалась.

...*Михаил Гордеевич Сивачев, 1873 г. ...* — М. Г. Сивачев (1877—1937) — писатель-самоучка.

С. 214—215. ...*«Записки бедного Макара»: обиженный автор ... прописать мне по морде «на добрую память».* — Речь идет об автобиографическом романе «„Прокрустово ложе" (Записки литературного Макара)», опубликованном в собрании соинений Сивачева (Т. 1. М.: Современный мир, 1911); первая редакция романа вышла годом ранее под названием «На суд читателя. Записки литературного Макара» (М., 1910. Вып. 1—2). Уже тогда роман получил скандальный резонанс, поскольку здесь в су-

губо субъективной форме, пронизанной ожесточением и глубоким скепсисом, были представлены реальные лица литературного мира провинции, Москвы и Петербурга с полным раскрытием имен. Рассказ о Ремизове появился только во втором, переработанном издании романа (в рамках собрания сочинений), где все фамилии и имена были уже сняты или заменены начальными буквами реальных фамилий. Сивачев описал две встречи с Ремизовым в Пензе (1896) и в Петербурге, в редакции прекратившего свое существование журнала «Новый путь» (1905). Как раз тогда возник журнал «Вопросы жизни», и Ремизов был принят в редакцию на должность секретаря и заведующего хозяйственной частью. Личность Ремизова Сивачев охарактеризовал самым нелицеприятным образом. На страницах мемуарных записок писатель представлен как циничный провокатор в среде революционно настроенной молодежи Пензы и как карьерист, устраивающий судьбу в столичной литературной среде. Сивачев в своем обличительном порыве, в частности, не преминул напомнить и о скандальных историях, связанных с литературной карьерой своего давнего знакомого: «Таким все легко дается, ибо они на все легко смотрят. Теперь он уж писатель с именем: кривляющийся, ломающийся, пишущий по сезону: в моде проблемы пола — он пишет „о скотоложцах". Писатель с именем, не стесняющийся списывать у других и выдавать за свое» (*Сивачев М. Г.* Собр. соч. Т. 1. М., 1911. С. 153—154).

С. 215. *...книг Мережковского «Петр и Алексей», изд. Пирожкова.* — Имеется в виду заключительная часть трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист», несколько раз переиздававшейся

петербургским издательством М. В. Пирожкова под названием «Антихрист. Петр и Алексей». Первое издание вышло в свет в 1905 г. под общим титулом «Трилогия Христос и Антихрист. III. Петр и Алексей».

С. 216. *...автор статьи «Мистический пантеизм Розанова»...* — Упоминаемая статья А. С. Глинки-Волжского публиковалась частями. См.: Новый путь. 1904. № 12; Вопросы жизни. 1905. № 1—3.

...корабль Щетинина, корабль Легкобытова. — В терминологии хлыстов «кораблем» называлась община, братство секты. В 1900-е гг. сектанты Павел Михайлович Легкобытов (1863—1937), духовный лидер хлыстов «Новый Израиль» в 1900-е гг., и Алексей Григорьевич Щетинин, так называемый «христос» секты, оказались в поле повышенного внимания модернистского круга писателей. Многочисленные упоминания о них см.: *Пришвин М. М.* Ранний дневник 1905—1913 / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной. СПб., 2007 (по именному указателю).

...помяну А. М. Коноплянцева, автор биографии Константина Леонтьева... — См.: *Коноплянцев А. М.* Жизнь К. Н. Леонтьева, в связи с развитием его мировоззрения. СПб.: [Сириус, 1911].

Владимир Николаевич Княжнин (Ивойлов) — В. Н. Княжнин (наст. фам. Ивойлов; 1883—1942) — поэт, критик, литературовед.

...с А. А. Блоком редактировал письма Аполлона Григорьева. — Ошибка, очевидно, возникшая на основании общего для Блока и В. Н. Княжнина интереса к творчеству А. А. Григорьева и параллельной

работы над изданиями, ему посвященными. Однако их совместной работы над литературным наследием Григорьева не произошло. В 1916 г. Блок подготовил издание «Стихотворений Аполлона Григорьева». Под редакцией Княжнина вышла книга «Аполлон Александрович Григорьев: Материалы для биографии» с публикацией писем Григорьева (Пг., 1917). Подробнее об отношениях Блока и Княжнина см.: *Грякалова Н. Ю.* В. Н. Княжнин (Ивойлов) — историограф символистского движения // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 338—340.

...автор рассказа «Семушка»... — Факт публикации рассказа В. Н. Княжнина не установлен.

...припечатал меня: «куриной душой» (Письмо А. А. Блока 9 ноября 1912 г. к В. Н. Княжнину). — См. Письма Александра Блока со вступительными статьями и примечаниями С. М. Соловьева, Г. И. Чулкова, А. Д. Скалдина и В. Н. Княжнина. Л., 1925. С. 198. Речь идет о письме А. Блока, в котором он возвращается к разговору с Княжниным, произошедшем накануне вечером (8 ноября 1912 г.). Письмо начинается словами: «Я все думаю о том, что мы вчера говорили с Вами, меня сильно тревожат Ваши слова, из которых составился целый „букет", и хочется „отругнуться" в ответ Вам, чего я не успел сделать вчера». В данной публикации фамилия Ремизова сокращена до начальной буквы — Р.

Дмитрий Наумович Фридберг, его стихи... — Стихи Дмитрия Наумовича Фридберга (1883—1961) печатались в журнале «Новый путь» за 1904 г. (№ 3 и 7), а также в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 6).

Владимир Алексеевич Пяст (Пястовский) († 1940 Москва)... — В. А. Пяст (наст. фам. Пестовский; 1886—1940). Первая книга его стихов «Ограда» вышла в свет в 1909 г. Подробнее о нем см.: *Тименчик Р.* Рыцарь-несчастье // Вл. Пяст. Встречи / Сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М., 1997. С. 5—20.

С. 216—217. *Борис Алексеевич Леман (Борис Дикс), после стихов — автор «Книги о Чурлянисе» ... как поступил в антропософы — и раззнакомился.* — Б. А. Леман (1882—1945) в 1907 и 1909 гг. выпустил две книжки стихов под псевдонимом Б. Дикс. Автор книги «Чурлянис» (первое изд.: Пб., 1912; второе: Пг., 1916). С 1916 г. секретарь Петроградского отделения Русского антропософского общества. В середине 1920-х гг. был выслан в Среднюю Азию за приверженность к антропософии.

С. 217. *Евгений Германович Лундберг* — прозаик, критик, издатель. Е. Г. Лундберг начинал свою творческую карьеру среди писателей-модернистов в журнале «Новый путь». Его первая встреча с А. М. Ремизовым состоялась в 1905 г. благодаря дружескому посредничеству философа Льва Шестова. Подробнее см.: Е. Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А. М. Ремизову (1910—1918) / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 314—367.

...когда в Берлине ⟨в⟩ 1922 году сжег книгу Шестова о большевизме, щадя учителя. — В конце 1921 г. Лундберг оказался в центре громкого скандала, потрясшего русскую диаспору в Берлине. Как один из руководителей берлинского издательства «Скифы» он издал в 1920 г. брошюру Льва Шестова

«Что такое большевизм», а затем взял на себя право распорядиться ее судьбой и уничтожил весь тираж. Основным мотивом своего поступка он назвал несовместимость содержания книги с собственными представлениями о русской революции. На этот инцидент Ремизов откликнулся анонимными ироническими заметками, авторство которых не составляло особого секрета. В одной из них на вопрос, якобы заданный корреспондентом Андрею Белому: «Как вы думаете провести ваш эмигрантский досуг?», последовал ответ: «Единственная мечта устроить евразийскую поездку по Европе, Азии, Франции, Италии, вместе с Е. Г. Лундбергом и истребить все книги, какие только есть на белом свете» (Бюллетени Дома Искусств. Берлин. 1922. № 1/2. 17 февраля. С. 34). В другой — помещенной в рубрике «Издатели» — сообщалось: «В Берлине основывается кавкаское ⟨так!⟩ книгоиздательство „К у р а - Т и ф л и с", субсидируемое женевским инженером Я. С. Шрейбером. ⟨...⟩ Предполагаются к изданию грузинские сказки А. М. Ремизова на грузинском и армянском языках. Рукопись тщательно скрывается от Е. Г. Лундберга. Ввиду его близости к этому издательству, опасаются, как бы в припадке любви и боли Е. Г. Лундберг эту рукопись не сжег» (Там же. С. 35). Подробнее см.: Е. Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А. М. Ремизову (1910—1918). С. 318—319; *Обатнина Е. Р.* Лундберг versus И. Гессен: малоизвестные подробности несостоявшегося третейского суда // Зарубежная Россия. 1917—1939. Сборник статей. Кн. 2. СПб., 2003. С. 271—277, а также: *Лундберг Е.* История одной книги (Письмо в редакцию) // Новый мир. 1921. 25 декабря. № 277. С. 6;

Лундберг Е. Записки писателя. 1920—1924. Л., 1930. Т. II. С. 219— 220. Также: Русский Берлин: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз и О. Раевской-Хьюз. Париж, 1983. С. 28—31.

Георгий Иванович Чулков ... автор «Кремнистый путь». — Г. Чулков дебютировал в 1904 г. с книгой стихов и рассказов «Креминистый путь» (московское издательство В. М. Саблина), характеризующейся ярко выраженными мистическими настроениями автора.

Его соперники: Блок, Андрей Белый, Брюсов в «Весах». — Подразумеваются критические статьи, публиковавшиеся на страницах журнала «Весы», направленные против Чулкова как идеолога «мистического анархизма». Подробнее см.: *Чулков Г.* Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 81—107; 376—478.

...он придумал «мистический анархизм»... — Концепция новой философско-эстетической теории изложена в книге Г. Чулкова «О мистическом анархизме», вышедшей в свет со вступительной статьей Вяч. Иванова «О неприятии мира» (СПб.: Факелы, 1906). Подробнее об этом см.: *Чулков Г.* Годы странствий. Из книги воспоминаний. С. 81—88.

...автор «Пересмешника», или «Словенские сказки», «Пригожая повариха» (1770)... — Перечислены сочинения писателя, фольклориста и этнографа М. Д. Чулкова, написанные в жанре плутовского романа, — «Пересмешник, или Славянские сказки» (первые две части книги впервые были отпечатаны типографией Академии наук в Санкт-Петербурге в 1766 г.; третья и четвертая части в 1768 г.,

рукопись пятой части утрачена) и «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» (впервые повесть вышла в свет в Петербурге в 1770 г.).

«Человек, как сказывают, животное смешное, смеющееся, пересмехающее и пересмехающееся». — Цитата из авторского «Предуведомления» к книге «Пересмешник, или Славянские сказки». См.: *Чулков М. Д.* Пересмешник. М., 1987. С. 7.

С. 218. *...Василий Васильевич Успенский* — В. В. Успенский (1876—1930) — профессор Петербургской Духовной академии (1900—1905), один из членов-учредителей Петербургских Религиозно-философских собраний, сотрудник журнала «Новое время».

...по заповеди «Домостроя» попа Селивестра. — Селивестр (Сильвестр) — священник московского Благовещенского собора, политический и литературный деятель XVI в. Важнейшим литературным трудом Сильвестра считается редакция и составление «Домостроя», в котором ему, несомненно, принадлежит 64-я глава «Послание и наказание от отца к сыну», называемая «Малым Домостроем» и отличающаяся преимущественно практическим характером.

С. 220. *...и вскоре мы встретились и без всякого «лакейства», и о «дворецком» как не бывало.* — О знакомстве Ремизова и Дягилева в 1905 г., начавшемся с делового письма Ремизова, написанного по поручению редакции журнала «Вопросы жизни» и подписанного в присущей писателю игровой манере: «дворецкий Вопросов Жизни», см.: Петербургский буерак. С. 260—261.

...«Шестов» псевдоним... — «Каббалистическую» природу своего псевдонима Шестов разъяснил в разговоре с А. З. Штейнбергом: «...мой псевдоним

как трехцветный флаг. Три языка в одном слове Ш-ест-ов. „Ш" — заглавная буква немецкого Шварцмана (черного человека). „Ест" — est — есть. А „ов" 〈...〉 древнееврейский патриарх, родоначальник. А шарада в целом: „Ш", т. е. Шварцман Второй есть Патриарх!» (*Штейнберг А. З.* Литературный архипелаг / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. Н. Портновой и В. Хазана. М., 2009. С. 266). Из рассказа философа следует, что псевдоним был придуман им еще в гимназии.

...хозяин московской харчевни — Кузьма Шестов... — Подразумевается герой очерка Г. И. Успенского «Старьевщик» (1863).

С. 221. *...огромадный том Куно Фишера, Гегель.* — Речь идет о двух полутомах, выпущенных Д. Е. Жуковским под общим титульным заголовком: Куно Фишер. История новой религии. Т. 8. — Фишер Куно. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1902—1903. Первый полутом: Жизнь и сочинения; учение: феноменология, логика, философия природы, философия духа. Пер. с 1-го нем. изд. пр.-доц. Н. О. Лосского. 1902. Второй полутом: Учение: философия истории, эстетика, философия религии, история философии. Характеристика и критика философии Гегеля. С портретом Гегеля. 1903.

...никаких бобов... — Аллюзия на ряд легенд о Пифагоре, первом из древнегреческих мыслителей назвавшим себя философом. По учению Пифагора, основанному на идее о переселении душ, бобы являлись запретной пищей.

...обезьяньей палаты еще тогда не было, но она будет... — История знаменитой литературной игры, получившей название «Великая и Вольная Обезьянья

Палата», восходит к 1907—1908 гг., когда создавалась пьеса «Трагедия о Иуде принце Искариотском», однако развитие и утверждение документальной истории этого литературно-мифологического произведения Ремизова начинается с 1916 г. Подробнее см.: Обатнина : 2001.

С. 223. *Свою ученую специальность он не применил...* — После окончания Лейпцигского коммерческого института (агрономическое отделение философского факультета) М. М. Пришвин в 1903—1906 гг. работал агрономом сначала в г. Клин (под Москвой), затем под Лугой (недалеко от Петербурга). Результатом его профессиональной деятельности стала маленькая брошюра «Картофель в полевой и огородной культуре» (на обложке: Сост. агр. М. Пришвин. СПб., 1908). Подробнее биографию Пришвина см. в кн.: *Пришвина В.* Путь к слову. М., 1984. С. 73—111.

...книжку издал Вольф — издание с иллюстрациями. СПб. 1907. — Речь идет о книге: *Пришвин М. М.* В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края. С 66-ю рис. по снимкам с натуры автора и П. П. Ползунова. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, [1907]. Подробнее об истории создания книги см.: *Пришвина В.* Путь к слову. С. 130—135.

С. 224. *...первый отклик на его «Апофеоз» — моя «завитушка» в «Вопросах Жизни».* — Ремизов называет так свою заметку «По поводу книги Л. Шестова „Апофеоз беспочвенности"» (Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 204). Текст этой маленькой рецензии в дальнейшем сыграл знаковую роль, послужив укреплению дружеских отношений, основанных на общих мировоззренческих константах. См. также

первый отклик Шестова на роман Ремизова «Пруд» (редакция 1905 г.) в письме, относящемся к июню 1905 г. (Переписка Шестова. 1992. № 2. С. 144).

С. 225. *...а у Тернавцева — хрестоматия для церковно-приходских школ.* — В 1905—1906 гг. училищный совет Святейшего Синода издал две «книги для чтения» под общим заголовком «Наша школа», автором-составителем которых был В. А. Тернавцев. Эта хрестоматия для младших школьников выдержала двенадцать переизданий (вплоть до 1917 г.).

С. 226. *...рассказ «Богомолье»...* — Рассказ написан в 1905 г., впервые напечатан в журнале «Тропинка» (1906. № 10), впоследствии включен в книгу Ремизова «Посолонь» (1907).

...в «Новом времени» — В. В. Розанов, а в «Русском Слове» — В. Варварин. — Подразумевается одновременное сотрудничество Розанова в печатных органах, противостоящих по политическим направлениям: газета «Новое время» (1868—1917) стояла на последовательно консервативных позициях, в то время как «Русское слово» (1895—1918) с 1898 г. выражала взгляды либеральных слоев русского общества. Работа Розанова «на два фронта» вызвала возмущение сотрудников «Русского слова» (Д. С. Мережковского и Д. В. Философова), которые в 1911 г. обвинили философа в «двурушничестве» и потребовали от издателя И. Д. Сытина его изгнания из газеты. Последняя статья Розанова в «Русском слове», подписанная псевдонимом «В. Варварин» (от имени его второй жены В. Д. Бутягиной), называлась «О происхождении некоторых типов Достоевского (Литература в переплетениях с жизнью)» (1911. 15 ноября. № 263).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК — Центр русской культуры Амхерст-Колледж (Amherst Center for Russian Culture). Амхерст, Массачусетс. Архив А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва.

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, Москва. Отдел рукописей.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург. Рукописный отдел. Литературный музей.

Прага — Литературный архив Музея национальной литературы, Прага. Фонд Н. В. Зарецкого.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва. Отдел рукописей.

РНБ — Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Отдел рукописей и редких книг.

Собр. Резниковых — Собрание семьи Резниковых, Париж.

Ахру — *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. Ахру. М., 2002.
Богомолов : 2009 — *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М., 2009.
В мире неясного и нерешенного — *Розанов В. В.* В мире неясного и нерешенного. М., 1995.
В нашей смуте — *Розанов В. В.* В нашей смуте. Статьи 1908 г. Письма к Э. Ф. Голлербаху. М., 2004.
В розовом блеске — *Ремизов А.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952.
Взвихрённая Русь — *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. Взвихрённая Русь. М., 2000.
Возрождающийся Египет — *Розанов В. В.* Возрождающийся Египет. М., 2002.
Докука и балагурье — *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М., 2000.
Исследования (1) — Алексей Ремизов. Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1994.
Исследования (2) — Алексей Ремизов. Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003 (Europa Orientalis. 4).
Кодрянская — *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, [1959].
Кузмин — *Кузмин М.* Дневник 1908—1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005.

Легенда о Великом инквизиторе — *Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1997.

Лимонарь — *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 6. Лимонарь. М., 2001.

Листва — *Розанов В. В.* Листва. Уединенное. Опавшие листья. М.; СПб., 2010.

Мимолетное — *Розанов В. В.* Мимолетное. М., 1994.

На вечерней заре (1) — На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1985. IV.

На вечерней заре (2) — На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. 1987. VI.

На вечерней заре (3) — Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. 1990. IX.

О писательстве и писателях — *Розанов В. В.* О писательстве и писателях. М., 1995.

Обатнина : 2001 — *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

Обатнина : 2008 — *Обатнина Е.* А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М., 2008.

Оказион — *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 3. Оказион. М., 2000.

Переписка с С. Я. Осиповым — «В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А. М. Ремизова с С. Я. Осиповым (1913—1923). II. Письмо В. Я. Шишкова к А. М. Ре-

мизову (1921) / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 218—265.

Переписка Шестова — Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступит. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133—169; № 3. С. 158—197; № 4. С. 92—133; 1993. № 1. С. 170—181; № 3. С. 130—140; № 4. С. 147—158; 1994. № 1. С. 159—174; № 2. С. 136—185.

Петербургский буерак — *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. М., 2003.

Письма Иванова-Разумника — Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона / Вступ. заметка Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. СПб., 1998.

Письма к Лутохину — Письма А. М. Ремизова к Д. А. Лутохину (1923—1925) / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009.

Письма к Щеголеву (1) — Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902—1903) / Вступ. статья, подгот. текстов и коммент. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999.

Письма к Щеголеву (2) — Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 2. Одесса. Херсон. Одес-

са. Киев (1903—1904) / Публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002.

Письма Пришвина — Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3.

Плачужная канава — *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 4. Плачужная канава. М., 2001.

Подстриженными глазами — *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000.

Признаки времени — *Розанов В. В.* Признаки времени. М., 2006.

Пруд — *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 1. Пруд. М., 2000.

Религия и культура — *Розанов В. В.* Религия и культура. М., 1990.

Розановская энциклопедия — Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 2008.

Сахарна — *Розанов В. В.* Сахарна. М., 1998.

Розанова — *Розанова Т. В.* «Будьте светлы духом»: (Воспоминания о В. В. Розанове). М., 1999.

Уединенное — *Розанов В. В.* [Соч.]. Т. 2. Уединенное. М., 1990.

Фидлер — *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждениия / Вступ. статья, сост., пер. с нем., примеч., указатели и подбор илл. К. М. Азадовского. М., 2008.

Pro et contra — В. В. Розанов: Pro et contra / Сост. Фатеев В. А. В 2 кн. СПб., 1995.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Настоящий Указатель не включает многочисленные упоминания А. М. Ремизова, а также имена, образующие названия книг и топографические названия, и имена, представленные в Ветхом и Новом Заветах. Курсивом обозначены страницы раздела «Приложения».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

Фронтиспис. Алексей Михайлович Ремизов. 1922.

Фотография. Berlin. Charlottenburg. 1922. ИРЛИ. Литературный музей.

Бакст Л. Портрет философа В. В. Розанова.

1901. Пастель, гуашь. Третьяковская Государственная галерея.

Алексей Михайлович Ремизов.

Фотография В. И. Ясвоина. 1907. СПб. ИРЛИ. Литературный музей.

Сабашникова М. В. Портрет А. М. Ремизова.

Январь 1907. Картон, соус, итальянский карандаш. ИРЛИ. Литературный музей.

Городецкий С. М. Отцы мифотворцы. 〈М. А. Кузмин, Вяч. И. Иванов, А. М. Ремизов, С. М. Городецкий〉.

Карикатура. 1908. Бумага, тушь. ИРЛИ. Литературный музей. Фотография Алексея Савкина.

---

* В издании использованы фрагменты каллиграфии и рисунков А. М. Ремизова.

Ремизов А. М. Натуся с ведьмедюшком.

17 июня 1905 г. СПб. Рис. Бумага, карандаш, тушь. РГАЛИ.

Кругликова Е. Н. А. М. Ремизов на «Среде» у Вяч. Иванова в феврале ⟨?⟩ 1906 г.

Карикатура. ⟨1906⟩. Репродуцирована в журнале «известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии». 1910. № 11. С. 304 (статья В. Книна «Ремизов в карикатурах»).

Письмо В. В. Розанова к А. М. Ремизову из альбома «Розанов».

1908. The Houghton Library. Harvard University. USA.

Письмо В. В. Розанова к А. М. Ремизову из альбома «Розанов».

1907. 25 октября. Копия рукой А. М. Ремизова. Фрагмент. The Houghton Library. Harvard University. USA.

Городецкий С. М. Шарж на Вяч. Иванова.

1907. Бумага, тушь. ИРЛИ. Литературный музей.

Городецкий С. М. Шарж на А. М. Ремизова.

1907. Бумага, тушь. ИРЛИ. Литературный музей.

Грабовский И. М. Шарж на А. М. Ремизова.

1908. Картон, тушь, белила. ИРЛИ. Литературный музей.

Ре-ми ⟨Н. В. Ремизов, наст. фам. Васильев⟩. Шарж на В. В. Розанова.

1909. Репродуцирован в журнале «Сатирикон». № 50. С. [12].

В. В. Розанов.

Фотография ателье «Léon & C°». 1910. СПб. ИРЛИ. Литературный музей.

Розанов В. В. Точное изображение барышни.

Рис. Копия рукой А. М. Ремизова; наклеена в авторский экземпляр берлинского издания «Кукхи». Бумага, чернильный карандаш. ИРЛИ. Рукописный отдел.

Алексей Михайлович Ремизов.

Фотография К. Буллы. 1911. СПб. Центральный государственный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга.

В. В. Розанов.

Фотография. 20 апреля 1916.

Ремизов А. М.

Рис. на обложке приготовленного им списка «Жития Моисея Угрина». Бумага, чернила. РГАЛИ.

Неизвестный автор.

Рис. в книге В. В. Розанова «Когда начальство ушло» (СПб., 1910).

Ремизов А. М. «Обезьянья грамота» П. Е. Щеголеву.

26 января 1917 г. СПб. Бумага, красный карандаш, чернила, тушь. ИРЛИ. Рукописный отдел.

Подпись В. В. Розанова на «Обезьяньей грамоте» П. Е. Щеголеву.

Фрагмент. ИРЛИ. Рукописный отдел.

Ремизов А. М. Рисунок в альбоме «Именной графическом полупряник Тырло. 550 снов». Париж.

Внизу подпись: «Раскрылась стена и мне видно сад и кто-то говорит: скончался Василий Васильевич Розанов. 22—23 XII. 1933 г. Paris». Бумага, чернила, цветной карандаш. ИРЛИ. Рукописный отдел.

Розанов В. В. Надпись на бандероли с экземплярами книги «Апокалипсис нашего времени», адресованной А. М. Ремизову.

⟨1 июня 1918⟩. ИРЛИ. Рукописный отдел.

Ремизов А. М. Инскрипт на авантитуле первого зарубежного издания книги В. В. Розанова «Легенда о Великом инквизиторе» (Берлин: Разум, 1924).

15 марта 1924. Париж. Собр. Резниковых. Текст инскрипта: «15-го марта 1924 / Paris / В день поновления, так в старину называли / в первый, „как лето" / весенний теплый день / Шел я в Родник (да родник необыкновенный / на верхотуре и скорее подходило / бы „Фонтан") / думал о Розанове. / — Что есть Бессмертного в человеке? / Бессмертное в человеке / — любовь ⟨Алексей Ремизов⟩».

Ремизов А. М. Портрет В. В. Розанова.

25 ноября 1931. Париж. Бумага, графитный и цветные карандаши. Бахметьевский архив. Нью-Йорк. USA.

СОДЕРЖАНИЕ

КУКХА. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

А. Ремизов

КУКХА. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *И. Е. Петросян*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Л. Д. Колосова* и *Ф. Я. Петрова*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 23.03.11. Подписано к печати 24.10.11.
Формат 70 × 90 $^1/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Академия. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23 5.
Уч.-изд. л. 21.0. Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 4018. С 208

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ

В книге воспроизводится изданный в Санкт-Петербурге в 1828 году конволют, содержащий две повести в стихах: «Бал» Е. А. Баратынского и «Граф Нулин» А. С. Пушкина. Издание малого формата серии обогащено подборкой иллюстраций к «Графу Нулину», выполненных русскими художниками XIX—XX вв. Книга включает статью о творческой истории двух повестей и комментарии.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Сервантес Мигель де Сааведра

ВОСЕМЬ КОМЕДИЙ И ВОСЕМЬ ИНТЕРМЕДИЙ

Новый русский перевод драматических произведений Сервантеса, опубликованных автором в 1615 г. в Мадриде под названием «Восемь комедий и восемь интермедий, новых и ранее не представленных», знакомит русского читателя с ранее неизвестным ему пластом творчества испанского классика. Пьесы эти составляют, бесспорно, оригинальное художественное единство с изощренной композицией и большим имплицитным теоретическим заданием. Драматургия Сервантеса освоена русским культурным сознанием в значительно меньшей степени, чем «Дон Кихот», и даже в меньшей, чем «Назидательные новеллы», хотя речь идет о драматургическом откровении, столь же значимом для начала Нового времени, как и обоснование жанровых новаций Мольером в его «Версальском экспромте». Одновременно следует сказать, что мы располагаем классическим переводом интермедий, выполненным А. Н. Островским. Перевод этот является тройным литературным памятником — сервантесовским, ибо интермедии задуманы автором как художественное и теоретическое целое, памятником творчества Островского как переводчика и драматурга и, наконец, памятником ранней русской испанистики.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Джон Китс

ПИСЬМА. 1815—1820

Письма одного из самых знаменитых поэтов европейского романтизма представляют немаловажный литературный и исторический интерес. Они являют собой редкий пример непреднамеренно созданной автобиографической повести, подкупающей искренностью, непосредственностью чувства и пытливостью мысли, прикованной к поэзии, к тайнам искусства, к долгу поэта в мире, во многом ему враждебном. По мнению ряда английских критиков, письма Китса не менее талантливы и выразительны в изображении внутренней жизни молодого поэта, чем его стихи и поэмы. Письма Китса остаются неоценимым свидетельством духовных исканий лучших умов в драматическую эпоху становления новой культуры. Письма Китса одних читателей заинтересуют высказанными в них теоретическими, философскими, эстетическими идеями, а других — живостью и эмоциональностью непосредственно воспринятых впечатлений от окружающей действительности. Полный перевод всего свода писем Китса осуществлен в России впервые. Книга снабжена обстоятельным справочным аппаратом: комментариями, биографическими сведениями, указателями и статьей, оценивающей творчество Китса и его место в английской поэзии.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТА»

ФРАНЦУЗСКАЯ БАСНЯ И ЭПИГРАММА

Начиная с античности басня и эпиграмма, бок о бок, совершили удивительный многовековой марафон. Достигнув Франции, они заняли на ее Олимпе одно из самых почетных мест. Еще в XV веке составил себе известную эпиграмматическую эпитафию Франсуа Вийон. По-настоящему же эпиграмму и басню открыл для французов Клеман Маро, продолжавший в поэзии старые традиции и сочетавший их с новыми веяниями. В следующем XVII столетии лучшим баснописцем всех времен и народов стал Лафонтен, а в эпиграмме всех превзошли великие драматурги Расин и Корнель и сатирик Буало. В XVIII, «золотом веке» французской эпиграммы, неподражаемыми были Вольтер, Ж.-Б. Руссо, Пирон, а честь басни защищал Флориан, в XIX веке острословам не уступал Лебрен-Пиндар, в басне новые ходы нашел Антуан Арно, в XX веке несколько веских острот преподнес крупнейший поэт Аполлинер, а корифей драматургии Жан Ануй выпустил целую книгу своих новаторских басен. Оба жанра, басня и эпиграмма, признанные жемчужинами французской литературы.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, пр-т Независимости, 72; (код 10-375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»); (код 3832) 30-09-22
142292 Пущино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»); (13) 3-38-60
443022 Самара, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65 бук 273-13-98
197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64

199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85